

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: СИМБИОЗ НАУКИ И ПРАКТИКИ

**Посвящается памяти
заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора
Витрука Николая Васильевича**

Белгород, 2025

ББК 67.400
УДК 342
К 65

Ответственный редактор –
профессор М.В. Мархгейм

Рецензенты:

Профессор Аристов Евгений Вячеславович (Пермь)
Профессор Таболин Владимир Викторович (Москва)

К 65 Конституционализм: симбиоз науки и практики : Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука (Белгород, 14 ноября 2025 г.). – Белгород: ООО «ГиК», 2025. 403 с.

ISBN 978-3-98939-086-7

В настоящем издании систематизированы материалы Международной научно-практической конференции, а также цикла иных научных мероприятий, ежегодно проводимых в Юридическом институте Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ») в знак уважения и памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора, почетного профессора НИУ «БелГУ» Витрука Николая Васильевича.

Материалы адресованы всем, кто интересуется научными и практическими проблемами конституционализма.

ISBN 978-3-98939-086-7

СОДЕРЖАНИЕ

Тонков Е.Е.	КОНСТИТУЦИОННО-СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ НА ЗАЩИТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН	8
Мархгейм М.В.	ПОКОЛЕНИЯ В КАНВЕ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА	18
Беляев В.П.	ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ: СУЩНОСТНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	26
Беляева Г.С.	АКТУАЛИЗАЦИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	29
Куксин И.Н.	ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА	33
Нифанов А.Н.	ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ОБЩИЕ ИЛИ СПЕЦИАЛЬНЫЕ?	41
Новикова А.Е.	КОНЦЕПЦИЯ ПРАВООЩИТНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ	50
Стус Н.В. Гаврилина Т.А.	ПЕРСПЕКТИВЫ ЭФФЕКТИВНОГО ТРУДОУСТРОЙСТВА КАК ОСНОВНОГО РЕЗУЛЬТАТА ПОЛУЧЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	54
Баматкириева С.Х.	ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ ТЕХНОЛОГИИ СУДЕБНОГО ПРАВООПРЕДЕЛЕНИЯ	58
Баринев Э.Э.	ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНСТИТУЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПРАВОСУДИЯ	62
Барсова Е.Р.	РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВРЕДНОЙ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ИНФОРМАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ГРАЖДАН	69
Безуглый С.Н. Андреева Е.О.	ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРАВО НА РАЗВИТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	74
Белоцеркович Д.В.	ВКЛАД КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАЗВИТИЕ НАГРАДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	78
Богатырев М.Р.	ПРИРОДА ЭКСТРАОРДИНАРНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	83
Гелуненко В.В.	РАКУРСЫ СВОБОДЫ В КОНСТИТУЦИЯХ РСФСР	86
Гетьман К.А. Асауляк Д.Е.	ТЕХНИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ВИДЫ И ОСОБЕННОСТИ	93

Косолапова Н.А. Куценко М.В.	РОЛЬ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЕДИНООБРАЗΙΑ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	97
Мирошников Е.В. Алексеева Ж.Д.	«ЗЕЛЕННЫЕ» НАЛОГОВЫЕ РЕФОРМЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ	101
Нгатеио Акони Шани П.	ЗАЩИТА ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В АФРИКЕ	108
Никонова Л.И.	ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН В СУБЪЕКТАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	115
Першина Е.А.	ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ В ЭПОХУ ПУБЛИЧНОСТИ: КОНСТИТУЦИОННЫЙ ИДЕАЛ И МЕДИЙНАЯ ПРАКТИКА	122
Сахно Ю.А.	АНТИИСКОВЫЕ ЗАПРЕТЫ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ	127
Тураева Д.С.	ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА	133
Федоров М.В.	ЖАН-ЖАК РУССО ОБ ОБЩИХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСАХ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ ИНТЕРЕСА	136
Черенкова А.И.	ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОПРЯЖЕНИЯ	141
Ярошук И.А. Фильчаков А.Р.	СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПРАВИЛА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ	146
Агарков Д.Е.	ПУБЛИЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	150
Артыков Д.З.	КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУТОВ АМНИСТИИ И ПОМИЛОВАНИЯ В СТРАНАХ СНГ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРИНЦИПОВ ДЕМОКРАТИИ, ГУМАНИЗМА И ЗАКОННОСТИ	157
Билык К.В.	СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ФЕНОМЕНА ВОСПИТАНИЯ В РОССИИ	161
Бойченко Е.М.	ТИПОЛОГИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ СОГЛАСОВАННОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ	171

Бородаенко Н.В.	ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ СТАНДАРТОВ	176
Власова У.А.	ОПЫТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ СНГ	181
Гафуров Д.В.	ГАРАНТИИ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН: МЕХАНИЗМЫ ПРИРАЩЕНИЯ	185
Елизаров Е.Д.	СОДЕРЖАНИЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД	190
Игнатов Д.А.	ГОСУДАРСТВО КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ГЕНЕЗИСА БЕЗОПАСНОСТИ В ПЕРИОД АНТИЧНОСТИ	193
Мандриков А.Ю.	БЛОКИРОВКА БАНКОВСКИХ КАРТ В ЦЕЛЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ: БАЛАНС ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ И ПРАВ ДОБРОСОВЕСТНЫХ УЧАСТНИКОВ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ	198
Мошкин И.А.	КОНСТИТУИРОВАНИЕ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ В СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	205
Недовизин А.Н.	СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	211
Нестерович А.В.	СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕФИНИЦИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРОТИВОБОРСТВОМ И ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕМ СУБЪЕКТОВ В РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЯХ ПРАВА	215
Притулина И.Ю.	ПРАВООГРАНИЧЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	219
Трухан Р.П.	ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕГУЛЯТИВНЫХ И ОХРАНИТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	224
Хайруллин Т.В.	РЕГУЛЯТИВНЫЕ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В ПРИВАТНОСТЬ ЖИЗНИ ЧАСТНЫХ ЛИЦ	229
Халилова Д.Г.	РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН В 1991–2003 ГГ. ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ	236

Цеплина Т.Д.	САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПУБЛИЧНЫХ ОРГАНОВ: ПОНЯТИЙНЫЕ ТРАКТОВКИ И СОПРЯЖЕНИЯ	241
Шаповалов А.А.	ПОЛИТИЧЕСКОЕ УБЕЖИЩЕ: ПРАВОЗАЩИТНЫЕ АСПЕКТЫ	248
Бершадская А.А.	ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КАК УГРОЗА ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО- ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ	254
Борисова В.Е.	ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АРГУМЕНТЫ «ЗА» И «ПРОТИВ»	260
Волжина Е.А.	ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ МАЛОМОБИЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ	265
Дороганова А.М.	ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГРАЖДАН В РОССИИ	270
Доронин М.А.	ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН, НАСИЛЬНО УДЕРЖИВАЕМЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ	275
Заика В.Ю.	ЗАЩИТА УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРАВ ЛИЦ БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА	284
Коваль А.Э.	КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ И ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О ЕЕ СОСТОЯНИИ	291
Козлова Ю.С.	БИОМЕТРИЧЕСКИЕ БАЗЫ И СИСТЕМЫ РАСПОЗНАВАНИЯ ЛИЦ В РОССИИ: ПРИВАТНОСТЬ И ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ	296
Коломиец В.А.	ПРИОРИТЕТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ	300
Кондратюк С.В.	ЗАКОН-ИСКЛЮЧЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОПРАВОК К КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	306
Конев К.В.	РОССИЙСКОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ	310

Коньшина Н.С.	РАЗВИТИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ ДЛЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ РЫНКОВ И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	316
Коськова А.И.	ПРИЗНАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАДНАЦИОНАЛЬНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО АРБИТРАЖА БРИКС В УСЛОВИЯХ РАЗЛИЧНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ	321
Коськова А.И.	РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 2025 ГОДА: ВЛИЯНИЕ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР	331
Мунши Э.А.	КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	341
Севостьянова А.О.	НАРОДОВЛАСТНЫЙ МЕХАНИЗМ ВНЕСЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВОК: ОПЫТ РОССИИ	353
Севостьянова А.О.	РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАЗВИТИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ ЛИЧНОСТИ	362
Сойников Д.О.	ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТАЙНОГО ГОЛОСОВАНИЯ КАК КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА	367
Ткаченко Е.В.	ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ В БЕЛГОРОДСКУЮ ДУМУ VIII СОЗЫВА	374
Чеченева В.В.	ПОДСЧЕТ ГОЛОСОВ И СОСТАВЛЕНИЕ ПРОТОКОЛОВ НА ВЫБОРАХ: ПРОБЛЕМЫ СТАДИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	380
Швайгер А.Н.	РОЛЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ НОРМЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОМ ОТНОШЕНИИ К ЖИВОТНЫМ, НАХОДЯЩИМСЯ В ЗОНЕ ПРОВЕДЕНИЯ СВО, ИЛИ ПРИ ИХ ЭВАКУАЦИИ	385
Яровая К.Р.	МЕТАВСЕЛЕННЫЕ В ФОКУСЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА	395
Равбышко Р.В.	КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	398

Тонков Евгений Евгеньевич
директор Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (НИУ «БелГУ»)
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННО-СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ НА ЗАЩИТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Аннотация. В статье обосновывается необходимость совершенствования конституционно-судебного контроля как эффективного средства защиты социальных прав граждан, рассматривается классификация различных форм контрольной деятельности, показана роль гражданского общества при осуществлении государством контрольных полномочий.

Ключевые слова: Конституция, государство, право, правовое регулирование, судебно-конституционный контроль, гражданское общество, юридическая форма.

Н.В. Витрук: «Основным ориентиром и приоритетом в конституционно-правовой политике служит человек, его потребности и интересы, достоинство личности, ее права и свободы» [1, с. 260].

Выдающийся российский правовед и государственный деятель, судья Конституционного Суда Российской Федерации и исполняющий обязанности его Председателя в 1993-1995 гг. Николай Васильевич Витрук, с которым мне выпало счастье не только быть знакомым, но и дружить в течение ряда лет, до самой его внезапной кончины в августе 2012 года, поистине оказал уникальное воздействие на развитие белгородской научной школы конституционалистов. Заложенные им классические университетские традиции успешно продолжают доктором юридических наук, профессором, заслуженным работником высшей школы Российской Федерации Мариной Васильевной Мархгейм и ее учениками, свидетельством чему являются ежегодные конференции памяти Н.В. Витрука и предлагаемый читателю сборник научных трудов.

Николай Васильевич называл конституционное право не просто вершиной российского права, но и настаивал на его надотраслевом характере. Он являлся оригинальным, смелым и достаточно часто безапелляционным мыслителем, принципиальным критиком как решений Конституционного

Суда, так и произведений своих коллег. Чего только стоят его резкие слова о том, что «Конституционный Суд подстраивается под генеральную политическую линию, все более встраиваясь в «вертикаль власти»» [1, с. 561].

Н.В. Витрук выводил формирование конституционно-уставного правосудия на уровень общегосударственной задачи, обосновывал необходимость принятия федерального конституционного закона о конституционных (уставных) судах, а игнорирование этой проблемы квалифицировал как конституционное правонарушение.

Поэтому в современных обстоятельствах нам, да и России в целом, не хватает столь яркого и независимого ученого и политика, который неоднократно выносил в публичную плоскость свою независимую оценку той или иной ситуации, рассматриваемой в Конституционном Суде, в виде собственной правовой позиции (особого мнения).

Очевидно, что оптимистические заявления чиновников и проправительственных политологов о минимальном воздействии санкционного давления на Россию во многом продиктованы конъюнктурными соображениями. На самом деле его последствия в ближайшие несколько лет не только будут отражаться негативным образом на отечественной экономике, но и определять наши приоритеты в формировании социальной политики. Вполне закономерно, что происходящие геополитические изменения и инициированный ими мировой финансовый передел еще не завершены, носят системный характер и достаточно быстро проникают во все сферы человеческого бытия, включая и наше мышление, вследствие чего неожиданно обретают общеполитическое звучание.

При всем различии в осуществлении социальной политики в различных субъектах федерации и на федеральном уровне можно с уверенностью зафиксировать наличие общих (системных) проблем:

- узковедомственный и отраслевой подход в работе с населением;
- информационная «бравлада» и популизм в освещении эффективности федеральных и региональных проектов и программ социальной политики в субъектах;
- разобщенность и отсутствие общих подходов в работе органов государственной власти и органов местного самоуправления;
- нескоординированность деятельности различных федеральных ведомств;
- отсутствие реалистичной государственно-национальной идеологии воспитания и социального развития молодежи;
- недостаточный фактический статус и полномочия депутатских комиссий по сравнению с органами исполнительной власти;

- нескоррелированность государственных и муниципальных социальных нормативов и стандартов социальной поддержки населения в особый период;
- слабость государственного контроля за расходованием бюджетных ассигнований и фактической реализацией социальных программ и проектов в субъектах федерации.

Несовершенство осуществления контрольных полномочий со стороны государственных (федеральных и региональных) органов, муниципальных органов власти зависит от ряда факторов: поиска и создания оптимальной модели управления, интеллектуального и кадрового потенциала, информационного обеспечения, ресурсов бюджетного финансирования, материально-технической базы.

Обязательным условием эффективности государственной контрольной деятельности является активная фактическая поддержка руководством субъектов Российской Федерации и муниципальных образований федерального курса на стабилизацию, что тем более необходимо в ситуации, когда субъектность населения в поддержке государственной воли во многом зависит от его социального благополучия.

Аргументы руководителей субъектов федерации о трудностях в связи с ограничением бюджетных возможностей для решения социальных проблем населения нельзя признать состоятельными. Следует приводить в движение имеющиеся ресурсы, комбинируя их применение с учетом приоритетов, осуществлять так называемый «бюджетный передел», тем более что решать свои личные проблемы даже в период специальной военной операции многие чиновники научились вполне успешно, о чем свидетельствуют публикации в средствах массовой информации. В результате социальные проблемы для большинства людей не только не разрешаются, но и нарастают.

Для любого общества, независимо от степени его развития, характерны разногласия, которые затрагивают принципиальные стороны, проблемы жизнедеятельности государства. Их конструктивное разрешение выводит общество на новый, более высокий и эффективный уровень развития, а при определенных условиях может выполнять интегративную функцию, способствовать сплочению населения, стимулировать наиболее эффективный выход из проблемной ситуации. События специальной военной операции отчетливо показали востребованность концепции сильного государства и значимость принципа суверенитета.

Анализ теоретических проблем развития и совершенствования юридических форм государственной деятельности в современных условиях позволяет говорить о том, что сущность всех форм деятельности государства,

в том числе и контрольной, основана на предписаниях права и всегда влечет наступление определенных правовых последствий.

В подходе к социальным правам и их конституционно-судебной защите проявляется специфика правового демократического государства. Как подчеркивает В.Д. Зорькин, «в силу конституционного принципа социальной справедливости существует настоятельная необходимость – с учетом относительно низкого уровня жизни большинства граждан – особого внимания к защите социальных прав» [2, с. 57].

Эффективный контроль позволяет судить о фактическом положении дел, о том, как осуществляется исполнение законов и подзаконных актов, различных ведомственных инструкций и положений. Контрольная информация играет большую роль в организации деятельности системы органов исполнительной власти, определении профессионального мастерства и юридической грамотности управленческих кадров, повышает их отдачу в организации процесса управления.

При этом, по словам В.Д. Зорькина, «органы конституционного контроля являются, таким образом, «воротами конституционализации» новых общественных отношений, в которых содержатся вызовы конституционно-охраняемым ценностям» [2, с. 49].

Центральное место в государственной деятельности всегда занимает работа с населением, его воспитание, стимулирование, учет социально-психологических аспектов, личностных качеств. В деятельности государственных служащих органически должны сочетаться теория и искусство управления, основанного на комплексной реализации всех его функций. С точки зрения государственного управления сущность контроля состоит в наблюдении за деятельностью контролируемого объекта в целях обеспечения ее соответствия выполнению поставленных субъектом задач.

По мнению Н.В. Витрука, «в системе правовых ценностей и идеалов в формирующемся демократическом обществе и правовом государстве на одно из первых мест выходит осознание должностными лицами государства, местного самоуправления, работниками правоохранительных и других органов, всем населением конституции как основного (высшего) закона в государстве, отражающего основные правовые принципы, закономерности и достижения общественного прогресса» [3, с. 265].

В настоящее время государством предпринимаются шаги к укреплению деформированных звеньев системы социального контроля и организации ее деятельности, исходя из новых реалий. Одним из достаточно сложных барьеров на данном пути является падение авторитета органов государственной власти в субъектах, утрата доверия и уважения к ним со

стороны значительной части населения. Этот феномен обусловлен неудовлетворенностью обществом не столько содержанием и объемом компетенции, сколько качеством реализации социальных программ, которое переживает процесс перманентного снижения. Личность и государство нельзя рассматривать как иерархическую совокупность общественного организма. Это «равноправные партнеры» в своеобразном общественном договоре. Конституция базируется на признании естественных и неотъемлемых прав человека, которые не могут нарушаться государством в принимаемых им законах и порождают обязательства для законодательной, исполнительной и судебной властей как непосредственно действующее право. Очевидно, что право может быть реализовано только тогда, когда ему корреспондирует обязанность государства или другого лица (органа) его обеспечить.

Общая характеристика контрольной формы как элемента научного управления обществом в функциональном аспекте отражает одну из сторон управления социальными процессами. Однако контрольная форма имеет свое самостоятельное место в системе способов осуществления государственного руководства обществом, и в этом плане необходимо рассматривать контроль как специфическую юридическую форму, которая, как и другие, имеет свое социальное значение и соответствующие функции.

О.Ф. Шабров полагает, что «развитие всякой общественной системы связано с расширением границ и повышением эффективности социального контроля» [4, с. 9]. Способами (разновидностями) такого контроля в гражданском обществе выступают основные формы общественного же сознания, а именно: религия, мораль, политика и право.

Право, как справедливо отмечено Г.В. Мальцевым, представляет «отдельную сферу соционормативной культуры общества, специфический вид социальной регуляции, способ организации, контроля и защиты поведения людей» [5, с. 6].

Происходящие события налагают особую ответственность на судебно-конституционный контроль в социальной сфере, поскольку именно с ней связаны как восприятие населением эффективности реформ, так и ситуативный и перспективный анализ развития общества. Без контроля невозможно удостовериться в достижении (либо уклонении) намеченной цели. Поэтому целью самого контроля является сверка (сопоставление, сравнение) идеального образа с фактически полученным результатом. Ценность (аксиология) контроля заключается в том, что он позволяет достаточной степенью уверенности судить о достижении намеченной цели, равно как и в том, что контроль позволяет своевременно принять решение и

скорректировать процесс деятельности в случаях его отклонения от идеала (цели).

Судебной защите подлежат любые права и свободы, в каком бы документе они ни были закреплены: Конституции, отраслевых законах, других нормативных или индивидуальных правовых актах. Это следует из смысла ч. 1 ст. 55 Конституции Российской Федерации, установившей, что сам факт перечисления в ней основных прав и свобод не должен толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.

Конституция предусматривает целый комплекс правовых норм, определяющих сущность судебной защиты как юрисдикционного института правового государства. Она определяет направления судебной защиты, основные права и свободы, подлежащие защите, виды соответствующей судебной деятельности и гарантии законности реализации судебной защиты.

Как подчеркивает Е.А. Маштакова, «предметом государственного контроля являются процессы и явления действительности, рассматриваемые с точки зрения их возможного несоответствия намеченным целям, программам, правовым нормам, а также разнообразным интересам общества и его субъектов» [6, с. 29].

Контроль – это и специальная деятельность субъектов управления, наделенных полномочиями по осуществлению действий, направленных на выявление отклонений в работе подконтрольных субъектов. Судебно-конституционный контроль обеспечения надлежащей защиты социальных прав граждан предусматривает непосредственную и конечную цели. При этом его непосредственной целью является выявление, предупреждение и пресечение субъектами общественных отношений (контроля) установленных требований нормативных правовых актов (правил).

Как отмечает М.В. Мархгейм, негативная ответственность российского государства за нарушения конституционных прав и свобод человека, допущенные представителями власти, отличается от позитивной тем, что в ее основе лежит бесспорный факт конституционного деликта, т.е. негативный факт реальной действительности, доказанный и соотнесенный с конкретным публичным субъектом, а также причиняющий ущерб человеку, его правам и свободам [7, с. 186].

Конечная цель контроля, по мнению А.П. Гуляева, совпадает с теми целями, которые преследует само правовое и организационное регулирование деятельности, поведения и стандартов, которые призваны оградить личность, общество и государство от различных негативных последствий в результате

той или иной деятельности обеспечить их безопасность, законные интересы, права и свободы субъектов общественных отношений [8, с. 7].

Достижение поставленной цели является содержанием судебно-контрольной деятельности. В.Г. Бессарабов основной целью государственного контроля называет обеспечение государственной исполнительной дисциплины, единства решения и исполнения, предупреждение возможных ошибок и недоработок в деятельности органов государственной власти [9, с. 73].

В определении сущности судебно-конституционного контроля различные подходы не столько отражают стремление дать универсальную формулу рассматриваемого понятия, сколько являются следствием рассмотрения данного феномена представителями различных научных направлений – политических, правовых, философских и др. Если целью управления является получение запланированного результата субъектом управления, то цель судебно-конституционного контроля – состояние и поведение субъекта управления и одновременно объекта контроля по реализации им требований нормативных правовых актов, соответствия принятых решений Конституции Российской Федерации. Данная форма решает задачу контролируемости состояния и поведения объектов контроля (например, органов исполнительной власти) в соответствии с установленными требованиями нормативных правовых актов, принятых решений.

Принцип судебно-конституционного контроля можно определить как соответствующее Конституции правило действия субъектов контроля в определенных ситуациях. Данное понятие воплощает юридические, экономические, социальные и другие закономерности сферы контроля и в то же время определяет строгие требования, согласно которым формируется и функционирует система судебно-конституционного контроля в общей системе государственной власти. Принцип судебно-конституционного контроля является конкретизацией характерных особенностей, места и роли контроля в системе организации государственной власти, он основывается на закономерностях управления и служит предметным и индивидуальным выражением контрольного действия. Судебно-конституционный контроль в сфере защиты социальных прав граждан решает задачи исключительно в пределах и порядке, установленном Конституцией или иным нормативным правовым актом.

В.Д. Зорькин обращает внимание, что «социальные права закрепляются Конституцией в качестве непосредственно действующих и подлежат судебной защите...они обязывают законодательную и исполнительную

власти, создают императивную конституционно-правовую основу для проведения социальной политики государства, формирования и развития соответствующих отраслей законодательства» [1, с. 60].

Наличие у Конституционного Суда контрольной функции определяет его компетенцию, которая устанавливается Конституцией и материализуется в его административно-правовым статусе, наличии определенных функциональных обязанностей. Полномочия, таким образом, составляют правовой инструмент, без которого невозможно осуществление контрольных функций.

Мы полагаем, что судебно-конституционный контроль выступает в качестве самостоятельной, функционально обособленной юридической формы государственной деятельности. Ее специфическое назначение позволяет говорить о самостоятельности и обособленности, что дает возможность отделить ее от других юридических форм государственной деятельности не только в научном, но и в организационно-практическом плане.

Таким образом, судебно-конституционный контроль – это юридическая форма государственной деятельности, её практическая реализация, осуществляемая в пределах предоставленных Конституцией полномочий, базирующаяся на соответствующих принципах и применяющаяся для достижения поставленных целей с наибольшей степенью результативности контрольной деятельности. В процессе осуществления судебно-конституционного контроля с целью получения юридически значимых результатов и обеспечения правового регулирования осуществляется аналитическое рассмотрение достоверных сведений о выполнении руководящих предписаний и соблюдении требований нормативных правовых актов, сопровождаемое мерами по предупреждению и пресечению допущенных нарушений в целях обеспечения охраны интересов общества и государства, защиты прав и свобод граждан.

Значительную роль в функционировании и развитии судебно-конституционного контроля в сфере защиты социальных прав граждан играют его комплексные закономерные связи с психологическими феноменами – потребностями, ценностями, интересами населения. Эти феномены являются необходимыми частями процесса формирования права, правоприменения и правореализации.

Ретроспективное исследование литературы показывает, что юридическая форма, в том числе и контрольная, представлена в теории права и как деятельность, и как структура права, и как совокупность источников права, и как процедура, что, на наш взгляд, является свидетельством

нечеткого понимания и поверхностного отношения исследователей к философскому значению категорий «форма», «содержание» и «деятельность».

Звучит как тривиальная истина, что задачи и функции государственной деятельности реализуются в конкретных действиях органов и должностных лиц, ее осуществляющих. Никто не возражает, что эти действия находят внешнее выражение в определенных формах государственной деятельности. Но из этого, безусловно, следует и тот факт, что юридическая форма представляет собой объективированное выражение сущности деятельности органов и должностных лиц, которые осуществляют государственную деятельность. Так как посредством форм практически реализуются задачи и функции государства, то от использования тех или иных форм в значительной мере зависит успех государственной деятельности. Формы призваны обеспечивать наиболее целесообразное выполнение функций государства. Многообразие задач и функций государства обуславливает существование различных форм государственной деятельности, которые предусматриваются законами и иными правовыми актами.

Именно это дает нам основания рассматривать судебно-конституционный контроль не только как юридическую форму государственной деятельности, но и как комплексную юридическую категорию. С помощью судебно-конституционного контроля государство обеспечивает опосредование правом различных неправовых общественных явлений, нуждающихся в юридической регламентации. Кроме того (и это особенно важно!), судебно-конституционный контроль представляет собой способ существования и выражения содержания норм материального права, реализуемый в виде определенной деятельности субъектов правоотношений с соблюдением установленных законом правил и процедур.

Юридическая контрольная форма государственной деятельности соответствует способу правоприменения, виду юридического процесса и характеризует процессуальное урегулирование властной деятельности субъектов при осуществлении соответствующей юридической деятельности. Юридическая деятельность при этом рассматривается как опосредованный правом процесс функционирования соответствующих субъектов, направленный на удовлетворение общественных потребностей, осуществляемый, как правило, на профессиональной основе, путем принятия государственно-властных решений общего и индивидуального характера и являющийся разновидностью социальной деятельности.

Наряду с расширением контрольной деятельности государства в особых условиях, возникает необходимость в уточнении ее содержательного

аспекта. Мы попытались сформировать аргументированную позицию, которая заключается в том, что судебно-конституционная контрольная юридическая деятельность является составной частью механизма правового регулирования, носит процедурно-процессуальный характер, влечет обязательное наступление юридически значимых последствий.

Критерием разграничения судебно-конституционной контрольной деятельности от других юридических форм при их классификации, на наш взгляд, может служить только вид осуществляемой государственной деятельности, так как все остальные, предлагаемые для типологизации (субъекты, объекты и др.) являются менее значимыми и могут использоваться в качестве дополнительных. Определяющее значение для обоснования представленной позиции имеет переосмысление фундаментальных правовых подходов к взаимоотношениям государства и личности, гражданина и права.

Судебно-конституционная контрольная деятельность в сфере обеспечения защиты социальных прав граждан – это не только и даже не столько строгая регламентация, но, в первую очередь, обеспечение соответствующей направленности развития гражданского общества. Новое понимание принципов взаимодействия теории с практикой социального управления, основанное на приоритете человеческих целей и ценностей, является одним из характерных признаков судебно-конституционной контрольной формы государственной деятельности.

Не отрицая в связи с этим значимости совершенствования законодательства, мы полагаем возможным утверждать, что самые точные правовые нормы, как и самое обстоятельное правовое регулирование, не принесут успеха без эффективной государственной политики с участием институтов гражданского общества. Закон, выступая в виде правового символа власти, способен мобилизовать большей частью только государственные структуры, тогда как эффективное государственное управление является общественным и политическим делом. Обязанностью государства является обеспечение стабильности в обществе. Оно регулирует устремления общества в целом, но, кроме того, в государственной деятельности отражаются базовые ценности и ожидания граждан, составляющие органическую основу поддержания режима равновесия и баланса интересов.

Список цитируемой литературы

1. Витрук Н.В. Право, демократия и личность в конституционном измерении: (история, доктрина и практика). Избранные труды (1991-2012). М.: Норма, 2012.
2. Зорькин В.Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб., 2021.
3. Витрук Н.В. Верность Конституции: Монография. Изд-во РАП, 2008.
4. Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. М., 1997.
5. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.
6. Маштакова Е.А. Теоретико-правовые вопросы государственного контроля в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2000.
7. Мархгейм М.В. Защита прав и свобод человека и гражданина в России: опыт системного конституционного осмысления: Монография. Ростов н/Д: Ростиздат, 2003.
8. Гуляев А. П. Контролирующие органы и организации России. М., 2000.
9. Бессарабов В.Г. Прокуратура в системе государственного контроля Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.

Мархгейм Марина Васильевна

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)

заведующий кафедрой конституционного и международного права

доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ПОКОЛЕНИЯ В КАНВЕ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Аннотация. В статье рассмотрены подходы к трактовкам феномена поколения/поколений, его конституированные варианты и контексты, выявленные при анализе ежегодных посланий Президента России за период одного поколения, а именно 2000-2024 гг. Сделан вывод, что в канве российского конституционализма поколения закономерно представлены через идеи, их формализацию и реализацию. Конституирование поколения/поколений произошло исходно (1993 г.) в разряде преамбульных ценностей, дополнительно (2020 г.) закреплено в качестве принципа солидарности поколений. Послания Президента России Федеральному Собранию (2000-2024 гг.) в своем большинстве обращаются к поколениям в контексте преемственности поколений, заботы о старшем поколении,

перспектив молодого поколения, повышения уровня жизни нынешнего поколения и др.

Ключевые слова: поколение/поколения, конституционализм, теория поколений, старшее поколение, молодое поколение.

Конституционализм, понимаемый как процесс выработки конституционных идей, их формализации и реализации, занимает центральное место в конституционно-правовой науке.

Поддерживаем мнение Н.В. Витрука, согласно которому конституционализм «как многоэлементный и многоуровневый феномен, равно как и его понятие, является широким и ёмким» [1, с. 218]. Конкретизируя, он рассматривал конституционализм в качестве научной теории, нормативно-правовой системы, практики реализации конституции и конституционного права в целом, а также конституционно-правового мировоззрения. Применительно к последнему Н.В. Витрук подчеркивал, что в системе правовых ценностей и идеалов на одно из первых мест наряду с уважением прав и свобод человека и гражданина выдвигается также отношение к конституции как к высшему закону в государстве, отражающему основные правовые принципы, закономерности и достижения прогресса [2, с. 3-22].

Поддерживаем позицию Е.Е. Тонкова, что «Ценности не определяют нормы, конкретные параметры и стандарты желаемого государством поведения граждан, а только задают общую направленность деятельности. Ценность фактически санкционирует тот или иной вид деятельности на достижение определенного результата» [3, с. 305].

По словам Н.В. Витрука, «Ценность Конституции состоит в ее содержании, в том, что она закрепляет и гарантирует общеправовые ценности, ценности, имеющие фундаментальное значение для общества, государства, народов России, для каждой личности, т.е. конституционные ценности» [1, с. 168]. Логично объединяя теорию и практику, историю и современность, конституционализм создает фундамент не только для их продуктивного развития, но и для прогнозирования перспектив. В данном аспекте конституционно-мировоззренческий сегмент конституционализма и ценностная характеристика Конституции России поддерживают идею исследования феномена поколений.

Актуальность вопроса, по мнению Е.М. Ожигановой, «очевидна и заключается в том, что так или иначе, поколения являются взаимосвязанными. Предыдущие поколения посредством своей деятельности формируют поколения настоящие, а те в свою очередь, будущие. Таким

образом, для того чтобы понять механизмы передачи навыков, знаний, мировоззрения от одного поколения к другому, ... чтобы проследить тенденции развития общества и научить представителей различных поколений лучше понимать и взаимодействовать друг с другом, необходимо уделить должное внимание изучению данного феномена» [4, с. 94].

Понятие «поколение» произошло от латинского *generatio*, обозначающего зачатие. Соответственно, поколение закономерно рассматривается отдельным звеном в цепи продолжения рода (родители, дети, внуки, правнуки). Распространено понимание поколения в качестве совокупности людей приблизительно одного возраста – старшее поколение, молодое поколение, – в связи с чем логично рассуждать о «преемственности» или «разрыве» поколений. Поколение можно представить и как совокупность людей, представляющих определенный народ, а именно нынешнее поколение. Привязка к календарному исчислению позволяет говорить, к примеру, о поколении 90-х. Поколение может представляться в качестве обобщенного (собирательного) образа основополагающих ценностных черт эпохи/определенного исторического периода.

Толковый словарь Д.Н. Ушакова включает понятие «поколение» «1. В определении родства от родителей к детям. | Совокупность родственников одинаковой степени родства по отношению к общему предку. *Третье поколение. Восходящие поколения.* | перен. Совокупность людей близкого возраста, живущие в данное время. *Сталинское поколение. Молодое поколение. Смена поколений. Будущие поколения...* Из поколения в поколение – 1) по наследству, от отца к детям; 2) по традиции, от старших к младшим [5, с.467].

Советский энциклопедический словарь к раскрытию сути слова «поколение» подступился с нескольких сторон: «... 1) различающиеся по строению, образу жизни, способу размножения и т.п. формы одного организма, сменяющиеся в процессе его жизненного цикла...; 2) группа особей, одинаково отдаленных в родственном отношении от общих предков. Напр., у человека: родители, дети, внуки – 3 последовательных П.; промежуток времени между рождением отца и сына, матери и дочери наз. длиной П (ок. 30 лет); 3) (Демогр.) люди, родившиеся на протяжении, как правило, года; сосуществование и взаимодействие П. образует возрастную структуру населения. 4) В историко-культурных иссл. понятие П. чаще всего имеет символич. смысл, характеризуя участников или современников важных ист. событий (поколения Окт. рев-ции, Вел. Отеч. войны), с общими ориентациями или настроениями («потерянное поколение»)» [6, с. 1024-1025].

Поколениям посвящена целая социальная теория. Интересно, что ее авторы, представляя социально-гуманитарное направление науки, – экономист и специалист в области демографии Н. Хоув и историк В. Штраус – независимо друг от друга в 1991 г. создали так называемую «теорию поколений». Исследователи обнаружили, что «существуют определенные периоды, когда большинство людей обладают сходными ценностями. Такие периоды были названы социальными поколениями» [4].

В философском словаре А. Конт-Спонвиля поколение/génération определено как «Порождение (латинское *generare*; отсюда – генерация); время, необходимое для этого (от рождения индивидуума до появления у него собственных детей, т. е. примерно около четверти века), либо совокупность индивидуумов, рожденных примерно в одно и то же время, следовательно, имеющих приблизительно одинаковый возраст и часто – определенное число общих или близких переживаний, занятий и опыта» [7, с. 207].

По мнению И.Г. Адоньева, поколение есть «символическая общность людей, объединенных не только и не столько датой рождения, сколько переживанием общих современных им исторических событий, создающих самобытное коммуникативное пространство, социокультурные коды и осознающих свое единство и отличие от других сообществ такого рода» [8, с. 6].

Предлагаем рассмотреть феномен «поколение» с конституционно-правовых позиций. Основанием для такого ракурса исследования является включение слова поколение/поколения в конституционный текст.

Итак, действующая Конституция России включает слово «поколение» в нескольких контекстах. В конституционной преамбуле, являющейся «признанным средоточием базовых ценностей России» [9, с. 18], подчеркнуто, что многонациональный народ России принимает Конституцию, «исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями». Из приведенной формулировки можно вычлениить некоторые характеристики «поколения/поколений». Так, «нынешнее поколение» на момент принятия Конституции России можно считать совпадающим с «многонациональным народом». На это указывает употребление слова «нынешнее поколение» в единственном числе. Соответственно, здесь узнается выраженный интегрирующий, единящий смысл слова поколение. Исходя из такого посыла, многонациональный народ=нынешнее поколение есть «самоответственный» субъект конституционно-правовых отношений.

Здесь же, в преамбуле, употребление слова «поколение» во множественном числе в формулировке «будущие поколения» дает основания полагать, что Конституция России 1993 г. мыслилась и принималась не как

«переходный» учредительный документ суверенного государства, а как основа для серьезного государственного строительства. Так, если считать, что средний срок исторической смены поколений приблизительно 25 лет, а минимальное количество множественного числа – 2, то срок, государственного строительства на основе ценностей и принципов, принятых всенародным голосованием в 1993 г., примерно 50 лет. Конечно, это гипотетический, выведенный из преамбульной формулировки срок действия Конституции России. Для сравнения: отечественные конституции 1918, 1925 и 1978 гг. «служили» как основные законы страны меньшие сроки: 7 лет, 12 лет, 15 лет соответственно. И только Конституция РСФСР 1937 имела «срок службы» в 41 год, что равно почти двум историческим поколениям советских российских людей.

В 2020 г. в ходе конституционных поправок через одобрение общероссийским голосованием в тексте базового закона нашей страны появилось еще одно упоминание о поколениях, а именно о «принципе солидарности поколений» (ч. 6 ст. 75), который наряду с принципами всеобщности и справедливости лежит в основе формирования системы пенсионного обеспечения граждан в Российской Федерации.

В формулировке принципа солидарности поколений отражается не только конституированная социальность нашего государства (ст. 7), но и логическое, интегрирующее, преемственное взаимоотношение российских людей.

Применительно к формированию в России системы пенсионного обеспечения поколения имеют преимущественно возрастную характеристику: каждое поколение трудоспособных и трудящихся российских граждан «вкладывается» отчислениями в пенсионный фонд в пользу предшественников, рассчитывая при этом, когда придет их время, получить соответствующую поддержку за счет поколения последующего.

В подобной солидарности поколений проявляется логика и преемственность, скажем так, отцов и детей.

В целях приращения подходов к пониманию роли поколений в государственном строительстве России представляется интересным анализ ежегодных посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию за 25 лет (<http://www.kremlin.ru>). Данный период связан со сроком одного поколения. Такой анализ позволит выявить преемственность/смену отраженных в них приоритетов/акцентов, связанных с поколениями людей. За указанный период о поколениях российских людей речь шла в большей половине ежегодных посланий. Первое упоминание о поколении было в послании 2004 г. и касалось «молодого поколения работающих», на которое в

связи с нехваткой рабочей силы может упасть бремя повышенной социальной нагрузки. Высказывалась также озабоченность состоянием обеспеченности жильем молодых семей, в связи с чем «еще довольно часто в одной квартире вынуждены проживать сразу несколько поколений».

Президент России в послании 2005 г. обращал внимание на проблемы, «имеющие стратегическое значение для будущего страны, для будущих поколений россиян»; 2007 г. – на уважение к старшим поколениям, формирование которого связывалось с российской культурой и настоящим искусством; 2008 г. – на передачу в ходе образования ценностей нации новым поколениям и на обеспечение достойной жизни людям старшего поколения; 2009 г. – на задачу «сегодняшних поколений российского народа» поднять Россию на новую, более высокую ступень развития цивилизации, сохранения и передачу будущим поколениям природных богатств, через образование повышение уровня жизни «нашего нынешнего поколения» во взаимосвязи с перспективой роста дохода «будущих поколений», через школу, где «новые поколения» приобщаются к ценностям отечественной и мировой культуры, делающим человека цивилизованным, где воспитывается «подрастающее поколение», через военно-учебные центры, призванные формировать «молодое поколение офицеров» – профессионально подготовленных и воспитанных на ценностях патриотизма, воинской чести и высокой нравственности; 2010 г. – на заботу о «будущих поколениях» в качестве самых надёжных, умных и благородных инвестициях.

В своих посланиях 2011-2013 гг. Президент России акцентировал проблему поколений в связи с задачей формирования нового поколения учителей и достойной жизни «старшего поколения»; в контексте общенародной ответственности за Родину перед нынешним и будущими поколениями, провозглашенной как фундаментальный принцип российской государственности; применительно к поколению 90-х годов.

Послания Президента 2016, 2018, 2019 гг. касались вопросов: «молодого поколения» как надёжной, прочной опоры России в бурном, сложном XXI веке; «малочисленного поколения 90-х годов» в русле демографической проблемы, всемерной поддержки «старшего поколения» как нравственного долга, жителей «разных поколений», запросы и мнения которых должны быть решающими для публичных органов; достижения нового качества жизни для «всех поколений» через национальные проекты при динамичном развитии России, уважения к старшим поколениям многонационального народа, что наряду с семьей, рождением детей, продолжением рода было и остается «мощным нравственным каркасом».

Послания Президента России в 2020, 2023 и 2024 гг. оказались наиболее емкими с позиции поколений. Так, в 2020 г. в демографическом плане отмечен рост «большого поколения» и важность того, чтобы ими были восприняты «подлинные ценности многодетной семьи, что семья – это любовь, счастье, радость материнства и отцовства, что семья – это крепкая связь нескольких поколений, где уважение к старшим и забота о детях всегда объединяют, дают чувство уверенности, защищённости, надёжности. Если для подрастающих поколений всё это станет естественной нравственной нормой, неотъемлемой частью, оплотом их взрослой жизни, мы действительно сможем решить историческую задачу – гарантировать развитие России как большой и успешной страны». В послании подчеркнуто, что «Поддержка семьи, её ценностей – это всегда обращение к будущему, к поколениям, которым предстоит жить в эпоху колоссальных технологических и общественных изменений, определять судьбу России в XXI веке. И чтобы уже сейчас они могли участвовать в создании этого будущего, в полной мере раскрыли свой потенциал, мы должны сформировать для них все условия, и прежде всего речь идёт о том, чтобы каждый ребёнок, где бы он ни жил, мог получить хорошее образование». В ракурсе волонтерства отмечалась ценность объединения «людей разных поколений», воплощения традиций взаимопомощи, уважения к «старшим поколениям» и к истории России. Была выражена гордость за «поколение победителей» и обязанность защитить правду о Победе во имя ответственности перед «будущими поколениями».

В 2023 г. послание главы Российского государства содержало акцент на «молодом поколении» в контексте противостояния агрессивным информационным атакам, благодарности учителям, «искренне заботящихся» о нем, оценки молодого поколения как яркого и талантливого, призывов к предпринимателям вкладываться в Россию и заслужить благодарность людей «на поколение вперёд». Президентом было подчеркнута обязанность быть достойными заветов «наших великих предков», которые передаются из поколения в поколение».

В 2024 г. послание Президента России в сопряжении с «поколениями» включало: признание любви к Родине, мужественно пронесенную крымчанами, севастопольцами, жителями Донбасса через «поколения»; оберегание «связи поколений», непрерывность исторического развития, «исходя из нашего мировоззрения, наших традиций, верований, которые мы передадим своим детям»; напоминание о тяжелых испытаниях, которые прошло и проходит «сегодняшнее поколение»; передаваемые в семье из «поколения в поколение» ценности любви, взаимной поддержки и доверия, роль в этом процессе культуры, традиций, истории, нравственных устоев;

выражение гордости за свершения «наших предков, старших поколений»; акцентирование того, что устремления «нынешнего, молодого поколения» продолжают «нашу историю», определяют завтрашний день суверенной России; оценку высокой миссии школьных учителей и их ответственности «за молодые поколения»; констатацию того, что в России растет «большое молодое поколение»; обозначение высокой роли объектов культурного наследия в воплощении «неразрывной связи поколений» и др.

Таким образом, феномен поколений имеет различные словарные и научные трактовки, полученные с учетом инструментария исследующей его науки.

В канве российского конституционализма поколения закономерно представлены через идеи, их формализацию и реализацию. Конституционное обрамление поколения/поколений исходно (1993 г.) представлено в ценностно-преамбульном ключе в дальнейшем (2020 г.) закреплено как принцип солидарности поколений через плебисцитарные механизмы всенародного и общероссийского голосования.

Послания Президента России Федеральному Собранию за период 2000-2024 гг. в своем большинстве обращаются к поколениям в контексте преемственности поколений, заботы о старшем поколении, перспектив молодого поколения, повышения уровня жизни нынешнего поколения.

Полагаем интересным и продуктивным дальнейшее исследование поколений с публично-правовых позиций.

Список цитируемой литературы

1. Витрук Н.В. Право, демократия и личность в конституционном измерении : (история, доктрина и практика). Избранные труды (1991-2012 гг.) / Н.В. Витрук. – М. : Норма, 2012. 688 с. С.218.
2. Витрук Н.В. Развитие конституционализма в Российской Федерации (в контексте правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации) // Проблемы развития и совершенствования российского законодательства. Сб. ст. Ч. 1. Томск, 1999. С. 3-23.
3. Тонков Е.Е. Государство созидающее как вектор развития современной России: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. 392 с.
4. Ожиганова Е.М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. №1. С. 94-97.
5. Толковый словарь русского языка. В 3 т. Том 2. Н – П / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: Вече, Мир книги, 2001. 688 с.

6. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд. – М.: Сов. Энциклопедия, 1968. – 1600 с.
7. Конт-Спонвиль, А. Философский словарь. – М.: Этерна, 2012. – 752 с.
<https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/sponville/fc/slovar-207-2.htm#zag-1926>
8. Адоньева И.Г. Поколение юристов середины XIX в.: профессиональные ценности и способы их трансляции // Информация–Коммуникация–Общество. 2013. Т. 1. С. 6-9.
9. Мархгейм М.В. Преемственность в ценностной канве конституционного строительства России // Конституционализм: симбиоз науки и практики : Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н.В. Витрука (Белгород, 17 ноября 2023 г.) / под ред. проф. М.В. Мархгейм. – Deutschland, Gelsenkirchen, 17. November. 2023, Henze Verlag. 240 с.

Беляев Валерий Петрович

профессор кафедры теории и истории государства и права,
Юго-Западного государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
(Курск, Россия)

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ: СУЩНОСТНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Аннотация: В статье представлена краткая характеристика юридической технологии как самостоятельной общетеоретической категории. Обосновывается разграничение понятий «юридическая» и «правовая» технология по субъектному составу и функциональному назначению. Показаны сущностные признаки юридической технологии, включающие упорядоченную систему действий управомоченных субъектов, динамичность и опору на инструментарий юридической техники. Охарактеризованы основные элементы содержания юридической технологии: стратегия, тактика, методы, способы, правила, процессуальная форма, субъектный состав и инструменты юридической техники. Сформулировано авторское определение юридической технологии как полиструктурного системного образования, обеспечивающего достижение социально-значимого результата юридической деятельности.

Ключевые слова: юридическая технология; правовая технология; юридическая техника; стратегия; тактика; процессуальная форма;

алгоритмизация; правоприменение; механизм правового регулирования; эффективность юридической деятельности.

Проблематика юридической технологии в российской правовой науке активно обсуждается с конца XX века, получив развитие в трудах В.М. Баранова, Н.А. Власенко, В.Н. Карташова и других исследователей.

Как отмечает А.Н. Миронов, технологический подход органично проникает в гуманитарные науки, начиная с конца XIX века [10]. Е.А. Березина подчеркивает, что юридическая технология формирует систему знаний о юридической деятельности и неразрывно связана с ней [1; 2]. И.В. Колесник, А.В. Селиванов констатируют, что юридическая деятельность практически полностью охватывается соответствующими разновидностями юридических технологий [8; 12]. Это свидетельствует о необходимости уточнения понятия юридической технологии, ее сущности и структуры.

Категория «правовая деятельность» шире, чем «юридическая деятельность», поскольку включает действия всех субъектов – физических и юридических лиц [13; 14]. Соответственно, правовая технология охватывает более широкий круг социальных процессов, тогда как юридическая технология относится к деятельности управомоченных субъектов, принимающих государственно-властные решения. В научной литературе отсутствует единство по этому вопросу, однако представляется обоснованным рассматривать юридическую технологию как автономное обобщающее понятие, отражающее закономерности функционирования юридической деятельности.

Юридическая технология представляет собой порядок упорядоченных действий и операций управомоченных субъектов, направленных на решение юридических задач. Н.А. Власенко одним из первых описал юридическую технологию как технологический процесс [3]. Юридическая технология носит динамический характер, поскольку юридическая деятельность всегда обусловлена изменяющимися условиями и требует применения последовательных технологических операций [5].

Подчеркивая алгоритмичность и системность правоприменительной технологии, О.В. Лазарева справедливо относит ее к структурным элементам правовой культуры [9].

Таким образом, сущность юридической технологии состоит в создании условий для максимально эффективной реализации целей юридической деятельности посредством специально организованных операций и применения юридико-технических средств.

В содержание юридической технологии, соответственно, включаются: инструментарий юридической техники; юридико-технологическая стратегия и тактика; методы, способы, правила и приемы; процессуальная форма; субъектный состав; объекты и результаты деятельности.

И.В. Колесник относит к элементам юридической технологии стратегию, тактику, методы, способы, правила и приемы [7]. В.Н. Карташов дополняет эту структуру процессуальной формой, ресурсным обеспечением и правовым мониторингом [4].

Т.Ю. Полежаева, исследуя судебную технологию, подчеркивает наличие объектов, субъектов, действий участников и собственной тактики [11].

Из сказанного выше можно сделать вывод, что юридическая техника и юридическая технология существуют параллельно и взаимосвязанно: первая обеспечивает инструментальную базу, вторая – алгоритмическую организацию деятельности. Они возникли одновременно и развивались синхронно, хотя внимание ученых долгое время было сосредоточено преимущественно на юридической технике.

Юридическая технология – это полиструктурное, алгоритмическое и системное правовое образование, включающее инструментарий юридической техники, юридико-технологические стратегию и тактику, процессуальную форму, субъектный состав и иные элементы, обеспечивающие оптимальные условия для решения задач юридической деятельности и достижения социально значимого правового результата.

Список цитируемой литературы

1. Березина Е.А. Технологизация правовой действительности как новый вектор развития общества // Философия права. 2022. № 2. С. 157-160.
2. Березина Е.А. Юридическая технология: истоки возникновения научного направления // Философия права. 2020. № 1 (92). С. 7-14.
3. Власенко Н.А. Законодательная технология (Теория. Опыт. Правила). Иркутск, 2001.
4. Карташов В.Н. Юридические технологии: истоки и отдельные перспективные направления исследования в 21 веке представителями ярославской юридической школы // Демидовский юридический журнал. 2023. Том 13. № 1. С. 8-17.
5. Козюк М.И. О технологии права: анализ проблемы правовых технологий // Правовой аспект. 2007. № 1. С. 54-57.
6. Колесник И.В. Изменения в законодательстве и правоприменительная технология // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 95-97.

7. Колесник И.В. Структура правоприменительной технологии // Наука. Мысль. Электронный юридический журнал. 2016. С. 97-111.
8. Колесник И.В. Юридическая техника и юридическая технология в современной Российской правовой науке // Наука. Мысль. Электронный периодический журнал. 2016. № 3. Т. 6. С. 45-63.
9. Лазарева О.В. Правоприменительные технологии: вопросы теории и практики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 4 (111). С. 141-149.
10. Миронов А.Н. Юридическая технология // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 63-66.
11. Полежаева Т.Ю. Судебная технология: значение в сфере правоприменения // Вестник КГТУ. Государство и право: вопросы теории и практики. 2015. № 5. С. 31-34.
12. Селиванов А.В. Качественные характеристики организации правоприменительной юридической технологии // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 23-28.
13. Шагиев Б.В. Юридическая деятельность и ее система. М.: Юрлитинформ, 2014.
14. Шагиева Р.В. Правовая и юридическая деятельность: теоретические проблемы соотношения понятий // Право и государство: теория и практика. 2009. № 2. С. 6-10.

Беляева Галина Серафимовна

заведующий кафедрой административного права и процесса

Юридического института НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук, профессор

(Белгород, Россия)

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В статье рассматривается сущность и содержание инструментальной теории права как одного из наиболее перспективных направлений современной юридической науки, ориентированного на исследование правовых средств и их эффективности. Показаны исторические основания теории, связанные с трудами Е.А. Нефедьева, Л.И. Петражицкого, Г.Ф. Шершеневича, а также развитие инструментального подхода в советский период под влиянием работ Е.Б. Пашуканиса, С.С. Алексеева и других исследователей. Обосновывается интегративная природа

инструментального подхода, сочетающего элементы нормативного, социологического, психологического и аксиологического направлений правопонимания. Особое внимание уделено значению инструментальной теории в условиях цифровизации, правовой инженерии и развития экспериментальных правовых режимов. Делается вывод о высокой методологической и практической значимости инструментализма, ориентирующего правовую систему на результативность и социальную полезность.

Ключевые слова: инструментальная теория права; правовые средства; юридический инструментализм; правовое регулирование; эффективность правовых средств; интегративное правопонимание; правовая инженерия; цифровизация; экспериментальные правовые режимы.

Современное правовое развитие протекает в условиях усложнения социальных процессов, цифровизации общественных отношений и растущего запроса на эффективность юридических механизмов. Эти тенденции актуализируют обращение к подходам, не сводящим право лишь к системе норм, а раскрывающим, помимо всего прочего, его практическое, деятельностное и результативное содержание. Одним из таких направлений выступает инструментальная теория права, в рамках которой последнее выступает, как совокупность средств, целенаправленно применяемых государством и субъектами правовых отношений для достижения социально-значимых результатов. Данная теория позволяет по-новому рассмотреть природу права, его функции, структуру и реальные возможности, что делает ее перспективным направлением современной юридической науки.

В общем виде инструментальная теория (юридический инструментализм) трактует право, как средство, обеспеченное авторитетом и принудительной силой государства, с помощью которого достигаются индивидуальные, общественные и государственные цели [3]. В рамках данного подхода право воспринимается не только как система правил, но как действующий механизм, ориентированный на результат. Центр тяжести смещается с анализа содержания нормы на оценку ее фактической эффективности, применимости и способности производить желаемые социальные эффекты.

В отличие от нормативистской традиции, инструментализм не ограничивается рассмотрением формально-юридической структуры нормы. Законодательные установления рассматриваются как средства, ориентированные на решение конкретных задач, стоящих перед

государством. Такая перспектива приближает право к реальной социальной практике, юридической деятельности и потребностям субъектов.

В.С. Бреднева акцентирует ориентацию инструментальной теории на анализ того, как правовые средства функционируют в реальной жизни, как они используются в юридической практике и насколько эффективно обеспечивают достижение социальных целей [3]. Это сближает инструментализм с деятельностным подходом, но с ключевым отличием, что акцент смещается на средства и результаты.

Исторические корни инструментального подхода обнаруживаются в трудах конца XIX – начала XX века. Так, Е.А. Нефедьев в работе о гражданском процессе рассматривал правовые нормы как средства достижения примирения сторон, подчеркивая их функциональную природу [5]. Хотя его идеи не были оформлены в целостную теорию, они отражали смену парадигмы к инструментальному рассмотрению права.

Значительный вклад в формирование инструментального видения внесли Л.И. Петражицкий и Г.Ф. Шершеневич [7; 10].

В XX веке основные положения инструментальной теории нашли развитие в советской доктрине. Особое влияние оказала критика нормативизма Е.Б. Пашуканисом. Он писал, что правовая норма существует лишь в той мере, в какой она реализуется, иначе она остается «незатейливой конструкцией» [6]. Ученый подчеркивал необходимость объединения нормативного и социологического подходов, что стало методологической основой последующего развития интегративных концепций.

В 1960-1970-е годы инструментальное направление оформилось как самостоятельная теория. Как отмечал Б.И. Пугинский, обобщающей предпосылкой стало рассмотрение права как деятельности по регулированию общественной жизни посредством средств, применение которых опирается на поддержку государства [8].

Существенный вклад внесли С.С. Алексеев, Н.Г. Александров, В.Н. Карташов, В.Б. Казимирчук, Л.С. Явич. С.С. Алексеев рассматривал правовые средства в ракурсе их функционального назначения [1]. Эта позиция стала методологическим базисом современного инструментализма.

Современные исследователи заявляют, что инструментальная теория не противопоставляет себя нормативизму, социологическому или психологическому подходам. Напротив, её цель состоит в преодолении односторонности последних и интегрировании различных элементов правовой реальности.

В.А. Сапун отмечает, что противопоставление инструментализма классическому нормативизму является непродуктивным; напротив,

жизнеспособность инструментализма заключается в синтезе нормативного, аксиологического, поведенческого, психологического подходов [9].

А.В. Малько и К.В. Шундилов подчеркивают, что в современной юриспруденции различные концепции мирно сосуществуют, и инструментализм является лишь одним из направлений, при этом весьма перспективным [4].

Таким образом, инструментальная теория права является интегративной, практико-ориентированной доктриной, объединяющей нормативное содержание нормы, ее ценностные основания, социальную обусловленность и реальные механизмы правоприменения.

Представляется, что перспективы развития инструментальной теории связаны с углубленным исследованием юридических средств, механизмов и режимов. Анализ правовых средств, по нашему мнению, должен быть направлен на расширение возможностей эффективного решения основных задач государства [2].

В данном контексте инструментальный подход позволяет: оценивать законодательство с позиции его результативности; выявлять неэффективные и избыточные правовые средства; проектировать новые сочетания инструментов для современных условий; развивать правовую инженерию и юридические технологии; адаптировать право к стремительным технологическим изменениям.

Инструментализм способен стать методологической базой модернизации правовой системы, поскольку ориентирован на результативность, социальную полезность и практическое действие.

Список цитируемой литературы

1. Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С.12-19.
2. Беляева Г. С. К вопросу о сущности и системе правовых средств // Административное и муниципальное право. 2015. № 3(87). С. 306-312.
3. Бреднева В. С. Инструментальная теория права в российском правоведении // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-3(60). С. 32-34.
4. Малько А. В., Шундилов К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов: Изд-во СГАП, 2003. 296 с.
5. Нефедьев Е.А. Склонение сторон к миру в гражданском процессе Казань : тип. Губ. правл., 1890. 93 с.

6. Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. М., 1924. 160 с
7. Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1908. 271 с.
8. Пугинский Б. И. Инструментальная теория правового регулирования // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2001. № 3. С. 21-31.
9. Сапун В. А. Инструментальная теория права в юридической науке // Современное государство и право. Вопросы теории и истории: сб. науч. трудов. Владивосток, 1992. С. 18-20.
10. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. 805 с.

Куксин Иван Николаевич

профессор департамента права

Московского городского педагогического университета,

профессор кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук, профессор,

координатор секции Экспертного совета

при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации

заслуженный юрист Российской Федерации

(Россия, Москва)

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Аннотация. Автор, исходя из анализа фактического материала и опираясь на доступные обобщенные материалы по борьбе с киберпреступлениями, приходит к выводу, что Россия в 2024-25 годах столкнулась с масштабным кибертерроризмом. На стороне противника выступают 300 тыс. профессиональных хакеров, в эти действия вовлечено 27 государств. Телефонное мошенничество стало главным оружием отъема денежных средств у российских граждан. По заявлению – заместителя председателя правления Сбербанка Кузнецов С.К. пик мошеннических звонков достигал 20 млн в сутки. В статье дан анализ тех мер, которые предприняло Российское государство по пресечению этого вида преступления, а с другой – дана оценка тем законам и принятым

постановлениям высшими судебными инстанциями в которых заложен правовой механизм соблюдения прав граждан России.

Ключевые слова: Конституции Российской Федерации, Декларации прав и свобод человека и гражданина РСФСР, права человека, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации

Мир, безопасность и права человека – вот те три столпа, которые выступают непреложными ценностными российского общества. Именно они постоянно нуждаются в защите самых различных общественных организаций, в том числе и государства. Среди названных ценностей особое место занимают права и свободы человека, которые, согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации, являются высшей ценностью. Благодаря конституционным положениям, закрепленным в главе второй Основного закона, у нас сложилось четкое понимание прав человека как неотъемлемого элемента человеческой личности и человеческого бытия.

Однако нельзя забывать и о Декларации прав и свобод человека и гражданина РСФСР 1991 года, в которой впервые был провозглашён институт внесудебного, парламентского контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, который был призван осуществлять Парламентский уполномоченный по правам человека.

Сегодня, когда Россия вступила в заключительную фазу достижения целей специальной военной операции на Украине (освобождение Донбасса и других оккупированных территорий в ряде новых регионов РФ, а также демилитаризация и денацификация Украины) роль и значимость института Уполномоченного по правам человека неизмеримо возросла. По заявлению ее руководителя Т.Н. Москальковой в России создана своя «уникальная» система правозащиты, коренным образом отличающаяся от западной. Мы не только создали собственную систему правозащиты, но и убедились, что в условиях СВО она оказалась реальным инструментом помощи человеку. Мы смогли отстроить грамотный диалог с властью, позволяющий достигнуть соответствующего результата [1].

Чтобы убедиться в объективности приведенного заявления следует обратиться к реальным цифрам совершенных преступлений в России, и анализу той проводимой работе по защите прав человека как со стороны законодателя, высших судебных органов страны, так и Уполномоченного по правам человека, чтобы зримо охватить ту картину, которая складывается в области правозащитной деятельности.

Если обратиться к статистике, то в стране ежегодно регистрируется около 2 млн. преступлений, в 2024 году – 1 млн 911 тыс. (-1,8%), за 9 месяцев 2025 г. – 1 млн 357 тыс. (-5,4%). Причем их характер и структура постоянно видоизменяются [2].

К сожалению, следует констатировать, что при осуществлении борьбы с преступностью, в ходе предварительного следствия (дознания) и судебного разбирательства нередко права участников процесса (потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и других) нарушаются. Так, если провести сравнительный анализ с 2024 годом, то органами прокуратуры на досудебной стадии уголовного судопроизводства в 2024 г. выявлено 5 436 999 нарушений; за 9 месяцев 2025 г. – 4 176 330 (9 месяцев 2024 г. – 4 157 877 [3] . Как положительную тенденцию за указанный период времени судами в отношении 52 тыс. лиц уголовное преследование прекращено, 804 лица было оправдано [4].

О чем говорят приведенные цифры? Данные обстоятельства диктуют необходимость постоянной корректировки уголовной политики государства, принятия дополнительных мер, направленных на защиту интересов общества и государства от преступлений.

Какие новые тенденции за последние годы выявлены при организации борьбы с различного рода преступлениями? Еще в 2024 году правоохранительными органами обращалось внимание на стремительно развивающийся новый вид преступности – мошенничество с использованием интернета, мобильных средств связи и информационно-телекоммуникационных технологий, и, как следствие, в три раза произошел рост жалоб граждан по данной проблеме. В ответ как правоохранительными, так и законодательными органами были предприняты и продолжают предприниматься следующие меры.

В рамках усиления противодействия данным преступлениям скорректирован механизм их предупреждения и пресечения, а также усилена ответственность за общественно-опасные деяния, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Законодателем в 2025 году принят ряд законов, направленных на защиту граждан от киберпреступности. В частности:

- установлен так называемый «период охлаждения» при получении кредитов и займов. Получить по кредиту деньги в сумме от 50 тыс. до 200 тыс. руб. можно только через четыре часа, а в сумме свыше 200 тыс. руб. через 48 часов [Федеральный закон от 13.02.2025 № 9-ФЗ];

- внесено более 30 комплексных изменений в законодательство Российской Федерации, направленных на предупреждение, пресечения и усиления ответственности в отношении противоправных действий, совершенных с использованием информационных технологий [Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ];

- предусмотрена возможность следователю или дознавателю приостанавливать на срок до 10 суток операции с денежными средствами с возможностью в дальнейшем при наличии оснований ходатайствовать перед судом о наложении ареста на них [Федеральный закон от 31.07.2025 № 278-ФЗ];

- установлена уголовная ответственность «дропперов», т.е. лиц передающие свои банковские карты третьим лицам за вознаграждение [Федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ].

Особо следует отметить, что весьма важной вехой в борьбе с преступными деяниями, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий явилось подписание Россией в Ханое (Социалистическая Республика Вьетнам) 25 октября 2025 г. принятой ООН в декабре 2024 г. конвенции против киберпреступности. Как подчеркнул в своем приветствии участникам церемонии подписания Президент Российской Федерации В.В. Путин: «Это без преувеличения историческое событие стало возможным благодаря поддержке большинством стран мира выдвинутой Россией в 2019 году инициативы по разработке универсального международного договора о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. Важно, что, несмотря на непростую международную обстановку, дипломаты и представители правоохранительных органов государств – членов ООН смогли объединить усилия, чтобы подготовить и согласовать проект этого важнейшего документа. Конвенция призвана противостоять одному из глобальных вызовов современности – противоправным действиям в цифровой сфере. Преступления такого рода, зачастую тесно связанные с терроризмом и пропагандой экстремистской идеологии, незаконным оборотом наркотиков и оружия, представляют серьезную угрозу безопасности как отдельных граждан, так и целых государств» [5].

Ведя речь о борьбе с противоправными действиями в цифровой сфере следует остановиться на анализе тех мер, которые были предприняты Федеральным Собранием Российской Федерации по укреплению гарантий прав граждан в сфере уголовного процесса.

2025 год был годом, весьма и весьма напряженным для российского законодателя. Каждое третье преступление в России совершалось в цифровой

среде. Более 80% из них – дистанционные хищения средств осуществлялось посредством украинских колл-центров с помощью технологий НАТО. В 2024 году мошенники похитили у россиян рекордные 27,5 млрд рублей – почти на 74% больше, чем в 2023-м [6]. В целом ущерб от дистанционных хищений составил почти 200 млрд рублей, из которых возвращена лишь малая часть – 8,8 млрд рублей (4%), арестовано почти 30 миллиардов рублей [7].

В условиях, когда шло буквально тотальное наступление кибермошенников на материальные ценности российских граждан, потребовалось срочно принять ряд мер по укреплению гарантий прав граждан, особенно в уголовно-процессуальной сфере. Законодатель, в том числе и с учетом рекомендаций Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, в 2025 году принял ряд федеральных законов, направленных на пресечения указанных преступлений. За указанное время были приняты ряд важных решений Верховным и Конституционным Судами Российской Федерации, которые укрепили гарантии прав участников уголовного процесса. Наиболее важными и значимы для этой сферы правоприменения являются:

- Федеральный закон от 28.02.2025 № 13-ФЗ, который ограничивает применение мер пресечения в виде заключения под стражу к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступления небольшой и вредней тяжести насильственного характера, женщинам, имеющим малолетних детей и лицам, страдающим тяжелыми заболеваниями;

- Федеральный закон от 28.03.2025 № 38-ФЗ, в котором в целях сокращения сроков расследования регламентирована процедура возбуждения уголовного дела о преступлении, дополнительно выявленном в связи с расследуемым следователем уголовным делом и (или) совершенном одними и теми же лицами, в том числе, если такое преступление относится к компетенции дознавателя, а также соединения таких уголовных дел в одном производстве;

- Федеральный закон от 07.06.2025 № 146-ФЗ, в котором созданы дополнительные гарантии участникам процесса по уголовным делам о клевете без отягчающих обстоятельств. Эти гарантии стали делами частного-публичного обвинения (возбуждаются только по заявлению потерпевшего, но прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат). Внесены в этот Закон также изменения направлены на более тщательное исследование обстоятельств совершения таких преступлений в ходе обязательного предварительного расследования. Поддерживать обвинение по данным делам будет прокурор;

- Федеральный закон от 24.06.2025 № 174-ФЗ, который создает дополнительные условия для сохранения семейных связей осужденных, имеющих детей в возрасте до 14 лет. В случае совершения в период отсрочки отбывания наказания преступления по приговору суда нового преступления беременной женщиной, женщиной, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет, мужчиной имеющей ребенка в возрасте до 14 лет и являющимся единственным родителем, может быть вновь применена отсрочка исполнения приговора;

- Федеральный закон от 27.10.2025 № 392-ФЗ усовершенствовал механизм защиты прав участников уголовного процесса путем уточнения порядка передачи материалов уголовного дела в Генеральную прокуратуру Российской Федерации для решения вопроса о направлении их в компетентные органы иностранного государства для осуществления уголовного преследования.

Кроме того, высшими судебными инстанциями в принятых постановлениях даны весьма значимы разъяснения для правоприменительной практики. Так:

- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.2025 № 1 и № 2 дает разъяснение относительно запрета на избрание меры пресечения в виде заключение под стражу к несовершеннолетнему, беременной женщине, женщине, имеющего малолетнего ребенка, мужчине, являющемуся единственным родителем малолетнего ребенка, усыновителю или опекуну малолетнего ребенка, единственному родителю, опекуну или попечителю ребенка-инвалида;

- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2025 № 10 дает разъяснение по ряду важных правовых позиций относительно применения обратной силы уголовного закона; конкретизирует обстоятельства, устраняющие преступность деяния, а также смягчающие наказание;

- Постановление Конституционного Суда РФ от 19.02.2025 № 8-П признано соответствующей Конституции РФ часть первая статьи 226.1 УК РФ «Контрабанда стратегически важных товаров и ресурсов»;

- Постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2025 № 25-П закрепляет признание соответствующей Конституции РФ пункт «д» части первой статьи 104.1 УК РФ («Конфискация имущества»);

- Постановление Конституционного Суда РФ от 06.05.2025 № 19-П закрепляет признание соответствующей Конституции РФ статьи 74 и части третьей статьи 389 УПК РФ «Назначение и подготовка суда апелляционной инстанции».

Критически оценивая принятые законодательные и судебные акты нельзя не заметить их направленность на дальнейшую гуманизацию уголовного и уголовно-процессуального законодательства путем ограничения следственных органов возможностей применения мер пресечения в виде заключения под стражу в отношении определенных категорий обвиняемых, сокращения сроков уголовного судопроизводства, создания дополнительных гарантий защиты прав оклеветанных лиц, совершенствования процедур международного взаимодействия правоохранительных органов.

В постановлениях Конституционного и Верховного судов России даны важные для правоприменительной практики разъяснения по вопросам избрания меры пресечения в виде заключения под стражу лиц, страдающих тяжелым заболеванием; применения обратной силы уголовного закона; обстоятельств, устраняющих преступность деяния, а также смягчающих наказание. Восполнена правовая неопределенность ряда норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

В настоящее время Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации рассматривается ряд законов, направленных на защиту прав участников уголовного процесса. В частности, проект федерального закона № 863746-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», который направлен

- на устранение выявленного Конституционным Судом Российской Федерации правового пробела в регулировании процедуры производства по уголовным делам частного обвинения, подсудным судам районного звена;
- на защиту прав пострадавших от преступлений, отнесенных законодателем к уголовным делам частного обвинения, ускорению производства по уголовным делам и реализации принципа неотвратимости ответственности.

Что касается проекта федерального закона № 792475-8 «О внесении изменений в статью 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (место производства предварительного расследования), то он направлен на обеспечение защиты прав потерпевших путем определения подследственности уголовных дел, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий и имеющих межрегиональный характер.

В настоящее время Верховным Судом Российской Федерации проводится работа по внесению изменений в Постановление Пленума от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства,

регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности».

В деятельности рабочей группы по обсуждению предложений в указанный проект Постановления принимают участие и представители Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Таковы основные показатели защиты прав человека в современных условиях развития российского конституционализма.

Список цитируемой литературы

1. Пять лет закону об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации 25 сентября 2025 // URL.: <https://ombudsman.perm.ru/news/2025/09/25/10671/> (Дата обращения 13.11.2025).
2. Состояние преступности в Российской Федерации за январь - сентябрь 2025 года. URL [http:// xn--blaew.xn--plai/reports/item/72174303/](http://xn--blaew.xn--plai/reports/item/72174303/) (Дата обращения – 07.11.2025)
3. Статистическая отчетность Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 9 месяцев 2025 г.
4. Статистическая информация из сводных форм статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 6 месяцев 2025 года // (Вх. от 23.05.2025 № СД-АИ/809)
5. Александр Гуцан принял участие в церемонии подписания Конвенции ООН против киберпреступности // URL.: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e6334190/?ysclid=mh8uro4u4657561579> (Дата обращения 13.11.2025).
6. URL.: <https://dzen.ru/a/aGz0t1ckRk23Xiz0> (Дата обращения 13.11.2025).
7. Выступление Министра внутренних дел В.А. Колокольцева на заседании коллегии МВД России, посвященном вопросам противодействия IT-преступлениям. URL.: мвд.рф/news/item/51089163/?year=2025&month=4&day=2. (Дата обращения 14.05.2025).

Нифанов Алексей Николаевич,
профессор кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ОБЩИЕ ИЛИ СПЕЦИАЛЬНЫЕ?

Аннотация. В данной статье рассмотрены некоторые правовые принципы, лежащие в основе организации системы публичной власти в Российской Федерации. С учетом норм Конституции России, федерального законодательства и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации в современных условиях отмечено видовое разнообразие правовых принципов, составляющих каркас организации и функционирования органов государственной власти субъектов федерации и органов местного самоуправления. Предложена их дифференциация на конституционно-опосредованные и специально-предметные.

Ключевые слова: публичная власть, конституционные принципы, система публичной власти, принципы организации местного самоуправления, правовые принципы, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления.

Конституция Российской Федерации в п. «н» ст. 72 отнесла к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления. В этой связи возникает закономерный вопрос, о каких именно принципах здесь идет речь? Ведь еще Конфуций отмечал, что при разных принципах не найти общего языка!

Поскольку в тексте Конституции не содержится прямого закрепления каталога ее базовых принципов, хотя они и выводимы из целого ряда ее норм (приоритет прав и свобод человека, федерализм, народовластие, законность и пр.), думается, что задача их конкретного нормативного закрепления и содержательного наполнения возложена, прежде всего, на федеральное законодательство.

К примеру, норма ч. 4 ст. 32 Конституции, закрепляющая право граждан Российской Федерации на равный доступ к государственной службе, довольно последовательно раскрыта в ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской

Федерации», п. 3 ст. 4 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», п. 2 ст. 4 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» и включает в себя помимо собственно конституционной формулировки еще целый ряд квалифицирующих признаков [1].

Это лишь один пример раскрытия конституционной нормы, которая в поименованных выше федеральных законах прямо названа принципом.

Как известно в общефилософском смысле принцип это исходное, не требующее доказательств положение теории (то же, что аксиома или постулат) [2].

По мнению Н.В. Витрука принципы права изначально представляют собой феномен правосознания [3, с. 212].

Михаил Иосифович Байтин считал, что «принципы права – это исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права» [4, с. 123]. При этом М.И. Байтин выделял в своей классификации правовых принципов организационные.

Валентин Николаевич Хропанюк утверждал: «Принципы права – это основные исходные положения, юридически закрепляющие объективные закономерности общественной жизни» [5, с. 216-218].

Наталья Александровна Богданова полагает, что принципами в науке конституционного права, являются идеи, имеющие фундаментальное или важное значение для развертывания конституционно-правового знания, в основу которых кладется та или иная мировоззренческая позиция, закономерность, выявленная практикой, или сформулированное умозрительно положение, являющееся плодом научной мысли [6, с. 166].

Елена Алексеевна Осавелюк, в этой связи считает, что принципы в конституционном праве это особого рода нормы Конституции и конституционного законодательства, обладающие высшей юридической силой, позволяющие упорядочить соответствующие социальные отношения универсальным содержанием, позволяющим принципам оказывать руководящее воздействие на всех субъектов, все сферы социальных отношений в пределах государства императивным характером воздействия [7, с. 61].

Солидаризируясь с обозначенными выше позициями, полагаем, что именно в подобном контексте следует рассматривать конституционную формулировку, содержащуюся в ее ст. 72, об «установлении общих принципов».

Здесь следует обратить внимание и на норму п. «г» ст. 71 Конституции, согласно которой организация публичной власти находится в ведении Российской Федерации. Не претендуя на обнаружение конституционного противоречия, полагаем, что подобный подход все же свидетельствует о федеральной значимости фундаментальных основ публично-властной организации.

В этой связи представляется целесообразным определить каталог этих принципов, положенных в основу регионального сегмента организации публичной власти, поскольку в соответствии с ч. 3 ст. 132 Конституции органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации использует формулировку в двух случаях, адресуя ее к установлению общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации и к уже упоминаемому установлению общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления. Поскольку первое напрямую не относится к организации публичной власти, остановимся на втором.

Первым нормативным актом, включившим в себя принципы организации местно самоуправления, стал Закон СССР от 9 апреля 1990 г. № 1417-І «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР», который в ст. 4 установил, что местное самоуправление осуществляется на принципах:

- волеизъявления народа через Советы народных депутатов, местные референдумы и иные формы непосредственной демократии;
- законности;
- самостоятельности и независимости Советов народных депутатов, их ответственности за решение вопросов местного значения;
- защиты прав и законных интересов граждан;
- выборности Советов народных депутатов, органов территориального общественного самоуправления, их подконтрольности населению;
- гласности и учёта общественного мнения;
- сочетания местных и государственных интересов [8].

Как видно, данные принципы в их адаптированном виде до сих пор не утратили своего значения и для построения современной модели местного самоуправления. Как метко отметил О. Бальзака «обстоятельства переменчивы, принципы никогда».

Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не содержал специальных норм, закрепляющих эти общие принципы [9].

Анализ текста Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (в настоящее время документ не действует) позволил выявить ряд норм содержащих формулировки, вытекающие из его названия, с той или иной степенью наполненные соответствующим содержанием [10].

Так ст. 1 названного Федерального закона прямо поименована «Принципы деятельности органов государственной власти субъекта Российской Федерации», при этом, ее частью 1 к таковым отнесены:

- государственная и территориальная целостность Российской Федерации;
- распространение суверенитета Российской Федерации на всю ее территорию;
- верховенство Конституции Российской Федерации и федеральных законов на всей территории Российской Федерации;
- единство системы государственной власти;
- разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную в целях обеспечения сбалансированности полномочий и исключения сосредоточения всех полномочий или большей их части в ведении одного органа государственной власти либо должностного лица;
- разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации;
- самостоятельное осуществление органами государственной власти субъектов Российской Федерации принадлежащих им полномочий;
- самостоятельное осуществление своих полномочий органами местного самоуправления.

Как видно, все эти принципы прямо цитируют соответствующие конституционные нормы (ст. 4, 5, 10, 12).

В ст. 10 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ анонсированы принципы избрания законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации. К таковым, исходя из логики данной нормы, следует отнести принципы избирательного права.

Из ст. 26.3. «Принципы финансового обеспечения осуществления органами государственной власти субъекта Российской Федерации полномочий по предметам ведения Российской Федерации и по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации»

Федерации» контекстно выводим принцип самостоятельного осуществления полномочий органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, установленным Конституцией Российской Федерации.

Отметим, что анализируемый закон содержал и другие нормы, в наименованиях которых содержался термин «принципы» (например, глава IV.1. Общие принципы разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъекта Российской Федерации; ст. 26.8. Принципы и порядок заключения соглашений), однако, самих принципов в данных нормах не зафиксировано.

Применительно к данному Федеральному закону в большей степени уместно говорить о фиксации в нем общих, конституционно-опосредованных принципов, нежели специально-предметных.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» помимо прочего логично включил в себя главу, в которой, исходя из ее названия, должны были закрепляться принципы территориальной организации местного самоуправления. При этом речь в ней идет о видах территорий муниципальных образований (ст. 10), требованиях к установлению границ муниципальных образований (ст. 11), порядке их изменения (ст. 12), преобразовании муниципальных образований (ст. 13), упразднении поселений (ст. 13.1) и создании вновь образованных поселений на межселенных территориях (ст. 13.2) [11]. Каких-либо базовых положений, юридически закрепляющих объективные закономерности данной предметной сферы, в этой главе не содержалось.

То же самое можно сказать и о статье 18 Федерального закона от 6 октября 2003 г., поименованной «Принципы правового регулирования полномочий органов местного самоуправления».

Далее рассмотрим Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации, федеральных территорий и муниципальных образований», целью которого согласно ст. 1 является установление общих принципов организации, деятельности ... контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации, контрольно-счетных органов федеральных территорий и контрольно-счетных органов муниципальных образований [12].

Статья 4 данного Федерального закона к принципам деятельности контрольно-счетных органов отнесла законность, объективность, эффективность, независимость, открытость и гласность.

Поскольку контрольно-счетные органы являются постоянно действующими органами внешнего финансового контроля соответствующих уровней публичной власти, то справедливо будет отнести принципы объективности, эффективности и независимости к специальным предметным принципам, определяющим содержание их деятельности. Законность, открытость и гласность полагаем полностью коррелируют с названием данного Федерального закона и относятся к конституционно-опосредованным «общим принципам».

Принятие Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» дало импульс принятию целого ряда нормативных правовых актов, последовательно развивающих идеи, заложенные в его положениях. В их числе Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [13].

Статья 2 данного закона с достаточной степенью конкретизации закрепила принципы деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации. Помимо уже неоднократно упоминавшихся нами конституционно-опосредованных «общих» принципов (п.п. 1-9 ч. 1) Федеральный закон содержит перечень специально-предметных, таких как:

- самостоятельность осуществления органами публичной власти своих полномочий;
- гарантированность финансового обеспечения исполнения полномочий, которыми наделяются органы публичной власти в результате разграничения полномочий;
- обеспечение гласности в деятельности органов публичной власти, в том числе посредством предоставления доступа к информации о деятельности органов публичной власти;
- государственный контроль (надзор), парламентский контроль и общественный контроль за деятельностью органов публичной власти и их должностных лиц.

Справедливости ради следует отметить, что и эти принципы имеют конституционную природу, хотя и предметно фундаментируют систему органов государственной власти субъектов Российской Федерации и иных государственных органов субъектов Российской Федерации.

Во исполнение нормы ч. 3 ст.132 Конституции Российской Федерации был принят Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих

принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [14]. Рассмотрим его в контексте заявленной нами проблематики.

В ст. 4 данного Федерального закона закреплены принципы правового регулирования местного самоуправления. Исходя из предложенной нами градации принципов организации публичной власти на конституционно-опосредованные (общие) и специально-предметные, можно сделать вывод о значительном приоритете последних (п. 2, 4, 5, 8-12). Впервые достаточно подробно раскрыт принцип учета исторических и иных местных традиций, о которых идет речь в ч. 1 ст. 131 Конституции. Федеральный закон № 33 отнес к таковым социально-экономические, природно-климатические, территориальные и иные особенности местности, а также исторические, культурные, национальные и иные местные традиции.

Федеральный закон предусмотрел принцип нормативной формализации порядка дистанционного взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации и порядка дистанционного участия в заседаниях представительного органа муниципального образования.

Интерес представляет закрепленный Федеральным законом принцип софинансирования расходных обязательств, возникающих в связи с исполнением органами местного самоуправления полномочий по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

Существенными правовыми гарантиями выступают запрет возложения на муниципальные образования обязанности финансирования расходов, возникших в связи с осуществлением органами государственной власти и (или) органами местного самоуправления иных муниципальных образований своих полномочий, а также запрет изменения общих принципов организации местного самоуправления, установленных Федеральным законом, допускается не иначе как путем внесения изменений в настоящий Федеральный закон.

Более конкретизированными по сравнению с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. выглядят и закрепленные в ст. 10 принципы территориальной организации местного самоуправления, хотя и сформулированы они в большей степени как требования к установлению границ муниципальных образований.

Таким образом, проделанный нами анализ принципов организации публичной власти позволил прийти к следующим выводам.

Отмечено, что с различной степенью детализации и конкретизации данные принципы получили свою нормативную формализацию в

федеральных законах, регулирующих организацию различных элементов единой системы публичной власти. При этом видится целесообразным фиксация каталога данных принципов в самостоятельных одноименных статьях федеральных законов, а не их рассредоточение в различных их нормах. Полагаем оправданным с точки зрения юридической техники закрепление их именно как норм-принципов, закрепляющих установочные по своей сути правовоположения наиболее высокого уровня обобщения и абстрагированности.

Предложено дифференцировать принципы организации публичной власти на две группы:

- конституционно-опосредованные или, как они сформулированы в названиях соответствующих федеральных законов, – общие;
- специально-предметные, отражающие специфику предмета правового регулирования конкретного федерального закона.

Обе группы поименованных принципов содержатся в анализируемых федеральных законах.

Список цитируемой литературы

1. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (ред. от 29 сентября 2025 г.) «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003. – № 22. – Ст. 2063; 2025. – № 40. – Ст. 5820; Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 29 сентября 2025 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2004. – № 31. – Ст. 3215; 2025. – № 40. – Ст. 5820; Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ (ред. от 30 сентября 2024 г.) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2007. – № 10. – Ст. 1152; 2024. – № 41. – Ст. 6063.
2. https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3084/ПРИНЦИП (дата обращения 22.10.2025)
3. Витрук, Н. В. Общая теория юридической ответственности. М., 2008. – 304 с.
4. Байтин, М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – Саратов, 2001. – 413 с.
5. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права. – М., 1995. – 377 с.
6. Богданова, Н. А. Система науки конституционного права. М., 2001. – 254 с.
7. Осавелюк, Е. А. Понятие и виды принципов конституционного права России / Е.А. Осавелюк // Образование и право. – 2020. – № 3. – С. 58-62.

8. Закон СССР от 9 апреля 1990 г. № 1417-І «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» // <https://docs.cntd.ru/document/901817750?ysclid=mhvvmgqzvm952863949> (дата обращения 18 октября 2025 г.)
9. Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 1995. – № 35. – Ст. 3506.
10. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1999. – № 42. – Ст. 5005.
11. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003. – № 40. – Ст. 3822.
12. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации, федеральных территорий и муниципальных образований» (ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2011. – № 7. – Ст. 903; 2024. – № 33 (Ч. І). – Ст. 4928.
13. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2021. – № 52 (Ч. І). – Ст. 8973; 2025. – № 31. – Ст. 4681.
14. Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2025. – № 12. – Ст. 1200.

Новикова Алевтина Евгеньевна

профессор кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»,

доктор юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОЗАЩИТНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Аннотация. В статье обоснована авторская концепция правозащитной стабильности как теоретико-прикладного ответа на вызовы, связанные с вмешательством транснациональных факторов в национальные правозащитные системы и использованием правозащитной риторики в политических целях. На основе анализа конституционных норм, положений стратегических и политико-правовых документов, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации выявлены конкретные угрозы надгосударственного характера для правозащитной системы России. Доказано, что действующая конституционная модель, базирующаяся на принципе верховенства Конституции и механизме «конституционного фильтра», создает прочный фундамент для достижения правозащитной стабильности. Авторская концепция предлагает переход к модели, в которой защита прав граждан органично интегрирована в систему государственного суверенитета и национальной безопасности.

Ключевые слова: правозащитная стабильность, национальные интересы, суверенитет, правозащитные риски, Конституционный Суд Российской Федерации.

В настоящее время в российскую и иные современные национальные правозащитные системы весьма агрессивно вмешиваются риски международной природы, что ставит перед государствами дополнительные задачи по управлению рисками и их минимизации. Разработка феномена «правозащитные риски» и формирование самостоятельной конституционно-правовой теории представляется продуктивным ответом на эти вызовы. Кроме того, опору в противодействии внешним рискам, судя по реакции России, целесообразно искать в конституционных ценностях и нормах [1]. Таким образом, теория правозащитных рисков предложена и продолжает формироваться как инструмент осмысления и нейтрализации отклонений реального правозащитного результата от конституционных стандартов под

влиянием событий или деяний, в том числе имеющих транснациональную природу.

В рамках разработанной теории правозащитных рисков с ориентацией на актуальные национальные интересы, представляется целесообразным выделить специальное направление – концепции правозащитной стабильности. Это теоретическая и прикладная модель, в рамках которой защита прав человека векторно конструируется как фактор укрепления национального суверенитета и повышения стратегической устойчивости государства. Ее суть – в обеспечении такой системной сбалансированности правозащитного механизма, при которой он непосредственно способствует отстаиванию национальных интересов, усиливая внутреннюю легитимность и внешнюю субъектность государства.

Считаем необходимым представить ряд прикладных аргументов, демонстрирующих угрозы надгосударственного характера правозащитной системе России и ее национальным интересам. Здесь обоснованно опираться на тезисы ежегодного доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. В числе угроз правам жителей Российской Федерации и российских соотечественников со стороны зарубежных государств и международных организаций названы следующие [2, с. 406]:

- пропаганда расистских идей и ценностей, поддержка национал-радикализма (например, пересмотр итогов Второй мировой войны);
- юридическая агрессия против России (например, политизация международных органов защиты прав человека);
- расширение санкций против России (например, введение Евросоюзом «нового санкционного режима против России»);
- проведение политики системной русофобии (например, дискриминация по признаку национальности в странах Евросоюза).

Представляется, в таких условиях авторская заявка на разработку концепции правозащитной стабильности становится практической необходимостью для обеспечения национальной безопасности и реальной защиты прав граждан России.

С законодательной точки зрения, на наш взгляд, Конституция Российской Федерации закладывает прочный фундамент для названной модели. В ней ключевую роль играет системное толкование следующих установлений [3]:

- провозглашение суверенитета Российской Федерации и верховенства Конституции на всей территории государства, задавая рамки для любого правоприменения, включая международное (ст. 4);

– инкорпорируя общепризнанные принципы и нормы международного права в правовую систему, одновременно указывается, что международные договоры не должны противоречить Базовому закону. Таким образом, сформирован конституционный фильтр для имплементации заявленных норм (ч. 4 ст. 15);

– отнесение защиты прав человека к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, что создаёт вертикаль правозащитного регулирования (п. «б» ч. 1 ст. 72).

Приведенные конституционные нормы находят свое развитие в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в которой ее национальными интересами на современном этапе названы как защита конституционного строя, суверенитета, независимости, так и защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств (п. 25) [4].

Важная роль в формулировании концепции правозащитной стабильности отведена правоприменительной практике Конституционного Суда Российской Федерации. Так, в качестве основополагающего акта следует выделить Постановление от 14 июля 2015 г. № 21-П [5]. В нем Конституционный Суд утвердил верховенство и высшую юридическую силу Конституции Российской Федерации как акта, определяющего пределы действия международных договоров в национальной правовой системе; указал, что исполнение решений межгосударственных органов, невозможно, если они основаны на таком толковании международно-правовых норм, которое приводит к их противоречию с основами конституционного строя, суверенитетом и закрепленными Конституцией правами и свободами человека и гражданина. При этом был установлен специальный правовой механизм разрешения подобных коллизий, обязывающий суды общей юрисдикции и арбитражные суды обращаться в Конституционный Суд в случае обнаружения такого противоречия.

Полагаем, данная практика заложила основы для «диалога правопорядков», где международные обязательства не отменяются, но их реализация проходит конституционный фильтр, опосредующий баланс, при котором защита прав человека не противопоставляется национальным интересам и государственному суверенитету, а, напротив, обеспечивается через призму верховенства Конституции.

Приведенная совокупность авторских аргументов и тезисов позволяет сформулировать следующие теоретические выводы и прикладные предложения, направленные на раскрытие сути и потенциала концепции правозащитной стабильности.

Итак, концепция правозащитной стабильности представляет собой самостоятельное направление / часть теории правозащитных рисков, отвечающая на актуальные вызовы, связанные с политизацией международных правозащитных механизмов. Она представляет собой теоретическую модель, в которой защита прав человека, осуществляемая национальными институтами, выступает ключевым элементом стратегической устойчивости и суверенитета государства, усиливая его легитимность и внешнюю субъектность.

Конституционно-правовой основой данной концепции-модели в России выступает синергия трёх элементов: верховенство Конституции (ст. 4), «конституционный фильтр» для международных норм (ч. 4 ст. 15) и правозащитная вертикаль (п. «б» ч. 1 ст. 72). Эта триада создает правовой каркас для «диалога правопорядков», где международные обязательства проходят легитимацию через национальные ценности.

Представленная концепция предлагает нормативно обоснованный и практически реализуемое направление укрепления правозащитной системы государства в условиях геополитической турбулентности. Она переводит дискуссию о правах человека из плоскости потенциальной конфронтации в плоскость созидания и правовой определенности. Дальнейшее развитие концепции видится в детализации индикаторов правозащитной стабильности и их интеграции в критерии оценки государственной деятельности, что будет способствовать последовательной реализации конституционных ценностей в интересах обеспечения суверенитета и благополучия граждан России.

Список цитируемой литературы

1. Новикова А.Е. Правозащитные риски: конституционная теория и практика: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Белгород, 2021. 38 с.
2. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год. М., 2025. С. 406.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. №7-ФКЗ, 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. №6-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. №7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. №8-ФКЗ) // СЗ РФ. 2022. № 710. Ст. 4398.
4. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

Стус Нина Владимировна

профессор кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук, доцент

(Краснодар, Россия)

Гаврилина Татьяна Александровна

заместитель директора по учебной работе

Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий

(Стерлитамак, Россия)

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭФФЕКТИВНОГО ТРУДОУСТРОЙСТВА КАК ОСНОВНОГО РЕЗУЛЬТАТА ПОЛУЧЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: Статья посвящена исследованию перспектив эффективного трудоустройства как основного результата получения высшего образования. В статье подчеркивается, что право на высшее образование, с точки зрения государственной политики должно быть результативным и находить применение в различных сферах общественной жизни. С целью содействия эффективному трудоустройству государство заняло более активную позицию, устанавливая ограничения количества обучающихся и выделяя бюджетное финансирование исключительно на востребованные специальности. Одним из инструментов контроля численности обучающихся является институт целевого обучения, который позволяет обучать студентов по заказу работодателя.

Ключевые слова: высшее образование, конституционные гарантии, образовательная деятельность, право на высшее образование, трудоустройство, национальный приоритет, целевое обучение.

Основным результатом обучения по программам профессионального образования является не только освоение компетентностных навыков, но и эффективное трудоустройство. Право на высшее образование, гарантированное на уровне Конституции Российской Федерации [1], с точки зрения государственной политики должно быть результативным и находить применение в различных сферах общественной жизни.

Новеллами законодательства являются внесенные 23 мая 2025 года изменения в статьи 101 и 104 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [2, 3], согласно которым за Правительством Российской Федерации закреплено полномочие по утверждению перечня направлений подготовки и специальностей высшего образования, по которым определяется предельное количество мест для обучения на платной основе. Основная цель нововведения заключалась в недопущении переизбытка кадров высшей подготовки по одним направлениям, при значительном дефиците по другим.

Безусловно, логика, которая заложена в данном решении, понятна. Однако, такие кардинальные и авторитарные решения могут негативно отразиться на общей тенденции и снижении популярности высшего образования. Маловероятно, что абитуриенты, планировавшие поступать на гуманитарное направление, переориентируются на инженерные специальности. Предшествовавший опыт демонстрирует, что искусственное контролирование численности специалистов определенного профиля, как правило, в конечном счете, может привести к значительной их нехватке в будущем. Сегодня большинство учреждений судебной и исполнительной системы испытывают серьезный дефицит секретарей, помощников судей, приставов-исполнителей, сотрудников правоохранительных органов в системе МВД России.

Жесткое лимитирование числа мест при наборе обучающихся по направлению «Юриспруденция» с высокой долей вероятности отрицательно скажется и на доступности квалифицированной юридической помощи для большинства граждан.

При таком подходе существует риск получить негативную ситуацию, аналогичную той, которая сложилась в педагогической отрасли, а именно дефицит и старение кадров. Как следствие, государство вынуждено будет предпринимать экстренные меры стимулирования спроса на соответствующие специальности со стороны абитуриентов, что редко приводит к быстрым результатам.

В связи с этим, более сбалансированным представляется не принудительное сокращение числа мест на «неактуальные» специальности, а последовательное повышение имиджевой привлекательности соответствующих направлений и программ высшего образования, где отмечается «кадровый голод».

Университеты крайне активно вовлечены в систему трудоустройства, осуществляя постоянную работу по мониторингу данного направления относительно своих выпускников.

Стоит подчеркнуть, что образовательные организации прошли путь трансформации от организаций, автономно существующих и не вовлеченных в систему эффективного взаимодействия с работодателями. Основная задача высших учебных заведений была обучение по программам высшего образования согласно учебному плану и формирование определенных компетенций у обучающихся. Образовательное учреждение не несло ответственности за трудоустройство студентов и за то, насколько полезными в практической деятельности окажутся их сформированные знания и навыки. Такой подход нес в себе негативные последствия ввиду оторванности от реальной профессиональной деятельности. Устоявшееся выражение «забудьте обо всем, о чем вас учили в университете» - было трендовым для того времени. Представители работодателя сигнализировали о целесообразности сближения теории и практики, необходимости не только предоставления совокупности знаний, но и привития навыков, столь необходимых в практической деятельности.

В настоящее время ситуация изменилась кардинальным образом, что нашло отражение не только в изменившихся учебных планах, но и иным образом выстроенной системе взаимодействия с работодателями. Федеральные государственные образовательные стандарты стали обязывать вузы обеспечить реализацию образовательных программ кадровым составом, причем не только профессорско-преподавательским составом, но и представителями организаций, работающим по профилю соответствующего направления. В университетах созданы базовые кафедры, практические и экспериментальные площадки, карьерные центры, введены и карьерные тьюторы, регулярно проводятся встречи с представителями профессионального сообщества, которые уже со студенческой скамьи имеют возможность рекрутировать лучших студентов.

Вместе с тем на любом направлении образовательных программ высшего образования существует определенный пласт «невостребованных» специалистов, не устроившихся работать по своему профильному образованию. Возникает вопрос: всегда ли образовательные организации и только ли они несут ответственность за удельный вес и процентное соотношение трудоустроенных и нетрудоустроенных выпускников?

К сожалению, в обществе сложилось поверхностное и предвзятое мнение, что именно университет виновен в том, что бывший студент не нашел себе работу по причине непрестижности университета, невостребованности специальности либо плохой подготовки выпускника. Представляется, что этот вопрос является куда более сложным и глубоким. При этом стоит подчеркнуть, что не все выпускники даже самых видных и престижных университетов смогли найти себе достойное место трудоустройства.

Одной из первых причин неэффективного трудоустройства является несоответствие ожиданий и реальности как со стороны выпускника, так и со стороны работодателя. Уже сейчас отмечается значительный дефицит кадров по ряду профессий и специальностей, причем речь идет не только об инженерных специальностях. Ежегодно фиксируется значительный конкурс на медицинские специальности. Однако, до сих пор не решен вопрос с недостатком медицинского персонала. Также остро проблема стоит с педагогическими кадрами.

Основная причина дефицита кадров заключается не в недостаточной квалификации выпускника образовательного учреждения, но ключевым фактором остаются непривлекательные социально-экономические параметры соответствующих вакансий: низкая заработная плата при высоких требованиях работодателя, сильная интенсификация труда.

При подобных исходных данных выпускники образовательных организаций отказываются устраиваться на работу на невыгодных для себя условиях, хотя бы и по профилю специальности.

Целевое обучение, казалось бы, должно решить указанную проблему. Кроме того, со стороны государства обозначен ориентир на исключительно целевое обучение, фактически речь идет о подготовке квалифицированных кадров исключительно в соответствии с потребностями рынка. Данная политика отображена в анонсируемых контрольных цифрах приема. К примеру, исходя из контрольных цифр приема, объявленных в рамках приемной кампании на 2025/26 учебный год, на целевое обучение было выделено около 145 000 мест [4].

Полагаем, целевое обучение не может быть исключительным приоритетом, поскольку сама система такого обучения в настоящее время является неидеальной и обнаруживает целый ряд недостатков. Несмотря на ужесточение мер ответственности за отказ исполнения целевого договора со стороны обучающегося (попросту отказ отработать у работодателя), подобный механизм не способен решить проблему мотивации выпускников.

Решение проблемы видится в повышении престижа профессии, а также в следовании основным конституционным и наднациональным принципам охраны труда, в том числе гарантируя право на достойную заработную плату.

Представляется, что это должно быть элементом конституционно-правовой политики, которая, как отмечал Н.В. Витрук, «призвана выражать интересы всех общественных слоев, обязанностей, составляющих гражданское общество, и рассчитана на эффективное использование государственно-правовых средств воздействия на общественные отношения» [5, с. 327].

Подводя итог вышеизложенному, следует подчеркнуть, что советская высшая школа применяла более удачную модель, когда со стороны государства формировался спрос на специалистов и составлялся список должностей, на которые направлялись выпускники.

Список цитируемой литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.11.2025).
2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.
3. Федеральный закон от 23 мая 2025 г. № 114-ФЗ «О внесении изменений в статьи 101 и 104 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации"» // Российская газета. – 30 мая 2025.
- 4 Конкурс по распределению бюджетных мест вузам и научным организациям на 2025/26 учебный год) // Официальный интернет-портал Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL:<http://minobrnauki.gov.ru/> (дата обращения: 10.11.2025).
5. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М. : Норма, 2008. 448 с.

Баматкириева Селихат Хасановна

младший научный сотрудник НОЦ правовых исследований
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
(Нальчик, Россия)

ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ ТЕХНОЛОГИИ СУДЕБНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация: В статье раскрывается понятие юридической технологии судебного правоприменения как совокупности принципов, обеспечивающих

эффективность, законность, последовательность и справедливость деятельности судебных органов. На основе анализа сущностных характеристик судебной технологии обосновывается необходимость системной классификации ее принципов, которая позволяет выделить три группы: принципы судоустройства, общие (сквозные) судопроизводственные принципы и принципы, присущие отдельным юрисдикционным процессам — конституционному, гражданскому, арбитражному, административному и уголовному. Показано, что комплексное понимание принципов судебной технологии формирует методологическую и организационную основу для оптимизации судебной деятельности с позиций технологического подхода. Сделан вывод о значении данной системы принципов для теории юридической технологии и практики судебного правоприменения.

Ключевые слова: юридическая технология; судебное правоприменение; принципы судоустройства; судопроизводственные принципы; конституционное судопроизводство; гражданский процесс; арбитражный процесс; административный процесс; уголовный процесс; технологический подход.

Современная судебная система функционирует в условиях возрастающей сложности юридической действительности, что требует не только совершенствования процессуального законодательства, но и развития теоретико-прикладных инструментов, обеспечивающих технологичность судебной деятельности. Одним из таких инструментов выступает юридическая технология судебного правоприменения, представляющая собой систему методов, приемов и правил, направленных на оптимизацию юрисдикционных процессов [1].

Фундаментальным элементом рассматриваемой технологии являются ее принципы, которые задают нормативно-ценностные ориентиры и обеспечивают упорядоченность, последовательность и законность судебного правоприменения. Эти принципы отражают специфику судебной власти как самостоятельной ветви государственной власти, реализуемой через различные формы судопроизводства (конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного) [2].

Выделение и систематизация принципов юридической технологии судебного правоприменения позволяют выявить методологическую основу организации судебной деятельности.

Под принципами юридической технологии судебного правоприменения следует понимать основополагающие идеи и правила, нормативно-правовые требования, обеспечивающие эффективность,

законность, обеспеченность и справедливость применения процедурно-процессуальных норм в рамках осуществления судоустройственной и судопроизводственной деятельности органов правосудия посредством юрисдикционных процессов. Указанные принципы в системе формируют своего рода методологическую и организационную основу для проектирования, внедрения и функционирования успешной судебной деятельности с точки зрения

Данные принципы могут быть сформированы в три крупные группы: судоустройственные принципы, общие судопроизводственные принципы и принципы, характерные для отдельных юрисдикционных процессов. Такое разделение отражает многоуровневую структуру судебной власти и специфику ее технологической организации, а введение в научный оборот системной концепции принципов судебной технологии представляет собой значимый шаг в направлении формирования целостной теории юридической технологии судебного правоприменения.

Первую группу составляют принципы судоустройства (судоустройственные принципы), куда следует включить самостоятельность судебной власти, автономность и недопустимость ограничения полномочий; принцип федерализма и единства судебной власти; публичность; принцип бюджетного финансирования; принцип судейского руководства.

Следующую группу принципов судебной технологии возможно обозначать, как общие судопроизводственные (сквозные), куда входят такие из них, как: принцип осуществления судебной технологии только уполномоченными на то субъектами (суды, судьи, присяжные и арбитражные заседатели), принцип законности, включая и процессуальную законность; системность; технологическая повторяемость; нейтральность и беспристрастность суда (судей); обеспечение права на судебную защиту; принцип справедливости, соблюдения разумности процессуальных сроков, процессуальной экономии, непрерывности, последовательности, а также непосредственности, устности, национального языка, оптимальности, гарантированности прав субъектов и участников и участия общественности в юрисдикционных процессах.

Принципы судебной технологии в юрисдикционных процессах – это третья группа, куда включены следующие принципы:

а) принципы технологии конституционного процесса – независимость, коллегиальность, гласность, состязательность и равноправие сторон, устность разбирательства, язык судопроизводства, непрерывность судебного заседания, принцип непосредственного действия прав и свобод, диспозитивность, справедливость, установление объективной истины и,

конечно же, принцип конституционной законности (хотя текстуально нигде не обозначенной – авт.);

б) технология гражданского процесса включает в себя следующие принципы: процессуальная добросовестность, диспозитивность, судебный состав (единоличное и коллегиальное рассмотрение дел), национальный язык, непосредственность и устность, состязательность и равноправие сторон;

в) примеры классификации арбитражного процесса: справедливость, независимость, разумный срок, беспристрастность, соблюдение участников процесса своих прав и обязанностей, обязательность судебных актов, гласность;

г) принципы технологии административного процесса: законность, справедливость, презумпция невиновности, объективность (хотя законодательно он не закреплён – авт.), национальный язык, оперативность, разумный срок, состязательность и равноправие сторон;

д) принципы технологии уголовного процесса: законность, справедливость, презумпция невиновности, состязательность и равноправие сторон, независимость судей, принцип установления вины и объективной истины, а также принцип обеспечения безопасности субъектов и участников процесса, процессуальной экономии, соблюдение разумных сроков, рациональность и оптимальность процедурно-процессуальной формы.

Как представляется, сформированная и охарактеризованная система принципов юридической технологии судебного правоприменения внесет определенный вклад в научное освоение данной проблематики и будет востребована практикой.

Список цитируемой литературы

1. Баматкириева С. Х. Технология судебного правоприменения: общетеоретические подходы к понятию и сущности // Аграрное и земельное право. 2025. № 2. С. 25-28.
2. Баматкириева С. Х. К вопросу о сущности и понятии судебного правоприменения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 20-22.

Баринов Эмиль Эдуардович

заведующий кафедрой конституционного и муниципального права
Ростовского государственного экономического университета
кандидат юридических наук, доцент
член Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации
(Ростов-на-Дону, Россия)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНСТИТУЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПРАВОСУДИЯ

Аннотация. В статье рассматривается функциональное измерение конституционной культуры правосудия, отражающее специфику реализации конституционных идей и принципов в судебной деятельности. Обосновывается рассмотрение конституционной культуры правосудия через призму общих (универсальных) и специальных функций, раскрывающих ее роль в поддержании устойчивого конституционного порядка, защите прав и свобод и легитимизации публичной власти.

Ключевые слова: баланс частных и публичных интересов, верховенство Конституции России, единообразие судебной практики, конституционная культура правосудия, легитимность правосудия, правовая культура, правоприменительная практика, правосудие, функции правосудия.

Конституционная культура правосудия представляет собой систему устойчивых ценностных ориентиров, профессиональных установок, правил и практик, посредством которых конституционные идеи, принципы и нормы становятся реально действующими в процессе осуществления судебной деятельности. Состояние конституционной культуры правосудия отвечает на вопрос – насколько органы судебной власти способны видеть за нормами отраслевого законодательства конституционный смысл и содержание защищаемых и охраняемых ими благ, обосновывать судебные решения в русле верховенства Конституции РФ и работать на достижение такого результата, который воспринимался бы обществом как законный и справедливый. Конституционная культура правосудия имеет ярко выраженную ценностную природу и характеризуется не только знанием конкретных конституционных норм, но и признанием Конституции России важнейшим аксиологическим стандартом судебной аргументации. В этом смысле она сопряжена с пониманием Конституции России как базового источника профессионального конституционного сознания, определяющего пределы допустимого государственного вмешательства в жизнь человека и

способы нахождения баланса между правами личности и публичными интересами [1, с. 122].

Методологически оправдано рассматривать конституционную культуру как разновидность правовой культуры, но с особым конституционным содержанием, определяемым высшей юридической силой Конституции и ее прямым действием. В отличие от конституционной культуры в широком понимании, конституционная культура правосудия фокусируется на судебной деятельности. Такое понимание согласуется с подходами теории государства и права к правовой культуре как к частному случаю общей культуры, допускающему многообразие исследовательских оснований и уровней анализа [2, с. 51-52].

Для описания конституционной культуры правосудия можно использовать институционально-функциональную модель, характеризующую связи между элементами соответствующей системы и реализуемыми ими функциями, с учетом того, что один и тот же институт может быть предназначен для решения нескольких задач. Например, открытость судопроизводства одновременно выполняет коммуникативную, легитимирующую и профилактическую функции. Процессуальные аспекты судебной деятельности характеризуют независимость судей, качество профессиональной аргументации и, непосредственно, доверие к судебной системе в целом. Единообразие судебной практики укрепляет правовую определенность системы законодательства, равенство лиц в сходных ситуациях и предсказуемость судебных решений и поведения всех субъектов судебной деятельности.

Функции конституционной культуры правосудия целесообразно рассматривать в рамках системного подхода, различая общие (универсальные) и специальные функции, что позволяет не только определить ее место в механизме правового регулирования в целом, но и обозначить ее специфическое значение для осуществления правосудия. Такое разграничение соответствует представлению о конституционной культуре правосудия как многоуровневом и многоаспектном феномене, сочетающем ценностные, нормативные и практико-ориентированные элементы.

Общие (универсальные) функции конституционной культуры правосудия характеризуют ее вклад в поддержание устойчивости, целостности, упорядоченности и внутренней согласованности правовой системы в целом. В рамках такого подхода конституционная культура правосудия выступает не только как совокупность отдельных институтов, но и как фактор, обеспечивающий воспроизводство основных принципов конституционного строя в процессе правоприменения. К числу таких

функций относится, прежде всего, обеспечение верховенства Конституции России, которое проявляется в ориентации судебной практики на конституционные принципы и ценности как высший критерий оценки законности и легитимности всей системы правового регулирования. Конституционная культура правосудия в данном измерении предполагает, что Конституция России воспринимается органами судебной власти не как абстрактный политико-правовой документ, а как непосредственно действующий нормативный и аксиологический ориентир, характеризующий всю систему правоприменения. Последнее обстоятельство в свою очередь предполагает согласованность отраслевых и конституционно-правовых аспектов правоприменительной практики, обусловленную необходимостью предотвратить подмену духа Конституции узкоотраслевыми интересами.

Важная универсальная функция конституционной культуры правосудия – это реализация идеи правой определенности системы законодательства, посредством обеспечения предсказуемости судебных решений, без которых невозможно устойчивое функционирование системы конституционного порядка. Конституционная культура правосудия предполагает, что судебные решения во всех случаях логически обоснованны, внутренне непротиворечивы и соответствуют ранее выработанным высшими судами правовым позициям. Посредством формирования единых стандартов толкования и применения норм обеспечивается возможность разумного прогнозирования правовых последствий своих действий для всех участников правовых отношений.

Также необходимо отметить функцию, направленную на формирование доверия к государству как институту разрешения социальных конфликтов. Доверие граждан к государству производно, в том числе, от доверия граждан к судебной системе, и возникает не только в результате формального соблюдения установленных законом правил, но и благодаря восприятию в общественном сознании суда как независимого и ориентированного на конституционные ценности арбитра. Конституционная культура правосудия в данном контексте проявляется в транспарентности судебных процедур, понятности и убедительности мотивировки решений, а также в уважительном отношении ко всем участникам судебного процесса. Отсутствие этих элементов способно подорвать легитимность судебных решений даже при их формальном соответствии закону и как следствие – доверие к государству. Наконец, универсальной функцией конституционной культуры правосудия является легитимизация публичной власти в глазах общества. Посредством данной функции система правосудия обеспечивает признание сложившегося конституционного порядка как справедливого, что имеет важное значение для

обеспечения социальной стабильности и идеи социального партнерства, легитимизированной на уровне конституционной реформы 2020 года.

Помимо обозначенных стабилизирующей и интегративной функций, конституционная культура правосудия выполняет ряд других универсальных функций, которые характеризуют ее значение для правовой системы в целом. К их числу относится, в частности, гносеологическая (познавательная) функция, выражающаяся в обеспечении общего понимания конституционных ценностей, принципов и смыслов как судьями, так и иными участниками судебного процесса. «... любое понимание права обязано опираться на развернутую концепцию прав человека, точнее личности, и включать в себя обязательные базовые элементы: во-первых, анализ права как аксиологического по своей природе, во-вторых, системное построение нравственных основ права, справедливости, общественных и человеческих «правовых» идеалов» [3, с. 52]. Посредством судебной аргументации, мотивировки решений и формирования доктринальных правовых позиций конституционная культура правосудия способствует выработке рациональных, социально обусловленных и разделяемых обществом представлений о праве, пределах вторжения публичной власти в общественное и личное пространство, допустимых способах разрешения правовых конфликтов. Оценивая в этой связи перспективы конституционно-правового воспитания россиян в целом, следует помнить, что между «традиционным» миром и миром правовых конструкций существует значительная разница. Так, например, изучающие право студенты вынуждены постигать правовую реальность при помощи «особых юридических очков» [4, с. 13]. Соответствующие соображения можно высказать и в отношении обычных граждан. Кроме того, речь идет и об изменении факторов, играющих роль «детерминанты развития государства и права и переходом к «информационной» парадигме их эволюционирования». Происходящие «метаморфозы» в правосознании вызваны доступностью правового массива законодательства и судебной практики за счет использования информационных технологий и сети Интернет, которые в свою очередь становятся серьезным инструментом, способным коренным образом изменить сложившиеся правовые практики [5, с. 119].

Не менее значимой является прогностическая функция, проявляющаяся в способности задавать ориентиры для будущего правового регулирования и правоприменения. Последовательность и аргументированность судебных решений позволяют участникам правовых отношений прогнозировать последствия своих действий, а законодателю — учитывать сформированные

судами конституционные стандарты при разработке и корректировке нормативных актов.

К числу универсальных функций также относится воспитательная функция, направленная на формирование уважительного отношения к государству, праву, суду и конституционным ценностям. Она реализуется не только через «справедливое» итоговое судебное решение, но и через саму процедуру правосудия — открытость судебного разбирательства, равенство сторон, убедительность правовой аргументации и др. Это укрепляет доверие к судебной системе и способствует внутреннему принятию конституционно-правовых норм как социально значимых ориентиров поведения.

Не менее важное значение для анализа имеют специальные функции конституционной культуры правосудия. Одной из базовых является правозащитная функция, выражающаяся в обеспечении права на судебную защиту, гарантированное Конституцией России. Конституционная культура правосудия предполагает, что судебная деятельность — это, прежде всего, спор вокруг конституционно значимого блага. В этом измерении правоприменение строится на учете конституционных стандартов справедливого судебного разбирательства, а применение отраслевых норм осуществляется в их конституционно-правовом смысле, что позволяет избежать формализма и обеспечивает реальную защиту прав и свобод.

С правозащитной функцией тесно связана регулятивная функция. Она проявляется в том, что судебная практика — это не только итог разрешения споров в правовой сфере, но и ориентир допустимого поведения участников общественных отношений и органов публичной власти. Посредством судебных решений формируются стандарты допустимого вмешательства в сферу прав и свобод, границы усмотрения властных субъектов, а также требования к процедурам принятия решений, опосредуемые, в том числе, на уровне отраслевого законодательства. Регулятивное воздействие конституционной культуры правосудия особенно заметно в делах публично-правового характера.

Ценностно-нормативная функция выражается в закреплении и воспроизводстве конституционных ценностей в судебной практике. Конституционная культура правосудия предполагает, что суд не ограничивается формальной ссылкой на нормы законодательства, а раскрывает их ценностное содержание. Особое значение в этой связи имеют такие ценности как достоинство личности, справедливость, свобода и равенство. В процессе мотивировки судебных решений эти ценности переводятся на язык юридических аргументов и становятся частью всей системы правоприменения. Таким образом, суд выступает способом

трансляции конституционных ценностей в правовую систему в целом. Особенно эта функция заметна на примере системы конституционного правосудия.

Важное место занимает деятельностно-правореализационная функция, характеризующая практическое измерение конституционной культуры правосудия. Она связана с тем, каким образом орган судебной власти реализует свои полномочия: насколько последовательно применяются конституционные стандарты, насколько обоснованно и публично мотивируется решения, как выстраивается процессуальное взаимодействие с участниками судебного процесса. Конституционная культура правосудия в данном аспекте проявляется не только в содержании судебных решений, но и в самой процедуре отправления правосудия — ее транспарентности и соблюдении специальных процессуальных гарантий.

Интерпретационная и правопреобразовательная функции выражаются в способности органов судебной власти придавать правовым нормам конкретное содержание и адаптировать их к изменяющимся социальным условиям. Судебная интерпретация в рамках конституционной культуры правосудия носит публичный, рациональный, ценностный и социально обоснованный характер, ориентированный не только на защиту прав и свобод граждан, но и поддержание баланса между публичными и частными интересами. При этом интерпретационная деятельность судов нередко приводит к трансформации правового регулирования в соответствующей сфере: формируются новые правовые позиции, уточняющие, например, критерии соразмерности ограничений прав и свобод, пересматриваются иные устоявшиеся правоприменительные и законодательные подходы, что особенно актуально для деятельности высших судов Российской Федерации.

Особое значение имеет нормоконтрольная функция, в наибольшей степени проявляющаяся в деятельности органов конституционного правосудия. Она включает как обнаружение и устранение неконституционных правовых норм, так и формирование обязательных для правоприменителя и законодателя правовых позиций. Конституционная культура правосудия также предполагает наличие специальных механизмов «распространения» этих позиций на всю судебную систему, а также систему действующего законодательства. Без такого распространения потенциал нормоконтрольной функции остается ограниченным.

Коммуникативно-правовая функция связана с диалогом между обществом, судебной и другими ветвями власти. Судебные решения выступают особой формой правовой коммуникации, в которой суд разъясняет основания своих выводов, демонстрирует подчиненность публичной власти

праву и тем самым формирует доверие к правосудию. Правосоциализаторская функция предполагает формирование у граждан общих представлений о государстве, праве, идее справедливости и возможных, допустимых законом, способах защиты своих интересов. Речь идет о легитимизации понимания права как социально обусловленного регулятора общественных отношений.

В заключение отметим, что конституционная культура правосудия представляет собой сложный и многомерный феномен. Она формируется на основе институциональной организации судебной власти, функциональных характеристик правоприменения и устойчивых форм научного, профессионального и обыденного правосознания. Учет функциональных особенностей данного феномена позволяет выработать более эффективные подходы к совершенствованию системы правосудия в современной России.

Анализ функциональных характеристик конституционной культуры правосудия позволяет рассматривать последнюю в качестве основы конституционного порядка и легитимности публичной власти. Уровень развития конституционной культуры правосудия непосредственно влияет на доверие общества к судебной власти и выступает важным показателем защиты конституционных прав и свобод. Посредством универсальных и специальных функций обеспечивается баланс публичных и частных интересов, защита национальной конституционно-правовой идентичности и воспроизводство конституционных ценностей и смыслов. Практика исполнения судебных решений, уровень открытости судебной деятельности и качество юридического образования образуют взаимосвязанную систему, в рамках которой воспроизводятся ценностные основания конституционного правопорядка. Перспективные направления дальнейшего исследования данной проблематики связаны с региональными механизмами конституционного контроля, судебной коммуникацией в цифровой среде и практикой исполнения судебных актов, включая решения Конституционного Суда РФ. Эти вопросы сопряжены с задачами совершенствования организационно-правовых форм судебной деятельности и укрепления доверия к правосудию как части правовой системы [6, 7].

Список цитируемой литературы

1. Бутыко Л.В. Мархгейм М.В. Конституция как источник правосознания: диалектика обновления // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2017. № 17 (238). Выпуск 37. С.121-126.
2. Марченко М.Н. Теория государства и права. – М.: «Проспект». 2003. 640 с.

3. Славова Н.А. Правовая культура: понятие и функции // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. № 3. Том 1. 2020. С. 48-55.
4. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 320 с.
5. Титова Е.В. К вопросу о структуре конституционного правосознания и его особенностях // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17. № 4. С. 118-125.
6. Румянцев О.Г. 20-летие Конституции Российской Федерации: уроки истории, перспективы развития // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 2. С. 10-21.
7. Колюшин Е.И. Ценности правды в государственном (конституционном) праве России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 8-14.

Барсова Екатерина Руслановна

сотрудник Министерства здравоохранения Российской Федерации
(Москва, Россия)

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВРЕДНОЙ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ИНФОРМАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ГРАЖДАН

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу конституционно-правовых аспектов защиты прав граждан в контексте современной угрозы: распространения информации, наносящей вред здоровью человека. Особое внимание уделяется роли государства в регулировании информационного пространства и гарантиям прав человека при столкновении с деструктивным контентом в цифровом пространстве.

Ключевые слова: Конституция, право на охрану здоровья, деструктивный контент, информационная пропаганда, законодательное регулирование.

Граждане Российской Федерации являются главной ценностью государства, основополагающей целью которого является обеспечить должный уровень жизни населения. Немаловажным составным элементом достойной жизни человека и гражданина выступает высокий уровень физического здоровья и отсутствие заболеваний, а также условия, способствующие укреплению физического и психического состояния посредством физической культуры и спорта и высокому уровню санитарно-эпидемиологическому благополучия, что гарантируется согласно п. 2 ч. 41 Конституции Российской Федерации [1, с. 43].

Однако, кроме перечисленных условий, немаловажным видится обеспечение информационного благополучия граждан от деструктивного контента в цифровом пространстве, оказывающего влияние на охрану здоровья человека и гражданина. Особенную актуальность информационная безопасность приобретает для детей – лиц, не достигших 18-ти летнего возраста, являющихся активными пользователями сетевых платформ.

На сегодняшний день на законодательном уровне в Федеральном законе «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ФЗ №124), Федеральном законе «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ФЗ № 436) и Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 №149-ФЗ (ФЗ № 149) установлен перечень информации, запрещенной к распространению, а именно:

- побуждающей к совершению действий, представляющих угрозу для жизни и здоровью (в том числе к самоубийству) (п. 1 ч. 2 ст. 5 ФЗ № 436);
- способной вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные, одурманивающие вещества, табачные изделия, сжиженные углеводородные газы, алкогольную и спиртосодержащую продукцию (п. 2 ч. 2 ст. 5 ФЗ № 436);
- направленной на склонение несовершеннолетних к действиям, угрожающим их жизни и здоровью (пп. ж. п. 1 ч. 5 ст. 15.1 ФЗ № 149);
- содержащей предложение о розничном приобретении алкогольной продукции, а также о розничной торговле лекарственными препаратами и биологически активными добавками, розничная торговля которыми запрещена (пп. е, з, н п. 1 ч. 5 ст. 15.1 ФЗ № 149).

Кроме того, данные нормативные акты включают в перечень запрещенной для распространения информации сведения, способные негативно повлиять на психическое и душевное здоровье детей и взрослых (распространение заведомо ложных сведений о ходе проведения Специальной военной операции на Украине; оправдание насильственных действий по отношению к животным; сведения о сексуальном насилии; пропаганда педофилии, нетрадиционных сексуальных отношений, нецензурной брани и т.п.).

Распространение вредного для физического и психического здоровья контента в цифровой среде имеет значительные масштабы. В частности, за 2023 год Лига безопасного Интернета получила более 1,5 тыс. сообщений о фактах распространения пронаркотической информации, в результате чего 818 ресурсов было удалено [2].

Кроме того, за первый квартал 2024 года Роскомнадзор удалил или заблокировал около 172 тыс. материалов с запрещенной информацией. По данным ведомства, количество информации, пропагандирующей ЛГБТ и педофилию увеличилось фактически в 12 раз за год и составило за соответствующий отчетный период 15,4 тыс. [3]. По итогам 2024 года удалено в 2 раза больше негативной информации в сети Интернет по сравнению с годом ранее, при этом объем деструктивной информации, направленный на вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, также увеличился в 1,5 раза [3].

Целесообразно сделать вывод о том, что, с одной стороны, рост учтенного количества деструктивной информации возрастает в связи с возникновением новых составов преступлений и правонарушений, связанных с распространением негативной информации, а также активной работой уполномоченных органов, деятельность которых все чаще сводится к выявлению противоправных действий именно в онлайн-пространстве. С другой стороны, необходимо констатировать факт распространения неблагоприятных данных, оказывающих негативное влияние на физическое и психическое здоровье, циркулирующих в глобальной сети.

Тем не менее, список информации, который, в соответствии с вышерассмотренными нормативными правовыми актами, признан запрещенным для распространения, является недостаточным в современных реалиях. Асоциальная реклама, популяризация вредных привычек; демонстрация ложных медицинских советов; пропаганда опасных для здоровья практик; информация, вызывающая тревогу и стресс способны оказать прямое или косвенное влияние на состояние здоровья пользователей Интернет-пространства.

В качестве примера необходимо привести пропаганду экстремального похудения, активно распространяемую в Интернет-пространстве. Следуя за стандартами красоты и используя псевдо-советы по похудению, размещенные в социальных сетях и поисковых запросах, пользователи попадают в ловушку экстремального сброса массы тела, приводящего к расстройству пищевого поведения, а иногда к психическому расстройству как анорексия.

В частности, согласно статистическим данным 2023 года, расстройства пищевого поведения затрагивают около 9% населения во всем мире. Кроме того, в мире существует от 0,3 до 0,4% молодых женщин, страдающих нервной анорексией; среди молодых мужчин это число достигает 0,1% (в сумме около 32-35 млн. человек) [4].

Распространяется данная «мода» на различные виды экстремального похудения в большинстве своем посредством различных Интернет-площадок. К примеру, в социальной сети ВКонтакте функционирует более 100 сообществ с прямым наименованием, связанным с анорексией: «Анорексия.голод.булимия», «Анорексия – это жизнь», «Рпп – голодные игры» и т.п. В наиболее просматриваемых сообществах насчитывается 119 237 человек, превалирующая часть из которых – молодые девушки [5].

Нам представляется необходимым дополнить перечень информации, запрещенной к распространению ФЗ № 149 пп. «о» п.1 ч. 5 ст. 15.1 «информации, пропагандирующей экстремальное похудение, способы и средства истощения организма, а также публичная демонстрация тела или частей тела с патологически низким уровнем массы тела в целях призыва к снижению веса через сознательное голодание».

Кроме того, сомнительной для физического здоровья граждан (в особенности представителей молодого поколения) выглядит реклама тонизирующих напитков, рекламируемых по телевидению, а также в Интернет-пространстве. С 1 марта 2026 года вступят в силу новые требования к рекламе тонизирующих напитков, а именно: обязательное информирование о вреде продукта, запрет на уведомление о БАДах и витаминах, входящих в состав напитка, а также ряд требований к формату рекламных роликов [6].

Тем не менее, высокий уровень интереса детей и подростков к энергетическим напиткам свидетельствует о недостаточности вышеуказанных требований. В частности, ряд исследователей провели социологический опрос среди 134 респондентов в возрасте 17-22 лет о частоте употребления тонизирующих напитков. В результате исследования удалось установить, что 63% участников исследования употребляют энергетические напитки минимум 1 раз в неделю и чаще; 15% признают, что имеют зависимость от них и употребляют по 1 баночке в день и лишь 1% никогда их не пили [7, с. 1080]. Молодые люди назвали собственный рейтинг энергетиков и распределили их следующим образом в порядке убывания: «Adrenalin Rush», «Red bull», «Burn», «Monstor Energy» и «Drive me». На последнем месте оказался вариант ответа «любой» [7, с. 1081], что свидетельствует о высокой степени осведомленности подростков о марках и вкусовых особенностях энергетических напитков.

На данный момент времени весьма проблематично установить высокий уровень негативного влияния тонизирующих напитков на детей и подростков. В СМИ весьма часто встречаются случаи смертельного отравления «неизвестным веществом» детей и подростков, употребивших в

день отравления тонизирующие напитки, однако ни одна экспертиза не способна указать на причину смерти от них, однако опасность данных напитков обсуждается давно [8].

Следует подытожить, что в перспективе необходимо признание рекламы тонизирующих напитков антисоциальной с последующим ее запретом.

Таким образом, Конституция Российской Федерации, с одной стороны, гарантирует гражданам право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любыми законными способами. Это право является краеугольным камнем демократического общества, обеспечивая открытость, плюрализм мнений и возможность критического осмысления действительности. Одновременно государство гарантирует конституционные права на охрану здоровья человека и гражданина, включающие создание условий для его сохранения и укрепления. Данные гарантии в том числе включают защиту от факторов, негативно влияющих на здоровье, в том числе и от вредоносной информации. В связи с этим важно продолжить работу по формированию благоприятной цифровой среды, защищенной от информации, представляющей угрозу для физического и психического здоровья человека и гражданина, тонкого балансируя между обеспечением свободы слова и защитой жизни и здоровья граждан.

Список цитируемой литературы

1. Хурматуллина А.М. Конституционная ценность «здоровье человека» в приоритетных направлениях государственной политики // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. №3. С. 40-52.
2. Контент о наркотиках в 2023 году удалили с 818 ресурсов [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/obschestvo/17953259>
3. Результаты деятельности Роскомнадзора [Электронный ресурс] URL: <https://rkn.gov.ru/activity/plans/reports/p449/>
4. Статистика расстройств пищевого поведения [Электронный ресурс] URL: <https://www.psyhealth.ru/edstatistic>
5. Сообщества ВКонтакте [Электронный ресурс] URL: <https://vk.com/groups?q=анорексия>
6. Реклама энергетиков должна отвечать новым требованиям с 1 марта 2026 года [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/29885/>
7. Подхватилина Н. А., Мсхвилидзе Н. П., Зубарева Г. М. Воздействие энергетических напитков на здоровье современного поколения // Вестник науки. 2024. №1 (70). С. 1079-1086.
8. Смертельная энергия [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20230930/energetik-1899398004.html>

Безуглый Сергей Николаевич

доцент кафедры публичной власти и правового положения личности

Института правоведения

Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ)

старший научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности

Российской академии наук (ЦИПБ РАН)

кандидат юридических наук, доцент

(Москва, Россия)

Андреева Екатерина Олеговна

студентка Института правоведения РГГУ

(Москва, Россия)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРАВО НА РАЗВИТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В работе рассмотрены вопросы влияния глобализации на реализацию права на развитие в современной России. В ходе исследования авторами сделан вывод о том, что глобализация не только способствует планетарному объединению, но и создает риски утраты уникальных культурных особенностей и исторически сложившегося самосознания. Авторами отмечается необходимость поиска баланса между интеграцией в глобальный мир и соблюдением интересов в рамках реализации права на развитие личности, общества и государства.

Ключевые слова: глобализация, право на развитие, риски глобализации, образование, общество и государство.

В условиях современного мира глобализация становится одним из наиболее значимых и многоаспектных процессов, оказывающих существенное влияние на развитие общества и государства. Процессы интеграции в экономической, политической, культурной и информационной сферах ведут к формированию нового глобального порядка, в рамках которого страны сталкиваются с рядом новых вызовов и возможностей. В связи с этим реализация права на развитие приобретает особое значение в условиях глобализирующегося мира, что обуславливает со стороны, прежде всего, государства поиск и дальнейшую апробацию стратегических решений в целях сохранения собственной идентичности.

Не теряет своей актуальности [1; 2; 3] вопрос о том, как глобализация влияет на возможность человека / общества / государства реализовывать право на развитие. Это особенно актуально для современной России, чье

«особое положение» в мировом сообществе в настоящий момент детерминировало коренные изменения внутренней и внешней политики, переосмысление итогов пройденного пути и постановку новых целей, отвечающих национальным интересам. По сути, со стороны органов публичной власти был дополнительно стимулирован процесс по сохранению собственной идентичности российского общества и государства в условиях принудительного насаждения общепланетарных канонов.

Общеизвестно, что глобализация оказывает фундаментальное влияние на систему ценностей и идеалов современного общества, способствуя процессу унификации культурных элементов и феноменов. Этот процесс, по мнению британского социолога и теоретика Р. Робертсона, проявляется в «сжатию мира и интенсификации осознания мира как целого» [4, с. 128], что подчеркивает быстрое сближение, проникновение / «диффузию» и взаимосвязанность стран и культур.

Следует отметить, дефинирование глобализации в научном секторе не нашло авторского единодушия, что вполне оправдано ввиду многоаспектности и многогранности данной категории. Так, Л.М. Карапетян определяет глобализацию как «объективный процесс установления экономических, научно-технических, социально-политических, культурных и иных отношений между странами и практическая деятельность государств, их лидеров и других субъектов по организации взаимосвязанного и взаимозависимого функционирования регионов и континентов стран мирового сообщества» [5, с. 56.]. По мнению А.А. Радугина и И.Д. Черноусовой, активные интеграционные и коммуникативные процессы порождают проблематизацию национальной идентичности, ослабление чувства принадлежности индивида к определенному государству, обществу и культуре [6; с. 46]. Резюмируя отмеченное, заключим, что глобализация не только способствует глобальному объединению, но и вызывает справедливые опасения по поводу утраты уникальных культурных особенностей и исторически сложившегося самосознания.

Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу национальной идентичности, обеспечивающую защиту и укрепление суверенитета страны, единство многонационального и многоконфессионального населения, а также сохранение культурного наследия и развитие человеческого потенциала (Указ Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»). В рамках государственной концепции обеспечение реализации права на развитие с безусловным учетом интересов российских граждан,

общества и государства становится важнейшим направлением государственной политики.

Следует заметить, что события последних лет обусловили необходимость выработки четкой государственной политики по сохранению самобытности российского общества в условиях глобализации, и, как следствие, формирование адекватной нормативной основы для реализации данной политики.

Полагаем, что фундаментальным нормативным правовым актом в данной системе является Конституция Российской Федерации, заложившая основы для реализации права на развитие человека/общества/государства путем закрепления прав и свобод человека и гражданина в целом, а также идеологического многообразия (ст. 13), свободы вероисповедания (ст. 28), права на участие в культурной жизни (ст. 44) и др. в частности. В данной связи позволим себе подметить, что конституционно заложенные «очертания» права на развитие обрели реальную форму в 2020 г. в ходе общероссийского голосования. Речь, безусловно, идет о ч. 4. ст. 67.1, гарантирующей право на развитие детей: «Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим».

Стоит отметить, что правовые основы механизма реализации права на развитие закреплены также в федеральном законодательстве, которое представлено широким перечнем нормативных актов. В качестве иллюстрации полагаем необходимым привести положения Федерального закона от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», который уточнил конституционно обозначенные контуры права на развитие детей в России путем регламентации вопросов обеспечения доступа к качественному образованию, формирования национальных стандартов и программ; формализации обязанности государственных органов по поддержке инклюзивных и инновационных образовательных практик, способствующей укреплению правового механизма в сфере реализации права на развитие в России, и др. Доминантой исследуемого акта федерального значения, на наш взгляд, является формализация в качестве приоритета государственной политики принципов по созданию условий для полноценного развития личности и реализации её потенциала.

Следует подчеркнуть также, что в ходе внесения поправок в вышеупомянутый Федеральный закон, федеральным законодателем были регламентированы собственные стандарты профессиональной квалификации для определенных отраслевых групп специалистов, включая медицинских

работников. При этом законодательно уточнено, что в рамках реализации стратегии развития системы профессиональной подготовки и повышения квалификации утверждаются национальные стандарты подготовки врачей, которые учитывают специфические требования и особенности отечественного здравоохранения. Данный подход, как представляется, обеспечивает соответствие профессиональной деятельности национальным стандартам качества и безопасности, а также укрепляет автономность национальной системы образования и профессиональной сертификации. По нашему мнению, благодаря активной модернизации системы образования, инвестированию в подготовку высококвалифицированных специалистов и развитию национальных стандартов Россия не только адаптирует международные требования, но и самостоятельно формирует образовательные стандарты для отдельных профессий. Как справедливо отмечает Н.В. Вечканова, право на образование является особо значимым социальным правом человека, создающим необходимые предпосылки для развития личности, что опосредует влияние на развитие общества в целом [7, с. 71].

Полагаем, что такой подход со стороны законодателя способствует более эффективной реализации конституционного права граждан на образование с учетом соблюдения интересов в рамках реализации права на развитие общества и государства.

В заключении полагаем важным подчеркнуть, что Российская Федерация, несмотря на усиливающееся давление извне, умело балансирует между интеграцией в глобальные процессы и сохранением своей идентичности, что является ключевым фактором устойчивого развития нашей страны в условиях всепроникающей глобализации.

Список цитируемой литературы

1. Мурадян А.А., Гончаров В.В. Влияние глобализации на формирование личности подрастающего поколения // В сборнике «Глобальный конституционализм и перспективы мирового развития»; II Международная научно-практическая конференция (симпозиум) № МК-2; ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»; Юридическая консалтинговая корпорация «Ассоциация независимых правозащитников». М., 2021. С. 217-227.
2. Джумагелдиев С., Нурымова С., Джумамырадов Б. Социальные изменения в условиях глобализации // Наука и мировоззрение. 2024. Вып. 29. Т. 1. С. 186-191.
3. Гадисов С.Р. Правовая культура российского общества в условиях глобализации // Правовая культура. 2016. № 2 (25). С. 107-111.

4. Фомичев П.Н. Робертсон Р., Хондкер Х. Дискурсы глобализации: предварительные размышления // Глобализация: Контуры XXI века. 2010. № 1. С. 126-130.
5. Золин А.В. Понятие глобализации // Logos et Praxis. 2007. Сер. 7, Вып. 6. С. 55-57.
6. Радугин А.А., Черноусова И.Д. Глобализация как фактор проблематизации российской национальной идентичности // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2023. № 1. С. 45-49.
7. Вечканова Н.В. Право на образование в Российской Федерации: Конституционный аспект // Теория и практика общественного развития. 2017. № 8. С. 69-72.

Белоцеркович Денис Валерьевич,
 советник ректора НИУ «БелГУ»
 кандидат юридических наук, доцент
 (Белгород, Россия)

ВКЛАД КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАЗВИТИЕ НАГРАДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного осмысления роли Конституционного Суда Российской Федерации в формировании и совершенствовании правовых основ государственной наградной системы, что напрямую связано с вопросами конституционных ценностей и публичного признания заслуг. Цель данной статьи состоит в анализе решений Конституционного Суда Российской Федерации, влияющих на содержание и развитие наградного законодательства.

Ключевые слова: государственные награды Российской Федерации, источник права, решения Конституционного Суда Российской Федерации, наградное законодательство Российской Федерации, публичное право.

Государственные награды Российской Федерации являются высшей формой поощрения граждан за деятельность, направленную на обеспечение благополучия, процветания и безопасности России [1].

Вопросы государственных наград Российской Федерации отнесены п. «с» ст. 71 отечественной Конституции к ведению Российской Федерации [2]. В частности, Президент Российской Федерации награждает государственными наградами Российской Федерации, присваивает почетные звания Российской Федерации (п. «б» ст. 89 Конституции Российской Федерации) [2]. Конкретизирует указанные нормы Положение о

государственных наградах Российской Федерации от 2 марта 1994 г. № 442 [1], согласно которому, Президент издает указы и о награждении государственными наградами, и об учреждении государственных наград Российской Федерации.

Решения Конституционного Суда Российской Федерации как высшего судебного органа конституционного контроля всегда занимали особое место в системе источников наградного права. Несмотря на то, что до настоящего времени среди теоретиков права и правоприменителей нет единого мнения относительно правовой природы таких решений, а значит, и консолидированной позиции по вопросу наличия в них критерия нормативности, в современной юридической доктрине все больше склоняются к признанию таких решений самостоятельными источниками права [3, 4, 5].

Анализируя различные точки зрения в монографии «Источники конституционного права Российской Федерации», О.Е. Кутафин выработал подход, согласно которому Конституционный Суд Российской Федерации, являясь прежде всего правоприменительным органом, принимает решения, не обладающие нормативно-правовой природой. Одновременно с этим академик рассматривает их как источник конституционного права в широком смысле и называет источниками особого типа, обосновывая это тем, что они являются общеобязательными, а содержащаяся в них правовая позиция представляет собой общее правило поведения, которое имеет неперсонифицированный характер и которому должны следовать все субъекты правоотношений в рамках решения вопросов в пределах своей компетенции [6, с. 141- 142]. Именно в данном содержательно-правовом ракурсе мы расцениваем решения Конституционного Суда Российской Федерации, посвященные пониманию наградного дела в Российской Федерации, вопросам организации и нормативного регулирования.

Так, Конституционный Суд Российской Федерации определяет институт государственных наград Российской Федерации как институт публичного права, стимулирующий позитивную гражданскую активность и способствующий укреплению политической солидарности.

В частности, раскрывая правовую природу государственных наград, как отдельного вида публичного поощрения, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что почитание памяти предков, передавших ныне живущему поколению любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, предполагает уважительное отношение к наградам в качестве особой формы официального признания заслуг гражданина перед Отечеством и при жизни награжденных, и после их смерти. Правовой статус

награжденного носит постоянный, непередаваемый и неотчуждаемый характер. Публично-правовые свойства государственной награды как нематериального блага – вне зависимости от принадлежности ее материального знака конкретным лицам – остаются неизменными, исключая признание данного блага объектом права собственности, которым обладатель вправе распорядиться по своему усмотрению. В то же время материальные знаки государственных наград ввиду их производной природы приобретают для близких родственников награжденного, к которым они переходят после его смерти, и для общества в целом прежде всего не материальную, но духовно-нравственную, мемориальную ценность, не позволяющую считать их обычными объектами гражданских прав [7].

Анализ решений Конституционного Суда Российской Федерации на предмет регулирования государственных наград Российской Федерации и СССР, показал, что, несмотря на то что государственные награды СССР не входят в состав российской наградной системы, правовые режимы государственных наград Российской Федерации и государственных наград СССР аналогичны, поскольку на последние распространяются правила, предусмотренные действующим законодательством. Тем самым обеспечивается единство правового регулирования в этой сфере, отражающее статус России как правопреемника (правопродолжателя) СССР [8].

Ввиду общности правового режима государственных наград Российской Федерации и государственных наград СССР в наградном праве закреплен общий запрет их незаконных приобретения или сбыта, подделки, незаконного ношения, учреждения или изготовления знаков, имеющих схожее название или внешнее сходство, под угрозой применения ответственности, установленной законодательством Российской Федерации [9].

Примером посмертной защиты человеческого достоинства может служить выраженная Конституционным Судом Российской Федерации правовая позиция, согласно которой государственная награда как нематериальное благо не может оцениваться в денежном выражении, а потому свободный оборот знаков государственных наград умалял бы, помимо прочего, достоинство награжденного соответствующим знаком отличия лица. В данной связи Конституционный Суд Российской Федерации выявил конституционно-правовой смысл ст. 324 Уголовного кодекса Российской Федерации как предполагающей возможность возложения уголовной ответственности за незаконный сбыт государственных наград СССР – в силу общности правового режима государственных наград Российской Федерации и государственных наград СССР – на лиц, у которых они хранятся (которым они переданы) после смерти награжденного, при

условии обязательного учета реальной степени общественной опасности такого деяния [8].

Таким образом, материальные знаки государственных наград ввиду их производной природы приобретают для близких родственников награжденного, к которым они переходят после его смерти, и для общества в целом прежде всего не материальную, но духовно-нравственную, мемориальную ценность, не позволяющую считать их обычными объектами гражданских прав [10, с. 5-14].

Достоинство как конституционная ценность не только сопряжено с прижизненным статусом личности, но и предполагает надлежащую посмертную защиту. Данное подтверждено в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 15.11.2011 № 24-П, в котором рассматривалась проблема признания ветеранами боевых действий участников отрядов самообороны, образованных при вторжении международных террористов в Республику Дагестан в августе – сентябре 1999 г. Формирование данных отрядов по решению Государственного совета Дагестана следует рассматривать как участие этого субъекта Федерации в осуществлении полномочий по противодействию терроризму. Отряды самообороны были организованы из числа добровольцев с правом ношения огнестрельного оружия в конкретных населенных пунктах для охраны важных объектов, административных границ и обеспечения правопорядка, а их направление для выполнения задач непосредственно в зону военных действий допускалось только по решению Совета безопасности Республики Дагестан. Данные подразделения совместно с органами внутренних дел принимали участие в блокировании и локализации отдельных территорий, на которых имели место вооруженные столкновения, в разоружении и ликвидации незаконных вооруженных формирований. Многие добровольцы, принимавшие участие в отрядах самообороны, проявили мужество и героизм, в связи с чем были удостоены государственных наград Российской Федерации, в том числе посмертно.

В заключении осуществленного исследования, сформулируем ключевые тезисы по заявленной теме. Итак, Конституционный Суд Российской Федерации

- выступает субъектом интерпретации и корректировки наградного законодательства, формируя доктринальные подходы к его институциональному пониманию в плоскости публичного права;

- подтверждает единство правового режима государственных наград Российской Федерации и СССР, что отражает статус России как

правопродолжателя СССР и обеспечивает преемственность в регулировании наградного дела;

- последовательно придерживается позиции, согласно которой государственные награды являются нематериальным благом, имеющим духовно-нравственную и мемориальную ценность. Это исключает возможность их коммерческого оборота и обеспечивает посмертную защиту достоинства награжденного;

- содействует гармонизации наградного законодательства с конституционными ценностями, такими как человеческое достоинство, справедливость, патриотизм и публичное признание заслуг перед Отечеством;

- взаимодействует с иными государственными органами в части совершенствование законодательства и правоприменения

Список цитируемой литературы

1. Указ Президента РФ от 02.03.1994 № 442 «О государственных наградах Российской Федерации» // Российская газета. 1994, 10 марта.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>).
3. Бондарь Н.С. Акты конституционного правосудия как источники права: их нормативно-доктринальная природа // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы. В 2 т. Т. 1. Национальное законодательство и его гармонизация с правом Европейского Союза: сб. науч. тр. Минск, 2008. С. 14-26.
4. Волкова Н.С., Хабриева Т.Я. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и парламент. М., 2005. 175 с.
5. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. 574 с.
6. Кутафин О.Е. Избранные труды: В 7 томах. Т. 2. Источники конституционного права: Монография. М.: Проспект, 2014. 346 с.
7. Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020-2023 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://www.ksrf.ru> по состоянию на 22.11.2023.

8. Информация Конституционного Суда РФ «Конституционно-правовая защита человеческого достоинства: актуальные аспекты» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 30.10.2025) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://www.ksrf.ru> по состоянию на 31.10.2025.

9. Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 37. Ст. 4643.

10. Лазарев В.В. От устоявшихся концепций к современным новациям в работах по систематизации законодательства // Журнал российского права. 2025. № 6. С. 5-14.

Богатырев Магомед Резванович
заведующий кафедрой «Юриспруденция»,
Грозненский государственный нефтяной технический университет
имени академика М.Д. Миллионщикова,
кандидат юридических наук
(Грозный, Россия)

ПРИРОДА ЭКСТРАОРДИНАРНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: В статье раскрывается понятие и сущность экстраординарного правового регулирования как особого временного вида правового воздействия, применяемого государством в исключительных условиях. Представлены основные направления интерпретации экстраординарного регулирования в современной доктрине: нормативно-догматическое, институционально-функциональное, системно-критическое и административно-практическое. Охарактеризованы ключевые признаки экстраординарного регулирования: чрезвычайность оснований, временность, специальный набор правовых средств, концентрация властных полномочий, межотраслевой характер и целеполагание на восстановление правопорядка. Определены структурные элементы содержания экстраординарного правового регулирования.

Ключевые слова: экстраординарное правовое регулирование; чрезвычайные правовые режимы; чрезвычайное право; публичное управление; чрезвычайные обстоятельства; правовые средства; ограничительные меры.

Современная доктрина выделяет несколько подходов к определению экстраординарного правового регулирования.

Нормативно-догматический подход артикулирует юридическую форму и законность экстраординарного регулирования, реализуемого через специальные нормативные средства. Он представлен, в частности, в работах Б.Б. Бидовой и М.Р. Богатырева, где экстраординарное регулирование определяется как совокупность механизмов, позволяющих применять нестандартные средства для преодоления угроз общественной и государственной безопасности [3].

С точки зрения институционально-функционального подхода чрезвычайное регулирование рассматривает Т.Н. Шмидт, определяя его, как вид правового регулирования; особый правовой режим; комплексный институт публичного права. По ее мнению, экстраординарное регулирование представляет собой систему специфических правовых средств, применяемых в экстремальных условиях [9].

Аналогичный подход развивает Я.Р. Джамбалиев, выделяя в структуре экстраординарного регулирования особую систему управления, специальные полномочия органов власти, особый правовой инструментарий (комендантский час, мобилизационные мероприятия) [4].

Т.Я. Хабриева и С.М. Зырянов с позиций системного подхода предлагают рассматривать экстраординарное регулирование как перенастройку правовой системы под условия неопределенности, включающую использование гибких и адаптивных процедур [5; 7]. Право в этой модели понимается как динамическая конструкция, изменяющаяся под воздействием кризисных факторов.

Административно-практический подход, представленный трудами С.Д. Хазанова, Д.М. Лифанова; В.Г. Романовского, акцентирует внимание на специфике реализации экстраординарных режимов в сфере публичного управления. Исследователи рассматривают такие режимы как инструменты оперативного реагирования на угрозы, включая санитарно-эпидемиологические, техногенные и социальные кризисы [6; 8].

На основе анализа научных позиций и нормативных актов можно выделить следующие признаки экстраординарного регулирования:

- а) чрезвычайность оснований;
- б) временный характер, ибо экстраординарное регулирование всегда ограничено по срокам, что закреплено в законодательстве о чрезвычайном и военном положениях;
- в) специальный набор правовых средств;

г) концентрация властных полномочий: в условиях чрезвычайности усиливается вертикаль власти, создаются временные структуры (комендатуры, штабы), расширяются полномочия органов безопасности;

д) межотраслевой характер;

е) целевая направленность.

Эти признаки в совокупности формируют юридико-догматическую специфику экстраординарного регулирования.

Содержание экстраординарного регулирования включает несколько взаимосвязанных элементов: нормативно-правовые основания; правовые механизмы реагирования; институциональные элементы; процедурно-процессуальные формы и гарантии прав и механизмы контроля [1; 2]. Эти элементы демонстрируют комплексность и междисциплинарность экстраординарного регулирования.

Таким образом, экстраординарное правовое регулирование представляет собой особую форму правового воздействия, применяемую в условиях исключительных обстоятельств и характеризующуюся временным характером, нормативной легитимацией, использованием специальных правовых средств и концентрацией властных полномочий. Несмотря на отсутствие единого определения, современные научные подходы позволяют трактовать экстраординарное регулирование как родовое понятие, включающее систему правовых средств и режимов, направленных на стабилизацию кризисных ситуаций и восстановление нормального функционирования государства. Развитие данной категории способствует формированию единой доктринальной базы и совершенствованию правового механизма реагирования на угрозы.

Список цитируемой литературы

1. Беляев В.П., Беляева Г.С. Принципы и гарантии процессуально-правового режима юридической деятельности // Lex Russica. 2014. № 10. С. 1169–1176.
2. Беляев В. П., Беляева Г.С., Бидова Б.Б. К вопросу о понятии национальных интересов и особенностях их юридического закрепления в североамериканской традиции // Право и государство: теория и практика. 2019. № 8(176). С. 52-54.
3. Бидова Б.Б., Богатырев М.Р. Чрезвычайное правовое регулирование: суть и содержание // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9(225). С. 12–13.
4. Джамбалиев Я.Р. Чрезвычайное положение как особый правовой режим // Закон и право. 2011. № 4. С. 21–23.

5. Зырянов С.М. Экстраординарные административно-правовые режимы // Журнал российского права. 2016. № 4(232). С. 72–79.
6. Романовский В.Г. Экстраординарная ситуация: понятие и правовой режим // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9. № 1(33). С. 54–62.
7. Хабриева Т.Я. «Юриспруденция пандемии»: территория чрезвычайного // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 1. С. 5–9.
8. Хазанов С.Д., Лифанов Д.М. Законодательство об экстраординарных правовых режимах // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 3(59). С. 15–19.
9. Шмидт Т.Н. Чрезвычайное правовое регулирование как самостоятельный вид правового регулирования // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2017. № 15. С. 48–49.

Гелуненко Валерия Вадимовна

старший преподаватель кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

РАКУРСЫ СВОБОДЫ В КОНСТИТУЦИЯХ РСФСР

Аннотация. На основе анализа конституционных текстов РСФСР (1918, 1925, 1937, 1978 гг.) с учетом устоявшихся доктринальных подходов предложено понимание свободы в качестве универсального конституционного термина, преимущественно использовавшегося в характеристике государства, общества и личности. При этом наиболее последовательно на конституционном уровне свободы связывались с личностью/гражданином/человеком как частью его правового статуса и применительно к свободе слова, выражения мнений, печати, совести, собраний и организаций.

Ключевые слова: права и свободы, свобода слова, свобода выражения мнений, свобода агитации

Конституционная свобода, ныне понимаемая как связанная с правами возможность для самореализации, не требующая при этом и для этого строгой правовой регламентации со стороны государства, исследована в научном плане в качестве элемента правового статуса личности [1], видового разнообразия [2], механизмов ее гарантирования и защиты [3], конституирования в иных государствах [4, 5] и др.

По словам Н.В. Витрука, «Права и свободы личности не являются неизменными и вечными в своем содержании. В то же время права и свободы индивиды не даруются (не октроируются) государством. Они существуют не в силу того, что они формально признаны государством и узаконены (хотя это так же необходимо), а в силу самой сущности человеческого общежития, складывающихся в нем системой общественных отношений и вытекающих из них социальных возможностей личности» [1, с. 224]. И тем не менее полагаем значимым для познания развития института прав и свобод исследовать конституционные подходы к их формализации, а одновременно выявлять варианты сопряжения, в частности, слова «свобода» и с иными конституционными феноменами.

Термин «свобода» в действующей Конституции России в преимуществе своем сопряжен с правами человека. Устойчивость сочетания «права и свободы» личности/человека/гражданина, с одной стороны, делает их восприятие неразделимым, с другой – затеняет иные конституционные ракурсы свободы. Рассмотрим их на примере конституционных текстов России 1918-1978 гг.

Первичный анализ показал, что совокупно слово «свобода» (с учетом падежных форм и однокоренных вариантов) упомянуто 60 раз, но вовсе не пропорционально: конституциях 1918 и 1978 гг. – 14 и 29 раз соответственно, в конституциях 1925 и 1937 гг. – 9 и 8 раз.

Следующий шаг исследования – анализ смыслов и контекстов, которые связаны со словом «свобода». Разберем это в хронологическом порядке.

Конституция РСФСР (Основной Закон), принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года¹, в первом же Разделе «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» его Главы первой констатируется, что «2. Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик».

Далее в Главе третьей фиксировалось намерение достичь «4. ...во что бы то ни стало революционными мерами демократического мира трудящихся без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения наций». В этой же главе III Всероссийским съездом Советов декларировалось приветствие политики «6. ... Совета Народных Комиссаров, ... объявившего свободу самоопределения Армении».

Глава четвертая рассматриваемого конституционного Раздела содержала стремление III Всероссийского съезда Советов «8. ... создать

¹ <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1918.htm>

действительно свободный и добровольный, а следовательно, тем более полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России...».

Раздел второй Конституции РСФСР 1918 г., именовавшийся «Общие положения Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» ожидаемо обращался к свободе более часто. Так, согласно Главе пятой Российская Республика «10. ... есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России...». Такое свободное общество связывалось со свободой совести, свободой выражения мнений, свободой собраний и свободой союзов. Конституировалось, что Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика в целях обеспечения действительной свободы «13. ... совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»; «14. ... выражения своих мнений ... уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки рабочего класса и крестьянской бедноты все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране»; «15. ... собраний ..., признавая право граждан Советской Республики свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т.п., предоставляет в распоряжение рабочего класса и крестьянской бедноты все пригодные для устройства народных собраний помещения с обстановкой, освещением и отоплением»; «16. ... союзов ... Республика, сломив экономическую и политическую власть имущих

классов и этим устранив все препятствия, которые до сих пор мешали в буржуазном обществе рабочим и крестьянам пользоваться свободой организации и действия, оказывает рабочим и беднейшим крестьянам всяческое содействие, материальное и иное, для их объединения и организации».

Соответственно, в первой Конституции РСФСР 1918 г. через слово «свобода» характеризовались и государство, и трудящиеся. Применительно к государству использовались «свободный союз свободных наций», свободное самоопределение наций, свобода самоопределения государства (Армения). Применительно к трудящимся речь шла о свободном обществе, с присущими ему свободам совести, выражения мнений, собраний и союзов.

В Конституции РСФСР (Основном Законе), принятой 11 мая 1925 г. XII Всероссийским съездом Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов¹, все варианты слова «свобода» были сосредоточены в Главе 1 Раздела I. «Общие положения». В порядке

¹ https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508614/?ysclid=mklg8h5ek3765260251

конституционной преемственности в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы, провозглашались свобода «4. совести, ... свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды...»; «5. ... выражения своих мнений», а также свободное распространение произведений печати по всей стране; «6. ... собраний...», а также право советских граждан «свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т. п.» с предоставлением для этого всех пригодные помещений». Новым ракурсом свободы было признание за гражданами Российской Социалистической Федеративной Советской Республики права «свободного пользования родным языком на съездах, в суде, управлении и общественной жизни».

Следовательно, в Конституции 1925 г. в отличие от предыдущей Конституции слово «свобода» связывалось только с социальными субъектами. Дополнительная свобода касалась права пользования родным языком в официальных отношениях и общественной жизни.

В Конституции РСФСР (Основном Законе), утвержденной постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.)¹, нормы, связанные со свободой, сосредоточивались в Главе XI «Основные права и обязанности граждан», а именно в статьях 128 и 129. В первой из них конституировалась свобода совести, свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды, которые признавались за всеми гражданами; во второй – гарантируемые законом в интересах трудящихся и в целях укрепления социалистического строя такие свободы граждан РСФСР, как «а) свобода слова; б) свобода печати; в) свобода собраний и митингов; г) свобода уличных шествий и демонстраций».

Отметим, что в указанных нормах впервые была выражена «свобода отправления религиозных культов» и конкретизация свободы демонстраций.

С однокоренным словом «свобода» упомянем и «национально-освободительную» борьбу, преследование за которую было основание предоставления иностранным гражданам права убежища в РСФСР (ст. 133).

Наиболее многочисленные варианты норм о «свободе» содержались в Конституции РСФСР (Основной Закон), принятой на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г.²

Такие нормы содержались в пяти разделах, касающихся общественного строя, личности, государства и его субъектов. Так в разделе «I. Основы общественного строя и политики РСФСР», в его Главе «1. Политическая система» определялось, что «Советское государство, все его органы действуют на основе социалистической законности, обеспечивают охрану

¹ https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/?ysclid=mklfd8yge2715399037

² https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/chapter/2f110921da4c1d9582b6058c8a1b705d/?ysclid=mklg44vkob373250496

правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан» (ст. 4); в Главе «2. Экономическая система» устанавливалось, что «...Исходя из общественных интересов, закон устанавливает пределы свободы экономической деятельности» (ст. 10); в Главе «3. Социальное развитие и культура» декларировалось, что «В соответствии с коммунистическим идеалом "Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех" государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности» (ст. 20).

В разделе «II. Государство и личность» положения о свободе включены в главы 5 и 6. Глава «5. Гражданство РСФСР. Равноправие граждан» определяла, что иностранным гражданам и лицам без гражданства в РСФСР «гарантируются предусмотренные законом права и свободы...» (ст. 35), предоставляется право политического убежища, если они преследуются «...за участие в революционном и национально-освободительном движении...» (ст. 36).

Глава «6. Основные права, свободы и обязанности граждан РСФСР» содержит слово «свобода» и в самом названии главы, и в семи ее статьях.

Так, граждане РСФСР согласно ст. 37 обладают всей полнотой «...личных прав и свобод, провозглашенных и гарантируемых Конституцией РСФСР, Конституцией СССР, законами РСФСР и СССР. Использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан»; согласно ст. 39 имеют право на отдых, которое помимо прочего обеспечивается созданием «...условий рационального использования свободного времени».

Гражданам РСФСР гарантировались «...свобода научного, технического и художественного творчества...» (ст. 45), «...свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. Осуществление этих политических свобод обеспечивается предоставлением трудящимся и их организациям общественных зданий, улиц и площадей, широким распространением информации, возможностью использования печати, телевидения и радио» (ст. 48); «...свобода совести и вероисповеданий, включающая право каждого человека свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения, исповедовать любую религию или не исповедовать никакой и действовать в соответствии со своими убеждениями при условии соблюдения законов государства» (ст. 50).

Согласно ст. 55 обязанностью всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц являлось «Уважение

личности, охрана прав и свобод граждан». В этой же статье устанавливалось право граждан РСФСР «на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество». Важным сопряжением прав и свобод являлась норма об их неотделимости от собственных обязанностей (ст. 57).

В разделе «III. Национально-государственное и административно-территориальное устройство РСФСР» содержались положения о свободе, связанные с характеристикой РСФСР в составе СССР. Так, Глава 7 из этого раздела РСФСР представлялась как «суверенное советское социалистическое государство», которое в «результате свободного самоопределения нации» объединилась с иными союзными республиками «в единое союзное многонациональное государство» (ст. 68) и «сохраняет за собой право свободного выхода из СССР» (ст. 69).

В этой же главе устанавливалось ведение РСФСР «в лице ее высших органов государственной власти и управления» (ст. 72). В том числе такому ведению подлежат «...5) охрана ... прав и свобод граждан; ...».

В разделе «IV. Советы народных депутатов РСФСР и порядок их избрания» содержалась Глава «10. Система и принципы деятельности Советов народных депутатов». Определялось, что «Деятельность Советов народных депутатов строится на основе коллективного, свободного, делового обсуждения и решения вопросов, ...» (ст. 90). Статьей 92 устанавливалось в частности, что лица, содержащиеся по решению суда либо с санкции прокурора в местах лишения свободы...» в выборах «не участвуют».

В рамках общего принципа, отражавшегося в ст. 97, что «подготовка к выборам народных депутатов осуществляется открыто и гласно», содержалась конкретизирующая выражение мнения норма, согласно которой «Гражданам РСФСР, трудовым коллективам, общественным организациям, коллективам средних специальных и высших учебных заведений гарантируется возможность свободного и всестороннего обсуждения политических, деловых и личных качеств кандидатов в народные депутаты...».

В разделе «V. Высшие органы государственной власти и управления РСФСР» главы 13, 13¹ и 14 содержали слово «свобода» применительно к соответствующим органам. Так, глава «13. Съезд народных депутатов РСФСР и Верховный Совет РСФСР» своей ст. 109 определяла, что Верховный Совет РСФСР: «...7) решает вопросы, связанные с обеспечением конституционных прав, свобод и обязанностей граждан РСФСР и равноправия граждан СССР всех национальностей на территории РСФСР;...». Как следует из ст. 112 данной главы Конституции, «прежде всего в Совете Республики» подлежат

вопросы, имеющие «общее для всей республики значение, прав, свобод и обязанностей граждан РСФСР».

В глава «13¹. Президент РСФСР», а именно в е ст. 121⁴ слово «свобода» содержалось в присяге Президента, где «клянется» «... уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, права народов РСФСР...».

В ст. 125 главы «14. Совет Министров РСФСР» устанавливалось правомочие этого органа осуществлять меры «3) ... по обеспечению и защите прав и свобод граждан».

Следовательно, через слово «свобода» конституционно прописывались характеристики общественного строя, организации и деятельности государства, его органов, прав и свобод человека и гражданина.

Общий вывод по проведенному анализу конституционных текстов РСФСР на предмет отражения в них положений в связи со «свободой», позволяет назвать свободу универсальным конституционным термином, преемственно использовавшимся в характеристике государства, общества и личности. При этом наиболее последовательно на конституционном уровне свободы связывались с личностью/гражданином/человеком в части элементов правового статуса, а также видов конституционных свобод – свободе слова, выражения мнений, печати, совести, собраний и организаций.

Список цитируемой литературы

1. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности : Монография. М. : Норма, 2008. 448 с.
2. Мархгейм М.В., Новикова А.Е., Тульнев М.А. Конституционно-правовые траектории гарантирования свободы массовой информации. Москва, 2022.
3. Мархгейм М.В., Гелуненко В.В. Самозащита и свобода слова: ресурсы конституционно-правового симбиоза // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 2 (81). С. 85-87.
4. Гелуненко В.В., Безуглая А.А. Конституционные версии артикуляции свободы слова в конституциях государств Южной Америки // Право и политика. 2021. № 10. С. 34-42.
5. Гелуненко В.В. Конституционная формализация свободы слова в конституциях государств Восточной Европы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 4. С. 333-337.

Гетьман Ксения Алексеевна

ассистент кафедры теории и истории государства и права
Юридического института НИУ «БелГУ»

Асауляк Дарья Евгеньевна

студент Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ТЕХНИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ВИДЫ И ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. Проблематика техник правового регулирования находится на стыке теории права, законодательной техники и правоприменительной практики. В современных условиях необходимость изучения техник правового регулирования вызвана рядом факторов: увеличением объема законодательства, повышением требований к качеству нормативных правовых актов, необходимостью обеспечения системности правового регулирования. Целью данной работы является комплексный анализ техник правового регулирования, выявление особенностей применения в современных условиях.

Ключевые слова: научная мысль, техника правового регулирования, императивный метод, диспозитивный метод, конституционная основа, цифровизация права

Научная мысль, по словам Н.В. Витрук, «объективно должна развиваться с учетом смены общественного и конституционного строя, нового опыта в государственно-правовом строительстве, а также взаимного влияния общей теории и отраслевых юридических наук» [1].

Техники правового регулирования представляют собой один из важнейших элементов механизма правового воздействия на общественные отношения. Для понимания их сущности необходимо обратиться к категориальному аппарату теории права и выявить место техник в общей системе правового регулирования.

В юридической науке под правовым регулированием традиционно понимается осуществляемое при помощи системы правовых средств воздействие на общественные отношения в целях их упорядочения [2]. Техники правового регулирования, в свою очередь, представляют собой конкретные способы, приемы и методы, с помощью которых достигается необходимый правовой результат.

В.М. Баранов отмечает, что техника правового регулирования представляет собой систему специальных юридических средств, приёмов и правил, которые применяются при создании и реализации правовых норм с целью эффективного регулирования общественных отношений [3]. Данное определение подчеркивает инструментальный характер техник и их направленность на достижение конкретного результата – эффективного упорядочения общественных отношений.

Сущность техник правового регулирования раскрывается через их функциональное назначение. Техники выполняют несколько важных функций в правовой системе. Во-первых, они обеспечивают точность и определенность правового регулирования, позволяя четко сформулировать права и обязанности субъектов. Во-вторых, техники способствуют системности правового регулирования, обеспечивая согласованность различных правовых норм. В-третьих, они повышают эффективность правового воздействия, позволяя выбрать оптимальный способ регулирования конкретных общественных отношений.

Важно различать понятия «техника правового регулирования» и «юридическая техника». Как отмечает Т.В. Кашанина, юридическая техника является более широким понятием, включающим в себя правила и приемы подготовки, оформления и систематизации правовых актов, в то время как техники правового регулирования связаны непосредственно с выбором способов правового воздействия на общественные отношения [4].

Структура техник правового регулирования включает несколько элементов. Первым элементом являются правовые средства – нормативные установления, содержащиеся в правовых актах (нормы права, принципы, дефиниции и т.д.). Вторым элементом выступают приемы использования правовых средств – конкретные способы их применения (дозволение, запрет, предписание). Третьим элементом являются правила сочетания различных правовых средств и приемов для достижения оптимального регулятивного эффекта.

Особое значение в системе техник правового регулирования имеет категория метода правового регулирования. Согласно классификации С.С. Алексеева, существуют два основных метода правового регулирования: императивный (метод субординации) и диспозитивный (метод координации) [5]. Императивный метод характеризуется властными предписаниями, не допускающими отступлений, и применяется преимущественно в публичном праве. Диспозитивный метод предоставляет участникам правоотношений свободу в определении содержания своих прав и обязанностей и характерен для частного права.

Выбор конкретной техники правового регулирования зависит от множества факторов: характера регулируемых общественных отношений, целей правового регулирования, традиций правовой системы, социально-экономических условий. А.В. Малько указывает, что эффективность правового регулирования во многом определяется правильностью выбора техники воздействия на общественные отношения [6].

В российской правовой системе техники правового регулирования имеют конституционную основу. Конституция Российской Федерации [7] закрепляет основные принципы правового регулирования (законность, равенство перед законом, презумпция невиновности и др.), которые предопределяют выбор конкретных техник. Например, статья 55 Конституции России устанавливает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты определенных конституционных ценностей, что определяет технику ограничений в правовом регулировании.

Техники правового регулирования представляют собой систему специальных средств, приемов и правил, используемых для эффективного упорядочения общественных отношений. Их сущность раскрывается через функциональное назначение – обеспечение точности, системности и эффективности правового воздействия.

Применение техник правового регулирования в современной России характеризуется рядом особенностей, обусловленных спецификой переходного периода, необходимостью модернизации законодательства и интеграцией в мировое правовое пространство. Анализ законодательной и правоприменительной практики позволяет выявить основные тенденции и проблемы использования техник правового регулирования.

Первой особенностью является сочетание различных типов правового регулирования в рамках единой правовой системы. Российское законодательство совмещает элементы императивного и диспозитивного регулирования, что отражает как публично-правовые, так и частноправовые начала.

Второй особенностью является активное использование техники отсылочного и бланкетного регулирования. В условиях большого объема законодательства и его динамичного развития законодатель часто использует отсылки к другим нормативным актам или правилам, устанавливаемым уполномоченными органами.

Третьей особенностью является расширение сферы применения рамочного регулирования. Федеральные законы все чаще устанавливают лишь общие принципы и основные правила, делегируя Правительству РФ и

федеральным органам исполнительной власти полномочия по детальной регламентации.

Четвертой особенностью является дифференциация правового регулирования в зависимости от категорий субъектов и объектов. Законодательство устанавливает особые правила для субъектов малого и среднего предпринимательства, для социально значимых секторов экономики, для отдельных категорий граждан.

Пятой особенностью является усиление координирующей функции правового регулирования. В условиях федеративного устройства России особое значение приобретает согласование федерального законодательства и законодательства субъектов Федерации. Техники разграничения предметов ведения и полномочий, закрепленные в статьях 71-73 Конституции России [7], определяют основу для многоуровневого правового регулирования.

Шестой особенностью является цифровизация правового регулирования. Появление новых технологий потребовало разработки специальных техник регулирования цифровых отношений.

Вместе с тем, в практике применения техник правового регулирования выявляется ряд проблем. Одной из них является недостаточная согласованность различных нормативных актов, что приводит к коллизиям и пробелам в правовом регулировании.

Другой проблемой является избыточное регулирование отдельных сфер общественных отношений, когда детальная регламентация сковывает инициативу субъектов и препятствует развитию регулируемых отношений. В таких случаях необходим переход к более гибким техникам регулирования, основанным на общих принципах и стандартах.

Третьей проблемой является нестабильность законодательства, частое внесение изменений, что затрудняет правоприменение и снижает предсказуемость правового регулирования. Для решения этой проблемы необходимо повышение качества законопроектной работы и более тщательная оценка регулирующего воздействия проектов нормативных актов.

Совершенствование применения техник правового регулирования требует комплексного подхода. Необходимо, во-первых, усиление научного обоснования выбора техник регулирования на основе анализа регулируемых отношений и прогнозирования последствий правового воздействия. Во-вторых, повышение качества юридико-технического оформления нормативных актов в соответствии с правилами законодательной техники. В-третьих, обеспечение эффективного мониторинга законодательства и

правоприменительной практики для выявления недостатков правового регулирования и их своевременного устранения.

Список цитируемой литературы

1. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: Монография. – Москва : Изд-во РАП, 2008. – 304 с.
2. Матузов Н.И. Теория государства и права / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – Москва: Юристъ, 2020. – 528 с.
3. Баранов В.М. Техника правотворчества: учебное пособие. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2021. – 412 с.
4. Кашанина Т.В. Юридическая техника / Т.В. Кашанина. – Москва: Норма, 2022. – 496 с.
5. Алексеев С.С. Теория права. – Москва.: Издательство БЕК, 1995. – 320 с.
6. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2020. – 184 с.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.10.2025).

Косолапова Наталья Александровна

доцент кафедры теории и истории государства и права НИУ «БелГУ»

кандидат юридических наук, доцент

Куценко Мария Викторовна

студент Юридического института НИУ «БелГУ»

(Белгород, Россия)

РОЛЬ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЕДИНООБРАЗИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Качественная правотворческая техника является ключевым инструментом для формирования последовательной, непротиворечивой и эффективной системы законодательства в условиях современных социально-экономических и политико-правовых изменений. Недостатки в правотворческой технике могут привести к пробелам, коллизиям и неоднозначности трактовки норм, что отрицательно сказывается на реализации принципа верховенства закона, правовой определенности и предсказуемости правоприменения. В статье проводится комплексный анализ

влияния правотворческой техники на достижение единообразия законодательства.

Ключевые слова: правотворческая техника, единообразие законодательства, юридическая терминология, кодификация, систематизация права, правовая неопределенность, нормативные акты, экспертиза законопроектов, вертикальное единообразие, горизонтальное единообразие.

«Конституционализация есть нарастающий процесс реализации конституционных установлений (принципов, норм и др.) в законотворчестве, в сфере частного и публичного права, в судебной и иной правоприменительной практике по обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина» (Н.В. Витрук) [1, с.250].

Правотворческая техника рассматривается современной юридической наукой как особая отрасль знаний и одновременно как сложная практическая деятельность, направленная на разработку, оформление и совершенствование нормативных правовых актов. Научный аспект правотворческой техники заключается в системном изучении средств, способов и принципов создания правовых норм, анализа дефектов нормативных актов, принципов формулирования и структурирования текста закона, включая требования к языку, стилю, логической стройности и нормативной определенности.

В последние годы в юридической науке и правотворческой практике утвердилось понимание, что эффективность и качество нормативных актов напрямую зависят от применения системы основных элементов правотворческой техники, включающей языковые, логические, структурные и формально-реквизитные средства [2, с.18-22].

Языковые средства обеспечивают ясность, точность и доступность правовых норм для адресатов закона, минимизируя риск неправильного толкования или правовой неопределенности. Логические средства состоят из правил систематизации и последовательного изложения норм, единообразия дефиниций и терминологии, недопустимости внутренних противоречий в тексте правового акта.

Значение правотворческой техники для качества закона трудно переоценить, поскольку именно она обеспечивает такие фундаментальные характеристики нормативных актов, как ясность, доступность и однозначность толкования.

Доступность закона напрямую связана с упрощением языка, с применением понятных, общепринятых терминов, а также с отказом от чрезмерной сложности и казуистики.

Единообразие законодательства признается одним из ключевых условий эффективности правовой системы, поскольку оно обеспечивает целостность, стабильность и предсказуемость правового регулирования.

Последствия несоблюдения единообразия законодательства приводят к ряду негативных явлений, существенно снижающих качество правового регулирования и правоприменения. Среди них:

1. Появление коллизий правовых норм – противоречий между положениями различных актов или разных статей одного акта, что затрудняет их реализацию и требует дополнительных усилий по преодолению коллизий;

2. Формирование правовой неопределенности, при которой ни граждане, ни правоприменители не могут однозначно определить свои права и обязанности, что подрывает доверие к законодательству и провоцирует увеличение числа споров;

3. Судебные ошибки, вызванные неоднозначной трактовкой норм, что влечет вынесение различающихся решений по схожим делам и размывает принцип равенства перед законом.

Связь единообразия законодательства с системностью права отражается в том, что только согласованная, логично построенная система нормативных актов способна обеспечивать устойчивое, предсказуемое и прозрачное правовое регулирование. Языковые и логические средства играют ключевую роль в достижении единообразия законодательства, а унификация юридической терминологии выступает одним из центральных инструментов этого процесса.

Унификация юридической терминологии предполагает обязательное применение одних и тех же терминов для обозначения одинаковых понятий во всех актах – от федеральных законов до подзаконных и локальных нормативных документов.

Организационно-процедурные аспекты правотворческой деятельности тесно связаны с задачей систематизации права, эффективного регулирования законопроектного процесса и предотвращения коллизий в законодательстве. Планирование включает этапы предварительного анализа существующего законодательства, изучения судебной практики и выявления наиболее актуальных сфер регулирования.

Критическим элементом организационно-процедурных аспектов выступает проведение экспертиз законопроектов на предмет соответствия действующему законодательству. В последние годы особое внимание уделялось развитию института антикоррупционной экспертизы, призванной выявлять положения, способные создавать условия для возникновения

коррупции [3, с.121], а также правовой экспертизы – процедуры проверки проекта на предмет соответствия Конституции, федеральным законам и другим нормативным актам.

Значение систематизации права для поддержания и укрепления единообразия законодательной базы обосновано в учебных и исследовательских материалах последних лет, где подчеркиваются организационные приемы, такие как учет, инкорпорация и кодификация. Учет нормативных актов обеспечивает формальную базу для анализа, мониторинга и актуализации законодательства, предупреждает дублирование и способствует созданию единой базы данных. Инкорпорация объединяет действующие акты в сборники или электронные базы без изменения их содержания, делая нормативный массив доступным и согласованным для пользователей: специалистов и граждан.

В процессе кодификации осуществляется глубокая переработка нормативного материала, создаются новые кодифицированные акты (кодексы), в которых устраняются противоречия и пробелы, реализуются принципы структурной согласованности, формируется единый подход к регулированию общественных отношений. Кодификация укрепляет правовую стабильность и устойчивость, способствует развитию эффективной правоприменительной практики, а также обеспечивает наиболее полную защиту интересов субъектов права.

Таким образом, средства и приемы правотворческой техники, методы систематизации, организационно-процедурные аспекты и регулярное планирование законотворческой деятельности обеспечивают не только формальное единство законодательства, но и его реальную эффективность, способность отвечать на современные вызовы и защищать права граждан. Правотворческая техника – это инструмент построения современной правовой системы, устойчивой к рискам, гибкой и открытой для развития, отражающей научные достижения, общественные потребности и конституционные принципы справедливости и равенства.

Список цитируемой литературы

1. Витрук Н. В. Верность Конституции : Монография. – Москва : Российский государственный университет правосудия, 2016. – 272 с.
2. Ембулаева Н. Ю. Юридическая техника : Учебное пособие для обучающихся по направлению 40.04.01 Юриспруденция. – Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2023. – 80 с.

3. Костылева Е. Д. Проблемы и перспективы развития института антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // История, теория, практика российского права. 2024. № 17. С. 120-123. – EDN XWNQVX.

Мирошников Евгений Васильевич,
доцент кафедры административного права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ»
кандидат экономических наук
Алексеева Жанна Дмитриевна
студент Юридического института НИУ «БелГУ»,
(Белгород, Россия)

«ЗЕЛЕННЫЕ» НАЛОГОВЫЕ РЕФОРМЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. Статья посвящена анализу зарубежных моделей «зелёного» налогообложения как ключевого инструмента экологически ориентированной финансовой политики. Исследуются теоретические и практические подходы к углеродному регулированию, включая топливный и выбросный методы, а также национальные стратегии ряда зарубежных государств. Особое внимание уделяется функционированию национальных углеродных налогов, систем торговли квотами, экологических транспортных сборов и энергетических акцизов. На основе сравнительного анализа выявляются общие принципы успешных экологических налоговых реформ и их эффекты для сокращения выбросов CO₂ и стимулирования «зелёных» инвестиций. Рассматриваются вызовы, связанные с углеродной утечкой, и меры по её предотвращению, включая механизм трансграничного углеродного регулирования ЕС (СВАМ). Сделан вывод о необходимости комплексного и научно обоснованного подхода к формированию национальной системы экологического налогообложения, обеспечивающей баланс между экономическим развитием и климатическими целями.

Ключевые слова: налоговое право, налог, «зелёные» налоги; экологическое налогообложение; углеродный налог; выбросы CO₂; экологические реформы; устойчивое развитие; климатическая политика.

В условиях углубляющегося экологического кризиса и нарастающих рисков, связанных с изменением климата, государственная налоговая политика все в большей степени ориентируется на достижение экологических и климатических целей. Ведущие зарубежные государства

рассматривают экологическое налогообложение не только как инструмент фискального регулирования, но и как фактор структурной трансформации экономики, способный стимулировать внедрение низкоуглеродных технологий, рациональное природопользование и инновационную активность в сфере «зеленой» экономики. В этом контексте «зеленые» налоговые реформы приобретают стратегическое значение, интегрируя финансовые механизмы с экологическими приоритетами устойчивого развития.

Необходимость подобных реформ обусловлена тем, что наиболее существенный экологический ущерб генерируется хозяйственной деятельностью человека – прежде всего промышленным производством, энергетикой, транспортом и аграрным сектором. Именно поэтому развитые экономические системы выстраивают комплексные инструменты, позволяющие воздействовать на бизнес посредством налогообложения выбросов углерода, загрязнения окружающей среды, использования ископаемого топлива и эксплуатации транспортных средств. При этом международная практика показывает, что экологические налоги способны не только снижать уровень эмиссии загрязняющих веществ, но и формировать долгосрочные регуляторные стимулы для модернизации производственных процессов и повышения энергоэффективности.

Центральным элементом большинства экологических налоговых систем выступает углеродное регулирование. Оно ориентировано на сокращение выбросов CO_2 , возникающих преимущественно при сжигании ископаемого топлива и функционировании энергоемких производств. В международной практике сложились два базовых подхода к углеродному налогообложению: топливный и «выбросный».

Первый подход предполагает установление налоговых ставок исходя из содержания углерода в конкретном виде топлива. Такой механизм действует в Швеции с 1991 года. На протяжении трех десятилетий ставка углеродного налога систематически повышалась и в настоящее время превышает 130 евро за тонну CO_2 , что является одной из наиболее высоких ставок в мире. Эффективность данного инструмента подтверждается практическими результатами: Швеции удалось одновременно сократить выбросы CO_2 примерно на 30 % и обеспечить более чем двукратный рост ВВП за этот период, что опровергает распространенный тезис о противопоставлении экологической политики и экономического роста.

Второй подход – налог на фактические выбросы углерода – применяется в Канаде, Финляндии, Южной Корее и ряде иных стран. Он предполагает обязательство предприятий корректно учитывать и декларировать объем выбросов, что требует развитой системы мониторинга и

контроля. Так, в Канаде федеральная ставка углеродного налога достигает 65 канадских долларов за тонну CO₂ и будет ежегодно увеличиваться. Подобные механизмы позволяют дифференцировать налоговое бремя, стимулируя предприятия к повышению энергоэффективности и применению технологий улавливания углерода.

В государствах Европейского союза углеродное регулирование носит комплексный характер и является центральным элементом перехода к климатической нейтральности к 2050 году. ЕС последовательно повышает климатические обязательства: первоначальная цель сокращения выбросов на 40 % к 2030 году [7] была усилена до 55 %, что закреплено в Европейском климатическом законе. Такая политика сочетается с развитием систем торговли квотами и использованием прямых налогов на выбросы углерода. Как отмечает М. А. Егорова, «ввиду того, что в ЕС «зеленый курс» является одновременно и стратегией роста, «зеленое» налогообложение направлено на экологическую перезагрузку экономики после пандемии COVID-19» [2, с. 73].

Сравнительно иной подход демонстрирует Китай, который поставил цель достижения углеродной нейтральности к 2060 году. В отличие от ЕС, делающего ставку на ускоренную трансформацию экономики, Китай реализует более плавную модель, ориентированную на сохранение стабильности энергетического сектора. Национальная система торговли квотами выбросов CO₂, запущенная в 2021 году, пока охватывает только электроэнергетику, но уже сейчас является крупнейшей в мире по объему регулируемых выбросов.

Опыт зарубежных стран показывает существенное разнообразие моделей экологического налогообложения, при этом большинство государств стремятся к сочетанию фискальных целей с задачами декарбонизации и стимулирования «зелёных» инвестиций. Для наглядности представим сравнительную характеристику систем «зелёного» налогообложения ряда государств (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика систем «зелёного» налогообложения
зарубежных государств

Страна / регион	Ключевые инструменты «зелёного» налогообложения	Особенности	Предполагаемое влияние и результаты
Швеция (ЕС)	Углеродный налог на топливо, акцизы на	Один из первых и наиболее жёстких	Существенное сокращение выбросов

Страна / регион	Ключевые инструменты «зелёного» налогообложения	Особенности	Предполагаемое влияние и результаты
	энергоносители, налоги на выбросы загрязняющих веществ	углеродных налогов (с начала 1990-х годов); постепенный рост ставки в сочетании с параллельным снижением налогов на труд и бизнес	CO ₂ при сохранении высоких темпов экономического роста; стимулирование энергосбережения и перехода к ВИЭ
Германия (ЕС)	Налоги на энергоносители, экологический компонент в налоге на транспорт, система торговли квотами ЕС ETS	Включение экологических критериев (уровень выбросов, стандарт Euro) в расчёт транспортного налога; активное участие в системе торговли квотами выбросов	Снижение удельных выбросов в энергетике и промышленности, рост доли возобновляемых источников энергии; стимулирование модернизации транспортного парка
Великобритания	Climate Change Levy (налог на потребление энергии предприятиями), углеродный «floor» (минимальная цена на выбросы), транспортные налоги	Дифференцированные ставки для предприятий в зависимости от энергоэффективности и участия в климатических соглашениях; повышенные налоги на автомобили с высокими выбросами	Стимулирование внедрения энергоэффективного оборудования, развитие низкоуглеродной генерации, постепенный вывод с рынка наиболее «грязных» технологий
Канада	Федеральный углеродный налог, региональные системы торговли квотами, акцизы на топливо	Сочетание общефедерального «карбонового» налога с возможностью провинций выстраивать собственные схемы; возвращение части доходов населению и бизнесу в форме компенсаций	Формирование ценового сигнала на выбросы CO ₂ при смягчении социального эффекта; стимулирование энергосберегающих технологий и «зелёных» инвестиций
Китай	Национальная система торговли квотами выбросов (ETS), пилотные региональные проекты по углеродному регулированию	Пошаговое распространение ETS с электроэнергетики на другие отрасли; сочетание административного регулирования с рыночными механизмами	Постепенное формирование внутренней цены на углерод; создание стимулов для модернизации крупных энергоёмких предприятий при сохранении устойчивости энергетического сектора

Страна / регион	Ключевые инструменты «зелёного» налогообложения	Особенности	Предполагаемое влияние и результаты
Ирландия (ЕС)	Углеродный налог, акцизы на уголь и мазут, налоги на транспорт с учётом выбросов	Последовательное повышение ставок налогов на «грязные» виды топлива, льготы для домохозяйств при переходе на более чистые энергоносители	Существенное сокращение потребления угля и мазута, рост использования газа и ВИЭ; снижение выбросов в секторе теплоснабжения и энергетики

Составлено по данным [4; 5; 6].

Сравнительный анализ представленных в таблице данных демонстрирует, что успешные системы «зелёного» налогообложения базируются на ряде общих принципов: долгосрочности и предсказуемости налоговой политики, поэтапном повышении ставок, учёте отраслевых особенностей, а также использовании компенсаторных механизмов для наиболее уязвимых групп населения и предприятий. При этом конкретные конфигурации налоговых инструментов – соотношение углеродных налогов, энергетических акцизов, транспортных налогов и систем торговли квотами – варьируются в зависимости от структуры экономики, уровня развития энергетического сектора и приоритетов национальной климатической политики.

Одним из наиболее серьезных вызовов для стран с развитой системой экологического налогообложения остается риск «углеродной утечки». Под данным термином понимается перенос энергоемких производств в государства с более мягкими экологическими нормами, что приводит к снижению конкурентоспособности предприятий в странах с высокими экологическими стандартами, падению доли таких государств на мировых рынках и, парадоксальным образом, к увеличению глобальных выбросов парниковых газов. Примером может служить перенос отдельных сталелитейных и цементных производств из ЕС в Турцию, Индию и ряд государств Юго-Восточной Азии после ужесточения европейских экологических норм.

Ответом на эту проблему стал запуск Европейским союзом механизма трансграничного углеродного регулирования (Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM). Он предполагает, что импортируемые в ЕС товары с высоким углеродным следом (цемент, сталь, алюминий, удобрения и др.) будут облагаться дополнительной платой, эквивалентной стоимости

выбросов в ЕС. Механизм вступает в полную силу с 2026 года и уже оказывает влияние на торговую политику многих стран, стимулируя их адаптацию к новым климатическим требованиям. СВМ стал прецедентным инструментом, во многом формирующим мировую архитектуру климатического регулирования.

Значительный вклад в выбросы CO₂ вносит транспортный сектор, что обусловило активное развитие специальных экологических налогов. Международная практика выделяет три модели:

1. Регистрационные налоги, учитывающие уровень выбросов CO₂ и экологический класс автомобиля. В Дании, например, регистрационный налог может достигать 150 % стоимости автомобиля с высоким уровнем выбросов.

2. Ежегодные налоги на владение транспортным средством, применяемые в Германии, Великобритании и ряде других стран. Так, в Германии ставка зависит от объема двигателя и удельных выбросов, что снижает фискальную нагрузку на владельцев экологических автомобилей.

3. Комбинированные модели, являющиеся наиболее распространенными.

Согласно данным М. М. Юмаева, лишь Польша, Норвегия и Израиль ограничиваются регистрационным налогом, тогда как Эстония и Литва полностью отказались от экологических транспортных налогов. Это демонстрирует значительное разнообразие подходов к регулированию автомобильных выбросов [3, с. 84].

Особое значение в экологической налоговой политике имеет налогообложение энергетических ресурсов. В государствах ЕС действует Директива о налогообложении энергии (Energy Taxation Directive, ETD), устанавливающая минимальные ставки акцизов на бензин, дизельное топливо, природный газ, уголь и электричество. Данный инструмент направлен не столько на прямое снижение выбросов, сколько на повышение стоимости использования ископаемых энергоносителей и перераспределение стимулов в пользу возобновляемой энергетики.

Примером эффективности энергетических акцизов является Ирландия, где повышение акцизов на уголь и мазут привело к сокращению их потребления более чем на 50 % в течение пятнадцати лет, способствуя росту доли возобновляемых источников энергии.

Таким образом, экологические налоговые реформы представляют собой один из наиболее результативных инструментов реализации климатической политики. Международный опыт подтверждает, что такие налоги обеспечивают двойной эффект: они способствуют снижению уровня

загрязнения окружающей среды и одновременно создают основу для инновационного развития. При этом ключевой задачей экологического налогообложения должно быть не фискальное пополнение бюджета, а формирование стимулов к внедрению экологичных производств, повышению энергоэффективности и развитию «зеленых» технологий.

В этих условиях представляется обоснованной позиция О. А. Акмаммедовой, согласно которой экологические налоги должны прежде всего способствовать модернизации экономики, переходу к безопасным технологиям и снижению негативного воздействия на окружающую среду, а не преследовать исключительно доходные цели [1, с. 128].

Опыт зарубежных стран показывает, что эффективное экологическое налогообложение возможно лишь при сочетании научно обоснованного регулирования, развитой системы мониторинга выбросов и международного сотрудничества в целях предотвращения углеродной утечки. Это позволяет формировать устойчивые модели экономического развития, сочетающие инновационность, экологическую ответственность и стратегическое планирование.

Считаем, что зарубежный опыт, рассмотренный в настоящей статье, обладает высокой практической ценностью для Российской Федерации, однако его применение требует адаптации к национальным экономическим, энергетическим и правовым условиям. Ключевые элементы – углеродное регулирование, экологические транспортные сборы, энергетические акцизы и механизмы торговли квотами – могут стать основой для формирования эффективной системы «зелёного» налогообложения в России при условии поэтапного внедрения, совершенствования мониторинга выбросов и учёта отраслевой специфики отечественной промышленности. При этом зарубежные модели показывают, что экологические налоги результативны только тогда, когда они создают долгосрочные стимулы для модернизации производства, а не преследуют преимущественно фискальные цели. Следовательно, интеграция зарубежных подходов возможна лишь в рамках комплексной реформы (не ограничивающейся сферой налогообложения), направленной на повышение экологической ответственности бизнеса, развитие низкоуглеродных технологий и укрепление стратегического сотрудничества в международной климатической политике.

Список цитируемой литературы

1. Акмаммедова О. А. Основные направления регулирования «зеленого» налогообложения: опыт зарубежных стран / О. А. Акмаммедова, М. Аллабергенов // Символ науки. 2024. №11-1-1. С. 127-128.

2. Егорова М. А. Основные направления правового регулирования «зеленого» налогообложения для целей предпринимательской деятельности: опыт зарубежных стран // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 7. С. 71–79.
3. Юмаев М. М. Особенности зарубежной налоговой политики в связи с развитием зелёных технологий // Налоги и налогообложение. 2022. № 4. С. 77-99.
4. Greenhouse Gas Pollution Pricing Act (S.C. 2018, с. 12, s. 186). – URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/g-11.55/> (дата обращения: 28.10.2025).
5. Progress Report of China's National Carbon Market (2024). – URL: <https://www.mee.gov.cn/ywdt/xwfb/202407/W020240722528850763859.pdf> (дата обращения: 28.10.2025).
6. Tax Foundation Europe: Principled Research. Insightful Analysis. Engaged Experts. – URL: <https://taxfoundation.org/eu/> (дата обращения: 28.10.2025).
7. Zachmann, G. A European carbon border tax: Much pain, little gain /G. Zachmann, B. McWilliams // Bruegel Policy Contribution. – No. 2020/05. – Bruegel, Brussels. – P. 1-19.

Нгатеё Акони Шани Павел

старший преподаватель кафедры конституционного и
международного права Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

ЗАЩИТА ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В АФРИКЕ

Аннотация: В статье исследуются правовые механизмы защиты права на образование лиц с инвалидностью в рамках региональной африканской системы прав человека. Основное внимание уделено анализу Протокола к Африканской хартии прав человека и народов о правах инвалидов в Африке (2018 г.), вступившего в силу в 2024 г. Рассматриваются нормативное содержание права на инклюзивное образование, обязательства государств-участников и механизмы контроля за их соблюдением. Автор выявляет прогрессивные аспекты Протокола в сравнении с универсальными международными стандартами, а также проблемы практической имплементации его положений с учетом российского опыта правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: право на образование, лица с инвалидностью, Африканская хартия прав человека и народов, Протокол о правах инвалидов, инклюзивное образование, недискриминация.

Образование является основным фактором социально-экономического развития африканских государств. Обеспечение всеобщего доступа к качественному образованию рассматривается как ключевой инструмент преодоления бедности, повышения экономической производительности и укрепления демократических институтов. В условиях прогнозируемого роста численности детского и подросткового населения континента до почти одного миллиарда человек к 2050 г. [1] вопросы образовательной политики приобретают стратегическое значение.

Несмотря на достигнутый в последние десятилетия прогресс, лица с инвалидностью остаются наиболее уязвимой и исключенной из образовательного процесса группой. Согласно данным Всемирного банка, первичные показатели завершения начального образования детьми с инвалидностью на 10-13 процентных пунктов ниже, чем у детей без инвалидности [2]. Системные барьеры, такие как архитектурная недоступность, отсутствие адаптированных образовательных программ и стигматизация, препятствуют реализации права на образование этой категорией населения.

Принятие в 2018 г. Протокола к Африканской хартии прав человека и народов о правах инвалидов в Африке (далее – Протокол) [3] и его вступление в силу 3 мая 2024 г. после ратификации пятнадцатью государствами [4] ознаменовали новый этап в развитии региональной системы защиты прав человека. Данный документ конкретизирует обязательства африканских государств в области обеспечения прав лиц с инвалидностью, включая право на инклюзивное образование.

Международно-правовая основа защиты права на образование лиц с инвалидностью сформирована рядом универсальных договоров. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (далее – МПЭСКП) закрепляет право каждого на образование, которое «должно быть направлено на полное развитие человеческой личности» [5]. Конвенция о правах инвалидов 2006 г. (далее – КПИ) развивает данное положение, вводя концепцию инклюзивного образования: государства-участники обязуются обеспечить инклюзивное образование на всех уровнях, исключаящее дискриминацию по признаку инвалидности [6].

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам в Замечании общего порядка № 5 подчеркнул, что равенство возможностей в сфере образования является неотъемлемой частью прав человека лиц с инвалидностью [7]. Инклюзивное образование предполагает не только

физический доступ к образовательным учреждениям, но и адаптацию образовательного процесса к индивидуальным потребностям обучающихся.

Как справедливо отмечает российский исследователь Е.Е. Мачульская, «концепция инвалидности в международных актах эволюционировала от медицинской модели, рассматривающей инвалидность как недостаток индивида, к социальной модели, признающей, что ограничения создаются барьерами в окружающей среде и отношении общества» [8]. Этот концептуальный сдвиг нашел отражение в КПИ и последующих региональных документах, включая африканский Протокол.

Протокол состоит из 44 статей, определяющих цели, принципы, конкретные права и обязательства государств-участников. Документ не создает новых прав, а конкретизирует существующие обязательства африканских государств по Африканской хартии прав человека и народов 1981 г. применительно к лицам с инвалидностью. В преамбуле указывается, что целью Протокола является «поощрение, защита и обеспечение прав и достоинства инвалидов, с тем чтобы они могли в полной мере и наравне с другими пользоваться всеми своими правами человека и основными свободами».

Статья 16 Протокола закрепляет право на образование для каждого лица с инвалидностью и устанавливает обязанность государств-участников обеспечивать это право на основе равенства с другими. Государства обязаны принимать соответствующие разумные и эффективные меры для обеспечения полного и качественного образования, включая:

- а) обеспечение доступа к бесплатному, качественному и обязательному начальному и среднему образованию;
- б) доступ к высшему образованию, профессиональной подготовке, образованию взрослых и непрерывному образованию на основе равенства и недискриминации;
- в) содействие уважению, признанию, продвижению, сохранению и развитию языка жестов.

Особого внимания заслуживает положение п. 3(а) ст. 16, закрепляющее бесплатность начального и среднего образования. В отличие от МПЭСКП, предусматривающего лишь бесплатное начальное образование и постепенное введение бесплатного среднего образования (ст. 13), и КПИ, которая не конкретизирует уровни бесплатного образования (ст. 24), Протокол устанавливает прямое обязательство государств обеспечить бесплатность обоих уровней базового образования. Данное положение представляет собой прогрессивное развитие международно-правовых стандартов.

Вместе с тем Протокол, в отличие от МПЭСКП, не использует формулировку «постепенное введение» применительно к высшему образованию, ограничиваясь требованием обеспечения доступа на основе равенства и недискриминации (п. 3(б) ст. 16). Это может создавать неопределенность относительно временных рамок выполнения соответствующих обязательств.

Протокол закрепляет принцип инклюзивного образования как основу реализации права на образование лиц с инвалидностью. Согласно п. 2 ст. 16, государства обязаны создавать инклюзивную образовательную систему, что предполагает не сегрегацию в специализированных учреждениях, а интеграцию обучающихся с инвалидностью в общую образовательную среду с предоставлением необходимых разумных приспособлений.

Важным элементом защиты является установление правового режима бремени доказывания: любые различия в обращении по признаку инвалидности должны быть обоснованы государством (п. 3(б) ст. 16). Данное положение усиливает защиту от дискриминации, перекладывая обязанность доказывания правомерности дифференциации с истца на ответчика (государство).

В российской правовой доктрине аналогичный подход нашел отражение в исследованиях Е.Е. Мачульской, указывающей, что «установление презумпции дискриминации при дифференциации по признаку инвалидности представляет собой эффективный механизм защиты, поскольку именно государство, обладающее ресурсами и экспертизой, должно обосновывать необходимость различного обращения» [8, с.22].

Протокол учреждает систему контроля за соблюдением его положений. Согласно ст. 36, Африканская комиссия по правам человека и народов наделяется полномочиями по толкованию положений Протокола в соответствии с Африканской хартией. Комиссия вправе обращаться в Африканский суд по правам человека и народов с вопросами толкования и исполнения, а также любыми спорами, возникающими в связи с применением Протокола.

Данная двухуровневая система, в частности, квази-судебный орган (Комиссия) и судебный орган (Суд), в теории должна обеспечить эффективный надзор за выполнением государствами взятых обязательств. Однако эффективность данных механизмов зависит от ряда факторов: признания государствами юрисдикции Суда, доступа индивидов к процедурам обращения, материально-технического обеспечения контрольных органов.

По состоянию на ноябрь 2025 г. Протокол ратифицирован семнадцатью государствами: Анголой, Бурунди, Камеруном, Кенией, Малави, Мали, Мозамбиком, Намибией, Нигером, Нигерией, Республикой Конго, Руандой, Сахарской Арабской Демократической Республикой, Угандой, Южной Африкой и Зимбабве [9]. Это составляет менее трети от общего числа государств-членов Африканского союза (55), что существенно ограничивает фактическое влияние Протокола на правовую ситуацию в регионе.

Несмотря на прогрессивность положений Протокола, его эффективность будет определяться практикой имплементации на национальном уровне. Основными вызовами являются:

Инфраструктурные барьеры. Значительная часть образовательных учреждений в африканских странах не соответствует требованиям физической доступности для лиц с инвалидностью. Модернизация инфраструктуры требует существенных финансовых вложений, что затруднительно для государств с ограниченными бюджетными ресурсами. Опыт Российской Федерации, где реализуется государственная программа «Доступная среда» [10], показывает, что системное решение данной проблемы требует не только финансирования, но и координации усилий различных ведомств.

Недостаток квалифицированных кадров. Реализация инклюзивного образования предполагает наличие педагогов, владеющих специальными методиками обучения. Согласно исследованию Всемирного банка, подготовка учителей в области инклюзивного образования является наименее распространенным видом повышения квалификации в странах Африки к югу от Сахары [11].

Социокультурные факторы. Стигматизация лиц с инвалидностью остается распространенным явлением во многих африканских обществах, что препятствует социальной интеграции и включению в образовательный процесс. В этой связи уместно привести мнение российских социологов Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова о том, что «не природные данные, а именно общество дискриминирует инвалидов и их семьи, лишая их социальных прав, воспроизводя неравенство и социальную стратификацию» [12]. Преодоление этих барьеров требует не только правовых, но и образовательных, просветительских мер, направленных на изменение общественного сознания.

Отсутствие статистических данных. Эффективный мониторинг реализации права на образование требует сбора дезагрегированных данных о численности, потребностях и образовательных результатах лиц с

инвалидностью. В настоящее время такая статистика в большинстве африканских стран отсутствует или является неполной.

Принятие Протокола к Африканской хартии прав человека и народов о правах инвалидов в Африке представляет собой значимый шаг в развитии региональной системы защиты прав человека. Документ закрепляет право на инклюзивное образование лиц с инвалидностью, устанавливая конкретные обязательства государств-участников и механизмы контроля. К прогрессивным элементам Протокола относятся: закрепление бесплатности начального и среднего образования (что превосходит стандарты МПЭСКП и КПИ), установление презумпции дискриминации при дифференциации по признаку инвалидности, комплексный подход к инклюзивному образованию, включающий языковые права (язык жестов).

Вместе с тем эффективность Протокола будет определяться практикой его имплементации. Необходимы комплексные меры по адаптации образовательной инфраструктуры, подготовке педагогических кадров, изменению социокультурных установок и созданию системы мониторинга. Ключевую роль должно играть международное сотрудничество, включая техническую и финансовую поддержку со стороны международных организаций и государств-доноров.

Опыт Российской Федерации, ратифицировавшей КПИ в 2012 г. и принявшей ряд законодательных и программных мер по обеспечению инклюзивного образования, может быть полезен для африканских государств в части выработки эффективных механизмов имплементации международных обязательств.

Список цитируемой литературы

1. UNICEF. Generation 2030/Africa 2.0: Prioritizing investments in children to reap the demographic dividend. New York: UNICEF, 2017. 72 p. URL: <https://data.unicef.org/resources/generation-2030-africa-2-0/> (дата обращения: 10.11.2025).
2. Wodon Q., Male C., Montenegro C., Nayihouba A. The Challenge of Inclusive Education in Sub-Saharan Africa // The Price of Exclusion: Disability and Education. Washington, DC: World Bank, 2018. 52 p. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/31005> (дата обращения: 10.11.2025).
3. Протокол к Африканской хартии прав человека и народов о правах инвалидов в Африке (Protocol to the African Charter on Human and Peoples' Rights on the Rights of Persons with Disabilities in Africa) [Электронный ресурс]. – Аддис-Абеба, июль 2024 г. – Режим доступа:

https://au.int/sites/default/files/treaties/36440-treaty-protocol_to_the_achpr_on_the_rights_of_persons_with_disabilities_in_africa_e.pdf (дата обращения: 10.11.2025)

4. African Commission on Human and Peoples' Rights calls for the full continental ratification and implementation of the African Disability Protocol // International Commission of Jurists. 3 December 2024. URL: <https://www.icj.org/africa-african-commission-on-human-and-peoples-rights-calls-for-the-full-continental-ratification-and-implementation-of-the-african-disability-protocol/> (дата обращения: 10.11.2025).

5. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. Ст. 13 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

6. Конвенция о правах инвалидов: принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 г. Ст. 24 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 6. Ст. 468.

7. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам ООН. Замечание общего порядка № 5 «Лица с инвалидностью»: принято на одиннадцатой сессии 1994 г. // UN Doc. E/1995/22. URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/training12ru.pdf> (дата обращения: 10.11.2025).

8. Мачульская Е.Е. Концепция инвалидности в международных и российских нормативных актах // Социальное и пенсионное право. 2015. № 4. С. 20-26.

9. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 48. Ст. 4563.

10. Джума П. О. Ratification of the Protocol to the African Charter on Human and Peoples' Rights on the Rights of Persons with Disabilities in Africa: An overview of the implications // African Disability Rights Yearbook. 2024. Vol. 12. P. 211–218. URL: <https://www.adry.up.ac.za/regional-developments-2024/juma-po> (дата обращения: 10.11.2025).

11. World Bank. The Challenge of Inclusive Education in Sub-Saharan Africa. – Washington, DC: World Bank, 2018. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/171921543522923182/pdf/132586-WP-P168381-PUBLIC-WorldBank-SSAInclusive-Disability-v6-Web.pdf> (дата обращения: 26.10.2025).

12. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Инвалиды и общество: двадцать лет спустя // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 50–58.

Никонова Людмила Ивановна

доцент кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

кандидат юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН В СУБЪЕКТАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Аннотация. На основании анализа уставного регионального законодательства субъектов Российской Федерации, входящих в состав Центрального федерального округа, установлено, что, несмотря на отсутствие в некоторых из них формализации института законодательной инициативы граждан, жители могут воспользоваться своим правом через элементы электронного участия. Отмечено, что народная законодательная инициатива, являясь важным институтом демократического участия граждан в управлении государством, способствует повышению легитимности принимаемых решений, гражданской вовлеченности, формированию чувства сопричастности граждан к государственному управлению, снижает уровень политической апатии избирателей. В статье предложены рекомендации для дальнейшего совершенствования такой формы народного волеизъявления как законодательная инициатива граждан.

Ключевые слова: законодательная инициатива граждан, законодательный орган субъекта Российской Федерации, правотворческая инициатива населения, уставы (основные законы) субъектов России

Федеральный конституционный уровень правового регулирования не предполагает установление такой формы народного волеизъявления как «законодательная инициатива граждан», но федеральное законодательство и законодательство субъектов Российской Федерации расширяют формы непосредственного участия населения в управлении делами государства.

Согласно ч. 2 ст. 10 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»¹ конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации право законодательной инициативы может быть «предоставлено

¹ Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

гражданам, проживающим на территории данного субъекта Российской Федерации».

Анализ уставов (основных законов) субъектов России, входящих в Центральный федеральный округ, позволил констатировать, что лишь в десяти из рассматриваемых регионов формализована для граждан, обладающих активным избирательным правом, законодательная инициатива. Характеристика и разъяснение терминов «законодательной и правотворческой инициативы населения» содержится только в ст. 38 Устава Брянской области от 20 декабря 2012 г. В восьми субъектах Российской Федерации граждане включены в статьи, устанавливающие субъектов права законодательной инициативы (ст. 18 Устава Воронежской области от 16 декабря 2022 г., ст. 17 Устава Костромской области от 24 апреля 2008 г., ст. 29 Устава Липецкой области от 9 апреля 2003 г., ст. 36 Устава города Москвы от 28 июня 1995 г., ст. 26 Устава Смоленской области от 15 мая 2001 г., ст. 48 Устава (Основного Закона) Тамбовской области от 30 ноября 1994 г., ст. 100 Устава Тверской области от 5 ноября 1996 г., ст. 37 Устава (Основного Закона) Тульской области от 27 мая 2022 г.).

Особо следует выделить ст. 12 Устава Калужской области от 27 марта 1996 г., в которой законодательная инициатива граждан включена в понятие «народной правотворческой инициативы». Доказывает данное утверждение ст. 2 Закона Калужской области от 3 июня 1996 г. № 24 «О народной правотворческой инициативе»¹, согласно которой «народная правотворческая инициатива — это оформленная в соответствии с настоящим Законом инициатива гражданина, группы граждан, объединений граждан, направленная на принятие законов и иных нормативных правовых актов Калужской области». При этом, в законе определено, что «народная правотворческая инициатива вносится в Законодательное Собрание субъектами народной правотворческой инициативы через депутата Законодательного Собрания» (ч. 1 ст. 9) или председателя Законодательного Собрания (ч. 1 ст. 11). Таким образом, подчеркивается «смешанный характер прямой и представительной демократии» [1, с. 94], так как в разработке и принятии законопроекта консолидирована роль и представительных органов государственной власти, и корпуса избирателей, предложивших инициативу.

В зависимости от субъекта Российской Федерации очень сильно варьируется и порог количества подписей, которые необходимо собрать для поддержки законодательной инициативы. Как отмечает В.В. Комарова, представлено всего «два подхода: установление абсолютного числа граждан,

¹ Закон Калужской области от 3 июня 1996 г. № 24 «О народной правотворческой инициативе» // Весть. 1996. № 123, 6 июня; <https://base.garant.ru/15901039/>

которые должны выступить в поддержку инициативы, и относительного – процентного состава от числа зарегистрированных избирателей» [2, с. 462].

Так, в Воронежской области необходимо собрать не менее 100 тысяч подписей; в Костромской области – подписи не менее 5 тысяч жителей; в Липецкой области – подписи «группы избирателей, проживающих на территории области, численностью не менее двух процентов от общей численности избирателей области»¹; в Смоленской – не менее чем 10 тысяч избирателей должны подписать законодательную инициативу; в городе Москве – петиция вносится от имени не менее 50 тысяч жителей города Москвы. «При этом подписи жителей города Москвы, проживающих в одном районе, должны составлять не более 10 процентов от общего числа подписавшихся под петицией, а подписи жителей города Москвы, проживающих в одном административном округе – не более 20 процентов от общего числа подписавшихся под петицией»². Поэтому нельзя определенно утверждать, что минимальный порог количества подписей, установленный законодателем субъекта Российской Федерации, находится в корреляции с численностью населения региона. Так как, например, на 1 января 2025 г. по данным Федеральной службы государственной статистики России в Воронежской области проживают 2 259 610 человек (требуется 100 тысяч подписей), а в городе Москве – 13 258 262 человека (требуется 50 тысяч подписей) [3].

Важно обратить внимание и на ст. 28 Устава Московской области от 23 ноября 2022 г., в которой среди субъектов права законодательной инициативы отсутствуют граждане, но в ст. 12 сформулировано «право населения области на гражданскую инициативу в форме коллективного обращения...». Целью гражданской инициативы граждан Московской области является: «проведение референдума Московской области или местного референдума; внесение в органы государственной власти Московской области и органы местного самоуправления, к их должностным лицам предложений о рассмотрении и разрешении вопросов, относящихся к их полномочиям и затрагивающих интересы населения области; отставка должностных лиц органов государственной власти Московской области, органов местного самоуправления»³.

¹ Устав Липецкой области Российской Федерации от 9 апреля 2003 г. № 46-ОЗ (принят постановлением Липецкого областного Совета депутатов от 27 марта 2003 г. № 222-пс) // Липецкая газета. 2003. № 71, 17 апреля; https://constitution.garant.ru/region/ustav_lipetsk/

² Закон г. Москвы от 11 декабря 2002 г. № 64 «О гражданской законодательной инициативе в городе Москве» // Вестник Мэра и Правительства Москвы, 2003. № 5, январь; <https://base.garant.ru/379449/>

³ Устав Московской области от 23 ноября 2022 г. № 197/2022-ОЗ (принят постановлением Московской областной Думы от 10 ноября 2022 г. № 4/37-П) / Официальный интернет портал правовой информации (pravo.gov.ru) 28 ноября, 2022 г. № 5000202211280007

Детальная законодательная регламентация правотворческой инициативы российских граждан (в субъектах ЦФО), включающая порядок формирования и регистрации инициативной группы, процедуру сбора и проверки подписей в поддержку законодательной инициативы, процедуру внесения законопроекта в законодательный (представительный) орган региона и др. есть в Брянской области¹, городе Москве², Калужской, Костромской³, Смоленской⁴, Тамбовской⁵, Тверской⁶ и Тульской⁷ областях.

Приведённые примеры (18 регионов Российской Федерации) показывают использование разных терминологических наименований этого правового института в уставах субъектов. Так, брянские законодатели определили понятие «законодательной инициативы» легализовав ее как «внесение гражданами... проекта закона Брянской области для последующего его утверждения на референдуме Брянской области или принятия Брянской областной Думой», а «правотворческая инициатива» охарактеризована ими как «внесение в органы местного самоуправления группой граждан, обладающих избирательным правом, в порядке, установленном нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования, проекта муниципального правового акта» (ст. 38 Устава Брянской области). Используются также термины: «законодательная инициатива граждан», «народная законодательная инициатива», «народная правотворческая инициатива», «гражданская законодательная инициатива».

¹ Закон Брянской области от 27 ноября 1997 г. № 32-З «О порядке осуществления права законодательной инициативы в Брянскую областную Думу» // Брянский рабочий, 1997. № 5, 10 января; <https://base.garant.ru/24300406/>

² Закон г. Москвы от 11 декабря 2002 г. № 64 «О гражданской законодательной инициативе в городе Москве» // Вестник Мэра и Правительства Москвы, 2003. № 5, январь; <https://base.garant.ru/379449/>

³ Закон Костромской области от 28 февраля 2014 г. № 493-5-ЗКО «О законодательной инициативе граждан в Костромской областной Думе» // СП-нормативные документы. 2014. № 10, 7 марта; <https://base.garant.ru/15164039/>

⁴ Закон Смоленской области от 30 мая 2007 г. № 44-з «О порядке осуществления законодательной инициативы гражданами Российской Федерации, проживающими на территории Смоленской области» // Вестник Смоленской областной Думы и Администрации Смоленской области. 2007. № 5 (часть I), 2 июня; <https://base.garant.ru/25320371/>

⁵ Закон Тамбовской области от 4 июля 2007 г. № 224-З «О законодательной инициативе граждан в Тамбовской областной Думе» (с изм. и доп. от 7 октября 2024 г. № 546-З) // Тамбовская жизнь. 2007. № 266-271 (24127-24132)

⁶ Закон Тверской области от 12 ноября 2013 г. № 99-ЗО «О законодательной инициативе граждан в Законодательном Собрании Тверской области» // Тверские ведомости. 2013. № 46, 15-21 ноября; <https://base.garant.ru/16320599/>

⁷ Закон Тульской области от 28.04.2016 г. № 24-ЗТО «О порядке реализации группой граждан Российской Федерации, проживающих на территории Тульской области, права законодательной инициативы» / Официальный интернет портал правовой информации (pravo.gov.ru) 4 мая 2016 г. № 7100201605040011

Отсутствует формализация законодательной инициативы граждан в уставах (основных законах) Белгородской, Владимирской, Ивановской, Курской, Орловской, Рязанской и Ярославской областей.

Полагаем, что субъекты Российской Федерации, которые не установили в основных законах региона институт законодательной инициативы граждан, основывались на ч. 2 ст. 4 Федерального закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹, где дается дефиниция термина «предложение – «рекомендация гражданина по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов, деятельности государственных органов и органов местного самоуправления...». Кроме того, в связи с изменениями этого закона, вступившими в силу 30 марта 2025 г., поменялся порядок подачи электронных обращений в органы публичной власти. Вариант обращения (предложения, заявления или жалобы) «в форме электронного документа возможен только с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», на официальном сайте государственного органа или органа местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», что обеспечивает идентификацию и (или) аутентификацию граждан. До вступления в силу нововведений предложения граждан поступали на официальные сайты законодательных органов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», но на сегодняшний момент подача любых обращений в форме электронного документа возможна только через платформу «Госуслуги. Решаем вместе».

Современный этап развития российской государственности характеризуется активной цифровой трансформацией системы публичного управления, обуславливающей необходимость изменения традиционных форм и инструментов взаимодействия общества и государства. «Интенсивное развитие интернет-технологий способствует активизации обратной связи между публичной властью и гражданами, позволяя властным органам корректировать свои действия, опираясь на общественное мнение» [4, с. 77], что способствует укреплению доверия граждан к институтам публичной власти. Сегодня все официальные сайты законодательных органов, анализируемых субъектов ЦФО, содержат вкладку «Обращения» (обратная связь, интернет-приемная), куда граждане могут обратиться с предложениями. Если же вкладка отсутствует, то, например, на сайте Законодательного Собрания Владимирской области жителям предоставлена

¹ Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (с изм. и доп. от 28 декабря 2024 г. № 547-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060; 2024. № 53. (часть I). Ст. 8557.

возможность на баннере главной страницы сайта «сообщить о проблеме», перейдя на портал «Госуслуги. Решаем вместе».

На сайте Ивановской областной Думы гражданам предоставлена возможность поучаствовать в законотворческом процессе, т.к. интерфейс сайта содержит вкладку «Законодательная инициатива граждан», но перейдя по данной ссылке остается неясным расположение самой законодательной инициативы, т.к. панель вкладки пуста. Если же проанализировать статистику обращений граждан, поступивших в Ивановскую областную Думу за ноябрь 2025 года, то можно увидеть, что в из 44 обращений – предложений о совершенствовании законодательства, касающихся внесения изменений в федеральные и региональные законы, поступило 2, а в сентябре 2025 г. из 39 обращений – 2 предложения касались совершенствования законодательства [5]. Следовательно, несмотря на отсутствие регионального правового регулирования этого вопроса, жители Ивановской области могут воспользоваться правотворческой (законодательной) инициативой.

Активно используют право направления предложений в органы государственной власти население других субъектов ЦФО России. Например, анализ обращений на сайте Тульской областной Думы иллюстрирует, что за первое полугодие 2025 г. из 160 обращений граждан 107 (67 процентов) связаны с вопросами совершенствования законодательства и деятельности органов публичной власти [6], в Белгородской области за период с 01.01.2025 по 30.06.2025 гг. из 157 обращений, поступивших в Белгородскую областную Думу, 25 посвящены вопросам конституционного строя и 42 – основам государственного управления [7] и др.

Таким образом, несмотря на отсутствие в региональном законодательстве правотворческой инициативы граждан, население имеет возможность воспользоваться своим правом через элементы электронного участия. Разница заключается в том, что инициатива предполагает уже готовый проект закона (может потребоваться доработка), а предложение – это только идея или рекомендация, направленная на совершенствование законов и иных правовых актов. Кроме того, существенным моментом является возможность утверждения народной законодательной инициативы (после предварительного обсуждения в законодательном органе) на референдуме региона (Брянская область), что повышает легитимность принимаемых решений, способствует гражданской вовлеченности, формирует чувство сопричастности к управлению территорией, на которой проживает избиратель, снижает уровень политической апатии граждан.

Полагаем, что для дальнейшего развития такой формы народного волеизъявления как «законодательная инициатива граждан» требуется совершенствование правового регулирования, включающее унификацию терминологических наименований, установление процентного соотношения количества подписей для законодательной инициативы в зависимости от числа зарегистрированных избирателей, создание единых стандартов для электронных инициатив, возможность использования искусственного интеллекта при анализе и классификации общественных предложений.

Список цитируемой литературы

1. Важнов С.С. Соотношение правотворческой инициативы граждан с институтами непосредственной демократии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2007. № 4. С. 93-98.
2. Комарова В.В. Институт народной правотворческой инициативы (понятие, виды, правовые основы) // Lex Russica (Русский закон). 2006. Т. 65, № 3. С. 459-473.
3. Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2025 года; URL: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики; <http://ssl.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.12.2025)
4. Никонова Л.И. Демократия соучастия: нераскрытый потенциал электронных коммуникаций // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы XIX Международной научно-практической конференции: в 2 т., Тольятти, 20–21 апреля 2023 года. Том 1. – Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева (институт), 2023. С. 77-84.
5. Официальный сайт Ивановской областной Думы; URL: <https://www.ivoblduma.ru/feedback/overviews/> (дата обращения: 03.12.2025)
6. Официальный сайт Тульской областной Думы; URL: <https://tulaoblduma.ru/mail/> (дата обращения: 02.12.2025)
7. Официальный сайт Белгородской областной Думы; URL: <https://belduma.ru/stat/c/cm25.htm> (дата обращения: 02.12.2025)

Першина Елена Александровна
доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ»
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ В ЭПОХУ ПУБЛИЧНОСТИ: КОНСТИТУЦИОННЫЙ ИДЕАЛ И МЕДИЙНАЯ ПРАКТИКА

Аннотация: в статье исследуется системный конфликт между конституционным принципом презумпции невиновности и реалиями современного медиапространства. Анализируются механизмы проблем реализации данного правового института под воздействием медиапрактик, включая создание «образа врага», нарушение тайны следствия и проведение «публичного суда». На примерах из российской и зарубежной практики демонстрируется, как медийная травля создает необратимые последствия для репутации обвиняемых даже после их официальной правовой реабилитации. Автор приходит к выводу, что проблема носит глобальный характер и требует комплексного решения, включая развитие медиаграмотности, укрепление судебной независимости и повышение профессиональной ответственности СМИ.

Ключевые слова: презумпция невиновности, уголовный процесс, медиапрактики, публичность, судебная этика, право на репутацию, свобода слова, независимость суда, «суд толпы».

Принцип презумпции невиновности, закрепленный в статье 49 Конституции Российской Федерации [1], является краеугольным камнем правового государства и справедливого судопроизводства. Согласно ему, каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его вина не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Этот принцип обеспечивает защиту личности от произвола, возлагает бремя доказывания на обвинение и гарантирует разрешение всех сомнений в пользу обвиняемого.

Однако в XXI веке этот незыблемый правовой идеал сталкивается с беспрецедентным вызовом — феноменом тотальной публичности. Развитие цифровых технологий, рост влияния социальных сетей и 24-часовых новостных циклов создали новую реальность, где уголовный процесс из сферы сугубо профессиональной превращается в предмет широкого

общественного обсуждения. В этом пространстве закономерности медийного поля, требующие четкости, скорости и сенсационности, входят в острое противоречие с деликатностью, сложностью и конфиденциальностью юридических процедур. В своем выступлении я постараюсь проанализировать основные аспекты, как медийная практика эпохи публичности де-факто размывает конституционный идеал презумпции невиновности и каковы последствия этого столкновения для правосудия и общества. Структурируем наш анализ, итак.

1. Конституционный идеал: Сущность и значение презумпции невиновности. Презумпция невиновности — это не просто процессуальная норма, это философская и этическая основа уголовного процесса. Ее суть можно раскрыть через несколько ключевых аспектов: объективность и беспристрастность - требует, чтобы доказывание вины осуществлялось независимо от субъективного мнения следователя, дознавателя или общественности.

Решение о виновности — исключительная прерогатива суда.

Распределение бремени доказывания - обвинительная власть обязана представить неопровержимые доказательства вины. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.

Толкование сомнений – любые неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в его пользу.

Запрет на предвзятость – никто не может быть подвергнут публичному осуждению или наказанию до вынесения приговора.

Этот идеал создает некую «буферную зону» между личностью и государством, защищая человека от ошибки, предвзятости или необоснованного обвинения. Он является индикатором зрелости демократического общества, где ценность человеческой достоинства и права на справедливую защиту стоят выше сиюминутной жажды «справедливости». Как метко заметил выдающийся адвокат Анатолий Федорович Кони: «Суд не есть состязание личных интересов прокурорской власти и защиты, а разыскание истины в видах служения интересам правосудия» [2]. Это служение невозможно без строгого соблюдения презумпции невиновности.

2. Медийная практика: механизмы сбоев правового принципа.

Информационная среда функционирует по иным, нежели правовая, законам. Стремление к повышению рейтингов, кликабельности и вовлеченности аудитории порождает практики, которые систематически подрывают презумпцию невиновности.

Создание «образа врага» и публичный суд. Еще до предъявления официального обвинения фигура подозреваемого подвергается тотальному медийному анализу, часто переходящему в травлю. Журналисты и блогеры выстраивают нарратив, в котором обвиняемый предстает в роли однозначно виновного монстра. Обсуждению подвергаются не доказательства (которые на данном этапе могут отсутствовать или быть недоступны), а личность, прошлое, моральные качества. Это формирует в общественном сознании устойчивое убеждение в вине, которое в дальнейшем крайне сложно поколебать.

Нарушение тайны следствия как инструмент пиара. Умышленные или случайные утечки информации со стороны правоохранительных органов становятся мощным инструментом воздействия на общественное мнение. Публикация компрометирующих деталей, видео обысков, фрагментов переписок создает у аудитории иллюзию полной осведомленности и не требует от нее критического осмысления. Фактически, следствие использует медийное пространство для оказания давления на обвиняемого, его защиту и, что самое опасное, на будущий суд.

Презентация версии обвинения как установленного факта. В новостных репортажах и телевизионных «расследованиях» формулировки «подозревается», «обвиняется» часто подменяются на «совершил», «украл», «убил». Это стирает грань между подозрением и установленной виной. Журналисты, не обладая юридической квалификацией, берут на себя роль следователей и судей, вынося собственный «вердикт» в эфире.

Эффект «спирали молчания». В условиях, когда медийный мейнстрим формирует однозначно обвинительный уклон, альтернативные точки зрения или голоса в защиту презумпции невиновности замалчиваются или маргинализируются. Эксперты или публичные лица, пытающиеся напомнить о принципе «невиновен, пока не доказано обратное», рискуют быть обвиненными в пособничестве преступнику, что ведет к их самоцензуре.

Данная проблема не является уникальной для российской правовой системы, а представляет собой общемировую тенденцию в эпоху цифровых медиа. Ярким примером служит дело «Вестминстерский клуб соблазнитель» в Великобритании (2014 г.), когда в СМИ была развернута масштабная кампания по дискредитации нескольких знаменитостей, обвиненных в исторических случаях сексуальных домогательств [3]. Публикация непроверенных деталей и создание в прессе образа «монстров» привело к тому, что общественное мнение единогласно требовало сурового наказания, еще до начала суда. Несмотря на последующие оправдательные приговоры и извинения некоторых изданий, репутации фигурантов были

нанесены необратимый ущерб, а их карьеры разрушены. Этот случай наглядно показывает, как механизмы медийной травли и «суда толпы» работают по схожим сценариям в разных правовых системах, повсеместно испытывая на прочность принцип презумпции невиновности.

3. Последствия столкновения: от общественного мнения до судебной практики.

Этот разрыв между конституционным идеалом и медийной практикой имеет далеко идущие негативные последствия. Так, один из бывших министров нашей страны обвинялся в халатности (ст. 293 УК РФ). Несмотря на то, что в 2018 году Преображенский районный суд Москвы полностью его оправдал, а суд оставил этот приговор в силе [4], в общественном сознании его имя осталось прочно ассоциировано с коррупционным скандалом.

Диктатура общественного мнения говорит о том, что сформированный СМИ «общественный приговор» создает колоссальное давление на суд. Судья, будучи человеком и членом общества, не может полностью абстрагироваться от того информационного фона, который окружает громкое дело. При вынесении оправдательного приговора в условиях медийного скандала суд неизбежно столкнется с волной публичной критики и обвинений в несправедливости, что может влиять на его решение, подрывая независимость судебной власти. Известный правозащитник и юрист Генри Резник подчеркивал эту опасность: «Презумпция невиновности – не просто технико-юридический прием. Это нравственная и правовая заповедь, обращенная ко всем, кто причастен к уголовному преследованию. Ее игнорирование превращает судопроизводство в судилище» [5]. Таким образом, публичная расправа, организованная в медиапространстве, становится мощным фактором, влияющим на формальное правосудие.

4. Дискредитация институтов правосудия. Если суд, следуя закону и доказательствам, вынесет решение, противоречащее «медийной версии», это может быть воспринято обществом как проявление коррупции или некомпетентности. Таким образом, медийная практика подрывает доверие к правосудию как таковому.

Необратимый ущерб репутации может выражаться даже в случае полного оправдания, а человек, прошедший через «медийную» мясорубку, остается с разрушенной репутацией, потерей социального статуса и глубокой психологической травмой. Ярлык «преступника», навешанный СМИ, остается в цифровом пространстве навсегда. В этом контексте формальная реабилитация не способна компенсировать нанесенный моральный и социальный ущерб.

В заключении отметим, эпоха публичности поставила перед правовым сообществом и обществом в целом сложный вызов. Презумпция невиновности, этот конституционный идеал, рожденный в эпоху Просвещения, сегодня существует в агрессивной медиасреде, которая по своей природе враждебна таким тонким и сложным правовым конструкциям.

Медийная практика, ориентированная на скорость, упрощение и сенсацию, создает параллельную реальность «публичного правосудия», где нет места для сомнений, процедурных тонкостей и защиты прав обвиняемого. Это приводит к блокировке одного из фундаментальных правовых принципов, оказывает давление на суд и наносит непоправимый ущерб репутации людей, чья вина не была доказана в установленном законом порядке.

Преодоление этого разрыва требует совместных усилий. Со стороны государства — усиления гарантий независимости суда и противодействия несанкционированным утечкам информации. Со стороны медиасообщества — развития профессиональной этики, осознания своей ответственности и отказа от практик «публичного суда». Со стороны общества — развития медиаграмотности и критического мышления. Только так мы сможем защитить конституционный идеал справедливого правосудия от разрушительной силы необузданной публичности.

Список цитируемой литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Кони А.Ф. Избранные труды и речи // Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Юридическая литература, 1967. Т. 4. С. 52.
3. R v. Dave Lee Travis [2015] EWCA Crim 194; Cobbe J. Trial by Media: The Case of the Westminster Paedophile Ring // Oxford Journal of Legal Studies. 2016. Vol. 36, № 2. P. 415.
4. Приговор Преображенского районного суда г. Москвы от 28 сентября 2018 г. по делу № 1-134/2018// Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.11.2025); Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 августа 2019 г. № 5-АПУ19-47 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.11.2025).
5. Резник Г.М. Криминализация и декриминализация деяний в сфере экономики // Закон. 2016. № 8. С. 23.

Сахно Юлия Анатольевна

ассистент кафедры гражданского права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

АНТИИСКОВЫЕ ЗАПРЕТЫ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Аннотация. В статье рассматриваются условия введения и практическое значение такого новшества для судебной практики как основания для антиисковых запретов (статья 248.2 АПК РФ). Анализируется правовая природа, цели и последствия применения российскими судами антиисковых мер. Автор оценивает возможности запретных действий в процессе иностранного судопроизводства, международном коммерческом арбитраже для стороны, находящейся за пределами территории Российской Федерации с позиции защиты российских контрагентов. Сделан вывод: обращение судов к противоисковым правилам связано с обеспечением конституционных прав российских участников судопроизводства, снижению негативных последствий со стороны иностранных санкционных программ.

Ключевые слова: антиисковые запреты, санкции, ограничительные меры, конституционная защита прав, российское правосудие.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ) дополнился статьями 248.1 и 248.2 [1], корректирующими дополнительные меры судебной защиты российских юридических и физических лиц, если в их отношении введены ограничительные виды санкций. Указанные статьи были введены с целью соблюдения баланса международных санкций и судебной защитой прав российских граждан и организаций.

Анализ практики применения арбитражными судами запретов инициировать или продолжать разбирательство по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера (далее – антиисковые запреты), предусмотренных ст. 248.2 АПК РФ [2, с. 303], свидетельствует о противоречивых подходах в судебной практике относительно правовой природы этих мер. Так, в ряде случаев арбитражные суды применяли антиисковые запреты по правилам главы 8 АПК РФ в качестве разновидности обеспечительных мер, предусмотренных ст. 90 АПК РФ (напр., дела № А21-4452/2023, А56-103943/2023, А81-12396/2023).

Но присутствует судебная практика, когда суды прямо указывают, что нормы представляют собой специальный порядок обращения к судопроизводству с самостоятельными требованиями и входят в особенную процедуру производства. Результатом выносится судебный акт в виде определения, которое в соответствии с ч. 7 ст. 248.2 АПК РФ [3, с. 11] завершает рассмотрение дела по существу (напр., дела № А31-6383/2022, А40-229592/2023).

Какова правовая природа антиисковых запретов, предусмотренных ст. 248.2 АПК РФ, в чем эффективность её практического значения?

Возможность передать на рассмотрение суда Российской Федерации спор с иностранными фирмами-партнерами появилась у отечественного бизнеса еще в 2020 году. Поводом стали ограничительные меры для международного бизнеса, вводимые во всех сферах в связи с распространением COVID-19. Но наиболее востребованным этот механизм стал после февраля 2022 года. Участились ограничения и санкции, массовый уход зарубежных компаний из России и сложности проведения иностранных логистических издержек с началом специальной военной операции.

На наш взгляд наиболее точное определение антиисковым запросам дано Р.М. Ходыкиным: «запрет (anti-suit injunctions), выданный судом, имеющим юрисдикцию в отношении спора, против стороны судебного разбирательства в возбуждении или продолжении судебного разбирательства в другой суд» [4, с. 274].

Жесткие запретительные меры и ограничения, продиктованные государственным менталитетом либо вмешательством иностранного органа, создают у отечественных партнеров затруднительные ситуации. Которые не гарантируют возможность положительного исхода и справедливого правосудия за пределами Российской Федерации. Для подсанкционных лиц снижаются шансы не только на соблюдение равноправного состязательного процесса и восстановление их нарушенных прав, но заведомо ставит их в неравное положение с другими участниками.

Многие суды, как Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области (дело № А56-124094/2023 от 15.03.2024), считают правильной использовать отечественную компетенцию в спорах, применять статьи 248.1 и п. 4 ч. 2 ст. 248.2 АПК РФ, ссылаясь на исключительную юрисдикцию российских судов по делам с санкционным субъектом.

В судебной практике нередко возникают случаи, когда аспекты применения данных норм вызывают споры относительно трактовки и разумности применения. Прецедентная практика указывает на важность введения санкций, когда имеются неоспоримые препятствия в доступе к

правосудию и шансы получить несправедливое решение. Рассматривая такие ситуации, А.И. Щукин отмечает: «спор в любом случае может быть рассмотрен согласно разъяснениям п. 10 ч. 1 ст. 247 АПК РФ в арбитражном суде, если есть тесная связь правоотношения с территорией России, вне зависимости от того, отнесено ли рассмотрение дела к исключительной подсудности» [5, с. 22].

Обеспечительные способы запрета на инициирование или продолжение разбирательства в иностранном суде либо международном коммерческом арбитраже за пределами территории Российской Федерации уже зарекомендовали себя в качестве статуса отдельного правового института. Однако со стороны юридического сообщества положения Закона № 171-ФЗ характеризуются и оцениваются неоднозначно, с точки зрения двух диаметрально противоположных подходов. Одни юристы положительно восприняли акт, исходя из целей защиты конституционных прав и законных интересов российского предпринимательства и граждан. Поскольку данные меры соответствуют встречным способам «защиты» правосудия, обеспечивают интересы российских участников международного торгового оборота. Поддерживая введение нормы, М.Л. Гальперин комментирует: «при решении вопроса о применении ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ необходимо учитывать реальное наличие или отсутствие доступа соответствующего лица к правосудию» [6].

Аргументы критически настроенных оппонентов также заслуживают внимания. Практически все спорные вопросы с иностранными коммерческими элементами рассматриваются исключительно в арбитраже. Следовательно, экстерриториально юрисдикция российских арбитражей в перспективе для нерезидентов допускает конкуренцию норм и влечет нарушение принципов судопроизводства: «вынесение двух различных судебных актов по спору между теми же лицами по одному предмету и основаниям» [7, с. 101]. Следовательно, «проигравший» фактически допускается до игнорирования установленных контрактом правил территориального разрешения споров. Устанавливается «исключительная компетенция» на право обращения только в российский арбитраж и невозможность признания и приведения в исполнение решений иностранных судов Российской Федерацией, вынесенных не в его пользу.

Обстоятельства применения нормы российской стороной при защите в иностранных судах, когда экономический спор передан на рассмотрение российского суда, несмотря на наличие арбитражной оговорки, указаны в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 28.11.2024 г. (дело № А40-214726/2023):

- трудности в извещении иностранного участника дела, инициировании арбитражного спора;
- проблема оплатить расходы, арбитражный сбор/госпошлину, привлечение иностранных представителей-юристов;
- ограничения и риски предвзятости в ходе производства, если невыплата долга связана с санкциями, обстоятельствами форс-мажора;
- отказы в получении обеспечительных мер либо принудительного исполнения арбитражных решений.

Наличие любого из указанных обстоятельств само по себе является основанием перенести дело в российский суд. Анализируя меры ограничительного характера в спорах, Н.А. Курц считает, что «положения ч. 4 ст. 248.1 и п. 4 ч. 2 ст. 248.2 АПК РФ для наложения антиискового запрета требуют доказательств невозможности исполнения сторонами разрешения споров между ними в компетенции иностранного арбитража» [8]. Безусловно справедливо затребовать имеющиеся препятствия в доступе к правосудию. Истец обязан представить убедительные данные об ограничениях, возможно с учетом «недружественной политики европейских стран».

В.В. Ярков, говоря о правовой природе антисанкционных мер, уточняет, что «согласно п. 7.1 ч. 6 ст. 27 АПК РФ судебное производство, указанное в ст. 248.1 АПК РФ, рассматривается арбитражными судами независимо от субъекта: юридическое лицо, ИП или физическое лицо и независимо от условий контракта» [9, с. 30]. Поскольку способ защиты в виде получения судебных запретов для истца по спорам в российском суде грозит уголовным преследованием за рубежом и иными негативными последствиями. Хотя Россия и другие страны не устанавливали запрет на использование международного арбитража, российские суды вынуждены вводить штрафы за нарушение их предписаний не судиться за пределами России (дело № А40-55650/2022, № А70-26488/2022).

Отметим, что интересы и гарантированная защита правомочия иностранных контрагентов также неоспоримы. Зачастую передача спора в международный арбитраж опосредуется неопределенностью в условиях негативного политического и территориального взаимодействия с российской стороной. По мнению О.Ф. Засемковой, агрессивные средства давления в виде «необоснованных требований о предоставлении дополнительного обеспечения исполнения обязательств отрицательно сказываются на международной коммерческой деятельности, влекут необоснованный рост издержек и затрат с обеих сторон» [10, с. 82].

Несмотря на дискуссионные баталии по инновационному акту, нормы действуют более четырех лет, успешно прошли апробацию и активно

применяются российскими судами. За годы сформировалась устойчивая и схожая судебная практика – фактически удовлетворяют заявления «подсанкционного» лица о запрете, а арбитражные суды в итоговых решениях делают ссылки на разъяснения согласно статьям 248.1 и 248.2 АПК РФ. При этом из законопроекта изначально были исключены аналогичные дополнения в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации.

С одной стороны, сложивший подход не гарантирует соблюдения интересов участников спора, но порождает злоупотребление правом и наступление негативных последствий. Следовательно, вполне обоснованно считает В.В. Котлярова, что «результатом недопущения произвольного отказа от юрисдикционных соглашений является применение *«prima facie»* как более высокого стандарта доказывания» [11, с. 171].

С точки зрения другой позиции, несмотря на активное практическое включение антиисковых запретов, остаются вопросы: на каком этапе заявитель вправе обратиться в российский суд к нарушителю судебного запрета? Поможет заявление защитить от вероятных нарушений в дальнейшем? Требования заявить в случае подтвержденных сведений о нарушении судебного запрета в процессе рассмотрения дела в иностранном суде, международном арбитраже?

В то же время надлежит принять во внимание потенциально негативные последствия – злоупотребления правами, недобросовестность участников в ходе судебных разбирательств.

Считаем, что процедура применения статей 248.1 и 248.2 АПК РФ в качестве самостоятельной категории производства является эффективным способом защиты. Практическое значение антиисковых правил – они гарантируют соблюдение конституционно-правовых интересов российских субъектов в условиях санкционных программ. Данные положения безусловно направлены на поддержание конституционных принципов правосудия. По мнению Н.В. Витрука, российские суды и правоприменители не должны быть лишены рационального и прагматичного усмотрения при выборе адекватных и эффективных способов реализации конституционно-правовой позиции, поскольку «конституциализация в сфере частного и публичного права, в судебной и иной правоприменительной практике по обеспечению и защите прав и свобод... есть общественная потребность, объективная тенденция и условие социального и правового прогресса» [12, с. 387-388].

Полагаем, что введенный антиисковый метод судопроизводства обеспечит сохранение разумной мотивации контрагентов в период недружественных действий и негативного влияния со стороны зарубежных государств. Активное применение новых «санкционных правил» в процедуре

международных арбитражей с участием иностранной стороны позволит учитывать баланс прав и интересов всех участников юридических коллизий, послужат юридической гарантией в правоприменительной деятельности государства.

Список цитируемой литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Максуров А.А. Международное санкционное право и антисанкционное законодательство Российской Федерации : монография. Москва : Юстицинформ, 2024. 488 с.
3. Дораев М.Г. Санкционные споры в российских судах (комментарий к новеллам АПК РФ – статьям 248.1 и 248.2) // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. 2020. № 4. С. 8-12.
4. Ходыкин Р.М. Антиисковые обеспечительные меры в цивилистическом процессе в международном арбитраже. // Вопросы международного частного, сравнительного и гражданского права, международного коммерческого арбитража : Liber Amicorum в честь А.А. Костина, О.Н. Зименковой, Н.Г. Елисеева. М. Статут, 2013. С. 274-296.
5. Щукин А.И. Неисполнимость юрисдикционного соглашения в условиях экономических санкций // Третейский суд. 2022. № 1(129). С. 18-27.
6. Гальперин М.Л. Битва юрисдикций: есть ли процессуальное оружие у российских судов? Комментарий к изменениям, внесенным в АПК РФ Федеральным законом от 08.06.2020 № 171-ФЗ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 1. С. 72-81.
7. Крылепова А.О. Проблемы и перспективы признания и приведения в исполнение российских антиисковых запретов в государствах – членах БРИКС // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 3. С. 99-108.
8. Курц Н.А. Практика применения процессуального законодательства при рассмотрении споров с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера // Вековые традиции российского права: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редактор О.В. Горбач. Иркутск, 2022. С. 257-261.
9. Ярков В.В. Правовая природа судебного производства по применению антисанкционных мер (статьи 248.1 и 248.2 АПК России) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 9. С. 28-33.

10. Засемкова О.Ф. Особенности применения ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ в спорах с участием подсанкционных лиц: вопросы, поставленные практикой // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 9. С. 76-85.
11. Котлярова В.В. Об исключительной компетенции арбитражных судов РФ в условиях экономических санкций // Современное международное право: проблемы и вызовы : сб. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Самара, 17 нояб. 2023 г.) / Министерство науки и высш. образования РФ, Самар. нац. исслед. ун-т им. С.П. Королева ; под общ. ред. А.Б. Прокофьева ; отв. ред. А.Г. Безверхов ; науч. ред. Б.Д. Кривокапич, А.В. Юдин. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2024. С. 164-175.
12. Витрук Н.В. Конституционно-правовое мировоззрение в системе правовой культуры // Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Международные Лихачевские научные чтения, 14-15 мая 2009 г. СПб. : СПбГУП, 2009. С. 384-388.

Тураева Дагмара Саламбековна,
 ассистент кафедры «Юриспруденция» Грозненский государственный
 нефтяной технический университет
 имени академика М.Д. Миллионщикова
 (Грозный, Россия)

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация: В статье рассматривается проблема определения демографической функции современного Российского государства в контексте трансформации его целей, задач и направлений деятельности. На основе анализа дореволюционных, советских и постсоветских концепций функций государства выявлены ключевые подходы к пониманию их природы, сущности и содержательного наполнения. Показано, что современные национальные приоритеты (сбережение народа, поддержка семьи, повышение качества жизни и развитие человеческого потенциала) предопределяют необходимость выделения демографического направления в качестве самостоятельной государственной функции. Обосновывается, что демографическая функция обладает устойчивостью во времени, комплексным характером и социальной направленностью, охватывая деятельность всех уровней публичной власти.

Ключевые слова: функции государства; демографическая функция; государственная политика; национальные приоритеты; социальное назначение государства; человеческий потенциал.

Современное Российское государство действует в условиях глубоких социально-экономических и политических изменений, требующих уточнения приоритетов публично-правовой политики. Одним из ключевых направлений становится демографическое развитие, приобретшее особое значение в связи с национальными интересами и приоритетами, сформулированными в документах стратегического уровня [1]. Вопросы сбережения населения и поддержки семьи заняли центральное место в государственной повестке, что объективно актуализирует проблему признания демографической функции в качестве самостоятельной функции государства на современном этапе.

В условиях долгосрочных вызовов, связанных с рождаемостью, смертностью, старением населения и качеством жизни граждан, Российская Федерация предприняла масштабные преобразования в сфере демографической и семейной политики. Создание Совета при Президенте РФ по реализации демографической и семейной политики [2] и принятие одноименной Стратегии до 2036 года [3] свидетельствуют о системном подходе государства к решению демографических задач.

Государственные документы стратегического уровня подтверждают, что повышение рождаемости, увеличение продолжительности жизни, снижение смертности и инвалидизации, профилактика заболеваний и укрепление института семьи признаны национальными интересами и стратегическими приоритетами развития страны.

Кроме анализа данных документов о необходимости выделения демографического направления в качестве самостоятельной функции государства свидетельствует ряд факторов – признаков государственных функций, наблюдаемых в нашем случае:

- устойчивость во времени: демографическая политика проводится государством на протяжении последних десятилетий, принят ряд стратегических документов – от Концепции 2007 года до современных стратегий и национальных проектов (и это только современный период существования нашего государства – авт.);

- социальная направленность: демографическая функция ориентирована на повышение качества жизни, развитие человеческого капитала, укрепление института семьи;

- комплексность: демографическая сфера включает широкий спектр направлений: рождаемость, продолжительность жизни, здравоохранение,

охрану труда, профилактику заболеваний, социальную поддержку, семейную политику;

- охват всех уровней публичной власти: демографическая политика реализуется на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, что свидетельствует о ее общегосударственном характере;

- прямое стратегическое закрепление: демографические задачи закреплены в Стратегии национальной безопасности, стратегиях развития, национальных проектах и распоряжениях Правительства РФ.

Таким образом, демографическое направление отвечает всем признакам государственной функции: устойчивость, системность, комплексность, социальная направленность и соответствие целям государства.

Все эти доводы позволяют заключить, что демографическое «направление» в государственной политике на современном этапе объективно сформировалась как самостоятельная функция Российского государства. Оно соответствует критериям, выработанным теорией государства и права, отражает актуальные национальные интересы и стратегические приоритеты, имеет устойчивый, комплексный и социально-ориентированный характер.

Более того, в обозримой перспективе, включение демографической функции в систему функций Российского государства призвано обеспечить методологическую ясность и будет способствовать совершенствованию правового регулирования в сфере демографической и семейной политики.

Список цитируемой литературы

1. Беляева Г. С. К вопросу о механизме обеспечения реализации национальных интересов // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2020. Т. 38. № 2. С. 138-143.
2. Указ Президента РФ от 21.02.2025 № 99 «Об утверждении Положения о Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной демографической и семейной политики и его состава» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 21.02.2025.
3. Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 31.03.2025. № 13. Ст. 1505.

Федоров Максим Васильевич
заведующий кафедрой теории государства и права
Санкт-Петербургского государственного аграрного университета
кандидат юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)

ЖАН-ЖАК РУССО ОБ ОБЩИХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСАХ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ ИНТЕРЕСА

Аннотация. В работах Жан-Жака Руссо одной из центральных категорий выступают интересы. Внимание обращает особый подход философа к попытке разграничить значение общественного и частного интереса, установить взаимосвязь между человеком и обществом в процессе выражения воли в государственной жизни. Каждый человеческий поступок должен реализовывать его определенный интерес, либо должен быть characterized интересом человека, но не противоречить общему (публичному) интересу. Социальные отношения не возникают и не реализуются без интереса. При этом индивидуальность каждого интереса характеризует его принадлежность к общей совокупности интересов в том или ином направлении общественных отношений.

Ключевые слова: общественные интересы, частные интересы, индивидуальные интересы, суверенитет, воля

Одно из первых определений категории «интерес» дает Гельвеций: «Интерес – могущественный и всеобщий стимул, который движет всеми людьми, увлекаая их то к пороку, то к добродетели» [1, с. 259]. Гольбах в своих трудах также обращается к трактовке категории «интерес», каждый раз акцентируя тот его сущностный аспект, который является определяющим в данном контексте изложения его взглядов относительно того или иного явления общественной жизни. Наиболее значимыми представляются такие определения категории «интерес»:

- объект, с которым каждый человек связывает представление о своем счастье;
- то, что каждый из нас считает необходимым для своего счастья;
- единственный мотив человеческих действий, цель которых – достижение счастья [2, с. 311];
- все то, что человек считает необходимым для поддержания жизни и обеспечения счастья [3, с. 41].

Таким образом, можно выделить следующие сущностные аспекты категории «интерес». Во-первых, интерес как объект, с которым человек связывает свои представления о счастье. Во-вторых, как детерминанта поведения человека [4].

Уникальность категории «интерес» заключается 1) в подходах, которые применяют к его изучению, 2) в широком круге субъектов-носителей интереса. В первом случае круг подходов увеличивается за счёт количества наук (дисциплин), в которых изучают интересы, к этому добавляются разнящиеся точки зрения ученых, во втором случае следует обратить внимание на различия интересов среди акторов социальных отношений. При этом необходимо отметить динамичность интересов, они могут возникать и исчезать, а также меняться.

Особую роль в теории интереса играет разграничение интересов на публичные (общие) и частные (эволюция дихотомии «publicum/privatum»). В связи с чем большое количество научных работ связано с осознанием интересов, согласованием интересов, установлением баланса публичных и частных интересов, анализом последствий принятия решений, поиском способов разрешения спорных ситуаций. Особая роль отводится исследованию трансформации элементов, формирующих баланс между личной автономией и общественным благом.

В своей работе «Об общественном договоре» Руссо размышляя об общем и частном проявлении воли, высказывает предпочтение в отношении первого в вопросах управления силами государства. При этом Руссо подчеркивает, что общая воля выражает суверенитет (суверен по Руссо – коллективное существо, которые может быть только самим собой), и складывается из частных проявлений воли, который по отдельности не могут ему перечить: «Каждый из нас передаёт в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех каждый член превращается в нераздельную часть целого». Важным в разграничении форм воли остаётся их сущность, которая по мнению философа противоположна: «... частная воля, по самой своей природе, стремится к преимуществам, а общая воля – к равенству» [5, с. 208].

Учитывая эгоистическое отношение к ценности собственных (частных) интересов каждого отдельного носителя, Руссо выделяет это как причину их разнонаправленности, старается представить через противоположность частных интересов необходимость в возникновении общественных интересов. Человек в попытках преодолеть частный интерес другого человек мог подчинять противоположный интерес своему интересу, пренебрегать чужими интересами, нивелируя их значимость, либо пытаться найти что-то

общее в противоположных частных интересах, для достижения их соглашения и формирования общества.

Жан-Жак Руссо рассматривает соглашение в качестве инструмента достижения баланса интересов: «... хотя люди могут быть неравны по силе или способностям, они становятся все равными в результате соглашения и по праву» [5, с. 215]. Равенство в данном случае следует считать относительным, хотя бы из-за того, что такое соглашение налагает обязанность в соотношении с возможностями. Так, если человек материально обеспечен, разве договорившись с менее состоятельным человеком первый безвозмездно захочет уравнивать их капиталы? В качестве исключения можно предположить существования таких случаев, но они настолько редки, что их влияние на становление баланса будет ничтожно мало. Поэтому менее обеспеченному человеку для соглашения с более обеспеченными необходимо предложить второму что-то существенное соответствующее его интересу. Отсюда получается, что равенство само собой постепенно нивелируется в процессе составления соглашения, поиска возможности реализации интереса через демонстрацию имеющихся ресурсов и способностей, что создаёт внутренние противоречия участников соглашения, способные выразиться в конфликте. Управлять возможным конфликтом возможно через определение главенствующей роли общей воли, чтобы каждый актор понимал необходимость адаптировать свой интерес интересу общему, соблюдая установленные рамки поведения. Единственное что они могут извлечь из такого взаимодействия – синергетический эффект, но неизвестно как захотят разделить результаты такого эффекта. Отсюда следует, что достижение баланса интересов – постоянное превращение человеческих возможностей в реальный результат их взаимодействий.

Если же говорить об организации общественной жизни, то пример взаимодействия ради баланса, Руссо удалось продемонстрировать на примере государственного устройства. Руссо, размышляя об образовании общественной связи утверждает, что: «только общая воля может управлять силами государства» [5, с. 216]. Остаётся понять какую форму придать указанной общей воле, ведь стремясь заполучить влияние политическая партия выступает в интересах всех сторонников, но сама ведёт борьбу ради совсем иного – интереса заполучить власть. Отсюда мы видим наличие двух интересов у партии, плюс совокупность интересов её сторонников.

Другой составляющей сохранения баланса интересов – определение носителя воли, которая выражает интерес. В современной теории интереса исходя из субъектного состава выделяют индивидуальный (личный), частный (групповой), общий (публичный) интересы, что существенно отличается от

подхода Руссо, который рассматривает индивидуальный интерес только в процессе социальных отношений, например, заключения соглашения, после чего индивидуальные интересы растворяются в общих. В современной теории интереса каждому носителю интереса отведена своя правовая роль, позволяющая обеспечить собственные интересы. Эта роль (интересы, права и обязанности) не должна уничтожаться и подменяться другими носителями (субъектами) в своих интересах, сохраняя баланс различий. Руссо в качестве наиболее важной проблемы видит следующее разграничение форм воли: «Часто существует большое различие между волей всех и общей волей; последняя имеет в виду только интересы общие; первая, составляющая лишь сумму волей отдельных людей – интересы частные; но отнимите от суммы этих самых волей крайние в одну и в другую сторону, взаимно друг друга уничтожающие, и остаток даст вам общую волю» [5, с. 219]. В отношении же частных интересов Руссо настраивает читателя скептически, предполагая в них возможность возникновения ущерба великой ассоциации воли каждого человека в общую волю суверена: «Но когда в ущерб великой ассоциации образуются партии и частичные ассоциации, то воля каждой из последних становится общей по отношению к своим членам и частной по отношению к Государству... дабы получить проявление именно общей воли, чтобы в Государстве не было ни одного частичного общества и чтобы каждый гражданин высказывал только своё собственное мнение» [5, с. 219].

Современная теория интереса делает относительно больший акцент на индивидуальном и частном интересе, нежели на них акцентировал внимание Руссо (обязывая общество заботиться о каждом индивидуальном интересе), да и вовсе воспринимавший их иначе. Одна из причин тому – роль личности в становлении, развитии и динамичной трансформации современных социальных отношений. Правовая индивидуализация субъектов отношений и правовой статус частных организаций и объединений прошли существенную трансформацию со времен Руссо, такие общества институционализируют отношения через упорядочивание интересов их участников. В публично-правовых отношениях актуальность подхода Руссо сохраняется, государства всё также стремятся сохранить институт индивидуального голосования граждан при формировании представительных органов власти (за редким исключением). Трактовка частноправовых отношений на примере собственности в трактате Руссо «Об общественном договоре» представляет собой одну из самых философски сложных и политически значимых теорий прав собственности в политической философии. В отличие от своих современников, обосновывавших собственность естественным правом или божественным правом, Руссо разработал сложную аргументацию, которая

позиционирует частную собственность как фундаментально зависящую от гражданского общества и общей воли, одновременно признавая определенные дополитические аспекты имущественных притязаний через труд и занятость. Этот всесторонний анализ показывает, что Руссо отвергал представление об абсолютных правах собственности, существующих независимо от государства, утверждая вместо этого, что легитимность частной собственности полностью вытекает из общественного договора и должна оставаться подчиненной общим интересам. Его идеи о собственности пережили заметное возрождение в современных политических дебатах, посвященных экономическому неравенству, налогообложению земли, всеобщему базовому доходу и распределению природных ресурсов.

Руссо противопоставляет личные интересы и общее благо, анализируя, как возможно достижение справедливого общества. В своих трудах философ показывает сложнейшее взаимопроникновение частных и общественных интересов. Разработка им понятия «общей воли» – центральное достижение в политической философии Нового времени. По Руссо, только подчинение частных интересов общественному делает возможным справедливое, свободное и гармоничное общество.

Жан-Жак Руссо глубоко исследует сложное соотношение общественного и частного интересов, заложив основу современной демократии и правовой мысли. Его концепция «общей воли» выражает стремление к гармонии индивидуального и коллективного. Парадоксально, но только «в цепях» справедливого закона человек обретает настоящую свободу, а общество – прочность и легитимность. Эти идеи остаются актуальными и сегодня, напоминая об опасности крайностей как коллективизма, так и индивидуализма.

Список цитируемой литературы

1. Гельвеций К.А. Соч.: в 2 т. М., 1973. Т. 2.
2. Гольбах П.А. Соч.: в 2 т. М., 1963. Т. 1.
3. Гольбах П.А. Соч.: в 2 т. М., 1963. Т. 2.
4. Федоров М. В. Конфликт интересов и его объективизация в российской правовой системе : специальность 12.00.01 : диссертация ... кандидата юридических наук / Федоров Максим Васильевич. – Белгород, 2021. – 207 с.
5. Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. – М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998.

Черенкова Анна Игоревна

преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин
Луганского филиала Воронежского института МВД России
(Луганск, Россия)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СОПРЯЖЕНИЯ

Аннотация: в настоящей статье автором проведено исследование правовых аспектов сопряжения органов местного самоуправления и гражданского общества в России. Рассмотрен дискуссионный вопрос относительно роли муниципальной власти в коммуникации между населением и государством. Сделан акцент на трансформации законодательства в рамках исследуемой нами темы. Предложены варианты совершенствования действующих правовых норм с точки зрения усиления роли внесударственных субъектов в деятельности публичной власти.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, гражданское общество, публичная власть, демократия, органы государственной власти.

Условиями формирования и функционирования современного правового государства служат гражданское общество с социально ориентированной рыночной экономикой и адекватная политическая форма – демократическая форма [1, С. 17]. Одним из признаков демократического государства выступает наличие в нем и функционирования местного самоуправления. Согласно Конституции в Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление, которое в пределах своих полномочий самостоятельно [2]. Также конституционные положения подчеркивают, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Такой акцент продиктован самой идеей местного самоуправления, которая заключается в том, что местные власти призваны представлять интересы общества в коммуникации с государственным аппаратом.

Однако в последнее время данный институт претерпел значительные изменения, фундамент которых был заложен в рамках поправок 2020 года к Конституции России, где появился новый термин «публичная власть»: статья 132 уточнила, что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на

соответствующей территории [3]». Впоследствии был принят новый Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти [4]», который окончательно определил место муниципальной власти в системе единой публичной власти. Однако исключает ли данное выражение тот факт, что местное самоуправление полностью потеряло всякое сопряжение с гражданским обществом и выступает по отношению к нему в качестве субъекта с властно-публичными полномочиями? Или же нововведения, напротив, упрочнили юридическое положение муниципальной власти, подчеркнув ее равенство с государственными органами?

Перед ответом на открытые вопросы необходимо сделать акцент на том, что в действующем законодательстве отсутствует норма-дефиниция понятия «гражданского общества». Поэтому характеристика данного феномена будет строиться исключительно на теоретико-правовом понимании его сущности. Так, юридическая доктрина подчеркивает, что гражданское общество представляет собой самоорганизацию граждан, исключая вмешательство государства. По мнению С.А. Авакьяна, признаки гражданского общества – это обеспечение определённого уровня экономического, социального, организационного, духовно-нравственного, межличностного и информационного состояния общества [4, с. 489]. Гражданское общество может быть представлено общественными объединениями, некоммерческими организациями, профсоюзами, а также в ряде случаев и даже отдельными гражданами. Основной акцент сделан на том, что представленные субъекты должны быть внесударственными единицами. Именно поэтому особое внимание падает на органы местного самоуправления, которые выступают в публично-правовом пространстве автономной единицей.

Обратим внимание, что местное самоуправление, в отличие от гражданского общества, предстает абсолютно формализованной категорией: законодательство определяет его как самоорганизацию граждан в целях осуществления народом своей власти для самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения) в пределах полномочий, предусмотренных законом, которая может реализовывать как непосредственно, так и через органы местного самоуправления [3]. Следовательно, последние выступают представителями соответствующей территориальной общины, призванными представлять её интересы на государственном уровне. Данная характеристика во многом совпадает с «юридической формулой»

гражданского общества, что позволяет утверждать: муниципальная власть является его своеобразным представителем.

Правда, как мы уже отметили ранее, в последнее время институт местного самоуправления претерпел множество изменений. Помимо определения места муниципалитетов в системе публичной власти, хотелось бы сделать акцент на еще ряде интересных нюансов. Например, появилась возможность высших должностных лиц участвовать в назначении и отрешении от должности главы муниципального образования. Также Президент Российской Федерации наделен правом досрочно прекращать полномочия упомянутого должностного лица в связи с утратой доверия. Обратим внимание, что в данной ситуации прослеживается формирование некоторой зависимости местной власти от государственной. Можем предположить, что данный подход продиктован необходимостью обеспечения национальной безопасности, а также оптимизации работы государственного аппарата путем формирования единой системы. Заметим, что Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно в своих решениях подчеркивал единство государственной и муниципальной властей. Так, Н.В. Витрук в одном из своих особых мнений подчеркнул, что «конституционная формула не отрицает взаимодействие и сотрудничество органов государственной власти и местного самоуправления». Также правовед подчеркнул, что передача полномочий от муниципальной власти государственной власти является вполне оправданным шагом, так как: «В современный период формирования и становления местного самоуправления в Российской Федерации не все муниципальные образования и не всегда в силу разных причин обладают такой самостоятельностью и ответственностью в решении местных вопросов в интересах населения муниципальных образований.[6]» Таким образом, проникновение государственной власти в деятельность муниципалитетов порой может выглядеть весьма целесообразно, если они выполняют вспомогательную или координирующую функцию.

Однако, согласимся с тем, что в данной ситуации не должны быть ущемлены права населения на осуществление местного самоуправления, иначе последнее потеряет свое предназначение.

Справедливо будет отметить, что в новом нормативном правовом акте формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления отражены объемно. К таковым законодательство отнесло местный референдум, муниципальные выборы, сход граждан, опрос, публичные слушания, общественные обсуждения, собрания граждан, инициативные проекты, территориальное общественное самоуправление.

При этом, из содержания нового федерального закона был исключен институт отзыва должностного лица, который ранее мог быть инициирован населением. Заметим, что неоднократно данный институт поддавался дискуссии со стороны ученых, относительно того, насколько целесообразно наделять такими полномочиями населения. Н.В. Витрук заметил, что «право отзыва выборного должностного лица местного самоуправления предопределено самой природой и особенностями местного самоуправления как власти местного сообщества, наиболее приближенной к населению, как территориальной самоорганизации населения, призванной обеспечивать ему самостоятельное и под свою ответственность решение вопросов местного значения [6]».

В настоящее время данное «естественное право» граждан изъято, что перечисленное позволяет сделать вывод о том, что местное самоуправление в большей степени зависимо от государственных органов, нежели от граждан, проживающих на территории. Однако это противоречит идеи, что органы местного самоуправления должны представлять интересы, прежде всего, жителей населенного пункта, так как само местное самоуправление является, напомним, «самоорганизацией граждан», следовательно, последние должны принимать активное участие в формировании управленческого аппарата.

Заметим, что современное конституционное строительство в России, оказавшейся перед лицом серьезных угроз, как никогда требует единения общества и государства [7, с. 95]. Именно поэтому законодательство должно в равной степени выстраивать коммуникацию органов местного самоуправления как с внесударственными, так и государственными образованиями.

Учитывая вышеизложенное, хочется сделать следующие выводы. Исходя из нормы-дефиниции, органы местного самоуправления должны непосредственно взаимодействовать с институтами гражданского общества на муниципальном уровне для развития демократических начал в России. Однако в настоящее время законодатель в большей степени делает акцент на закрепление вертикальной системы взаимоотношений между органами публичной власти. На наш взгляд, было бы логично дополнить правовое содержание нормами, выстраивающими линию сопряжения с общественным сектором для полноценного развития демократических институтов и правового государства.

Список цитируемой литературы

1. Витрук, Н.В. Общая теория юридической ответственности: Монография / Н.В. Витрук. – М.: Изд-во РАП, 2008. – 304 с.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.)// Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013
3. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»//Парламентская газета, № 10с, 27.03.2025.
4. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс. В двух томах. Т. 1. М.: Норма, 2020. 864 с.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.1996 № 21-П «По делу о проверке конституционности Закона Московской области от 28 апреля 1995 года «О порядке отзыва депутата Московской областной Думы" в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 1.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.2000 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года "О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области"» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 5.
- 7.Мархгейм М. В. Конституционная канва единения общества и государства: отечественные уроки столетия / М. В. Мархгейм // Нравственные императивы российской государственности: достоинство личности, суверенитет, солидарность : Сборник научных трудов Первого Белгородского международного юридического форума. В 2 т., Белгород, 11–12 сентября 2024 года. – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2024. – С. 94-103. – EDN KHSEUV.

Ярошук Инна Александровна

доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики

Юридического института НИУ «БелГУ»

кандидат юридических наук, доцент

Фильчаков Антон Романович

студент Юридического института НИУ «БелГУ»

(Белгород, Россия)

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПРАВИЛА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Аннотация. В статье рассматриваются содержательные правила нормативных правовых актов как система требований и принципов, формирующих смысловое наполнение и качество правового регулирования. Анализируются основные характеристики содержательных правил – целевая направленность, нормативная плотность, логическая целостность, системность и социальная адекватность. Особое внимание уделено структуре содержательных правил, включающей нормативный, логический и социальный компоненты. Выявлены ключевые проблемы их реализации в практике законотворчества.

Ключевые слова: содержательные правила, нормативные правовые акты, юридическая техника, правовое регулирование, логическая целостность, системность, социальная адекватность, законотворчество, проблемы реализации, правоприменение.

«Требование реализации конституции, ее положений, обращенное к гражданам, а также к объединениям граждан, действующим в частной сфере, есть требование соблюдения конституционного порядка» (Н.В. Витрук) [1].

Содержательные правила нормативных правовых актов представляют собой систему требований и принципов, определяющих содержательное наполнение правового акта, его смысловую нагрузку и существенное качество. В юридической науке под содержательными правилами понимается совокупность критериев, обеспечивающих смысловую целостность правового регулирования, логическую последовательность нормативного материала, соответствие содержания целям и задачам правового акта, а также системность правовых предписаний [2].

Содержательные правила отличаются от формальных (языковых, структурных) правил своей направленностью на сущностные характеристики

правового регулирования. Если формальные правила определяют, «как сказать», то содержательные – «что сказать» [3].

Содержательные правила обладают своими сущностными характеристиками. Они имеют целевую направленность – обеспечение эффективного правового регулирования, достижение социально значимых целей и реализация функций права; а также содержательные аспекты: нормативная плотность (насыщенность правового регулирования), логическая целостность (внутреннее единство нормативного материала), системность (взаимосвязь норм и институтов), соответствие социальным реалиям (адекватность регулирования общественным отношениям).

По функциональному назначению правила нормативно-правовых актов имеют непосредственное воздействие на общественные отношения, устанавливая модель правомерного поведения, а также определяя круг прав и обязанностей субъектов правоотношений – регулятивная функция. Также обладают системообразующей функцией. Обеспечивают единство правовой системы, согласованность нормативного материала, а также имеют иерархическую упорядоченность содержания, что облегчает процесс их применения в юридической практике.

Рассматривая с точки зрения структуры содержательных правил, можно выделить такие компоненты, как нормативный, логический и социальный. Первый по списку включает в себя принципы правового регулирования, юридические конструкции, правовые предписания, точность терминологии. Нормы должны соответствовать вышестоящим актам и согласованность с действующим законодательством, не иметь внутренних противоречий в рамках одного акта, а также должны исключать дублирование нормативных предписаний. Нормы должны обладать полнотой содержания, достаточной для урегулирования общественных отношений.

Логический – непротиворечивость, логика построения нормативного материала и его обоснованность (наличие фактических оснований), четкая причинно-следственная связь норм, исключая логические разрывы. Необходима четкость правовых предписаний, чтобы впоследствии исключить неоднозначность понимания норм. Требуется конкретизировать круг прав и обязанностей субъектов правового поля, а также определить измеримость устанавливаемых требований.

Наконец, социальный, должен соответствовать общественным потребностям, учитывать социальные реалии государства и уровень правосознания общества, учитывать баланс частных и публичных интересов [4]. Должно гарантироваться равенство всех перед законом вне зависимости от каких-либо факторов (имущественное и должностное положения, религия

и пр.), учитывая справедливость распределения прав и обязанностей, а также соразмерность ограничений и запретов.

Далее закон проходит стадию официального опубликования [5]. После «выхода в свет» новой нормы, регулирующей ту или иную сферу деятельности, логично, ее ждет оценка по различным критериям (социальная, экономическая).

Несмотря на свою очевидную теоретическую важность, соблюдение содержательных правил на практике сталкивается с рядом системных и конкретно-юридических проблем. Их выявление и анализ позволяют понять, почему даже технически грамотно составленные акты могут порождать правовую неопределенность, конфликты и проблемы в правоприменении.

Одной из ключевых проблем является достижение баланса между полнотой регулирования и свободой усмотрения правоприменителя. Законодатель, пытаясь предусмотреть все ситуации, иногда создает чрезмерно детализированные, казуистичные нормы. Это приводит к тому, что новые, непредусмотренные отношения остаются вне правового поля, а сам нормативный акт становится громоздким и трудно применимым [6].

Противоположная проблема – когда норма сформулирована слишком абстрактно и обобщенно (например, использование оценочных понятий: «добросовестность», «разумный срок», «существенное нарушение»). Это создает широкий простор для судейского усмотрения, что, с одной стороны, необходимо, а с другой – может вести к противоречивой судебной практике и нарушению принципа единства правоприменения [7].

Иная проблема – проблема системных противоречий и межотраслевой коллизии. Правило непротиворечивости часто нарушается в условиях динамичного законотворчества. Существуют внутрисистемные конфликты. Принятие новых федеральных законов без должной сверки с уже существующим массивом законодательства приводит к появлению прямых противоречий между нормами одного уровня. Например, норма одного закона может устанавливать один порядок, а норма другого, принятого позднее, – иной, при этом прямая отсылка об отмене предыдущих норм отсутствует.

Также существуют межотраслевые конфликты. Содержательные правила одной отрасли права могут вступать в конфликт с правилами другой. Классический пример – коллизия между нормами гражданского права (ориентированными на диспозитивность и свободу договора) и нормами административного или налогового права (императивными и обязывающими). Разрешение таких коллизий требует высокой квалификации от правоприменителя [8].

Имеет место быть следующая проблема – проблема адекватности социальной реальности и законодательного прогноза. Правило адекватного отражения социальных потребностей является, пожалуй, самым трудновыполнимым. Существует «законодательная запаздывание»: законодатель часто реагирует на уже сложившиеся и обострившиеся общественные отношения, а не предвосхищает их развитие. В результате закон может устареть еще на момент его вступления в силу, особенно в быстро меняющихся сферах, таких как регулирование цифровых технологий или финансовых рынков.

Таким образом, проблемы реализации содержательных правил носят комплексный характер и проистекают из сложности самого законотворческого процесса, динамики общественных отношений, а также из-за человеческого фактора. Преодоление этих проблем требует не только совершенствования юридической техники, но и развития системного подхода к планированию законопроектной деятельности, обязательного проведения юридической и антикоррупционной экспертизы, а также формирования единой правоприменительной практики, в том числе за счет разъяснений высших судебных инстанций.

Дальнейшее развитие юридической техники в России должно быть неразрывно связано с повышением культуры законотворчества, где содержательным правилам будет отводиться первостепенная роль. Только осознанный и ответственный подход к формированию содержания правовых норм позволит создать правовую систему, которая будет действительно служить интересам общества и государства.

Список цитируемой литературы

1. Витрук, Н. В. Верность Конституции : Монография / Н. В. Витрук. – Москва : Российский государственный университет правосудия, 2016. 272 с. – EDN ZUYAJV.
2. Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 N 1009 (ред. от 15.11.2024) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15490/ (дата обращения: 27.10.2025).
3. Горохова С.С. Юридическая техника : учебник и практикум для вузов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. 340 с.
4. Лапаева В. В. Социология права – Учебное пособие. М.: Норма. 2023. 336 с.

5. Федеральный закон «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» от 14.06.1994 N 5-ФЗ (последняя редакция) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3859/ (дата обращения: 27.10.2025).
6. Южаков В.Н. Добролюбова Е.И. Качество российского государственного управления : проблемы и приоритеты. – М.: Дело (РАНХиГС), 2022. С. 243-245.
7. Переплетчикова А.И. Критерии обоснованности законодательного закрепления оценочных понятий // Вестник СГЮА. 2024. №5. 160 с.
8. Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. №2. 194 с.

Агарков Денис Евгеньевич,

аспирант кафедры конституционного и международного права,
Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Новикова Алевтина Евгеньевна

профессор кафедры конституционного и международного права,
Юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ПУБЛИЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В условиях санкционного давления и актуализации задач по обеспечению экономического суверенитета возрастает системообразующая роль государства. Целью данной статьи является конституционно-правовой анализ структуры и содержания публично-организационного элемента системы экономического пространства Российской Федерации. Автором в исследовании применен структурно-функциональный подход, позволяющий классифицировать органы власти по уровням (федеральный, субъекты Федерации, муниципальный) и функциональному назначению (стратегические, специализированные, регуляторные). Особое внимание уделено конституционному разграничению предметов ведения как основе деятельности органов власти, а также ключевой роли бюджетной системы и межбюджетных отношений в качестве

финансового инструмента обеспечения единства экономического пространства.

Ключевые слова: экономический суверенитет, экономическое пространство, публично-организационный элемент, публичная власть, разграничение предметов ведения, федерализм, судебная власть.

Обеспечение экономического суверенитета, реализация политики импортозамещения и противодействие санкционному давлению требуют консолидации всех институтов государственного управления. Единство экономического пространства, гарантированное ст. 8 Конституции Российской Федерации [1], является результатом целенаправленной деятельности публичной власти, образующей его организационный каркас.

В юридической доктрине вопросы экономического пространства часто рассматриваются через призму гарантий единства рынка, конкурентной политики или федеративных отношений [2, 3, 4]. Однако комплексный анализ публично-организационного элемента как целостной системы органов и механизмов власти, структурированной по уровням и функциям, остается востребованным направлением научного поиска. Полагаем, данный элемент является субъектным началом, преобразующим конституционные принципы в практику хозяйственной жизни.

Цель настоящей статьи состоит в конституционно-правовом анализе структуры, содержания и функциональных особенностей публично-организационного элемента системы экономического пространства России. Уточним, что последний мы понимаем, как совокупность институтов и механизмов публичной власти, ответственных за формирование, поддержание и развитие российского экономического пространства.

С точки зрения федеративного устройства государства в публично-организационный элемент мы включаем органы государственной власти (федеральный уровень и субъекты Федерации) и органы местного самоуправления (муниципальный уровень).

В реализации своих полномочий органы власти различных уровней опираются на конституционно определенные предметы ведения. Так, в ведении Российской Федерации находятся (ст. 71):

- «д) федеральная государственная собственность и управление ею;
- е) установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, научно-технологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации;

ж) установление правовых основ единого рынка; финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование, денежная эмиссия, основы ценовой политики; федеральные экономические службы, включая федеральные банки;

з) федеральный бюджет; федеральные налоги и сборы; федеральные фонды регионального развития;

л) внешнеэкономические отношения Российской Федерации» [1].

К совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в интересующем нас аспекте отнесено (ч. 1 ст. 72):

«г) разграничение государственной собственности;

и) установление общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации;

о) координация внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» [1].

Относительно органов местного самоуправления, то согласно п. 1 ч. 2 ст. 36 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», органы местного самоуправления имеют право, в частности, на осуществление полномочий в сфере стратегического планирования, предусмотренных федеральным законодательством о стратегическом планировании в Российской Федерации, включая утверждение стратегии социально-экономического развития муниципального образования [5].

Что касается функционального аспекта, то здесь на федеральном уровне назовем палаты Федерального Собрания Российской Федерации, в которых функционируют специализированные комитеты и комиссии. Так, в Совете Федерации – это Комитет Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам, Комитет Совета Федерации по экономической политике [6].

В Государственной Думе: Комитет Государственной Думы по бюджету и налогам, Комитет Государственной Думы по вопросам собственности, земельным и имущественным отношениям, Комитет Государственной Думы по защите конкуренции, Комитет Государственной Думы по малому и среднему предпринимательству, Комитет Государственной Думы по промышленности и торговле, Комитет Государственной Думы по финансовому рынку, Комитет Государственной Думы по экономической политике, Комиссия Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по рассмотрению расходов федерального бюджета, направленных на обеспечение национальной обороны, национальной безопасности и правоохранительной деятельности [7].

В функциональном аспекте также считаем целесообразным совокупность соответствующих органов на федеральном уровне разделить на стратегические (Правительство Российской Федерации), специализированные (министерства) и органы-регуляторы (Центральный Банк Российской Федерации, Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации). Уточним, что к стратегическим в законотворческом аспекте мы относим ранее названные комитеты и комиссии Федерального Собрания Российской Федерации.

Центральным органом власти, содействующим реализации единства экономического пространства, выступает Правительство Российской Федерации, поскольку именно оно обеспечивает проведение в Российской Федерации единой финансовой, кредитной и денежной политики (п. «б» ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации).

Названные нами специальные органы включены в бюджетную систему и межбюджетные отношения как ключевой финансовый инструмент обеспечения единства и сбалансированного развития экономического пространства страны. В числе этих органов власти федерального уровня: Министерство финансов Российской Федерации (Федеральная налоговая служба, Федеральная пробирная палата, Федеральная служба по контролю за алкогольным и табачным рынками, Федеральная таможенная служба, Федеральное казначейство, Федеральное агентство по управлению государственным имуществом) и Министерство экономического развития Российской Федерации (Федеральная служба по аккредитации, Федеральная служба государственной статистики, Федеральная служба по интеллектуальной собственности).

Кроме того, особую роль мы отводим координационным и совещательным органам. В частности, Государственный Совет является конституционным государственным органом, формируемым Президентом Российской Федерации в целях определения, в том числе приоритетных направлений социально-экономического развития государства (ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 08.12.2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации») [8].

На наш взгляд, рассматривать заявленный вопрос публично-организационного элемента системы экономического пространства Российской Федерации целесообразно при включении в него органов судебной власти, в первую очередь, Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, унифицирующих правоприменительную практику и разрешающих споры в экономической

сфере. На примере решений Конституционного Суда Российской Федерации продемонстрируем сформулированный нами тезис.

Так, «в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации федеральный налог считается законно установленным, если он установлен федеральным законодательным органом в надлежащей форме, то есть федеральным законом в предусмотренном законом порядке, и введен в действие в соответствии с действующим законодательством. При этом федеральный налог считается законно установленным лишь в том случае, если законом определены все существенные элементы налогового обязательства, к которым относится и налоговая ставка» [9]. Таким образом, данное Определение устанавливает жесткие критерии «законно установленного налога» (надлежащая форма, определенность всех элементов), толкуя соответствующую норму, а также создает универсальный публичный стандарт для всех субъектов власти, устанавливающих платежи. Полагаем, в этом и заключается реализация публично-организационной роли через судебное нормотворчество.

В части защиты равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности, Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что «все кредиторы, будь то граждане-вкладчики, коммерческие организации или публично-правовые образования, должны иметь равные возможности при заключении мирового соглашения и выработке его условий. Любое предпочтение, отдаваемое законодателем одной из групп кредиторов перед другой, исключало бы саму возможность заключения мирового соглашения, поскольку в таком случае не учитывались бы экономические интересы всех кредиторов и нарушался конституционный принцип равноправия, из которого вытекает необходимость предоставления равной защиты всем собственникам и который конкретизирован в норме пункта 4 статьи 212 ГК Российской Федерации, закрепляющего, что права всех собственников защищаются равным образом» [10]. В этом Постановлении Конституционный Суд, запретив законодательное предпочтение одной группы кредиторов, организовал равные условия для реализации экономических интересов всех участников различной юридической природы. Это решение гарантирует целостность и непротиворечивость правового поля в одной из самых конфликтных сфер экономики. Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации непосредственно формирует и поддерживает системные свойства экономического пространства.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, раскрывающих сущность и значение публично-организационного элемента

системы экономического пространства Российской Федерации. Последний представляет собой институционально-властный каркас экономического пространства, образуемый совокупностью органов государственной власти и местного самоуправления, ответственных за его формирование, поддержание и развитие.

Конституционное разграничение предметов ведения (ст.ст. 71, 72) служит правовым фундаментом для построения заявленного элемента. Исключительные полномочия Федерации задают единые «правила игры» (правовые основы рынка, финансовое, валютное регулирование), а сфера совместного ведения создает рамки для адаптации экономической политики к особенностям субъектов Федерации.

Функциональная и уровневая структура элемента является сложной и не ограничивается органами исполнительной и законодательной власти. По нашему мнению, в нее органически включены координационные структуры (например, Государственный Совет Российской Федерации), обеспечивающие согласование стратегических приоритетов, и органы судебной власти (Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации), которые разрешают споры и устраняют законодательные противоречия, нарушающие единство экономического пространства.

Список цитируемой литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. №7-ФКЗ, 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. №6-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. №7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. №8-ФКЗ) // СЗ РФ. 2022. № 710. Ст. 4398.
2. Лемнев В.Н., Стрябкова Е.А. Переосмысление функций экономического пространства в условиях усложнения пространственной организации и цифровой трансформации экономики // Экономика. Информатика. 2025. Т. 52. № 2. С. 268-278.
3. Попова С.А., Киселёв И.П. Особенности развития единого экономического пространства России в контексте наличествующих и требуемых процессов формирования национальных экономических интересов // Вестник Института мировых цивилизаций. 2020. Т. 11. № 3 (28). С. 88-93.
4. Таранов П.В., Басенко А.М. Национальная экономика и ее конкурентоспособность в современном экономическом пространстве // В

сборнике: Инфраструктура рынка: проблемы и перспективы. ученые записки. Ростов-на-Дону, 2023. С. 132-137.

5. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СЗ РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.

6. <http://council.gov.ru/structure/committees/> (дата обращения 01.11.2025 г.).

7. <http://duma.gov.ru/duma/commissions/> (дата обращения 01.11.2025 г.).

8. Федеральный закон от 08.12.2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 50 (часть III). Ст. 8039.

9. Определение Конституционного Суда РФ от 05.02.2004 № 70-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "Юридическая фирма "ЮРУС" и открытого акционерного общества "Ангелинский элеватор" на нарушение конституционных прав и свобод положениями части второй статьи 5 Закона Российской Федерации "О налоге на прибыль предприятий и организаций", абзаца второго статьи 3 Закона Краснодарского края "О краевом бюджете на 2000 год" и абзаца второго статьи 3 Закона Краснодарского края "О краевом бюджете на 2001 год"» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 5.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2002 № 14-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона "О реструктуризации кредитных организаций", пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации "Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков" и жалобой ОАО "Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств"» // СЗ РФ. 2002. № 31. Ст. 3161.

Артыков Джафар Зафаржонович

аспирант кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Таджикистан)

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна

заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор,
(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУТОВ АМНИСТИИ И ПОМИЛОВАНИЯ В СТРАНАХ СНГ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРИНЦИПОВ ДЕМОКРАТИИ, ГУМАНИЗМА И ЗАКОННОСТИ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа роли и значения институтов амнистии и помилования в обеспечении соблюдения основополагающих принципов современной правовой системы стран СНГ. В теме рассматриваются институты амнистии и помилования с точки зрения воплощения базовых идей правового государства: демократии, гуманизма и верховенства закона. Целью работы является выявление особенностей и тенденций функционирования указанных институтов в рамках законодательств стран СНГ, установление взаимосвязи между нормами Конституции каждого государства и реализацией актов амнистии и решений о помиловании.

Ключевые слова: амнистия, помилование, конституционное право, принципы демократии, гуманизм, законность, правовые институты, государства СНГ.

Рассматривая конституционно-правовую институционализацию амнистии и помилования в странах СНГ, мы можем выявить ряд общих черт и особенностей, присущих государствам постсоветского пространства. Несмотря на различия в правовых системах и политических режимах, большинство стран СНГ сохранили схожие подходы к вопросам конституционно-правового института амнистии и помилования, унаследованные от советского периода.

Как отмечал П.С. Ромашкин «амнистия и помилование всегда исходили из необходимости облегчать в первую очередь участь трудящихся, совершивших те или иные преступления случайно или по

несознательности, освобождение которых не представляло опасности для государства» [1, с. 48].

Во многих странах СНГ амнистия и помилование остаются важнейшими элементами правовой системы, предусмотренными их конституциями и законами. Как правило, Конституция устанавливает основополагающие рамки применения этих мер, а специфические процедуры прописаны в Уголовном кодексе, Гражданском кодексе, Уголовно-процессуальном кодексе, Административном кодексе и иных нормативных актах.

В свою очередь Н.Д. Дурманов отметил, что «акты помилования, как и акты амнистии, не являются реализацией уголовного закона, их не следует включать в систему общей части уголовного законодательства, так как они являются государственно-правовыми актами, не имеющими отношения к уголовному праву» [2, с. 36]. Поддерживаем точку зрения Н.Д. Дурманов, согласно которой акты амнистии и помилования не входят в систему уголовного права или иной отрасли права, являясь самостоятельными конституционно-правовыми институтами.

Институты амнистии и помилования, представляя собой специальные элементы прав и свобод человека, которые утверждены в конституциях стран СНГ и непосредственно связаны с такими основными принципами демократии, гуманизма и законности.

Принцип демократии находит свое отражение в процедурах амнистии и помилования посредством соблюдения ряда основополагающих норм и механизмов, направленных на достижение баланса между интересами правосудия и необходимостью гуманизации уголовного наказания. В странах СНГ «граждане» имеют право знакомиться с основаниями и причинами принятия соответствующих решений.

Отметим, что механизмы амнистии и помилования являются важными элементами реализации принципов демократии, поскольку они обеспечивают баланс между ответственностью преступников и правами граждан, защищают достоинство личности и содействуют укреплению правовой системы и социальной гармонии в обществе.

В свою очередь, принцип гуманизма лежит в основе обоих институтов, поскольку их главная задача – проявить снисхождение и уважение к достоинству каждого человека. Проявляя гуманизм, государство стремится уменьшить страдания осужденных, облегчить их положение и способствовать восстановлению социальной справедливости.

По мнению М.А. Мусаева, «гуманизм» «нужно рассматривать как нормативную систему, определяющую моральные, политические, правовые и другие установки регулирования общественных отношений,

регламентирующих самоценность человеческой личности в ее отношениях с природой, обществом и государством» [3].

Принцип законности, который выражается в строгом соблюдении, установленных законом процедур и норм при осуществлении амнистии и помилования. Амнистия и помилование осуществляются исключительно в рамках установленных Конституцией и законами процедур. Конституция определяет полномочия высших органов власти в области объявления амнистии и осуществления актов помилования. Соблюдение принципа законности обеспечивается четким регламентированием полномочий и соблюдением установленного порядка принятия соответствующих решений.

В демократическом обществе прочная законность выступает ключевым элементом народовластия и правовой государственности, обеспечивая признание неотчуждаемости и наивысшей значимости прав человека. Она служит гарантией против доминирующего воздействия политики на сферу права и гражданского общества. Напротив, в условиях демократии законность гарантирует приоритетное влияние права и институтов гражданского общества на деятельность властных структур и реализуемую ими политику, направляя последнюю на защиту интересов индивида, его прав и свобод, а также развитие самого гражданского общества.

Амнистия и помилование, являясь важными элементами конституционно-правовой системы, играющими особую роль в обеспечении справедливости, законности и гуманизма в правоприменительной практике, эти институты позволяют государству проявлять гибкость и индивидуализацию подхода к каждому осужденному, учитывая конкретные обстоятельства дела и личностные характеристики преступника.

Принципы демократии, гуманизма и законности также являются основополагающими при осуществлении процесса помилования осужденного в странах СНГ. В некоторых странах СНГ создана специальная комиссия по вопросам помилования, состоящая из представителей государственных органов, научных учреждений и гражданского общества. Такое решение обеспечивает «особый» контроль над процессом и повышает доверие населения к институту помилования.

С ходатайствами о помиловании могут обращаться осужденные, их адвокаты и родственники, общественные и государственные органы, трудовые коллективы, администрация исправительно-трудовых учреждений.

Следует отметить, две ключевые обстоятельства, составляющих основу института помилования и определяющих его особенности, по мнению К. Мирзаянова:

1. Помилование должно осуществляться в таких наиболее сложных и нетипичных случаях, когда обычные институты досрочного освобождения лица от наказания не применимы [4].

2. Принятие решения о помиловании должно абстрагироваться от общего положения дел с преступностью в стране, должны приниматься во внимание лишь обстоятельства данного конкретного случая [4].

В свою очередь, М.В. Мархгейм, обоснованно отметила, что «право на помилование и право амнистии, в отличие от других конституционных прав, могут быть реализованы лицами, нарушившими закон: «каждый осужденный», «каждый приговоренный к смертной казни» и т.д., то есть специально именно «для такого случая» [5].

Соблюдение упомянутых принципов обеспечивают прозрачность и предсказуемость процесса помилования, защищает права и свободы граждан, способствует укреплению доверия населения к государству.

Кроме того, процедура применения рассматриваемых форм освобождения находится под влиянием положений, установленных конституционно-правовым (государственным), уголовно-процессуальным, административным, гражданским и др. законодательством, представляя собой сложный многоуровневый механизм правовой защиты и социального контроля.

Имеется настоятельная потребность в разработке и принятии единого закона об амнистии и помиловании в странах СНГ, который восполнил бы этот законодательный пробел и способствовал бы дальнейшему совершенствованию этих институтов. Закон об амнистии и помиловании должен быть единым, он должен регулировать и институт амнистии, и институт помилования. Единство акта об амнистии и помиловании обусловлено тем, что и амнистия, и помилование являются актами прощения лиц, совершивших правонарушения. Единство актов амнистии и помилования обуславливается не только однородностью актов прощения, но и их отдаленностью от обычных юрисдикционных функций и единством мотивации.

Также мы приходим к выводу, что нормы, регулирующие вопросы амнистии и помилования, не интегрируют указанные институты в структуру уголовно-правовых механизмов. Они обладают признаками самостоятельных конституционно-правовых феноменов, существующих вне пределов уголовно-правовой отрасли, и не оказывают прямого влияния на развитие доктрины и практику функционирования уголовного права. Оно устанавливает правовые основы существования институтов амнистии и

помилования, а также определяет компетентные государственные органы, наделённые полномочиями по применению указанных мер.

Исследование показывает, что конституционно-правовая институционализация амнистии и помилования в странах СНГ основана на ряде базовых принципов, среди которых выделяются законность, гуманизм, демократичность, дифференцированный подход и согласованность. Эти принципы обеспечивают стабильность и предсказуемость применения рассматриваемых институтов, способствуют укреплению доверия граждан к государству и содействуют достижению социальной гармонии.

Список цитируемой литературы

1. Ромашкин П.С. Амнистия и помилование в СССР. М., 1959.
2. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М.; 1967.
3. Мусаев М.А. Гуманизм в структуре правовой системы // Философия права. 2012. №4 (53).
4. Мирзажанов К. Амнистия и помилование в советской уголовной политике. Ташкент, 1991.
5. Мархгейм М.В. Право на помилование и право на амнистию в конституционном ad hoc ракурсе // В сборнике: Права человека: история, теория, практика. Десятая Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных статей. Юго-Западный государственный университет. Курск, 2022. С. 45-49.

Билык Кирилл Владимирович

аспирант кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

(Симферополь, Россия)

Научный руководитель:

Нифанов Алексей Николаевич

профессор кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»,

доктор юридических наук, профессор

(Белгород, Россия)

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ФЕНОМЕНА ВОСПИТАНИЯ В РОССИИ

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью системного переосмысления роли и механизмов воспитания

в условиях формирования новой образовательной парадигмы в Российской Федерации. В настоящее время воспитание выступает не как сопутствующая функция, а как стратегический приоритет государственной политики. Вместе с тем, правовые и организационные механизмы реализации воспитательной деятельности зачастую носят декларативный характер и не обеспечивают системной интеграции в образовательный процесс. Целью статьи является анализ текущего состояния и перспектив развития воспитания как стратегического вектора модернизации российской системы образования (в широком смысле). В ходе исследования осуществлен анализ нормативной правовой базы, в том числе Стратегии развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года; выявлены проблемы практической реализации воспитательных механизмов, что требует дальнейшего совершенствования правового регулирования и выстраивания устойчивой системы управления воспитанием в образовательных организациях.

Ключевые слова: воспитание, образование, стратегия, образовательные учреждения, родители.

Воспитание в современном обществе и государстве суть разноаспектная категория и многоэтапный непрерывный процесс, в совокупности форм проявления претендующий на признание его институциональной (социально-правовой) природы, конституционно опосредованной и обусловленной включенностью воспитательной составляющей в широкий спектр общественных отношений – как связующего социального элемента, в ряд комплексных правовых институтов – как содержательного аспекта правовых норм. Комплексный характер и конкретно юридическое значение воспитания как института явственно прослеживается в нормативных правовых и доктринальных источниках. Однако следует констатировать отсутствие системности в правовой регламентации, сопутствующем организационно-правовом обеспечении воспитания личности и, как следствие, недостижение стратегических конституционно-детерминированных и производных от них целей и задач, плановых результатов реализации воспитательного процесса.

В подтверждение заявленной позиции следует обратиться к основному функционально ориентирующему на системность в сфере воспитания личности документу, формально актуальному на период проведения исследования – Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р [8] и, соответственно, рассчитанной на десять лет в аспекте целевой реализации. Однозначно положительной

необходимо признать постулированную в Стратегии в качестве приоритетной комплексную задачу в сфере воспитания, основанную на признании приоритета «российских традиционных духовных ценностей», к которым отнесены: «человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством» (разд. I). Примечательно, что на современном этапе нормативно закреплена иная, актуализированный перечень традиционных ценностей [7], причем не со всеми из них можно соотнести положения рассматриваемого документа. Однако, указав ценности однократно, авторы Стратегии более не используют (в тексте) соответствующие категории, тем самым практически не увязывая их с заявленными ориентирами и не отражая в закрепленных направлениях развития воспитания (разд. III). В частности, при формулировке содержания одного из таких направлений – «Обновление воспитательного процесса с учетом современных достижений науки и на основе отечественных традиций» – задействованы давно устоявшиеся (частично даже несколько архаичные) виды воспитания, направления воспитательной работы, такие, как: гражданское, патриотическое, духовное и нравственное, физическое, трудовое, экологическое, правда, фрагментарно дополненные и уточненные, к примеру, тезисом о приобщении «детей к культурному наследию» (п. 2 разд. III). При этом ни один из указанных видов четко не ассоциирован с заявленными ценностями из официального перечня. Следует уточнить, что некоторые из данных ценностей весьма широко толкуются и нуждаются в уточнении их контекстного содержания, как минимум, с аксиологической точки зрения. Но авторы Стратегии не озадачились этим вопросом и, более того, масштабно использовали при описании содержания направлений развития воспитания еще более широкие, разноаспектные по смыслу категории, как и относительно устойчивые обороты (например, традиционные культурные, духовные и нравственные ценности российского общества, национальное достоинство людей, иные), не придерживаясь какой-либо системы или хотя бы последовательности. Такой подход закономерно исключил алгоритмичность в содержании Стратегии: имеют место сгруппированные, но не всегда взаимосвязанные положения.

Вызывает вопрос и адресат концептуального содержания Стратегии, концентрированно выраженного в направлениях развития воспитания. Наименование документа не содержит указание на такого адресата. Однако приоритетная задача, с которой фактически начинается Стратегия, четко адресует ее детям (и только им). В части указания на условия, формируемые Стратегией, уже отмечается направленность «на воспитание подрастающего

и будущих поколений» (разд. I). При этом тезисные формулировки содержания направлений развития воспитания лишь фрагментарно упоминают в качестве адресата именно детей, а некоторые из них, исходя из содержательного толкования, вполне могут быть адресованы и более взрослому населению, а также отдельным организованным субъектам отношений в сфере воспитания (к примеру, «знакомство с лучшими образцами мировой и отечественной культуры»; «создание условий для расширения участия семьи в воспитательной деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность и работающих с детьми», иное (п. 2 разд. III)). Конечно, формальные основания для такого подхода со стороны разработчиков Стратегии имеются – ее разработка во исполнение Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 [4]. Однако отсутствие градации предметных направлений развития воспитания с учетом, как минимум, этапов становления (взросления) и условий развития личности, их взаимосвязи и взаимозависимости, видится изначально деструктивным фактором в аспекте реальной и полноценной реализуемости рассматриваемого стратегического документа, как и его системообразующего потенциала.

Критическому анализу можно подвергнуть и закрепленные в разд. IV Стратегии механизмы ее реализации, и их обоснование в разд. I документа. Традиционно (с точки зрения юридической техники) в рамках «Общих положений» закрепляется обобщенный открытый перечень правовых актов, начиная с Конституции Российской Федерации, которые учитывает Стратегия. Однако предмет регулирования таких актов уже конкретизирован по сферам регулируемых отношений: «образования, физической культуры и спорта, культуры, семейной, молодежной, национальной политики»; завершает норму дополнение об учете также «международных документов в сфере защиты прав детей, ратифицированных Российской Федерацией». Между тем, уже в следующей норме закреплено, что «Стратегия развивает механизмы, предусмотренные Федеральным законом "Об образовании в Российской Федерации", который гарантирует обеспечение воспитания как неотъемлемой части образования, взаимосвязанной с обучением, но осуществляемой также в форме самостоятельной деятельности» (разд. I). Безусловно, сфера образования выступает наиболее емкой в части разных направлений реализации процесса воспитания, но исключение из категории «развиваемых» иных механизмов, в основе которых лежит иное предметное законодательство, видится, как минимум, не логичным. При этом положений, указывающих, к примеру, на приоритетный или базовый, исходный характер

механизмов воспитания из сферы образования, в документе не выявлено. Несколько преждевременным и необоснованным хотя бы в регулятивном ключе представляется также констатирующее закрепление, к примеру, таких организационно-управленческих механизмов реализации Стратегии, как: совершенствование в субъектах Российской Федерации условий для обеспечения эффективной воспитательной деятельности на основе ее ресурсного обеспечения, современных механизмов управления и общественного контроля; консолидация усилий воспитательных институтов на муниципальном и региональном уровнях; эффективная организация межведомственного взаимодействия в системе воспитания, другие (разд. IV). В частности, не ясно, о каких «воспитательных институтах» (причем муниципальных и региональных) идет речь, если официально данная категория не регламентирована и однозначному толкованию не поддается; какую «эффективность» можно постулировать, если система воспитания как таковая до сих пор не сформирована (по крайней мере, правовых актов и документов, ее описывающих, не обнаружено). Исходя в том числе из общей практики реализации воспитания в сфере образования, можно в целом признать нереализованным и такой заявленный в Стратегии «механизм», как «формирование показателей, отражающих эффективность системы воспитания в Российской Федерации» (разд. IV).

Констатированные в Стратегии правовые механизмы ее реализации сложно назвать не только эффективно реализуемыми, но и даже полноценно сформированными. К примеру, развитие инструментов медиации (разд. IV) в заявленной сфере правоотношений пока находится на стадии внедрения и апробации, причем в отдельных образовательных учреждениях, и фактически относится к рекомендованным, а не обязательным механизмам процесса воспитания [16]. В схожем положении оказались и иные заявленные в документе механизмы. Да, с целью реализации Стратегии Министерству образования и науки России было поручено разработать план мероприятий (п. 2 Распоряжения Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р), что министерством было выполнено и выразилось в утверждении Правительством Российской Федерации двух Планов мероприятий по реализации Стратегии [9, 10]. Однако такие мероприятия, поручаемые, как правило, профильным министерствам и ведомствам, преимущественно носили планово-отчетный и информационно-аналитический характер. Сформировать на их основе, как минимум, заявленную в Стратегии систему воспитания это, как представляется, не позволило.

Критически проанализировав содержание Стратегии, наряду с рассмотрением указанных выше и иных нормативных правовых актов и

документов, видится возможным сформулировать гипотезу, согласно которой в значительной степени деструктивные последствия нереализованности Стратегии приоритетно относятся к образовательным отношениям. Так, в сфере образования наиболее заметным достижением в части производного (с учетом последних конституционных поправок [1]) правового обеспечения воспитания на современном этапе можно назвать дополнение структурной композиции образовательных программ рабочей программой воспитания и календарным планом воспитательной работы в предусмотренных федеральным законом случаях [3]. При этом Министерство науки и высшего образования России с целью обеспечения реализации данного нововведения, правда, лишь к концу 2023 г., были разработаны и утверждены Методические рекомендации по разработке указанных документов [12], где в том числе приведена форма указанного календарного плана, причем структурированная на основе направлений воспитательной работы, которые заявлены в Стратегии, хотя и с некоторыми уточнениями и дополнениями. К примеру, научно-образовательной разновидностью (весьма спорной, как представляется, в части реализуемости с точки зрения воспитательного аспекта). Содержательная направленность таковых, как и в Стратегии, не раскрывается, конкретных мероприятий не предлагается. Данная задача фактически переадресована образовательным учреждениям, а точнее – ответственным за воспитательную работу лицам, в первую очередь – педагогическим работникам. Последний тезис, в частности, косвенно подтверждается позицией Конституционного Суда Российской Федерации: «Особая ответственность за сохранение жизни и здоровья несовершеннолетних, а также за их воспитание в условиях, обеспечивающих полноценное психическое, духовное, нравственное и физическое развитие, лежит – помимо родителей, опекунов, попечителей – на лицах, которые реализуют свое конституционное право на выбор рода деятельности и профессии в особой сфере, сопряженной с непосредственными и регулярными контактами с несовершеннолетними. В первую очередь это относится к педагогическим работникам, выполнение которыми своих трудовых обязанностей заключается в процессе обучения ... и в процессе воспитания, т.е. деятельности, направленной на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения» [2]. Интересны в этой связи установки, предваряющие форму указанного выше плана в тексте Методических рекомендаций: «План воспитательной работы вуза – это документ, указывающий содержательные ориентиры воспитательной деятельности,

определяющий ее порядок, объем, временные границы. План позволяет упорядочить педагогическую деятельность, обеспечить выполнение таких требований к педагогическому процессу, как планомерность и систематичность, управляемость и преемственность его результатов. План предусматривает создание условий для выбора обучающимися различных видов, форм деятельности, определению своей позиции в планируемой работе. Важно учитывать, что данный документ должен содержать в себе не только формальные характеристики проводимых мероприятий, но и содержательное, смысловое обоснование, а также сведения об участниках мероприятий, при реализации которых необходимо предусматривать активное взаимодействие всех участников образовательного процесса и активную вовлеченность обучающихся всех форм обучения» [12]. Однако реализуемость на практике данного посыла остается под вопросом, в том числе ввиду отсутствия системных ориентиров и четких организационно-правовых основ. Примечательно, что Министерством просвещения Российской Федерации избрана иная тактика: оно ежегодно формирует Перечень мероприятий, рекомендуемых к реализации в рамках календарного плана воспитательной работы на учебный год и Примерный календарный план воспитательной работы на учебный год [20], причем количественно такие мероприятия представлены весьма масштабно. Однако анализ данных и сопряженных документов и материалов не позволил выявить критериев и механизма оценки эффективности воспитательного процесса, включая влияние на его результативность отмеченных выше учебно-методических документов. Получается, что единственным таким критерием на практике выступает количество проведенных образовательной организацией (фактически – ответственными исполнителями) мероприятий. В итоге можно предположить, что обеспечение воспитательного процесса здесь сводится к планированию и реализации множества разноаспектных и невязанных мероприятий, а также – закономерно – многостраничной отчетности. Результативность же воспитания при таком подходе остается под вопросом.

При этом следует уточнить, что более выраженное осмысление и развитие получила концептуальная основа приоритетной задачи Стратегии – традиционные российские ценности, что, однако, нашло выражение не в нормативных правовых актах Правительства Российской Федерации, а в указах Президента России: от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [6], от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»

[7] и др. Вопросы воспитания в последних также находят свое отражение, но, как правило, не в качестве основного предмета регулирования.

Таким образом, можно сделать вывод, что Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. не нашла своего полноценного воплощения в социально-правовой действительности. Отдельные ее направления реализованы фрагментарно или до сих пор находятся на стартовом этапе, другие – осуществляются в рамках иных, более формализованных и устойчивых направлений государственной политики (например, культурной [5], языковой [11] и пр.), но здесь вопросы воспитания уже приобретают контекстно-обеспечительный характер. Учитывая, что период действия Стратегии завершается, а новый стратегический или иной концептуальный акт Правительством Российской Федерации не принят, можно предположить, что данный подход к регламентации воспитания личности себя не оправдал, а потенциал документа фактически исчерпан. Следовательно, можно признать, что в настоящее время воспитание как сложный социально-правовой феномен [21, с. 102-107] не только юридически не институировано (то есть его регламентация осуществляется фрагментарно, как правило, во исполнение предметных указов Президента России, то есть разноаспектно, в различных нормативных правовых актах и производных документах, причем последних значительно больше нормативных источников – инструктивные письма, методические рекомендации [13, 14, 15, 17, 18, 19] и т.п.), но и не имеет своей системообразующей основы.

Список цитируемой литературы

1. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 1.
3. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" по вопросам воспитания обучающихся» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5063.

4. Указ Президента РФ от 01.06.2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» // СЗ РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.
5. Указ Президента РФ от 24.12.2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (ред. от 17.07.2025 г.) // СЗ РФ. 2014. № 52 (часть I). Ст. 7753; 2025. № 29. Ст. 4282.
6. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
7. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
8. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2015. № 23. Ст. 3357.
9. Распоряжение Правительства РФ от 12.03.2016 г. № 423-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016-2020 годах Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р» // СЗ РФ. 2016. № 13. Ст. 1852.
10. Распоряжение Правительства РФ от 12.11.2020 г. № 2945-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2021-2025 годах Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2020. № 46. Ст. 7375.
11. Распоряжение Правительства РФ от 12.06.2024 г. № 1481-р «Об утверждении Концепции государственной языковой политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 25. Ст. 3537.
12. Методические рекомендации по разработке рабочей программы воспитания и календарного плана воспитательной работы образовательной организации высшего образования (утв. Министерством науки и высшего образования Российской Федерации 29.12.2023 г.) // Официальные документы в образовании. 2024. № 12.
13. Методические рекомендации по оказанию методической, психолого-педагогической, диагностической и консультативной помощи родителям (законным представителям) несовершеннолетних обучающихся, обеспечивающим получение детьми дошкольного образования в форме семейного образования (утв. Министерством просвещения Российской Федерации 29.12.2023 г.) // Официальные документы в образовании. 2024. № 12.

Федерации 31.05.2019 г. № МР-78/02вн) // Администратор образования. 2021. № 6.

14. Письмо Министерства образования и науки РФ от 26.02.2016 г. № 07-834 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по работе с детьми, самовольно ушедшими из семей и государственных организаций, и профилактике таких уходов») // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.08.2025 г.).

15. Письмо Министерства образования и науки РФ от 29.03.2016 г. № ВК-641/09 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по реализации адаптированных дополнительных общеобразовательных программ, способствующих социально-психологической реабилитации, профессиональному самоопределению детей с ограниченными возможностями здоровья, включая детей-инвалидов, с учетом их особых образовательных потребностей») // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.08.2025 г.).

16. Письмо Министерства образования и науки РФ от 26.12.2017 г. № 07-7657 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по внедрению восстановительных технологий (в том числе медиации) в воспитательную деятельность образовательных организаций») // Вестник образования. 2018. № 9.

17. Письмо Министерства просвещения РФ от 07.06.2019 г. № 04-474 «О методических рекомендациях» (вместе с «Методическими рекомендациями по ограничению в образовательных организациях доступа обучающихся к видам информации, распространяемой посредством сети "Интернет", причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, а также не соответствующей задачам образования») // Документ опубликован не был; <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 11.08.2025 г.).

18. Письмо Министерства просвещения РФ от 07.05.2020 г. № ВБ-976/04 «О реализации курсов внеурочной деятельности, программ воспитания и социализации, дополнительных общеразвивающих программ с использованием дистанционных образовательных технологий» (вместе с «Рекомендациями по реализации внеурочной деятельности, программы воспитания и социализации и дополнительных общеобразовательных программ с применением дистанционных образовательных технологий») // Официальные документы в образовании. 2020. № 16.

19. Письмо Министерства просвещения РФ от 24.02.2022 г. № 03-217 «О направлении методических рекомендаций» // Вестник образования России. 2022. № 9.
20. Письмо Министерства просвещения РФ от 30.08.2024 г. № 06-1145 «О направлении Перечня мероприятий» // Вестник образования России. 2024. № 21.
21. Краснова Т.В. Воспитание как уникальный юридический феномен и проблемы его современной легальной дефиниции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 102-107.

Бойченко Елена Михайловна

аспирант кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна

заведующий кафедрой конституционного и международного права

юридического института НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук, профессор,

(Белгород, Россия)

ТИПОЛОГИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ СОГЛАСОВАННОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются доктринальные подходы к типологии конституционно-правовых гарантий согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти. Автором определено, что конституционно-правовое закрепление положения о единстве публичной власти есть важный фундаментальный шаг в обеспечения гарантий согласованного функционирования и взаимодействия входящих в ее систему органов. Предложена типология конституционно-правовых гарантий согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти.

Ключевые слова: конституционно-правовые гарантии, согласованное функционирование, органы публичной власти, система публичной власти, органы местного самоуправления, органы государственной власти

Вопросы как конституционно-правового закрепления, так и практического обеспечения согласованного и эффективного функционирования органов публичной власти, сохраняют актуальность в парадигме конституционного строительства. Внесением поправок в Конституцию Российской Федерации был фактически презюмирован политико-правовой курс на обеспечение единства системы публичной власти, прежде всего путем согласованного функционирования и взаимодействия ее органов.

Конституционное закрепление в 2020 г. положений о единой системе публичной власти в Российской Федерации «само по себе является самостоятельной конституционно-правовой гарантией, направленной на обеспечение согласованного публично-властного функционирования органов власти различных уровней и ветвей» [1, с. 31]¹.

Отметим, что в первоначальной редакции Конституции Российской Федерации 1993 г. в рамках основ конституционного строя закреплялась модель, в которой органы местного самоуправления самостоятельны и не входят систему органов государственной власти (ст. 12). Не нарушая данной нормы, введением в конституционный текст положения о единой системе публичной власти органы местного самоуправления стали важным ее звеном. Тем самым реализована конституционная идея об усилении межуровневой властной интеграции без ограничения функциональности и самостоятельности местного самоуправления.

Полагаем, что такой конституционный подход поддерживает рациональную идею, что публичные задачи в интересах населения должны решаться на том уровне, на котором это представляется возможным наиболее эффективно для самого населения. В этом случае следует поддержать мнение М.М. Мухлынина что, «единство публичной власти не позволяет оправдывать неэффективность осуществления того или иного полномочия ссылками на относительную самостоятельность ее подсистем» [2, с. 62]².

Уточним, что публичная власть – это не качественно новое, введенное в формально-определенный и научно-практический оборот в 2020 г. образование в государственно-политической системе Российской Федерации. Это подтверждается рядом конкретизирующих норм в отраслевом законодательстве о том, что органы государственной власти федерального и регионального уровней, а также органы местного самоуправления

¹ Криволапова Л.В. Единая система публичной власти в свете поправки 2020 года к Конституции Российской Федерации / Л.В. Криволапова, И.А. Воронина, Д.А. Саблин // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 193. – С. 31-34.

² Мухлынина М.М. Система публичной власти и вопросы местного самоуправления в свете поправки 2020 года к Конституции Российской Федерации / М.М. Мухлынина // Закон и право. – 2019. – № 7. – С. 61-63.

взаимодействуют между собой для решения вопросов и задач соответствующего уровня, общих вопросов, в частности, путём распределения пределов ведения и исключительной передачи отдельных полномочий с одного уровня власти на другой [3, с. 9]¹.

Вопрос закрепления конституционно-правовых гарантий согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти косвенно поднимался М.В. Мархгейм ещё в 2006 г., что «в современных глобализационных условиях при федеративном устройстве Российской Федерации недостаточно функционирования каждого органа государственной власти и органа местного самоуправления соответствующего муниципального образования по отдельности, независимо и дезинтегрировано» [4, с. 5]².

Наряду с введением интегрирующего термина «публичная власть» можно выделить и иные гарантии согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти. В частности, выделялись функциональные, институциональные и судебные разновидности таких гарантий [5]³. К функциональным гарантиям отнесены конституционные положения ст. 10, которые определяют разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную и закрепляют их самостоятельность. Здесь следует привести позицию Е.Е. Тонкова, уточняющего, «что разделение власти на три ветви и наделение каждой из них относительной автономностью – это не путь к дезинтеграции, а наоборот механизм обеспечения устойчивости государственной системы, в частности, её эффективности» [6, с. 82]⁴;

Институциональные гарантии согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти расширяют функциональную триаду иными публичными органами с соответствующими их статусу полномочиями. Это, прежде всего, Президент России, как субъект, в силу ч. 2 ст. 80 Конституции обеспечивающий «согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти». Ответственная роль в этом конституционной статьей 83 отведена Государственному Совету Российской Федерации, который формируется (п. «е5»)) «в целях обеспечения согласованного функционирования и

¹ Гошуляк В.В. Единая система публичной власти в Российской Федерации / В.В. Гошуляк // Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. – № 4. – С. 7-12.

² Мархгейм М.В. Правозащитная деятельность публичных структур в Российской Федерации : Монография. – Ростов н/Д: Ростиздат, 2006. – 111 с.

³ Мархгейм М.В. Конституционные критерии эффективности публичной власти в России / М.В. Мархгейм, Е.М. Бойченко // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 239. – С. 248-251.

⁴ Тонков Е.Е. Государство созидающее как вектор развития современной России: монография. – М.: Юстицинформ, 2019. – 392 с.

взаимодействия органов публичной власти»; Совету Безопасности, который формируется (п. «ж») «в целях содействия главе государства в реализации его полномочий по вопросам обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства ...». Важные задачи в этой сфере отведены органам прокуратуры и ряду иных публичных структур.

Судебные гарантии согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти выражаются не только в разрешении споров о компетенции, но и в смысле ч. 1 конституционной ст. 85 в разрешении разногласий между органами публичной власти, а именно «между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также между органами государственной власти субъектов Российской Федерации. В случае недостижения согласованного решения он может передать разрешение спора на рассмотрение соответствующего суда».

Помимо представленной группы гарантий в теории конституционного права существуют и иные подходы к их типологии. В частности, выделяются: нормативно-правовые, организационные, процессуальные, политические и социально-экономические [7]¹. Нормативно-правовые гарантии согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти представляют собой закрепленные в конституции и законах, положения, определяющие порядок организации и деятельности органов власти, их компетенцию, принципы взаимодействия, процедуры принятия решений и контроля; организационные – служат созданию дополнительных механизмов; процессуальные – упорядочивают реализацию полномочий органов власти, включая процедуры принятия законов, нормативных актов, процедур согласования решений, проведения консультаций и т.д. Эту группу гарантий можно отнести к юридическим.

Политические гарантии включают в себя политические институты и процессы, способствующие согласованному функционированию власти, такие как система выборов, партийная система, общественное обсуждение, механизмы участия граждан в управлении, а социально-экономические – связаны с созданием условий для эффективной деятельности органов власти, включая финансовые ресурсы, материально-техническое обеспечение, подготовку кадров [7, с. 36].

Обобщая изложенное, представляется возможным дополнить существующие подходы авторской типологией конституционно-правовых гарантий согласованного функционирования и взаимодействия органов

¹ Диденко, О.Н. Принцип единства публичной власти: сущность, уровни, формы взаимодействия / О.Н. Диденко, В.Д. Гаврилова // Право и практика. – 2023. – № 1. – С. 35-40.

публичной власти. Это гарантии единства публичной власти, гарантии разделения властей, гарантии взаимодействия между уровнями власти. Первые направлены на фундаментальное обеспечение целостности и согласованности деятельности всех органов публичной власти, включая федеральные органы, органы субъектов федерации и органы местного самоуправления); вторые – обеспечивают разграничение полномочий между законодательной, исполнительной и судебной ветвями государственной власти, а также между различными уровнями публичной власти (федеральным, региональным, местным); третьи – регулируют отношения между федеральными органами, органами субъектов федерации и органами местного самоуправления, включая вопросы совместного ведения, делегирования полномочий, координации деятельности.

Список цитируемой литературы

1. Криволапова Л.В. Единая система публичной власти в свете поправки 2020 года к Конституции Российской Федерации / Л.В. Криволапова, И.А. Воронина, Д.А. Саблин // Право и государство: теория и практика. 2021. № 193. С. 31-34.
2. Мухлынина М.М. Система публичной власти и вопросы местного самоуправления в свете поправки 2020 года к Конституции Российской Федерации // Закон и право. 2019. № 7. С. 61-63.
3. Гошуляк В.В. Единая система публичной власти в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 4. С. 7-12.
4. Мархгейм М.В. Правозащитная деятельность публичных структур в Российской Федерации : Монография. – Ростов н/Д: Ростиздат, 2006. – 111 с.
5. Мархгейм М.В., Бойченко Е.М. Конституционные критерии эффективности публичной власти в России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 239. С. 248-251.
6. Тонков Е.Е. Государство созидающее как вектор развития современной России: монография. – М.: Юстицинформ, 2019. – 392 с.
7. Диденко О.Н., Гаврилова В.Д. Принцип единства публичной власти: сущность, уровни, формы взаимодействия // Право и практика. 2023. № 1. С. 35-40.

Бородаенко Наталья Васильевна

аспирант кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Беляева Галина Серафимовна

заведующий кафедрой административного права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ СТАНДАРТОВ

Аннотация. В статье рассмотрены правовые основания и актуальные проблемы привлечения к ответственности руководителей организаций высшего образования за несоблюдение антикоррупционных стандартов. Особое внимание уделено конституционно-правовому статусу таких руководителей и значению института утраты доверия. Показано, что нарушение антикоррупционных обязательств, в том числе сокрытие конфликта интересов, невыполнение требований по разработке и реализации мер предупреждения коррупции, создает основания для применения дисциплинарной, административной, гражданско-правовой и уголовной ответственности. В статье обоснована необходимость нормативной детализации антикоррупционных стандартов в сфере образования, унификации локального регулирования.

Ключевые слова: право на образование, антикоррупционные стандарты, ответственность руководителя, утрата доверия, конфликт интересов, высшее образование, образовательные организации, противодействие коррупции.

Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на образование (ст. 43) [1], гарантируя его доступность и бесплатность в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Этот принцип является неотъемлемым элементом современного конституционализма, ориентированного на социальное государство (ст. 7 Конституции РФ). Реализация данного права невозможна без должного

уровня открытости, прозрачности и добросовестности управления в сфере высшего образования.

Руководители вузов, осуществляющие управленческие полномочия, несут особую правовую ответственность перед обществом и государством. Отсутствие должной подотчетности или прямое нарушение антикоррупционных стандартов влечет не только правовые последствия, но и подрывает общественное доверие к институту образования как таковому. Это делает проблему ответственности руководителей образовательных организаций не только правовой, но и институционально-политической [2].

В соответствии со статьей 13.3 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [3], организации, в том числе образовательные, обязаны:

- 1) разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции;
- 2) выявлять и урегулировать конфликты интересов;
- 3) вести антикоррупционное просвещение;
- 4) обеспечивать контроль за выполнением указанных мер.

Эти положения конкретизированы в статьях 28 и 34 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [4]. Руководитель вуза обязан создавать условия, при которых образовательный процесс соответствует принципам равенства, законности, объективности. Невыполнение этих требований образует состав дисциплинарного проступка, который может привести к увольнению в связи с утратой доверия (п. 7.1 ст. 81 ТК РФ [5]).

Особое значение в современной юридической практике приобретает вопрос локального антикоррупционного регулирования. Как отмечает С.А. Волчок, именно локальные нормативные акты (положения о конфликте интересов, регламенты по подаркам, корпоративной этике) формируют первичный уровень правового контроля в вузах [6].

Недостаточная проработанность или формальность таких актов повышает коррупционные риски. Руководитель несет персональную ответственность за разработку, принятие и реализацию этих актов, в том числе за их правовую корректность. При отсутствии действенных механизмов контроля такие документы становятся декларативными, что само по себе может быть расценено как бездействие, подрывающее основы правопорядка [7].

Конфликт интересов в высшей школе – одна из наиболее острых проблем. В правоприменительной и научной литературе подчеркивается, что именно неурегулированный конфликт интересов является ключевым

индикатором коррупционного поведения. Согласно статье 13.3 Закона № 273-ФЗ, руководитель образовательной организации обязан принимать меры по предотвращению, выявлению и урегулированию конфликта интересов. Несоблюдение этих обязанностей является основанием для дисциплинарной и административной ответственности [3].

Кроме того, действия, совершенные в условиях конфликта интересов, нередко приводят к злоупотреблению полномочиями и могут быть квалифицированы по статье 201 УК РФ или, в случае получения имущественной выгоды, по статьям 204 или 290 УК РФ [8].

Механизм увольнения в связи с утратой доверия (п. 7.1 ст. 81 ТК РФ) получил широкое распространение как правовое средство привлечения к ответственности за коррупционные риски. Согласно статье 81 ТК РФ, трудовой договор может быть расторгнут «в случае непринятия работником мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, непредставления или представления недостоверных сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, если указанные действия дают основание для утраты доверия к работнику со стороны работодателя» [5]. При этом судебная практика (п. 47 Постановления Пленума Верховного Суда РФ) подчеркивает, что применение данного основания требует доказательства виновных действий и соответствующей материальной либо служебной ответственности работника [9]. Однако, в контексте вузовской управленческой практики, чаще всего речь идет не о классическом обслуживании денежных или товарных ценностей, что ограничивает возможность применения этого основания к руководителям вузов, если их функции не предусматривают материальной ответственности.

Главная особенность этого механизма в том, что работодатель оценивает поведение сотрудника по своему усмотрению, исходя из предположения, что тот потерял деловую репутацию. Однако когда речь идет о руководителях вузов, такое решение должно основываться на конкретных фактах, например, если они вовремя не подали сведения о доходах, не разработали антикоррупционный план или скрыли информацию о связях с другими организациями.

Для прекращения трудового договора с руководителем организации, филиала или представительства есть специальные основания (п. п. 9, 10 ч. 1 ст. 81 ТК РФ): принятие необоснованного решения, повлекшего за собой нарушение сохранности имущества, неправомерное его использование или иной ущерб имуществу организации; однократное грубое нарушение трудовых обязанностей.

В ряде случаев действия руководителя могут влечь административную или уголовную ответственность. Примером является статья 19.29 КоАП РФ, предусматривающая административный штраф за трудоустройство бывшего государственного служащего без согласования. Аналогично, статья 19.30 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение порядка оказания образовательных услуг [10].

Уголовная ответственность может наступить по статье 201 УК РФ (злоупотребление полномочиями), статье 204 (коммерческий подкуп), статье 285 (злоупотребление должностными полномочиями), статье 290 (получение взятки) [8]. Проблема заключается в том, что большинство руководителей вузов формально не являются должностными лицами, что затрудняет квалификацию их действий в уголовно-правовом поле.

Как указывал Н.В. Витрук, «дифференциация ответственности в публичном праве на конституционную, дисциплинарную, административную, уголовную, процессуальную определяется сферой их действия, степенью общественной опасности публично-правового нарушения и наступившими в результате этого специфическими правовыми последствиями» [11, с. 167]. В этом контексте действия руководителей вузов, хотя и не всегда соответствуют признакам уголовно наказуемого деяния, могут образовывать составы иных публичных нарушений, прежде всего дисциплинарного или административного характера.

Учитывая масштаб рисков, в современной доктрине предлагаем следующие направления реформ:

- 1) разработка типовой модели локальных антикоррупционных актов для вузов с обязательными разделами по конфликту интересов, подаркам, взаимодействию с третьими лицами;
- 2) введение обязательной внутренней антикоррупционной экспертизы всех локальных актов, затрагивающих распределение ресурсов и кадровую политику;
- 3) создание федерального реестра антикоррупционных политик вузов с механизмом внешнего контроля (например, через Рособrnадзор);
- 4) расширение перечня оснований для увольнения в связи с утратой доверия, включая систематическое невыполнение антикоррупционных требований;
- 5) проведение ежегодного публичного аудита вузов по соответствию антикоррупционным стандартам с публикацией отчета на сайте вуза.

Руководитель вуза в условиях современного конституционного правопорядка – это не только менеджер, но и носитель публичной функции, от которого требуется безупречная правовая репутация. Нарушение антикоррупционных стандартов подрывает не только доверие к конкретному

учреждению, но и конституционные принципы справедливости, равенства и доступности образования. Необходима более четкая и конкретизированная правовая рамка, которая позволит гарантировать неотвратимость ответственности и одновременно усилить превентивные механизмы.

Список цитируемой литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с уч. изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 27. Ст. 4149.
2. Алонцева Д.В., Лаврищева О.А. Действия коррупционной направленности в образовательной системе: проблемы квалификации // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2024. №53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deystviya-korrupsionnoy-napravlenosti-v-obrazovatelnoy-sisteme-problemy-kvalifikatsii> (дата обращения: 20.10.2025).
3. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
4. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.
6. Волчок С.А. Противодействие коррупции посредством локальных актов вузов // Научный компонент. 2024. №2 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-korrupsii-posredstvom-lokalnyh-aktov-vuzov> (дата обращения: 20.10.2025).
7. Дьяченко А.Е. Методологические предпосылки исследования конфликта интересов в сфере образования // Научный компонент. 2024. №3 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-predposylki-issledovaniya-konflikta-interesov-v-sfere-obrazovaniya> (дата обращения: 23.10.2025).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6.
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
11. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности : монография. – М. : Норма, 2009. 431 с.

Власова Ульяна Александровна

аспирант кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Новикова Алевтина Евгеньевна

профессор кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

ОПЫТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ СНГ

Аннотация: В настоящей статье на основе анализа норм конституций стран СНГ, рассмотрены наиболее распространенные виды конституционно-правового представительства и формы их реализации. Автором сделан вывод о том, что конституционно-правовому устройству стран СНГ присущи такие виды представительства, как народное, президентское, международное, муниципальное и функциональное.

Ключевые слова: конституция, конституционно-правовое представительство, страны СНГ, народное представительство.

Конституционно-правовое представительство является основой демократического государства, обеспечивая связь между государством и обществом в различных форматах. В странах СНГ, которые подверглись глубоким трансформациям после распада Советского Союза, формирование и функционирование представительских институтов имеет свою специфику и тенденции, которые связаны с унаследованным правовым и политическим прошлым и поиском новых моделей представительства.

Распад Советского Союза ознаменовал начало нового этапа государственного строительства для бывших союзных республик, а вместе с тем и создание самостоятельных конституционно-правовых систем. В этой связи нельзя не согласиться с утверждением А.В. Нечкина, что «бывшие республики СССР на момент обретения независимости уже обладали развитой системой органов государственной власти, которую не требовалось строить с нуля, а было необходимо лишь оперативно привести в соответствие с новыми реалиями, по возможности сохранив имеющийся опыт, что, к слову, многим из них удалось сделать.» [1, с. 81]. Исходной точкой для стран СНГ стала советская концепция представительства, основанная на идее

единства государственной власти и отсутствии разделения властей. Базисом, заложенным в основу принятых после распада новых конституций, стали идеи народовластия и представительной демократии, которые подразумевают, что государство, а также его органы действуют от имени и в интересах народа государства. Так, были закреплены положения о том, что народ является единственным источником власти, осуществляемой как непосредственно, так и через органы государственной власти и местного самоуправления.

Сейчас, за более чем три десятилетия постсоветской трансформации, можно проследить успешные попытки развития данной концепции. Опыт конституционно-правового представительства в странах СНГ уникален по своей сложности и сочетанию элементов демократических институтов с авторитарными началами и наследием советской политико-государственной культуры.

Большое влияние на формирование и развитие конституционно-правового представительства оказывает форма правления государства, его конституционный строй. Модели конституционной архитектуры государств постсоветского пространства можно условно разделить на три группы. К первой модели можно отнести смешанную республику (Российская Федерация, Казахстан). Характерной чертой данной модели является конституционное закрепление статуса президента как главы государства, не относящегося ни к одной из ветвей власти, при этом обеспечивающего их функционирование. В таких системах президент зачастую олицетворяет гаранта конституции, высшего представителя национальных интересов. Правительство в свою очередь как орган исполнительной власти обладает дуалистическим механизмом ответственности – подотчетно президенту, и в части своей деятельности также подотчетно парламенту.

Вторая группа государств соответствует модели парламентской республики (Республика Молдова, Киргизская Республика, Армения). В данной модели архитектура конституционного строительства выстраивается вокруг парламента как законодательного и высшего представительного органа. Так, именно парламент выполняет функции по формированию и контролю правительства, а полномочия президента в основном сводятся к его представительской роли.

Третья группа государств относится к модели президентской республики (Беларусь, Туркменистан, Узбекистан, Азербайджан). В государствах такой модели статус президента как главы государства и исполнительной власти является доминирующим, а парламенты обладают, как правило, ограниченными полномочиями.

Итак, все страны СНГ формализуют парламент как законодательный орган. Парламент как высший представительный орган государственной власти является центральным элементом конституционно-правового представительства. Парламенты в странах СНГ трансформировались из советских однопалатных «народных представительств» к двухпалатным или однопалатным парламентам с более широкими законодательными полномочиями. Стоит отметить, что большая часть стран СНГ имеют однопалатные парламенты. Однако, Россия (ст. 102), Казахстан (ст. 50), Беларусь (ст. 93) [2], Узбекистан (ст. 76) [3] и Таджикистан (ст. 48) [4] имеют двухпалатные парламенты, в которых одна из палат зачастую выполняет функции представительства субъектов, регионов. Так, например, Совет Федерации Российской Федерации включает представителей от субъектов (ст. 95). В Сенат Казахстана избирается по два представителя от каждой области, города республиканского значения, столицы (ст. 50). Совет Республики Беларусь формируется с участием представителей от областей и города Минска (ст. 91). Сенат Узбекистана – из избираемых и назначаемых членов, представляющих области и город Ташкент (ст. 92). В данном случае можно говорить о конституционном закреплении такого вида представительства, как территориальное представительство (представительство интересов субъектов, регионов).

Также одной из разновидностей конституционно-правового представительства можно назвать президентское представительство и международное представительство. В большинстве государств постсоветского пространства президент – ключевая фигура, которая представляет государство, в том числе и на международной арене, является гарантом конституции и определяет стратегический курс государства. Как отмечает, С.Г. Дзыбова «В странах СНГ президент фактически стоит над парламентом, осуществляя как глава государства, высшую государственную власть» [5, с. 122]. Так, например, в ст. 79 Конституции Республики Беларусь «Президент олицетворяет единство народа, гарантирует реализацию основных направлений внутренней и внешней политики, *представляет* Республику Беларусь в отношениях с другими государствами и международными организациями». В Конституции Российской Федерации закреплено, что «Президент Российской Федерации как глава государства представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях» (ст. 80). Нормы о том, что президент является представителем государства на международной арене, содержатся в конституциях Казахстана (ст. 40) [6], Молдовы (ст. 77) [7], Таджикистана (ст. 64), Узбекистана (ст. 93) и некоторых других государств.

Не менее значимым, конституционно легализованным видом представительства, является представительство на местном уровне (муниципальное представительство). Стоит отметить, что перестройка системы управления на местах, стала одним из ключевых направлений конституционного строительства на постсоветском пространстве, так как государства стремились к децентрализации власти после предшествовавшего ей периода централизации. Практически все конституции стран СНГ (Российская Федерация, Беларусь, Казахстан, Молдова, Кыргызская Республика, Узбекистан, Таджикистан) содержат разделы, или отдельные нормы, посвященные местному самоуправлению. Муниципальное представительство осуществляется через различные формы, основной из которых являются выборные представительные органы (думы, местные советы, маслихаты, кенешы и др.). Например, в Казахстане, это маслихаты, которые избираются населением соответствующей области, города, столицы или района (ст. 86, 89). Кроме того, предусмотрены формы прямого участия граждан в муниципальном представительстве, когда граждане непосредственно участвуют в принятии решений – местные референдумы, сходы (собрания) и др.

Однако, конституционно-правовое представительство не ограничивается парламентскими и президентскими институтами, оно намного шире. Если муниципальное представительство основывается на территориальном принципе, то, например, функциональное представительство (представительство интересов отдельных групп) стремится обеспечить представление интересов социальным, экономическим, профессиональным и др. группам. Так, можно говорить о том, представление их интересов обеспечивается посредством закрепления права каждого избирать (ст. ст. 33, 50 Конституции Республики Казахстан, ст. ст. 64, 91 Республики Беларусь, ст. 117 Конституции Республики Узбекистан и т.д.). Кроме того, в этой связи можно упомянуть институт уполномоченного по правам человека, который хоть и представляет интересы отдельных граждан, но его деятельность зачастую касается системных проблем, которые затрагивают целые группы населения. Данный институт закреплён на законодательном уровне в таких государствах, как Российская Федерация (ст. 103), Казахстан (ст. 83-1), Узбекистан (ст.93).

Подводя итог, конституционно-правовое представительство в странах СНГ представляет собой сочетание разнообразных видов и форм. Так, можно выделить следующие наиболее распространенные, традиционные виды конституционно-правового представительства в странах СНГ – на федеральном уровне (президентское, международное, народное), на

региональном уровне (народное), на местном уровне (муниципальное) и на уровне отдельных социальных групп, индивидуумов (функциональное).

Список цитируемой литературы

1. Нечкин А.В. Конституции стран СНГ и других постсоциалистических государств: сравнительно-правовой обзор // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 5 (107). С. 81-91.
2. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] // URL: <https://worldconstitutions.ru>
3. Конституция Республики Узбекистан [Электронный ресурс] // URL: <https://worldconstitutions.ru>
4. Конституция Республики Таджикистан [Электронный ресурс] // URL: <https://worldconstitutions.ru>
5. Дзыбова С.Г. Роль Конституции в формировании правовых систем стран - членов СНГ // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 3. С. 118-121.
6. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] // URL: <https://worldconstitutions.ru>
7. Конституция Республики Молдова [Электронный ресурс] // URL: <https://worldconstitutions.ru>

Гафуров Денис Витальевич

аспирант кафедры конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»

(Москва, Россия)

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна

заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук, профессор,

(Белгород, Россия)

ГАРАНТИИ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН: МЕХАНИЗМЫ ПРИРАЩЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается гарантирования права на охрану здоровья для сотрудников топливно-энергетических компаний. Проанализированы три основные топливно-энергетические компании, осуществляющие свою деятельность на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: Право на охрану здоровья, добровольное медицинское страхование, медицина в топливно-энергетических компаниях, здоровье.

Соблюдение прав гражданина на охрану здоровья, обязанность как государства (ст.41 Конституции России), так и коммерческих компаний, которые обязаны создать условия для предоставления качественной и доступной медицинской помощи своим сотрудникам.

Конституционное право на охрану здоровья дополняется обязанностью каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам. Наравне общих гарантий об охране здоровья, которые распространяются в равной степени на каждого гражданина России, в сложившиеся отечественной практике существует разный подход к предоставлению медицинской помощи специализированному субъекту права, выступают так называемые специализированные (имеющие определенную принадлежность и выступающие для определенных субъектов) гарантии охраны здоровья [1]. Например, сотрудники органов власти, получающие медицинское обслуживание в ведомственной медицине (МВД, МЧС, ФСИН и т.д.) или сотрудники предприятий, которые получают медицинскую помощь в частных медицинских учреждениях топливно-энергетических компаний и корпораций (Роснефть, Газпром, Татнефть и т.д.). Это положение имеет особую значимость для нефтегазовой промышленности, так как связано с охраной не только индивидуального здоровья работников, но и общественного здоровья в регионах присутствия нефтегазовых компаний.

Речь идет о компаниях, где сотрудники ежедневно подвергаются рискам ухудшения здоровья, связанным с должностными обязанностями. Например, сотрудники компаний, занимающихся нефтедобычей или нефтепереработкой, подвергаются воздействию специфических вредных и опасных факторов производственной среды, что обуславливает необходимость реализации комплекса специализированных гарантий в области охраны их здоровья.

В целях соблюдения гарантий в статье 41 Конституции Российской Федерации, где закреплены основные положения охраны здоровья граждан, а также гарантий, закрепленных в статье 37 Конституции Российской Федерации, где гарантируются труд в условиях, отвечающих безопасности и гигиены, корпорации нефтехимической промышленности формируют собственную сеть медицинских организаций, что способствует

улучшению факторов доступности медицинского обслуживания своих работников по расширенным программам медицинской помощи.

Система гарантий охраны здоровья работников нефтяных компаний базируется на положениях Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ, который определяет охрану труда как систему сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности. В соответствии со статьей 209 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ, охрана труда включает правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия.

Особенности правовой базы в сфере охраны здоровья определяется Федеральным законом от 21.11.2011 № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в статье 24, где закрепляются специальные права на охрану здоровья для работников, занятых на отдельных видах работ. Под данным видом работы можно понимать деятельность, связанную с повышенными рисками для здоровья или с тяжелыми условиями труда.

Также настоящая статья предполагает право работодателя на создание подразделений (кабинет врача, здравпункт, медицинский кабинет, медицинскую часть и другие подразделения), оказывающих медицинскую помощь работникам организации.

Особое внимание уделяется проведению диспансеризации и периодических медицинских осмотров, регламентируемых приказом Минздрава России от 28.01.2021 № 29н «Об утверждении порядка проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров работников, предусмотренных частью четвертой статьи 213 Трудового кодекса Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ, перечня медицинских противопоказаний к осуществлению работ с вредными и (или) опасными производственными факторами, а также работам, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры», включая сотрудников в нефтепромышленной области.

Топливо-энергетические компании в России реализуют комплекс специальных гарантий, направленных на охрану здоровья своих сотрудников. Согласно информации о социальной политике крупнейших нефтегазовых компаний, такие гарантии включают организацию своевременного, доступного и качественного медицинского обслуживания, проведение ежегодной профилактической диспансеризации, выстраивание

действенной системы страховой защиты с расширенным перечнем услуг в рамках программы добровольного медицинского страхования [2].

Для вахтовых работников на производственных площадках, значительно удаленных от социальной инфраструктуры, нефтяные компании организуют врачебно-фельдшерские пункты и медицинские пункты для оказания первичной медико-санитарной помощи. При необходимости осуществляется своевременная доставка пациентов в специализированные лечебные учреждения. На базе корпоративных медицинских учреждений обеспечивается возможность получения как амбулаторной, так и стационарной медицинской помощи, включая высокотехнологичные методы лечения.

Обратимся к нескольким топливно-энергетическим компаниям, являющимися основными нефтедобытчиками в Российской Федерации.

Например, в нефтяной компании «Роснефть» в собственном локальном акте «Кодекс деловой и корпоративной этики НК «Роснефть» устанавливается и регламентируется право на охрану здоровья и формированию здорового образа жизни (пункт 4 настоящего кодекса) [3]. Также в системе компании существует собственная сеть медицинских организаций на всех уровнях оказания медицинской помощи, которая включает в себя порядка 200 медицинских пунктов и Клиники «Мой медицинский центр». Медицинская помощь сотрудникам компании оказывается путем личного страхования работника через систему добровольно медицинского страхования (ДМС), что позволяет предоставить работнику компании медицинских услуг сверх объемов государственных гарантий медицинской помощи закреплённых в обязательном медицинском страховании (ОМС). Особенностью медицинского обслуживания НК «Роснефть» является собственная корпоративная телемедицинская сеть, что позволяет проводить медицинские консультации в удаленных местах осуществления трудовой деятельности.

Также стоит отметить опыт ПАО «Газпром», которое организовало разветвленную сеть медицинских организаций для оказания медицинской помощи и проведения диспансеризации для своих сотрудников. Сотрудники компании имеют личное добровольное медицинское страхования (ДМС), в частности, предоставляемых компанией «Согаз», что гарантирует расширенный спектр оказываемых медицинских услуг. Хотя основные положения охраны труда закреплены в Кодексе корпоративной этики ПАО «Газпром» [4], однако позиции об охране здоровья не выделены.

Компания ПАО «Татнефть» наравне с вышеуказанными нефтяными компаниям также развивает собственный медицинский кластер, включающий

медицинские санитарные части, диагностические центры и собственный пул санаториев на территории Татарстана. Кодекс корпоративной культуры ПАО «Татнефть» включает понятие охраны здоровья и предполагает «обеспечение безопасных условий труда, защиты здоровья персонала и населения, проживающего в районах деятельности Компании» (пункт 2.10 настоящего кодекса) [5]. Оказание медицинской помощи в медицинских учреждениях осуществляется посредством личного добровольного медицинского страхования, что позволяет охватить цеховую службу компании.

Рассмотрев вышеуказанные коммерческие организации в области нефтедобычи и нефтепереработки на предмет закрепления позиции охраны здоровья, стоит отметить следующее:

1. Рассмотренные компании имеют собственную медицинскую сеть, включающую в себя здравпункты, медчасти, клинико-диагностические центры, санатории и т.д.

2. В двух компаниях (Роснефть и Татнефть) позиция охраны здоровья закреплена локальными актами, что иллюстрирует особую роль в целях проведения медицинского обслуживания.

3. Медицинская помощь сотрудникам оказывается за счет застрахованных средств личного добровольного медицинского страхования (оплачиваемого работодателем и входящих в структуру социального пакета работника) и имеет расширенный спектр медицинских услуг в сравнении с базовой программой государственных гарантий и лимитов средств обязательного медицинского страхования (ОМС).

Таким образом, медицинскую помощь, предоставляемую работникам частных организаций топливно-энергетических компаний за счет средств ДМС, оплачиваемую работодателем, можно перечислить к специализированным гарантиям охраны здоровья наравне с ведомственной медициной. В данном случае работник, застрахованный нефтяной компанией по системе ДМС, имеет широкий спектр медицинской помощи, включающий специализированные услуги, связанные с трудовой деятельностью.

Список цитируемой литературы

1. Гафуров Д.В. Разбор федерального законодательства в сфере гарантирования права на охрану здоровья специализированному контингенту / Д.В. Гафуров, Е.Р. Барсова // Территория науки: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 сентября 2025 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. – С. 123-126.

2. Перепелкина Н. Ю., Мыльников И. Г. Об охране здоровья работников нефтегазовой отрасли (обзор нормативно-правовых документов) // Общественное здоровье и здравоохранение. 2021. №3 (71).
3. Кодекс деловой и корпоративной этики «Роснефть» [Электронный ресурс] URL: https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/codex_rus.pdf
4. Кодекс корпоративной этики «Газпром» [Электронный ресурс] URL: <https://rspp.ru/upload/uf/58f/2c2e352179522fa00fafa66905d954e.pdf>
5. Кодекс корпоративной культуры для работников «Татнефть» [Электронный ресурс] URL: https://www.tatneft.ru/o-kompanii/corporate_governance/personnel_management/improving_corporate_culture

Елизаров Евгений Дмитриевич

аспирант кафедры теории и истории государства и права
Юго-Западного государственного университета
(Курск, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Аннотация: В статье рассматривается учредительный юридический процесс как самостоятельный вид юридического процесса, обеспечивающий создание, реорганизацию и ликвидацию органов публичной власти и должностных лиц. На основе анализа теоретико-правовых подходов раскрывается содержание учредительного процесса, включающее его материально-правовые и процессуальные характеристики, стадии, субъектный состав, юридические средства и механизм правового обеспечения. Обосновывается, что учредительный процесс является исходным звеном функционирования публичной власти и представляет собой структурно упорядоченную деятельность, направленную на формирование институциональных оснований государства. Делается вывод о необходимости доктринального закрепления учредительного юридического процесса в системе юридического процесса и его исследовании как комплексной категории публичного права.

Ключевые слова: учредительный юридический процесс; учредительная деятельность; публичная власть; юридический процесс; создание органов власти; реорганизация; ликвидация; процессуальная форма; юридические средства.

Учредительный юридический процесс в современной теории права рассматривается как один из наименее исследованных, но фундаментальных видов юридического процесса, обеспечивающих функционирование системы публичной власти. Его содержание отражает деятельность государства по созданию, реорганизации и ликвидации государственных органов, организационных структур и должностных лиц. Несмотря на значительный объем исследований юридического процесса в целом (В.П. Беляев, В.М. Горшенев, А.А. Павлушина, В.Н. Протасов и другие), учредительный процесс лишь фрагментарно рассматривался в научной литературе [3], главным образом в связи с избирательным и правотворческим процессами.

Учредительный юридический процесс представляет собой нормативно регламентированную деятельность управомоченных субъектов по созданию (учреждению), реорганизации и ликвидации государственных органов, должностных лиц и иных субъектов учредительных правоотношений [4]. В отличие от правотворческого или правоприменительного процессов, он предшествует многим видам юридической деятельности и формирует институциональные предпосылки их осуществления.

Учредительный процесс является производным от учредительной юридической деятельности, но не тождествен ей: деятельность фиксирует функциональное содержание, тогда как процесс отражает ее процедурно-правовую форму, алгоритмизацию и систему юридических средств.

Под содержанием учредительного юридического процесса следует понимать совокупность его элементов, раскрывающих деятельность управомоченных субъектов и процедурно-процессуальный порядок решения учредительного юридического дела.

В составе содержания учредительного процесса предлагаем рассматривать:

- субъектный состав – органы публичной власти и должностные лица, обладающие государственно-властными полномочиями: Президент, парламент, правительство, органы исполнительной власти, органы местного самоуправления. Характерной чертой этих субъектов выступает профессионализм и специальная юридическая компетенция. В ряде случаев субъектами учредительного процесса являются граждане;

- объект учредительного процесса – государственные органы, их структурные подразделения, институты публичной власти, а также должностные лица. Объект имеет организационно-властный характер, что обуславливает усложненный процедурный порядок его формирования;

- стадии: инициирование учредительного юридического дела; правовое обоснование (анализ компетенции, подготовка документов); процедурно-

процессуальное принятие решения; оформление результата (указ, постановление, решение); правовая фиксация и регистрация (внесение в реестр, официальное опубликование); вступление решения в юридическую силу. Такой поэтапный характер делает учредительный процесс разновидностью процессуально-правовой деятельности, обладающей юридикто-технологической структурой.

- процедурно-процессуальная форма, закрепленная в Конституции Российской Федерации, федеральных законах и уставах субъектов РФ;
- юридические средства и юридическая техника.

Учредительный процесс состоит из трех взаимосвязанных блоков:

- создание органа публичной власти является базовым элементом содержания учредительного процесса и включает юридическое обоснование необходимости учреждения, определение статуса, компетенции, структуры и источников финансирования органа;
- реорганизация предполагает изменение структуры, компетенции или организационной модели органов публичной власти и представляет собой юридическую форму адаптации институциональной системы к социальным потребностям;
- ликвидация выступает способом прекращения существования органа или должности. Она требует строгого соблюдения процедурных гарантий и обеспечения правопреемства.

Учредительный процесс тесно сопряжен с механизмом правового регулирования (МПР), выступая его специализированным компонентом. В научной литературе МПР рассматривается как система юридических средств, обеспечивающих упорядочение общественных отношений [1; 2].

Учредительный процесс встраивается в МПР на трех уровнях: а) как юридическое средство, обеспечивающее формирование субъектов правового регулирования; б) как процессуальная форма, упорядочивающая деятельность по созданию (реорганизации или ликвидации) органа публичной власти; в) как механизм институционального обеспечения, влияющий на эффективность правотворчества и правоприменения.

Содержательное своеобразие учредительного процесса делает его «первичным» элементом правовой системы, поскольку без должным образом функционирующих органов невозможно осуществление иных разновидностей юридической деятельности.

Содержание учредительного юридического процесса представляет собой сложную, многоуровневую систему элементов, включающих субъектов, процедуру, юридические средства и правовой результат. Его специфика заключается в нормативном характере деятельности по созданию,

реорганизации и ликвидации органов публичной власти, а также в высокой степени формализации процедурно-процессуальной формы.

Учредительный процесс выполняет ключевую функцию в механизме правового регулирования, обеспечивая институциональные условия функционирования всей системы публичной власти. Именно поэтому его дальнейшая разработка имеет важное значение для общей теории права и государства.

Список цитируемой литературы

1. Беляева Г. С. К вопросу о механизме обеспечения реализации национальных интересов // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2020. Т. 38. № 2. С. 138-143.
2. Беляева Г. С. Правовой механизм: к вопросу об определении понятия и установлении признаков // Административное и муниципальное право. 2016. № 2(98). С. 169-177.
3. Гиниятуллина Л.Н. Учредительный юридический процесс в представительном органе муниципального образования: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007.
4. Елизаров Е. Д. Общетеоретическая природа учредительного юридического процесса: постановка проблемы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 132-134.

Игнатов Дмитрий Анатольевич

соискатель кафедры теории и истории государства и права

Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Тонков Евгений Евгеньевич

профессор кафедры теории и истории государства и права

Юридического института НИУ «БелГУ»,

доктор юридических наук, профессор

(Белгород, Россия)

ГОСУДАРСТВО КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ГЕНЕЗИСА БЕЗОПАСНОСТИ В ПЕРИОД АНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье исследуется роль государства как системообразующего элемента в формировании концепта безопасности в античную эпоху. На основе анализа философско-политических воззрений мыслителей Античности (прежде всего Аристотеля) демонстрируется, что

государство воспринималось как высшая форма социальной организации, обеспечивающая не только физическое выживание, но и полноценное бытие человека. Автор показывает, как в античной традиции безопасность осмыслялась не просто как защита от внешних угроз, а как интегральная характеристика устойчивого общественного устройства, где государство выполняло функцию гаранта порядка, справедливости и сохранения ценностных оснований полиса. Особое внимание уделяется тому, как античные представления о самодостаточности государства и его превосходстве над иными формами объединений (семейными, торгово-экономическими, локальными) предопределили понимание безопасности как имманентного свойства государственности. Также подчёркивается, что античная модель заложила концептуальные основы последующего осмысления взаимосвязи государства и безопасности в европейской политической мысли.

Ключевые слова: государство, безопасность, генезис безопасности, античная философия.

Исторически сложившиеся концепты безопасности неизменно находились в тесной взаимосвязи с феноменом государства, будучи опосредованными проблематикой государственной жизни и государственно-правовой действительности. Более того, данные концепты выполняли функцию идеологического фундамента, легитимирующего ценностный статус государства как политического института. В свою очередь, теоретическое осмысление сущности и признаков государства неизбежно осуществлялось сквозь призму доминировавших в ту или иную историческую эпоху представлений о природе и механизмах обеспечения безопасности, что демонстрирует взаимообусловленность данных категорий в процессе их концептуальной эволюции. Рассмотрим детальнее эволюцию понимания государства с точки зрения фундаментального, системообразующего элемента генезиса безопасности, сформировавшееся в период античности.

В философской концепции Аристотеля государство трактуется как совершенный союз, занимающий высшую ступень в иерархии социальных образований – «выше которого уже ничего нет». Подобная онтологическая самодостаточность обуславливает внутреннюю ценность государства, не требующего внешних обоснований своего существования. При этом Аристотель последовательно разграничивает государство и иные формы социальной организации: локальные объединения (типа сельских поселений),

семейно-родственные структуры (подчёркивая принципиальное отличие государства от семьи), торгово-экономические союзы (поскольку стремление к прибыли изначально противоречило эллинскому мировоззрению – феномен целеполагания наживы оформился существенно позднее, в эпоху Нового времени), а также сугубо оборонительные союзы.

Несмотря на данное разграничение, все перечисленные формы предшествуют государству и интегрируются в его структуру, образуя сложный синтез социальных связей. В интерпретации философа государство предстаёт как универсальная форма человеческого общения, охватывающая всю жизненную перспективу индивида. Таким образом, генезис государства детерминирован преимущественно социальными факторами: оно возникает как высшая форма коммуникации, объективно необходимая для человеческого бытия, одновременно реализуя функцию защиты от внешних угроз [1, с. 396].

В философской антропологии Аристотеля человек концептуализируется как *zoon politikon* («животное политическое») – существо, чья природа неизбежно предполагает включённость в государственно-организованное сообщество. Согласно мыслителю, вне государства способны существовать лишь две категории существ: либо низшие животные, лишённые способности к рациональному общению, либо олимпийские божества, обладающие абсолютной самодостаточностью. При этом принципиальное различие между богами и людьми заключается в том, что божественная самодостаточность исключает потребность в социальном взаимодействии, тогда как человеческая природа, напротив, имманентно влечёт индивида к коммуникации и совместной жизни.

Аристотель выстраивает иерархию социальных образований, где человек предстаёт частью более масштабных целостностей – семьи и государства. Хотя в хронологическом плане индивид предшествует этим институтам, в онтологическом измерении семья и государство обладают приоритетом как целостные структуры, конституирующие человеческую сущность. Лишь в рамках этих объединений, регулируемых системой права и законов, индивид способен реализовать свою природу и обрести подлинную человечность [2, с. 340]. Отсюда вытекает ключевой тезис: обеспечение безопасности и упорядоченного социального взаимодействия онтологически предшествует формированию человека как «политического животного», поскольку именно эти условия делают возможным его полноценное бытие.

Таким образом, в аристотелевской парадигме государство предстаёт объективной формой социальной организации, возникшей естественным путём как результат эволюции первичных форм человеческого общения

(семьи, селения и т. д.). Его генезис обусловлен фундаментальной потребностью людей в коммуникации и взаимной защите, что позволяет трактовать государство не только как политическое, но и как социально-антропологическое образование. Лишь в рамках государственности индивид получает возможность удовлетворить базовую потребность в общении и реализовать свой потенциал как существа, по природе предназначенного к совместной жизни в упорядоченном сообществе [3, с. 77].

В философской традиции стоиков, во многом опиравшихся на аристотелевское наследие, концепция государства получила существенное переосмысление. Стоики постулировали дуализм понятий: подлинное государство, с их точки зрения, локализуется не в земном пространстве, а в трансцендентной сфере – на небесах. Земные же политические образования не могут претендовать на статус истинного государства ввиду присущей им «неблагоустроенности», которая проявляется в неспособности обеспечить безопасность и достойные условия человеческого существования. Согласно стоической доктрине, лишь упорядоченная общность людей, подчинённая верховенству закона, вправе рассматриваться как полноценное государство.

При этом стоики разрабатывали многоаспектную трактовку самого понятия «государство», выделяя, по меньшей мере, три смысловых уровня: во-первых, государство как территориальное пространство совместного проживания людей; во-вторых, как нормативно упорядоченную совокупность индивидов, связанных общими правилами и принципами; в-третьих, как синтез этих двух компонентов – территориального и институционального начал, образующих целостную политическую реальность [4, с. 127].

В дальнейшем стоическая традиция получила развитие в трудах Цицерона, который предложил собственную концептуализацию государства в рамках римской философско-правовой мысли. Цицерон определял государство как *res publica* – общественное достояние, принадлежащее народу. При этом понятие «народ» у него обретает строгое юридическое наполнение: это не хаотическая масса индивидов, а организованное сообщество, объединённое двумя фундаментальными связями – консенсусом в сфере права и солидарностью интересов. В цицероновской интерпретации государство предстаёт как общее благо, воплощающее интересы гражданской общины и выполняющее ключевую функцию защиты жизни и прав её членов. Таким образом, через синтез стоических идей и римской правовой традиции формируется представление о государстве как о нормативно упорядоченной общности, где верховенство закона и общность интересов выступают конституирующими признаками политической организации.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что на основании анализа античных концепций государства (от Аристотеля через стоиков к Цицерону) можно говорить о том, что в античной философско-политической мысли сформировалась эволюционирующая, но концептуально единая парадигма понимания государства как необходимого условия человеческого бытия и гаранта безопасности. Аристотель заложил фундамент этой традиции, определив человека как *zoon politikon* – существо, чья природа неизбежно предполагает включённость в государственно-организованное сообщество. Для него государство выступало естественной формой социальной организации, возникшей из имманентной потребности людей в общении и взаимной защите. Стоики существенно переосмыслили эту модель, введя дуализм земного и идеального государства: подлинная государственность, с их точки зрения, локализуется в трансцендентной сфере, тогда как земные образования могут претендовать на статус государства лишь при условии верховенства закона и обеспечения безопасности граждан. При этом они разработали многомерную трактовку понятия, включающую территориальный, институциональный и синтетический аспекты. Цицерон, синтезируя стоические идеи с римской правовой традицией, придал концепции государства чёткое юридическое измерение. В его интерпретации государство (*res publica*) предстаёт как общественное достояние народа, понимаемого не как хаотическая масса, а как организованное сообщество, связанное консенсусом в сфере права и солидарностью интересов.

Таким образом, античная политическая мысль выработала целостное понимание государства как нормативно упорядоченной общности, где безопасность выступает не просто как защитная функция, но как онтологическое условие человеческого существования, верховенство закона и общность интересов становятся конституирующими признаками политической организации, а государство понимается одновременно как естественное образование (Аристотель), нормативный идеал (стоики) и правовая реальность (Цицерон). Эта концептуальная модель заложила фундаментальные основания для последующего развития европейской теории государства и безопасности, определив ключевые параметры осмысления взаимосвязи политической организации, права и человеческого бытия.

Список цитируемой литературы

1. Аристотель (384-322 до н. э.). Сочинения : в 4 т. [ред. и авт. вступ. ст. А.И. Доватур, Ф. Х. Кессиди; примеч. В. В. Бибикина и др.]. М.: Мысль, 1983. 830 с.

2. Чанышев А. А. История политических учений. Классическая западная традиция (античность - первая четверть XIX в.). М.: РОССПЭН, Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД РФ, 2000. 479 с.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Аристотель и поздняя классика. М.: АСТ, 2000. 878 с.
4. Фрагменты ранних стоиков / Ин-т философии Рос. акад. наук ; Пер., [предисл.] и коммент. А. А. Столярова. Зенон и его ученики. М.: Греко-латин. каб. Ю. А. Шичалина, 1998. 229 с.

Мандриков Анатолий Юрьевич

аспирант кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна

заведующий кафедрой конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук, профессор,

(Белгород, Россия)

БЛОКИРОВКА БАНКОВСКИХ КАРТ В ЦЕЛЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВУ: БАЛАНС ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ И ПРАВ ДОБРОСОВЕСТНЫХ УЧАСТНИКОВ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируются публично-правовые основания блокировки банковских карт и ограничения дистанционного банковского обслуживания в Российской Федерации в контексте регулирования безналичного денежного обращения. Рассматриваются ключевые положения федеральных законов и подзаконных актов Банка России, формирующие нормативную модель реагирования указанных правоотношений. На основе официальной статистики и разъяснений Банка России выявляется системный характер блокировок платёжных инструментов и формирующийся дисбаланс между превентивными задачами противодействия мошенничеству и правами добросовестных участников гражданского оборота. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования, направленные на укрепление процессуальных гарантий граждан и повышение прозрачности применения ограничительных мер.

Ключевые слова: денежное обращение, национальная платёжная система, блокировка банковских карт, операции без добровольного согласия

клиента, публично-правовое регулирование, Банк России, противодействие мошенничеству.

В нынешних условиях современного развития Российской Федерации, где существенная часть денежного оборота осуществляется в безналичной форме, вопросы функционирования платёжной инфраструктуры приобретают выраженное публично-правовое значение. Денежное обращение опосредуется не только стандартными гражданско-правовыми конструкциями банковского счёта и договора банковского счёта, но и комплексом императивных требований, исходящих от законодателя и Банка России как особого публично-правового регулятора финансовой системы. В этом контексте блокировка банковских карт и ограничение дистанционного банковского обслуживания предстают не как сугубо технические действия конкретной кредитной организации, а как правовой инструмент воздействия на участников денежного обращения, используемый в рамках реализуемой государством политики противодействия мошенничеству и иным неправомерным финансовым практикам.

Нормативной основой применения таких мер выступают, прежде всего, положения Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» [1] и Федерального закона № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» [2]. Существенную роль при этом играют подзаконные акты Банка России, детализирующие критерии отнесения операций к потенциально мошенническим и определяющие обязанности банков по приостановлению таких операций и блокировке платёжных инструментов.

На практике складывается ситуация, в которой блокировка банковской карты и ограничения доступа к дистанционным сервисам фактически становятся способом одностороннего ограничения участия лица в безналичном денежном обращении на основании публично-правовых предписаний. Для российской правовой науки это обуславливает необходимость анализа соответствующих мер не только с позиций банковской техники или внутренней политики кредитных организаций, но и сквозь призму баланса публичных интересов защиты стабильности финансовой системы и частных интересов добросовестных участников гражданского оборота, чьи права на распоряжение денежными средствами и участие в экономической деятельности оказываются непосредственно затронутыми действием антимошеннических механизмов, формируемых законодательством Российской Федерации.

Конкретное содержание соответствующих обязанностей кредитных организаций более подробно раскрывается в специальных нормах указанных федеральных законов. Так, в пунктах 10-12 статьи 7 Федерального закона № 115 закрепляется не только общий комплекс требований к системе внутреннего контроля, но и императивные предписания по приостановлению отдельных операций и отказу в их совершении. Кредитная организация обязана приостанавливать проведение операции при наличии предусмотренных законом оснований, в том числе в связи с применением мер замораживания денежных средств в отношении определённых категорий лиц, либо при получении соответствующего решения уполномоченного органа. Дополнительно закрепляется право банка отказать в исполнении распоряжения клиента до момента наступления безотзывности перевода денежных средств, если по результатам реализации процедур внутреннего контроля у него возникают обоснованные подозрения в связи операции с легализацией доходов либо финансированием терроризма. При этом законодатель прямо указывает, что применение предусмотренных статьёй 7 мер по приостановлению операций, замораживанию (блокированию) денежных средств и отказу в их совершении не образует основания для гражданско-правовой ответственности кредитной организации перед клиентом, что подчёркивает приоритет публично-правовой цели предотвращения противоправных финансовых операций над договорной свободой сторон и существенно затрагивает гарантированные Конституцией Российской Федерации права на свободное осуществление экономической деятельности и владение, пользование и распоряжение своим имуществом [3].

В свою очередь, Федеральный закон № 161-ФЗ конкретизирует механизмы реагирования на операции, совершаемые без добровольного согласия клиента, в плоскости использования электронных средств платежа. Статья 27 данного закона возлагает на Банк России полномочие по формированию и ведению специальной базы данных о случаях и попытках переводов без согласия клиента, а на банки – обязанность направлять сведения о выявленных инцидентах и учитывать информацию из этой базы в собственной системе управления рисками. В статье 9, регулирующей порядок использования электронных средств платежа, закрепляются как общие обязанности банков по обеспечению фиксации и рассмотрения уведомлений клиентов о несанкционированных операциях, так и специальные положения частей 11.6 и 11.7, предоставляющие банкам право, а при наступлении определённых условий – и обязанность приостанавливать использование электронного средства платежа на весь период нахождения

сведений о клиенте или его реквизитах в указанной базе данных Банка России. Дополнительно закон предусматривает обязанность банка уведомить клиента о введённых ограничениях.

С учётом повсеместного распространения безналичных расчётов влияние описанных механизмов существенно выходит за рамки собственно банковской деятельности и непосредственно затрагивает динамику гражданско-правового оборота. Банковские карты и иные электронные средства платежа для значительной части граждан выступают не дополнительным, а основным инструментом расчётов в повседневной жизни – при приобретении товаров и услуг, оплате заказов на маркетплейсах. Особое значение указанная тенденция приобретает в связи с развитием института плательщиков налога на профессиональный доход: самозанятые лица, оказывающие услуги или выполняющие работы, как правило, принимают оплату путём перевода денежных средств на банковские карты, открытые на их имя. В подобных случаях блокировка карты либо ограничение доступа к дистанционному банковскому обслуживанию фактически оборачиваются невозможностью своевременно исполнить принятые гражданско-правовые обязательства, получить вознаграждение за уже оказанные услуги и участвовать в расчётах в рамках платформенной инфраструктуры, что придаёт рассматриваемой проблематике не только финансовое, но и более широкое социально-экономическое измерение.

Тот факт, что данная проблема носит не единичный, а системный характер, подтверждается статистикой Банка России. Согласно Отчёту о работе с обращениями за январь – сентябрь 2025 г., общее количество жалоб, поступивших в Банк России от потребителей финансовых услуг и инвесторов, достигло 280 тыс., что на 15,8 % больше по сравнению с аналогичным периодом 2024 г.; в общей структуре обращений доля жалоб в отношении кредитных организаций составила 60,9 %, а их абсолютное количество выросло до 170,5 тыс., что соответствует росту на 21 % год к году. При этом регулятор прямо отражает, что основным драйвером роста числа жалоб в отношении кредитных организаций стали обращения, связанные с блокировкой счетов, банковских карт и дистанционного банковского обслуживания, обусловленной усилением мер по противодействию финансовому мошенничеству [4]. На этом фоне фиксируется сокращение объёма жалоб по целому ряду традиционно конфликтных тематик, что позволяет говорить о перераспределении конфликтного потенциала в пользу именно платёжной инфраструктуры и расчётных операций.

Дополнительное подтверждение наличия структурной проблемы содержится в Информационном письме Банка России от 26.08.2025 № ИН-01-59/98 [5], адресованном кредитным организациям и банковским ассоциациям. В нём регулятор прямо фиксирует увеличение количества обращений потребителей финансовых услуг, связанных с решениями кредитных организаций о приостановлении приёма к исполнению распоряжений клиента, ограничении использования электронных средств платежа, включая дистанционное банковское обслуживание, на основании Федеральных законов № 161-ФЗ и № 115-ФЗ. Анализ обращений, проведённый Банком России, показывает, что в большинстве случаев кредитные организации не доводят до сведения клиентов полную и достоверную информацию о видах введённых ограничений, основаниях их применения и порядке дальнейших действий, необходимых для защиты своих прав. В этой связи регулятор обращает внимание на необходимость однозначного разграничения банками требований федеральных законов, а также на обязанность указывать при информировании клиентов конкретные нормы закона, послужившие основанием для принятия решения, с одновременным разъяснением порядка обжалования.

Одновременно очевидно, что для кредитных организаций несоблюдение императивных требований названных законов сопряжено с риском применения значительных надзорных мер и санкций со стороны Банка России, вследствие чего при наличии неопределённости и технологической сложности антифрод-систем они объективно склонны к избыточно осторожному поведению, выражающемуся в широком применении блокировок и отказов. В совокупности это позволяет говорить о формирующемся дисбалансе между объёмом и жёсткостью публично-правовых требований, предъявляемых к кредитным организациям, и реальными потребностями участников гражданского оборота, для которых использование банковских карт и дистанционных сервисов является повседневной основой экономической активности.

Перспективы развития рассматриваемого режима наглядно иллюстрируются принятием Банком России приказа от 5 ноября 2025 г. № ОД-2506 [6]. Указанный акт с 1 января 2026 г. устанавливает обновлённый перечень признаков переводов денежных средств без добровольного согласия клиента, включающий двенадцать групп признаков, выявляемых как в отношении переводов денежных средств в традиционных платёжных системах, так и при использовании платформы цифрового рубля. Среди них – сопоставление сведений о получателе средств с данными базы случаев и попыток переводов без согласия клиента, а также с данными

государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий; использование сигналов операторов платёжной инфраструктуры и платёжной системы быстрых платежей о повышенном риске операции; учёт параметров устройств, через которые осуществляется доступ к дистанционному обслуживанию, и их сопоставление с параметрами устройств, ранее задействованных в операциях без согласия клиента; оценка нетипичности параметров операции и поведения клиента, включая необычные действия и признаки компрометации устройств; фиксация специфических сценариев движения средств, в том числе при внесении наличных через банкоматы после крупных трансграничных переводов и при комбинированном использовании сервиса быстрых платежей и переводов на новых получателей. Таким образом, центр тяжести правового регулирования ещё в большей степени смещается в сторону сложных технологических и поведенческих критериев риска, которые кредитные организации обязаны учитывать в своих системах управления рисками и на основании которых принимаются решения о приостановлении операций и блокировке платёжных инструментов.

С учётом изложенного можно констатировать, что действующая и развивающаяся нормативная модель противодействия мошенничеству в платёжной инфраструктуре Российской Федерации характеризуется устойчивой тенденцией к расширению объёма публично-правовых обязанностей кредитных организаций и усложнению их содержания. При этом значительная часть соответствующих решений фактически принимается в автоматизированном режиме на основе алгоритмической оценки совокупности признаков риска, в том числе внешних (сведения из баз данных и государственных информационных систем) и технических (телеметрия устройств, параметры сессий дистанционного обслуживания). В условиях высокой интенсивности безналичных расчётов и вовлечённости граждан и субъектов малого бизнеса в платформенную экономику это объективно усиливает риск ложноположительных срабатываний и приводит к расширению практики блокировок в отношении добросовестных участников оборота, по отношению к которым наличие противоправной деятельности не подтверждается. В результате усиливается дисбаланс между превентивной функцией публичного регулирования и требованием обеспечения нормального функционирования гражданско-правового и предпринимательского оборота.

Подводя итог, представляется возможным сформулировать ряд общих выводов и предложений.

Во-первых, обеспечение безопасности денежного обращения требует закрепления на законодательном уровне минимальных процессуальных гарантий для добросовестных участников. К числу таких гарантий могут быть отнесены обязанность кредитной организации при введении ограничений указывать не только общий нормативный массив, но и конкретное основание и тип сработавшего признака блокировки, понятные для восприятия клиента, а также установление разумных сроков пересмотра решения о блокировке при представлении клиентом дополнительных сведений и документов.

Во-вторых, целесообразным видится развитие особых процедур «ускоренного» рассмотрения обращений для категорий клиентов, для которых блокировка платёжных инструментов сопряжена с повышенным риском социально-экономических последствий (в частности, для плательщиков налога на профессиональный доход и субъектов малого предпринимательства, осуществляющих расчёты преимущественно в безналичной форме).

В-третьих, в целях поддержания доверия к платёжной инфраструктуре важно обеспечить большую прозрачность регулирования, включая регулярное раскрытие Банком России агрегированных данных о количестве и структуре блокировок, о доле случаев, по которым первоначальные решения кредитных организаций признаются ошибочными или подлежащими изменению по результатам рассмотрения обращений клиентов.

Реализация указанных подходов позволила бы, не умаляя значимости публичных интересов по обеспечению безопасности денежного обращения и противодействию мошенничеству, в большей степени учитывать права и законные интересы добросовестных участников гражданского оборота, для которых банковская карта и иные электронные средства платежа стали неотъемлемым инструментом участия в экономической жизни.

Список цитируемой литературы

1. Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33. Ст. 3418.
2. Федеральный закон от 27.06.2011 N 161-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О национальной платёжной системе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.
3. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от

30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

4. Банк России. Отчет о работе с обращениями, январь – сентябрь 2025 года [Электронный ресурс]: презентация. М.: Банк России, 2025. 16 с. Режим доступа: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/59368/2025_3.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

5. Информационное письмо Банка России от 26.08.2025 № ИН-01-59/98 «Об информировании клиентов при ограничении операций и дистанционных способов распоряжения счетом» [Электронный ресурс]. М.: Банк России, 2025. 3 с. Режим доступа: <https://cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/10079> (дата обращения: 10.11.2025).

6. Приказ Банка России от 5 ноября 2025 г. № ОД-2506 «Об установлении признаков осуществления перевода денежных средств без добровольного согласия клиента и отмене приказа Банка России от 27 июня 2024 года № ОД-1027» [Электронный ресурс]. М.: Банк России, 2025. 8 с. Режим доступа: <https://www.cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/10123> (дата обращения: 10.11.2025).

Мошкин Игорь Александрович

аспирант кафедры конституционного и административного права
Пермского государственного национального
исследовательского университета

Научный руководитель:

Аристов Евгений Вячеславович

заведующий кафедрой конституционного и административного права
Пермского государственного национального
исследовательского университета

доктор юридических наук, профессор
(Пермь, Россия)

КОНСТИТУИРОВАНИЕ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ В СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. За последнее столетие институт права собственности претерпел значительные скачкообразные перемены, обусловленные изменением политического курса государства. В настоящем исследовании автор приводит наиболее явные изменения, произошедшие в системе хозяйствования, и сравнивает их с действующим отечественным законодательством.

Ключевые слова: право собственности, Конституция, национализация, личная собственность, экономика.

В настоящее время институт права собственности широко известен как в правоприменительной практике, так и в доктрине. С целью исследования тенденций развития данного института следует обратиться к его первоначалам.

В России термин «собственность» стал признан юридически употребим лишь с 18 века, в период царствования Екатерины 2. С того момента вплоть до событий 1917 года в России общественное устройство основывалось на феодальной и буржуазной собственности. Некоторые ученые обоснованно полагают, что к концу 19 – началу 20 века институт права частной собственности достиг этапа наивысшего развития [1. с. 265-275].

К сожалению, известные события 1917 года не позволили развиваться цивилистическим идеям о праве частной собственности в России. Преломляющим событием стало принятие на II Всероссийском съезде Советов 26 октября (8 ноября) 1917 года Декрета о Земле, полностью ликвидировавшего право частной собственности на землю [2.]. С этого момента начался процесс национализации частного имущества, что было характерно для советской модели управления. Вслед за этим, национализации подлежали заводы, железные дороги, сельскохозяйственные производства и иное имущество. Законом предусматривалось, что земельные участки предоставлялись лишь в пользование [3.].

Примечательно, что в тексте Конституции СССР 1924 года вовсе не делалось упоминания о сложившихся формах собственности, однако по всему ее тексту следовала мысль о социалистическом порядке хозяйствования.

Подтверждение вышеуказанному содержится и в Гражданском кодексе РСФСР 1922 года, где понятие «частная собственность» все-таки сохранилось.

Согласно букве, действовавшего в то время закона, в частной собственности (при чем, не только индивидуальной, но и коллективной) могли находиться строения, торговые и промышленные предприятия с числом наемных работников не более 10 человек, орудия и средства производства, деньги, предметы личного пользования.

В связи с развитием государственного устройства, общественного порядка в 1936 году была принята новая Конституция СССР. Новым Основным Законом провозглашалась социалистическая собственность на

орудия и средства производства, полностью перешедшая из частной собственности в исключительное ведение государства [4.].

Коснулись изменения и обозначений форм собственности: социалистическая собственность могла иметь форму как государственной собственности (всенародного достояния), так и кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений). Я.Н. Уманский считал, что последние схожи по своему содержанию, поскольку были основаны на социалистически обобществленных средствах производства и коллективном труде, а также исключали возможность эксплуатации человека человеком [5. С. 328].

Допускалось и осуществление мелкого частного хозяйства единоличных крестьян и кустарей, основанного на личном труде при полном исключении наемного труда. Из этого следует, что не подверглось в полной мере упразднению право частной собственности на предметы домашнего обихода.

При этом, законодатель использовал два нетождественных термина «личная собственность» и «частное хозяйство», что вызвало определенную критику. Под понятием «личная собственность» законодатель подразумевал имущество граждан, необходимое для ведения домашнего хозяйства, то есть исключительно в личных целях, без получения дохода от такой деятельности. В то же время под понятием «частное хозяйство» следовало понимать мелкое имущество граждан (единоличных крестьян и кустарей), используемое для создания благ, но предполагающее извлечение дохода из личной деятельности таких лиц [6. С. 192-195].

Принятая в 1977 году новая Конституция СССР содержала указание на социалистический характер собственности в отношении имущества профсоюзных и иных общественных организаций, что ранее отдельно не выделялось.

Статьей 11 провозглашалось, что в исключительной собственности государства по-прежнему находятся: земля, ее недра, воды, леса, основные средства производства в строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий [7.].

Под кооперативно-колхозной формой собственности следовало понимать собственность на предприятия, всю производимую продукцию, здания, сооружения и иное имущество. Земля предоставлялась колхозам бесплатно в бессрочное пользование. Конституция 1977 года также предоставляла гражданам право иметь в личной собственности предметы

домашнего обихода, личного потребления, жилой дом и трудовые сбережения (статья 10).

В отличие от редакции предыдущего Основного Закона в Конституции 1977 года в качестве основополагающей формы социалистической собственности названа только государственная собственность. При этом, статьей 12 Конституции 1977 года в качестве признака хозяйствования названо оказание государством содействия в сближении кооперативно-колхозной собственности с государственной, что недвусмысленно подчеркивает приоритет последней над иными формами собственности и попытку установления контроля над ними.

Многие правоведы сходятся во мнении, что советскими конституциями впервые был закреплён принцип исключительной государственной собственности, поскольку более 90% производственных фондов страны находилось в исключительном ведении государства [8. С. 108-120].

12 декабря 1993 года всенародным голосованием принята Конституция Российской Федерации, провозгласившая свободу экономической деятельности, единство экономического пространства, основой чего стало закрепление в тексте Конституции права частной, государственной (федеральной или собственностью субъекта РФ), муниципальной и иных форм собственности [9.].

Процесс перехода от этатистской экономики к рыночной экономике современности осуществлялся посредством приватизации государственного имущества. По мнению В.И. Коптева, процесс оказался успешным, и в результате него в короткие сроки в России появился негосударственный сектор экономики, появились рыночные институты [10. С. 76-80].

Кардинальным образом изменилась политика государства в отношении земельных участков: она может находиться в любой из перечисленных форм собственности (статья 9 Конституции РФ). Конституция также гарантировала защиту частной собственности с вытекающей из нее «триадой» правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом.

В отличие от социалистического метода хозяйствования, современная модель основана на развитии рыночных отношений, свободе труда и значительном объеме частной собственности. Не следует допускать довольно распространенную в научном пространстве ошибку – говорить о равенстве всех форм собственности. Т.Р. Мухтасарова предлагает такие критерии их разграничения, как возможность нахождения вещи в исключительной собственности, или же различие способов приобретения и прекращения права собственности в зависимости от субъекта [11. С. 27-34]. Из этого

следует, что Конституция РФ устанавливает равные возможности защиты и признания форм собственности, но никак не их содержательное равенство.

Конституция РФ знает и такую форму собственности, как «иная». Предполагается, что законодатель намеренно предоставил правоприменителю возможность её свободного толкования, что обусловлено постоянным развитием экономики страны и необходимостью наличия некоего «резерва» для развития. Однако, подобная неясность порождает дуализм мнений среди ученых: Е.Ю. Бархатова относит к иным формам собственности различных общественных объединений – профсоюзов, политических партий, различных общественных организаций [12. 256 с.]; О.Г. Григорьева понимает под иной формой собственности имущество иностранных государств и международных организаций, территориально находящееся в России [13. С. 52-55]; Е.А. Суханов, напротив, считает, что никаких «иных» форм собственности существовать не может, а выделять коллективную, общинную или смешанную собственность в качестве особых (иных) форм не следует [14. 958 с.].

Таким образом, можно сделать вывод, что с начала 20 века по сегодняшний день институт права собственности претерпел множество перемен, представляющих собой скачкообразные изменения. Такие изменения, несомненно, были связаны со сменой политической, социальной, экономической идеей развития государства.

В советский период сформировалась модель преобладания социалистической собственности. При этом, согласимся также с мнением В.А. Фоменко и А.В. Швеца о существовании личной собственности вне общей системы хозяйствования в силу своей ограниченности и слабого характера воздействия [1. С. 265-275]. По мнению автора, полная ликвидация частной собственности даже в советский период была бы экономически нецелесообразна, а поэтому алогична.

Впоследствии устоявшийся в государстве тип общенародной собственности перестал удовлетворять экономические интересы общества, что стало одной из причин для последующих политических решений о распаде СССР и становления рыночного типа экономики в Российской Федерации. При этом, в современном правовом регулировании не выделяется господство одной формы собственности над другой, а, наоборот, подчеркивается их взаимосвязь и равенство защиты.

Список цитируемой литературы

1. Фоменко В.А., Швец А.В. Соотношение права личной собственности с правом частной собственности в советском праве // Правовая система России: история, современность, тенденции развития: Сборник материалов

- ХII заочной научно-практической конференции с международным участием (посвященный 50-летию АмГУ), Благовещенск, 2025. С. 265-275.
2. Декрет о земле II Всероссийского Съезда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов // Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917, № 209.
 3. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р. // СУ РСФСР. 1922. № 71. ст. 904.
 4. Постановление Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик» // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.
 5. Уманский Я.Н. Советское государственное право: Уч. пос. / Под ред. К.А. Мокичева. М., 1955. С. 89. 328 с.
 6. Рыжик А.В. Правовое закрепление форм собственности по Конституции СССР 1936 года // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 4. С. 192-195.
 7. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. ст. 617.
 8. Дзарасов М.Э. Вопросы собственности в Конституциях СССР 1936 г. и 1977 г. // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 6. С. 108-120.
 9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета, № 237, 25.12.1993.
 10. Коптев В. И. Природа и социально-экономические последствия приватизации в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 6. С. 76-80.
 11. Мухтасарова Т.Р. Институт собственности в развитии гражданского общества и правового государства // Право и управление. 2022. № 3. С. 27-34.
 12. Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации: с учетом Законов об изменении срока полномочий Президента РФ и Государственной Думы и о контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства РФ. М.: Проспект, 2010. 256 с.
 13. Григорьева О.Г. Динамика форм собственности в отечественном праве // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 52-55.
 14. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., М.: Статут, 2011. 958 с. С. 510.

Недовизин Александр Николаевич

аспирант кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Нифанов Алексей Николаевич

профессор кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»,

доктор юридических наук, профессор

(Белгород, Россия)

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В данной статье исследуется роль судебной защиты как инструмента реализации конституционных гарантий прав местного самоуправления. Исследование посвящено анализу судебной практики, связанной с обеспечением и защитой прав муниципальных образований, и выявлению основных проблем, возникающих в данном направлении. Также в рамках настоящей статьи предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства и судебной практики для повышения эффективности защиты прав органов местного самоуправления в России.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное образование, судебная защита, конституционная гарантия прав, Конституция Российской Федерации.

Местное самоуправление представляет собой неотъемлемую часть конституционного строя страны. Конституция Российской Федерации в статье 133 провозгласила право органов местного самоуправления на судебную защиту, а также запрет на ограничение законодательно закрепленных полномочий [1].

В условиях разграничения полномочий между уровнями власти суды выступают важнейшим механизмом разрешения конфликтов и восстановления нарушенных прав муниципалитетов. Основными функциями судебной защиты являются:

- обеспечение прав и свобод посредством решения споров и защиты интересов граждан;
- контроль за соблюдением законодательства;

– обеспечение стабильности функционирования органов местного самоуправления.

При этом обращение в суд может быть связано со множеством факторов, но, пожалуй, наиболее часто встречающимися являются дела, связанные с кадастровым учетом, защитой чести и достоинства, деловой репутацией, компенсацией морального вреда.

Так, например, в обзоре судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от граждан по искам государственных органов и органов местного самоуправления, в одном из приведенных дел администрация муниципального образования, реализуя право на судебную защиту, обратилась в суд с иском к гражданину Б. об истребовании квартиры из чужого незаконного владения [3]. Изучив представленные администрацией доказательства, суд счел их достаточными и удовлетворил иск.

Судебная защита прав местного самоуправления, как отмечают в своем исследовании А.Л. Гусева, В.А. Данилова и О.В. Стульникова характеризуется двойственной значимостью [4 с. 224].

Согласимся с позицией ученых и отметим, что судебная защита выступает в качестве защиты непосредственно муниципальных образований. Местные органы власти вправе обратиться в суд с целью защиты своих прав и полномочий, предусмотренных Конституцией РФ и актами федерального законодательства. Например, органы местного самоуправления могут оспаривать решения других органов в случаях, если они нарушают права муниципального образования. В данном случае судебная защита служит барьером против незаконных действий публичных органов, обеспечивая автономию и независимость муниципальных органов.

Помимо муниципальных образований, реализовать в судебном порядке конституционные гарантии местного самоуправления вправе граждане. Данное право закреплено в новом Федеральном законе от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», согласно положениям которого: «граждане имеют равные права на осуществление местного самоуправления независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям» [2].

Таким образом, если права граждан на местное самоуправление нарушаются они могут обратиться в суд для защиты своих интересов. В таком случае судебная защита гарантирует возможность граждан участвовать

в принятии решений, касающихся прав в данной сфере, и служить противовесом возможной монополизации власти отдельными группами лиц.

При этом, судебная защита местного самоуправления для органов и должностных лиц является обязанностью, а для граждан – установленным законом правом. Эти две составляющие образуют целостную систему, направленную на поддержание равновесия и стабильности в отношениях между гражданами и местным самоуправлением.

Несмотря на правовую регламентацию данной гарантии как в Конституции Российской Федерации, так и в вышеуказанном Федеральном законе, на сегодняшний день судебная практика по данным делам характеризуется недостаточностью.

И.А. Долматов в своем труде причины несовершенства правоприменительной практики видит в «недостатках системы муниципального управления, несовершенстве законодательства, недостатках правового регулирования вопросов» [5 с. 92].

Согласимся с предложенными ученым причинами и отметим, что помимо их, на судебную практику может также влиять ограниченная активность граждан и муниципальных органов. Хотя право на обращение в суд для защиты местного самоуправления предусмотрено законом, многие субъекты, обладающие этим правом, используют механизм не в полной мере, как правило, ввиду низкого уровня правовой грамотности населения и муниципальных служащих или возможных негативных последствий судебного спора.

На наш взгляд, для решения данного проблемного аспекта необходимо внести дополнения в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», обозначив конкретные основания обращения граждан и администраций муниципальных образований в суд, перечень необходимых документов, форму жалобы или искового заявления и иные аспекты. Данные нововведения позволят повысить уровень правовой грамотности граждан по вопросам защиты гарантии на местное самоуправление.

Также считаем необходимым усовершенствовать электронную базу судебных решений, дополним ее делами административного судопроизводства с целью удаления имеющегося на сегодняшний день пробела в правоприменительной практике.

Подводя итог представленному исследованию, мы пришли к выводу о том, что судебная защита является важным инструментом реализации конституционных гарантий прав местного самоуправления, обеспечивающим соблюдение принципов законности и справедливости.

Однако, несмотря на наличие соответствующих норм в Конституции Российской Федерации и федеральном законодательстве, практика защиты прав местного самоуправления на сегодняшний день сталкивается с рядом проблемных аспектов, в частности:

- отсутствие на законодательном уровне положений, регламентирующих основания обращения в суд для защиты прав местного самоуправления как гражданами, так и администрацией муниципального образования;

- низкий уровень правового образования граждан;

- недостаток системы муниципального управления;

- недостаточный уровень судебной практики по делам о защите местного самоуправления.

На наш взгляд, для повышения устранения имеющихся проблем необходимо усовершенствовать положения Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», дополнить электронные базы решениями, касающимися защиты прав местного самоуправления, а также повысить уровень правовой грамотности граждан и муниципальных служащих.

Список цитируемой литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, 05 февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ. С. 28. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 12. Ст. 1200.
3. Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от граждан по искам государственных органов и органов местного самоуправления (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. 2016.
4. Гусева, А.Л., Данилова, В.А., Стульникова, О.В. Судебная форма защиты нарушенных прав местного самоуправления в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2021. № 12 (204). С. 223-226.
5. Долматов, И.А. Система юридических гарантий местного самоуправления в Российской Федерации // Молодой ученый. 2025. № 13 (564). С. 90-93.

Нестерович Артем Владимирович

ассистент кафедры административного права и процесса

Юридического института НИУ «БелГУ»

аспирант кафедры конституционного и международного права

Научный руководитель:

Беляева Галина Серафимовна

заведующий кафедрой административного права и процесса

Юридического института НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук, профессор,

(Белгород, Россия)

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕФИНИЦИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ПРОТИВОБОРСТВОМ И
ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕМ СУБЪЕКТОВ В РАЗЛИЧНЫХ
ОТРАСЛЯХ ПРАВА**

Аннотация. Работа ставит цель проанализировать и выделить отличительные черты терминов, закрепленных в нормах Конституции и связанных с противопоставлением субъектов права. Несмотря на общую схожесть, законодатель не использует единый термин для процесса противопоставления сторон, что свидетельствует о разной сущности взаимодействия. Мы, анализируя источники права, стремимся придать форму данным понятиям и прояснить их различие и причину употребления в нормах, связанных с конкретным правоотношением.

Ключевые слова: терминологическая база, конституционные понятия, отличие конкуренции, конкурса, состязательности и борьбы.

В рамках правовой системы и правовой доктрины нашего государства существует многообразие дефиниций. Для кажущихся одинаковыми событий, законодатель подбирает порой различные терминологические обозначения.

В рамках нашей работы мы бы хотели проанализировать дефиниции, связанные с противоборством и противопоставлением сторон. Как известно, в рамках правовых отношений довольно часто возникают двусторонние и многосторонние отношения. Субъекты противопоставляются друг другу.

Для получения первичной информации по объекту исследования обратимся к Конституции Российской Федерации. В части 1, статьи 8, мы встречаем следующую формулировку: «1. В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное

перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности» [1]. В части 3, статьи 43, закреплён данный текст: «3. Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии» [1]. В пункте «е», части 1, статьи 114 закреплено следующее: «е) осуществляет меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью» [1]. В части 3, статьи 123, указано следующее: «3. Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон» [1].

Таким образом, у нас выходят следующие виды взаимодействия субъектов: конкуренция, конкурс, борьба, состязание. В рамках данной работы ограничимся обозначенными понятиями. Несмотря на общую схожесть, законодатель не стал использовать один единый термин. Как известно, свое развитие положения Конституции получают в соответствующих нормативно-правовых актах. Обратимся к некоторым из них.

Так в Федеральном законе «О защите конкуренции», дается следующее раскрытие дефиниции: «7) конкуренция – соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке» [2].

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» не раскрыли дефиницию «конкурс» и «конкурсный отбор», что является упущением, т.к. это основа получения бесплатного высшего образования в нашей стране, гарантированная Конституцией. В данном Законе лишь дополняется положение Конституции Российской Федерации: «... а также на конкурсной основе бесплатность высшего образования в случае получения гражданином образования данного уровня впервые, если настоящим Федеральным законом не установлено иное» [3]. «Конкурс», как мы считаем, предполагает равные возможности для доступа к образованию. Он основан на прохождении всеми участниками заранее разработанных тестов и испытаний. Почему же это не названо «конкуренцией»? Как мы считаем, в целом, термин «конкуренция» пришел к нам с Запада. В рамках той системы, это очень «жесткое» противоборство участников рынка. В нашей правовой системе, термин сформулирован «мягче», ближе к социалистической конкуренции предприятий. Для противопоставления участников в рамках поступления в учебные организации термин «конкуренция» слишком

«жесткий». «Конкурс», как мы полагаем, выбран законодателем с опорой на то, что участники показывают свои достижения и знания. Они не взаимодействуют друг с другом напрямую, а пытаются набрать определенный балл, что гуманнее рыночных отношений, где каждая компания, старается «продать» свои товары и услуги. Тут стоит обратить внимание на то, почему это не названо соревнованием. С нашей точки зрения, «соревнование» и «конкурс» синонимичны, однако один термин исторически закреплен за спортом, другой за поступлением в учебные организации и на работу.

Отметим, что законодатель хоть и закрепил в Конституции дефиницию «борьба», но в рамках федерального законодательства использует термин «противодействие». Это еще одно, как мы считаем, упущение, т.к. не происходит раскрытия закрепленного в Конституции понятия. «Противодействие» от части раскрыто в Федеральном законе «О противодействии терроризму»: «4) противодействие терроризму – деятельность органов государственной власти, органов публичной власти федеральных территорий и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по:

а) предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);

б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);

в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма» [4]. В Федеральном законе «О полиции» упоминается «противодействие преступности», но не имеется раскрытия дефиниции: «1. Полиция предназначена ... для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности» [5].

«Борьба» и «противодействие» синонимы и связаны с системными мероприятиями по воздействию на преступность. Их отличие от иных терминов обусловлено антагонизмом контекста.

В контексте толкования дефиниции «состязательность», мы обратимся к Определению Конституционного Суда РФ от 04.11.2004 № 430-О: «Между тем согласно статье 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, что предполагает предоставление сторонам обвинения и защиты равных процессуальных возможностей по отстаиванию своих прав и законных интересов» [6]. Центральным ядром дефиниции

«состязательность», исходя из цитаты, являются равные процессуальные возможности сторон. В целом состязательность в судебном процессе имеет очень давнюю историю. В данном контексте мы можем вспомнить о судебном поединке. В один из периодов нашей истории, это были действия, которые приводили больше к случайному результату, о чем в своей работе упоминает Е.В. Староверова: « ... судебный поединок, как и все средневековые ордалии, ... позволяет определить победителя в судебном споре на основе произвольного фактора, непосредственно с обстоятельствами дела не связанного» [7, с. 106]. Со временем правовая система развивалась и итогом стал современный судебный процесс. Поэтому «состязательность» закреплена в законе, как дань уважения историческим традициям нашей страны и как результат многовековой эволюции судебной системы. Этим она отличается от иных схожих понятий.

Таким образом подводя итог нашему исследованию, мы можем отметить следующее. Выбор определенной терминологии законодателем обусловлен историческими и ситуационными факторами. Некоторые термины можно назвать синонимами, но иные отличаются в своей сути. Как мы отметили, не каждая дефиниция, упомянутая в Конституции Российской Федерации, в дальнейшем раскрывается в соответствующих нормативно-правовых актах, что, как мы считаем, упущение. Также отметим, что законодатель может подбирать синонимы, как это было с «борьбой» и «противодействием», что излишне, с нашей точки зрения. Терминологический аппарат должен быть понятен, логичен и един. Проанализированные нами дефиниции, как мы считаем, подтверждают следующий тезис. Развитие и формирование качественной терминологической базы – это в том числе и модернизация конституционной основы государства, а соответственно, следование идеям конституционализма, к которым стремится каждое развитое современное государство.

Список цитируемой литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.11.2025).
2. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.11.2025).

3. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 15.10.2025) «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.11.2025).
4. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.11.2025).
5. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.11.2025).
6. Определение Конституционного Суда РФ от 04.11.2004 № 430-О «По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.11.2025).
7. Староверова, Е.В. О поле (судебном поединке) в русском праве XV – начала XVII в / Е.В. Староверова // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 2(159). – С. 104-115.

Притулина Ирина Юрьевна

соискатель кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна

заведующий кафедрой конституционного и международного права,
Юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор,
(Белгород, Россия)

ПРАВООГРАНИЧЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье поднимается вопрос о формировании новой тенденции в части введения конституционных ограничений прав и свобод личности в целях защиты конституционной идентичности Российского государства. Формирование повышенного интереса к названной проблеме со

стороны научного сообщества обусловлено возрастающим влиянием западной либеральной модели правового положения личности. Это порождает необходимость построения новых эффективных механизмов защиты национального суверенитета и усовершенствования уже существующих, одним из которых является институт правоограничений, сущность которого формально изложена в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционная идентичность, Российское государство, традиционные ценности, Конституционный Суд Российской Федерации, Конституция Российской Федерации.

30 октября 2025 г. Конституционным Судом Российской Федерации была подготовлена и опубликована информация по актуальным аспектам конституционно-правовой защиты человеческого достоинства¹. Пристального внимания, по мнению автора, заслуживает упомянутая в документе мельком тема, актуальность которой ежедневно возрастает ввиду негативного воздействия коллективного Запада на национальную самобытность Российского государства и менталитет русского общества. Речь идет об отсылке к традиционным ценностям.

Согласно п. 5 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации², человеческое достоинство относится к числу важнейших традиционных ценностей Российского государства. Конституционный Суд Российской Федерации в своем докладе отмечает, что «защита человеческого достоинства...предполагает поддержание конституционно обоснованного равновесия между гарантиями индивидуальной автономии, с одной стороны, и, с другой стороны, утверждением во всех правоотношениях конституционной идентичности российского государства, основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях».

В контексте поддержания конституционно обоснованного равновесия речь идет о конституционных ограничениях в их привычном понимании, отраженном в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации³. Данная норма

¹ Информация Конституционного Суда РФ «Конституционно-правовая защита человеческого достоинства: актуальные аспекты» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 30.10.2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/91318.html> (дата обращения: 07.11.2025).

² Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. № 46. 2022. Ст. 7977.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 2022.

допускает введение правомерных ограничений прав и свобод личности, но только в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционно значимых ценностей. По смыслу статьи, перечень таких ценностей исчерпывающий и не подлежит расширительному толкованию. При этом из доклада высшего органа конституционного контроля Российской Федерации вытекает мысль о формировании новой тенденции в части установления правоограничений.

В связи с этим возникает вполне логичный вопрос: как представленная правовая позиция соотносится с конституционными положениями?

Ответ на поставленный вопрос кроется в изучении относительно нового в конституционном праве института, основанного на сохранении традиционных ценностей, а именно, «конституционной идентичности Российского государства». Анализ научных источников по данной тематике свидетельствует о его условной молодости. Значительный рост интереса к исследованию вопросов конституционной идентичности России наблюдается с 2022 г. Вероятно, возросшее внимание исследователей связано, во-первых, с возникновением новых геополитических вызовов и угроз для страны, и, во-вторых, с формированием основ государственной политики по укреплению и защите традиционных ценностей.

Впервые понятие конституционной идентичности появилось в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П¹. В правовой позиции высшего органа конституционного контроля данное понятие связано с обеспечением и сохранением государственного суверенитета. Судом определено, что внутригосударственные нормы, определяющие правовое положение личности и основы конституционного строя, являются базовыми элементами конституционной идентичности.

Анализ научных источников показал, что понимание конституционной идентичности довольно неоднозначно: ценность суверенно самоопределяющегося народа» [2, с. 572]; «совокупность механизмов, которые обеспечивают уникальность» самоидентификации отдельных индивидов, целого народа и всего государства [6, с. 18]; фундаментальное качество Конституции, а именно, самотождественность [6, с. 25]; культурный код нации, инкорпорированный в правовую систему страны [5, с. 24].

В контексте исследуемого вопроса следует отдать должное Е.В. Бердниковой и С.А. Куликовой, которые в сфере рассуждений о конституционной идентичности Российского государства выделили три ее

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней...» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

конституционно-правовых смысла [1, с. 461]. Согласно указанной точки зрения, конституционную идентичность следует рассматривать, как самоидентичность Конституции России, возрастание роли национальных институций над наднациональными, а также как систему присущих Российскому государству духовно-нравственных ценностей.

В свете происходящих геополитических трансформаций представленная позиция наиболее полно отражает сущность конституционной идентичности Российского государства. Между тем, особое значение в рамках настоящего исследования приобретает третий аспект, определяющий данный правовой феномен как систему традиционных ценностей, принимаемых и распространяемых российским обществом. Именно поэтому в докладе Конституционного Суда Российской Федерации базисом конституционной идентичности России являются эти самые ценности.

Исследование контекста научных изысканий, посвященных вопросам конституционной идентичности, показало, что говорить о ее формировании необходимо в условиях различия ментальностей коллективного Запада и России, а также формирования тенденции расширения наднационального регулирования в сфере правового положения личности. По верному утверждению Е.А. Лукьяновой «любой юридический процесс – всего лишь зеркало происходящего в обществе» [3, с. 131].

Так, в последнее десятилетие понятие общего блага в прострациях западного менталитета все чаще уступает место либеральной концепции прав человека. При этом для Российского государства общее благо всегда занимало и продолжает занимать наиболее существенное место, что, кстати, подтверждается в конституционном тексте (ч. 3 ст. 55). Речь идет о том, что ограничение прав личности допускается только в целях защиты конституционно значимых ценностей, которые являются одновременно ценностями общего блага.

Сказанное позволяет рассматривать конституционную идентичность в качестве общего блага и конституционно значимой ценности. Однако ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации формально не признает ее в качестве таковой.

По этому поводу авторская позиция сводится к необходимости применения концепции «живой конституции», предполагающей возможность конституционных преобразований не путем изменения текста Конституции, а посредством конституционного толкования. Сторонники такой концепции убеждены в необходимости развития конституционных норм, что обусловлено политическими, социально-экономическими, технологическими

и иными изменениями, происходящими в мире и в конкретном обществе [4, с. 224]. По верной констатации В.Д. Зорькина, «соприкосновение текста Конституции с целостной жизнью и социальной реальностью состоит в его интерпретациях» Конституционным Судом¹.

Исходя из основных постулатов концепции «живой конституции», следует отметить, что конституционная идентичность Российского государства, несомненно, должна позиционироваться как важнейшая конституционная ценность и общее благо, в защиту которого в установленных законом пределах могут быть ограничены права и свободы личности. Между тем, конституционную идентичность в контексте введения правомерных ограничений целесообразно рассматривать не как самостоятельную конституционную ценность, а в качестве ее основного аспекта, базиса. Неумолимым подтверждением данного аргумента является п. 46 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где защита традиционных ценностей выступает приоритетной целью обеспечения государственной безопасности².

Список цитируемой литературы

1. Бердникова, Е. В. Политико-правовые механизмы формирования российской конституционной идентичности в условиях информационного общества / Е. В. Бердникова, С. А. Куликова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, № 4. С. 460-470.
2. Крусс, В. И. Конституционная идентичность России: актуальность и целеполагание / В. И. Крусс // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения. СПб: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2022. С. 571-573.
3. Лукьянова, Е. А. Идентичность и трансформация современного права / Е. А. Лукьянова // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3(136). С. 130-147.
4. Саликов М. С., Либанова С. Э., Остапович И. Ю. Конституционно-контрольное нормотворчество в контексте доктрины живой конституции // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 219-230.

¹ Доклад В. Д. Зорькина на юбилейной Конференции в РАН 10 декабря 2003 года «Конституция России» [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20051030024135/http://www.ksrf.ru/news/1.htm> (дата обращения: 08.11.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. № 27 (ч.II). 2021. Ст. 5351.

5. Степанова, М. Н. Адаптация конституционной идентичности государства к вызовам современности: анализ и перспективы / М. Н. Степанова // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2(41). С. 23-28.
6. Хорунжий, С. Н. Конституционная идеология российской идентичности: самобытный баланс конституционно защищаемых ценностей / С.Н. Хорунжий // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 2(24). С. 11-25.
7. Шустров, Д. Г. Конституционная идентичность и изменение конституции / Д. Г. Шустров // Вестник Московского университета. 2020. № 4. С. 21-49.

Трухан Роман Петрович

соискатель кафедры теории и истории государства и права

Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Цуканова Елена Юрьевна

профессор кафедры гражданского права и процесса

Юридического института НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕГУЛЯТИВНЫХ И ОХРАНИТЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. В данной статье обосновывается наличие функциональной взаимосвязи между регулятивными и охранительными правоотношениями. В рамках данной связи регулятивные выполняют роль первичной формы правового опосредования социальных связей, а охранительные – анализируются как вторичный, производный элемент, выполняющий гарантийную функцию по отношению к регулятивным. Утверждается, что сама возможность возникновения охранительного правоотношения обеспечивает наличие реальной нормативной силы регулятивного правоотношения, а также его правовую и социальную ценность.

Ключевые слова: функциональная связь, регулятивное правоотношение, охранительное правоотношение

Рассматривая особенности функциональной зависимости правоотношений, необходимо проанализировать функциональное взаимодействие регулятивных и охранительных правоотношений. Наиболее значимой и важнейшей такой особенностью является производный и зависимый характер охранительного правоотношения, которое

функционально несамостоятельно и не может существовать вне ее связи с регулятивным.

Регулятивные правоотношения в указанной связке представляют собой первичную форму правового опосредования общественных связей. Правовые связи данного рода выступают базовой формой существования и реализации права в обществе посредством которой материализуется его регулятивное назначение. Это правовая форма правомерных социальных связей, которая опосредует позитивное поведение субъектов. Нормативную основу составляют регулятивные нормы, социальным назначением и целью которых является организация и структурирование общественных отношений. Достигается это посредством интерактивного распределения между субъектами комплекса взаимных субъективных прав и юридических обязанностей, что и составляет сущность данного вида правовой связи.

Посредством регулятивных правоотношений реализуется регулятивная функция права посредством нормативного закрепления правового статуса субъектов правового взаимодействия, а также в определении моделей их правомерного поведения. Это позволяет говорить о наличии в регулировании двух взаимосвязанных аспектов, а именно статическом и динамическом. Статическое регулирование определяет правовое положение субъектов относительно всех иных участников общественной жизни (их правовой статус). Как правило, такого рода отношения в теории права именуются абсолютными, когда контрагентами управомоченного субъекта выступают все иные, наделенные пассивной обязанностью не нарушать субъективные права управомоченного. Динамическое регулирование определяет границы правомерного поведения субъектов в их взаимодействии, направленном на достижение своих интересов [1, с. 151].

Юридической предпосылкой возникновения регулятивных правоотношений выступают правовые нормы, которые при появлении в реальной действительности соответствующих юридических фактов порождают совокупность субъективных прав и корреспондирующих им юридических обязанностей, образующих нормальную, позитивную программу взаимодействия участников, отвечающих их интересам. В этой связи необходимо отметить, что даже на этапе развития регулятивного правоотношения при неисполнении соответствующих обязанностей существует возможность использования процессуального механизма, предназначенного для принудительной реализации нормативных предписаний не только охранительного, но и регулятивного типа. Н.В. Витрук по этому поводу писал, что «юридический процесс – это всегда определенная законом последовательность совершаемых процессуальных

действий, оформляемая соответствующими процессуальными актами (документами) и направленная на достижение материального результата по применению диспозиции или санкции правовой нормы (регулятивной или охранительной нормы права)» [2, с. 253].

Действительно, хотя регулятивное правоотношение возникает на основе правомерного поведения и изначально реализуется добровольно, его принципиальная возможность быть реализованным принудительно является неотъемлемым свойством, вытекающим из самой природы права. Норма, которая не может быть обеспечена принудительной силой государства, не может быть признана правовой. Обеспеченность принудительной силой государства является одним из обязательных признаков правовой нормы. Регулятивные нормы, являющиеся основой для регулятивных правоотношений (гражданских, административных, и иных), исключением не являются.

По этому поводу А.Ф. Черданцев еще в 1970 году писал, что в основе их взаимодействия лежит своеобразное «разделение труда», заключающееся в распределении юридических функций. Согласно этому подходу, регулятивные нормы осуществляют позитивное правовое регулирование, устанавливая модели правомерного поведения, в то время как охранительные нормы выполняют защитную функцию. Ключевым аспектом данной теории является наличие между элементами системно-функциональной связи: факт нарушения предписаний регулятивной нормы служит юридическим основанием для приведения в действие нормы охранительной, которая, в свою очередь, предусматривает применение мер государственного принуждения. Эти меры носят либо штрафной (юридическая ответственность), либо правовосстановительный характер [3, с. 44-45].

Основная масса регулятивных правоотношений исполняется добровольно именно потому, что за ними стоит потенциальная возможность принуждения. Сторона, обязанная выполнить условие договора (регулятивное отношение), делает это не только в силу добросовестности, но и потому, что в случае неисполнения контрагент может обратиться в суд, и исполнение будет обеспечено принудительно. Гражданское законодательство знает примеры прямого указания на возможность принудительного исполнения регулятивных правоотношений. В частности, это возможно при использовании в процессуальном порядке таких предусмотренных ст. 12 Гражданского кодекса РФ способов защиты, как признание права, а также присуждение к исполнению обязательства в натуре. Как видно из данных примеров сам материальный закон предоставляет кредитору инструмент для преобразования добровольной обязанности в принудительную. Это наглядно

демонстрирует, что регулятивное правоотношение с момента своего возникновения содержит в себе не только модель должного поведения, но и потенциальный механизм его принудительной реализации.

При этом необходимо иметь ввиду, использование процессуального принудительного механизма еще не говорит о возникновении охранительного правоотношения. Оно возможно только в случае, когда кредитор вследствие неисполнения в добровольном порядке регулятивных правил поведения предъявит требование о возложении на должника дополнительных неблагоприятных обязанностей (реализация предусмотренных законом санкций, в том числе юридической ответственности).

Таким образом, можно констатировать, что регулятивные правоотношения могут существовать и реализовываться без перехода в охранительную стадию. Однако их нормальное функционирование в значительной степени предопределено наличием и потенциальной готовностью к реализации охранительного механизма.

Мотовиловкер Е.Я. объясняет сущность охранительного правоотношения посредством указания на возможную неоднозначность хода реализации регулятивного. Это рассматривается как внутреннее структурное противоречие, которое присуще каждому регулятивному правоотношению. Такое противоречие усматривается в альтернативном характере реализации правовой связи. Она может быть осуществлена как в форме исполнения возложенной обязанности, однако возможно и ее неисполнение (трагуемое как правонарушение). Этот факт является основанием для возникновения правоотношения охранительного порядка, функцией которого является реализация интереса управомоченного посредством использования предусмотренных в законе мер защиты. При этом исходное регулятивное отношение либо прекращает свое существование, либо временно нейтрализуется, находясь в состоянии правового бездействия до завершения охранительной стадии. Таким образом, во взглядах Е.Я. Мотовиловкера охранительное правоотношение выполняет роль функционального компенсатора, предназначенного для преодоления ситуации, препятствующей нормальному функционированию регулятивной связи, с целью ее последующего возобновления или окончательного прекращения [4, с. 54-55].

Правовая природа охранительных правоотношений раскрывается только при ее сопоставлении с соответствующей регулятивной нормой, по отношению к которой она выступает как правовое последствие на потенциальную или реальную возможность нарушения предписаний,

закрепленных в регулятивном предписании. С учетом сказанного, охранительное правоотношение можно характеризовать как вторичный элемент, возникающий и существующий не ради себя самого, а имеющий цель обеспечения действенности первичного регулятивного начала. Именно поэтому справедливой видится мысль, высказанная О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородским, о том, что «правоотношением является необходимым средством не только применения, но и обеспечения соблюдения норм права» [5, с. 195].

Такая связь указанных видов правоотношений является функциональной. Она отражает асимметричную зависимость охранительного правоотношения, которое является производным от соответствующего регулятивного, обладающего относительно автономией. Возможность возникновения охранительного правоотношения выступает своеобразным средством обеспечения реализации регулятивного. С этой точки зрения охранительное правоотношение выполняет гарантийную функцию, создавая негативные последствия для потенциального нарушителя и тем самым стимулируя его к надлежащему исполнению своей первоначальной, регулятивной обязанности. Именно поэтому возникновение охранительного правоотношения свидетельствует о переходе правового регулирования из обычного состояния в стадию защиты, призванную обеспечить восстановление нарушенного права или предоставление соответствующей компенсации.

Возможность возникновения охранительного правоотношения обеспечивает наличие реальной нормативной силы регулятивного правоотношения, а также его правовую и социальную ценность.

Список цитируемой литературы

1. Кравченко О.А. Регулятивные и охранительные правоотношения как относительно самостоятельные типы // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 4(9). С. 149-152.
2. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: Монография. М.: Изд-во РАП, 2008. – 304 с.
3. Черданцев А.Ф. Специализация и структура норм права // Правоведение. 1970. № 1. С. 41-49.
4. Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 136 с.
5. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 381 с.

Хайруллин Тахир Вагизович

соискатель кафедры конституционного и международного права,
Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Нифанов Алексей Николаевич,

профессор кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

РЕГУЛЯТИВНЫЕ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В ПРИВАТНОСТЬ ЖИЗНИ ЧАСТНЫХ ЛИЦ

Аннотация. Статья посвящена исследованию ряда проблем, связанных с обеспечением конституционного права граждан на неприкосновенность их частной жизни. Автор доказывает, что невмешательство публичной власти в приватность жизни частных лиц в теоретико-методологическом аспекте может быть представлено в виде трех взаимосвязанных структурных компонентов – регулятивного, институционального и функционального. В государственно-правовой системе невозможно бесконфликтное взаимодействие, сотрудничество и общение. Это – своего рода идеал, достижение которого возможно лишь частично и только в семье, в дружбе, в небольшом коллективе единомышленников, в локальном коммерческом сообществе, т.е. в гарантируемой Конституцией РФ области частной жизни. В отличие от этого, публично-правовая сфера имманентно затрагивает весьма конфликтные области взаимодействия государства, общества и личности. Здесь реален лишь сравнительно невысокий уровень социальной солидарности, который может обеспечиваться правовым регулированием и эффективным правоприменением.

Ключевые слова: конституционализм, права человека, частная жизнь, неприкосновенность, невмешательство.

Невмешательство публичной власти в приватность жизни частных лиц [1, с. 67] в теоретико-методологическом аспекте может быть представлено в виде трех взаимосвязанных структурных компонентов – регулятивного, институционального и функционального. С регулятивной точки зрения в силу конституционного установления о неприкосновенности частной жизни законодатель обязывается к адекватному регулированию соответствующих

общественных отношений. Законы должны быть ясными, четкими и недвусмысленными. Ограничения права на приватность допускаются только в законодательной форме, причем их соразмерность может быть проверена конституционным правосудием (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации) [2, с. 52]. Институциональный аспект неприкосновенности частной жизни проявляется в формировании комплексного конституционного института, предполагающего не только признание субъективного права на приватность, но также других субъективных прав и регулирование смежных конституционных отношений (разграничение предметов ведения и полномочий, установление правовых основ государственной политики и т.д.) [3, с. 38]. Наконец, функциональный подход обязывает законодателя и правоприменителя к оптимальному разграничению гарантирующих приватность граждан функций государственных и муниципальных органов [4, с. 168], что «замыкает», на наш взгляд, цепочку конституционных гарантий права на неприкосновенность частной жизни индивидов.

Природа общего конституционного запрета на вмешательство в частную жизнь граждан предполагает, прежде всего, законодательные ограничения приватности индивидов [5, с. 150]. Частная жизнь, по общему правилу, неприкосновенна. Данный юридический запрет сам по себе не нуждается в законодательном регулировании, поскольку запрещающая правовая норма исключает последующую дискрецию (нельзя запретить «либо то», «либо другое»: если что-то запрещено, то этого достаточно). Поэтому под «регулированием» конституционного права на приватность (в силу ст. 71 Конституции РФ это составляет предмет ведения Российской Федерации) мы понимаем, главным образом, законодательные ограничения, т.е. исключения из общего конституционного правила, допустимые по смыслу ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. Данную методологию диктует регулятивный подход к исследуемой проблеме.

Если рассуждать с институциональной точки зрения, с неизбежностью обнаруживается ряд новых конституционно-правовых проблем, которые органически связаны с обеспечением неприкосновенности частной жизни граждан. Так, конституционализм предполагает доверие граждан к действиям государства, предсказуемость публичной политики [6, с. 38-43]. Это, одновременно, – важная гарантия приватности. Высказанная еще Ж.Ж. Руссо идея «общественного договора» в современных реалиях означает многостороннюю договоренность государства и общества, их взаимные права и обязанности [7, с. 67]. Если в тоталитарном обществе доверие является вынужденным и опирается на воздействие «страхом» публичного

вмешательства в приватность [8, с. 474], то в условиях конституционной демократии предполагаются «доверительные» отношения, взаимные сдержки и гарантии. Публичная власть связана обществом ввиду периодически проводимых выборов. В свою очередь, граждане имеют гарантии невмешательства в их частную жизнь, поскольку политики действуют от их имени и в их интересах. В связи с этим обратим внимание на такую важную поправку в Конституцию Российской Федерации от 2020 г., как установление требования «социальной солидарности» (ст. 75.1). Данная солидарность – это именно взаимное доверие власти и общества, их перекрестные юридические и нравственные обязательства, гарантии и ответственность.

Конституционное право на неприкосновенность частной жизни органически связано с проблемой соотношения либерализма и коммунитаризма [9, с. 8]. Концепция «либерализма» предполагает особое и повышенное значение индивидуальной свободы, в то время как идея коммунитаризма – приоритет социальной общности. Можно ли, в связи с этим, считать, что конституционное право на неприкосновенность частной жизни юридически требует утверждения и господства либерализма в ущерб коммунитарной концепции? Данная проблема актуализируется в связи с изданием Указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [10]. Этим указом, в частности, установлено, что традиционной российской духовно-нравственной ценностью является приоритет коллективного над индивидуальным, духовного над материальным.

Не ставя под сомнение необходимость выявления и поддержки в российском обществе традиционных духовно-нравственных ценностей [11, с. 108], а также право главы государства на осуществление стратегического государственного планирования (именно в этих целях был принят анализируемый Указ) [12, с. 124], подчеркнем, что конституционный принцип социальной солидарности в редакции конституционных поправок от 2020 года более точно отражает сущность взаимоотношений государства, общества и граждан в контексте конфликта либеральных и коммунитарных принципов и идей [13, с. 28], в конечном итоге – обеспечения конституционного права граждан на неприкосновенность их частной жизни.

Коллективы, общество и государство занимают важное место в социальной жизни, поскольку человек – существо публичное и нуждающееся во взаимодействии с себе подобными. Этому корреспондирует требование «общности», но не безусловного «единства». Полагаем, что если государство позиционируется как некий «безусловный центр» общественной жизни – тем

самым нарушается конституционный принцип социальной солидарности, т.е. взаимности и взаимообусловленности коллективного и индивидуального, материального и духовного. Частная жизнь неприкосновенна как одна из гарантий социальной солидарности, что предполагает одновременно и достаточно высокую степень общности и коллективизма в государственной политике, возможность публичных властей воздействовать на поведение личности, исключать гипертрофированный индивидуализм и обособленность граждан от общества (институциональный подход в предлагаемой нами классификации).

В свою очередь, функциональный подход к обеспечению и реализации конституционного права граждан на неприкосновенность частной жизни предполагает преобладание процессуальных и организационно-обеспечительных механизмов. В силу этого обстоятельства ряд проблем, которые вызываются использованием институционального метода, в значительной степени нейтрализуется. Так, при решении уполномоченным государственным органом вопроса о производстве в жилище гражданина обыска или выемки ключевое значение имеют не общие положения Указа Президента Российской Федерации о традиционных российских духовно-нравственных ценностях, но установления уголовно-процессуального законодательства, которые регулируют основания и процедуру обыска или выемки [14, с. 267]. В данном случае неприкосновенность частной жизни гражданина находится под непосредственной угрозой, поэтому уголовно-процессуальный закон защищает индивида, утверждая своего рода «приоритет индивидуального над коллективным». Таких примеров можно привести еще большое количество. Все они свидетельствуют о том, что в действительности в современном российском обществе наблюдается баланс индивидуального и коллективного, а не приоритет какой-либо одной из этих конкурирующих конституционных ценностей в силу юридического действия и признания правоохранительной системой конституционного принципа социальной солидарности.

Это, вне сомнения, не исключает правообразующее значение анализируемого Указа Президента Российской Федерации о стратегическом государственном планировании в институционально-правовом аспекте [15, с. 52-55]. В российском обществе действительно имеет место такая традиционная духовно-нравственная ценность, как особое духовное и нравственное значение воли коллектива и способность индивидов к самоограничению. Конституционные поправки от 2020 года правомерно подчеркнули важность таких ценностей, как гражданственность и патриотизм. Институт неприкосновенности частной жизни индивидов

сосуществует с ценностями гражданственности и патриотизма, обогащая и дополняя их рядом важных публично-правовых установлений. В индивидуальную жизнь граждан государство не может произвольно вмешиваться, однако и граждане несут конституционную обязанность любить Отечество и уважать культуру других наций и народностей. Этому способствуют конституционно-правовые нормы, которые опираются на методы регулирования и охраны, определяют цели и принципы, создают соответствующие гарантии, поощрения и стимулы [16, с. 119].

В связи с этим подчеркнем, что в государственно-правовой системе невозможно бесконфликтное взаимодействие, сотрудничество и общение. Это – своего рода идеал, достижение которого возможно лишь частично и только в семье, в дружбе, в небольшом коллективе единомышленников, в локальном коммерческом сообществе, т.е. в гарантируемой Конституцией Российской Федерации области частной жизни. В отличие от этого, публично-правовая сфера имманентно затрагивает весьма конфликтные области взаимодействия государства, общества и личности. Здесь реален лишь сравнительно невысокий уровень социальной солидарности, который может обеспечиваться правовым регулированием и эффективным правоприменением [17, с. 12].

В публично-правовой сфере не просто неизбежно, но объективно необходимо соперничество, в том числе, – за обладание ограниченным ресурсом. Так, в состоянии конституционно поощряемого соперничества находятся конкурирующие друг с другом политические партии, ветви власти, публично-территориальные образования и их органы. Конституционный институт неприкосновенности частной жизни граждан создает механизм определенной защиты от публичного вмешательства, но указанная защита не может трактоваться как полная, безусловная и неограниченная. Даже конституционное регулирование при обеспечении верховенства прав и свобод человека и гражданина, в определенной мере, ограничивает неприкосновенность частной жизни, поскольку запрещает гражданам лишать кого-либо жизни (нарушение права на жизнь), оскорблять и унижать человека (нарушение права на достоинство), произвольно заключать индивидов под стражу (нарушение права на свободу и личную неприкосновенность) и т.д.

Указ Президента России от 9 ноября 2022 года, в числе прочего, весьма точно определил, что традиционной духовно-нравственной ценностью россиян является гуманизм и человечность, т.е. доброжелательность, сочувствие и уважение, главным образом, – своего достоинства и духовно-нравственной ценности других людей, которые образуют коллектив,

общество и государство. С этой точки зрения проблема обеспечения неприкосновенности частной жизни граждан приобретает обновленное конституционно-правовое содержание. Концепция конституционализма в значительной степени опирается на идею имманентной ценности достоинства личности. Неприкосновенность частной жизни – лишь одна из форм реализации требований ст. 21 Конституции Российской Федерации, достоинство человека выступает системообразующим и стержневым принципом и субъективным правом.

Очевидно, что неправомерное вмешательство публичных властей в приватную сферу граждан посягает на достоинство и тем самым противоправно нарушает его. Следовательно, неприкосновенность частной жизни граждан также можно было бы отнести к одной из традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества. Об этом однозначно свидетельствует цитируемый Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года, в котором подчеркивается незыблемость конституционного принципа верховенства прав и свобод человека и гражданина в современной России.

Список цитируемой литературы

1. Красковский, Я. Э., Сазонова, Л. В. Проблемы невмешательства в частную жизнь граждан Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. – 2019. – Т. 7. № 4.
2. Василенко, О. Ю. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. – 2004. – № 7.
3. Любашиц, В. Я., Кияшко, Е. Ю., Тимофеева, А. А. Социально-правовое государство как необходимая институциональная форма правовой свободы // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. – М., 2015. – С. 38-43.
4. Сергеева, С. Л. Проблемы определения критериев нравственности и защиты частной жизни в США периода судебного активизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5.
5. Бабаян, А. Д. Институт неприкосновенности частной жизни и национальная безопасность в эпоху информационных технологий // Юридическое образование и наука. 2016. № 4.
6. Вострикова, В. В. С.И. Гессен о модификации принципов свободы и равенства в рамках либерального общественного идеала // Гражданское общество в России и за рубежом. 2021. № 2.

7. Краснова, С. И. Правовая регламентация неприкосновенности частной жизни // NovaUm.Ru. 2022. № 39.
8. Пибает, И. А., Стукалова, А. Г. К вопросу о неприкосновенности частной жизни или «Big brother is watching you» // Общество. Наука. Инновации. – М., 2019.
9. Романовский, Г. Б. Конституционное регулирование права на неприкосновенность частной жизни. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1997. – 18 с.
10. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.
11. Дежнев, В. Н. Образ будущего России как отражение традиционных отечественных ценностей // Общество: философия, история, культура. 2021. № 12.
12. Вилисов, М. В. Документы государственного стратегического планирования как инструменты политико-государственного проектирования вопросов государственного суверенитета // Проблема суверенности современной России. – М., 2014.
13. Вальков, С. В. Перспективы реализации социальной функции государства в контексте социальной солидарности в поправках в Конституцию России от 2020 года // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2022. № 1.
14. Горячев, М. С. Обеспечение охраны права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при производстве следственных действий // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 4.
15. Обгольц, С. А. Конституционно-правовая природа Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7.
16. Лаврентьев, А. Р. Нормативное закрепление системы ценностей современного российского общества // Молодежь в системе обеспечения духовно-нравственной безопасности современного российского общества. – Нижний Новгород, 2022.
17. Цеева, С. К. Формирование гражданской культуры будущих юристов в процессе профессиональной подготовки. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Майкоп, 2007. – 23 с.

Халилова Джамиля Гаджибутаевна
соискатель кафедры истории государства и права
Юридического института
Дагестанского государственного университета
(Махачкала, Россия)
Научный руководитель:
Абдуллаев Магомедзапир Нурмагомедович
профессор кафедры истории государства и права
Юридического института
Дагестанского государственного университета
доктор юридических наук
(Махачкала, Россия)

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН В 1991–2003 ГГ.

Аннотация. В статье рассматривается эволюция правового статуса Республики Дагестан в 1991–2003 гг. как пример синтеза общероссийских тенденций федеративного строительства с региональной этнополитической спецификой. Особое внимание уделено уникальной модели коллегиальной исполнительной власти 1994 г. и последующей конституционной реформе 2003 г., приведшей Основной закон республики в соответствие с федеральной Конституцией.

Ключевые слова: правовой статус, Российская Федерация, Республика Дагестан, Конституция, федерализм, суверенитет, этнокультурная специфика.

Период с 1991 по 2003 гг. представляет собой важный этап в формировании современной российской государственности, характеризующийся масштабными преобразованиями конституционного строя, федеративных отношений и национальной политики. В это время системообразующую роль играла проблема правового статуса субъектов Федерации, которая во многом определяла вектор государственного строительства, включая динамику перераспределения полномочий между федеральным центром и регионами.

В данном контексте особый научный интерес представляет эволюция правового статуса Республики Дагестан. Сложившаяся здесь модель государственного устройства была уникальной в общероссийской конструкции, представляя собой попытку синтеза общероссийских

тенденций с историко-культурной и этнической спецификой региона. Исследование данной проблемы позволяет выявить как универсальные для всех субъектов Российской Федерации черты, так и особенные характеристики, обусловленные своеобразием Дагестана, что имеет существенную теоретическую и практическую значимость для понимания природы российского федерализма. Особая актуальность исследуемой проблемы связана еще и с тем, что «приоритетной задачей историко-правовой науки продолжает оставаться исследование и раскрытие векторов становления суверенной российской государственности как закономерного процесса единения и консолидации народов в государственно организованную идентичность» [1, с.78].

В условиях суверенизации Российской Федерации и действия так называемого «парада суверенитетов» ее субъектов в Дагестане был принят важный политико-правовой акт – Постановление «О государственном статусе Дагестанской АССР» от 13 мая 1991 г. В этом документе республика была провозглашена равноправной в составе РСФСР без заявления о собственном суверенитете. В Дагестане готовился проект Декларации о государственном суверенитете Дагестанской ССР, однако в процессе обсуждения проекта учеными были высказаны разные точки зрения относительно целесообразности провозглашения суверенного статуса республики. В последующем документ так и не был принят. 17 декабря 1991 г. была принята Декларация «О неделимости и территориальной целостности Республики Дагестан». Как отмечает М.Н. Абдуллаев, «... данный документ содержит историческую правду, связанную с политико-правовыми традициями дагестанского социума, обеспечивающими преемственность развития государственности народов Дагестана в разные эпохи и при разных политических режимах» [2, с 46].

Распад СССР в 1991 году способствовал усилению центробежных тенденций, создал угрозу территориальной целостности и для Российской Федерации. В этих условиях стабилизирующую роль сыграло подписание 31 марта 1992 года Федеративного договора. Последующее принятие Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года ознаменовало новый этап в государственно-правовом развитии страны. «Конституция стала фундаментом и инструментом сотрудничества основных политических сил, установления известного баланса всех ветвей публичной власти ...» [3, с. 17].

Основной Закон Российской Федерации 1993 года определяет правовую природу республик через диалектическое сочетание двух принципов: с одной стороны, за всеми субъектами Российской Федерации закрепляется равноправие (ч. 1, 4 ст. 5), с другой – республики

характеризуются как «государства» (ч. 2 ст. 5), что выражается в обладании ими правом принятия собственных конституций, установления государственных языков и официальной символики. Данная конструкция призвана обеспечить единство государственной власти на всей территории Федерации, одновременно предоставляя субъектам необходимую степень самостоятельности для сохранения и развития уникальной идентичности населяющих их народов.

Как справедливо отмечает М.В. Мархгейм, «...государство опосредуется совокупностью материальных (территория и население) и «абстрактных» (власть, суверенитет) признаков. При этом собственно суверенитет делает государство государством, а претензия на суверенитет опосредует возникновение нового» [4, с. 41]. Соответственно, конституционное наименование республик «государствами» не предполагает признания за ними суверенитета. Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 7 июня 2000 г. № 10-П, «суверенитет Российской Федерации ... не допускает суверенитета ни республик, ни иных субъектов Российской Федерации» [5]. Термин «государство» в данном контексте отражает исторические и национальные особенности статуса этих субъектов, но не наделяет их суверенными правами, включая право сепарации. Следует отметить, что «Государственное устройство РФ с увеличением числа субъектов Федерации качественно не изменяется, расширяется лишь перечень субъектов, имеющийся в ст. 65 Конституции РФ» [6, с. 12].

Вслед за Конституцией Российской Федерации 1993 г. в Дагестане была принята новая Конституция республики. 26 июля 1994 г. Конституционным Собранием республики было принято Постановление «О Конституции Республики Дагестан», в котором говорилось: «Принять Конституцию Республики Дагестан. Ввести ее в действие с момента опубликования» [7, л. 4]. В соответствии с Основным Законом 1994 г. государственная власть в республике осуществлялась Народным Собранием, Правительством, Государственным Советом и судами Республики Дагестан. Конституция Дагестана закрепила специфическую модель организации государственной власти, существенно отличавшуюся от типовой схемы, характерной для субъектов Российской Федерации. Наиболее значимым отличием стало создание коллегиального высшего исполнительного органа — Государственного Совета Республики Дагестан, состоявшего из 14 человек. Его формирование осуществлялось не посредством прямых всенародных выборов, а путём избрания Конституционным Собранием Республики Дагестан с учетом многонационального состава населения республики. Этот

уникальный для российской практики механизм был призван поддерживать межнациональный баланс и политическую стабильность в полиэтническом регионе.

Следует отметить, что Основной Закон Дагестана 1994 года содержал положения, вступившие в противоречие с федеральной Конституцией. В частности, республика провозглашалась «суверенным государством в составе Российской Федерации» (ст. 1), а ее правовые акты объявлялись обладающими верховенством на ее территории (ст. 1, 4). Эти нормы противоречили принципам верховенства федерального права и государственной целостности России.

Начиная с 2000 г., в России принимаются законы, направленные на обеспечение верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов, обеспечение единого правового пространства страны. Важным направлением данной реформы стала унификация регионального законодательства, потребовавшая внесения определенных корректив в законодательство субъектов Российской Федерации. В рамках общегосударственной политики в Республике Дагестан была проведена конституционно-правовая реформа, в результате которой 10 июля 2003 г. была принята новая Конституция Республики Дагестан. Основной задачей реформы являлось приведение Основного закона республики в прямое соответствие с федеральным законодательством, что повлекло устранение существенных правовых коллизий. В частности, из текста было исключено упоминание о суверенитете, а республика определена как «единое демократическое правовое государство в составе Российской Федерации» (ст. 1). Таким образом, новая Конституция республики, развивая принципы Основного закона 1994 года, была согласована с базовыми положениями Конституции России.

Наиболее принципиальным изменением стала ликвидация уникальной модели коллегиального управления и учреждение единоличной должности Президента Республики Дагестан, что привело организацию органов государственной власти в субъекте в соответствие с общими принципами, установленными на федеральном уровне. Проведенная реформа стала значимым этапом в интеграции региональной правовой системы в общероссийское правовое пространство, обеспечив конституционно-правовое единство государства.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что развитие правового статуса Республики Дагестан в 1991–2003 гг. представляет собой динамичный процесс, отразивший общие тенденции и специфические особенности становления российского федерализма. Конституция Дагестана

1994 г. закрепила новый этап в развитии правового статуса республики, зафиксировала принципиально новую модель организации публичной власти, основанную на концепции единой многонациональной государственности. Основным закон являлся свидетельством исторического выбора дагестанского народа к сохранению единого Дагестана в составе Российской Федерации.

Реформирование федеративных отношений в Российской Федерации, осуществленное в начале 2000-х годов, способствовало совершенствованию правового статуса Республики Дагестан, построению системы органов государственной власти в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами, установленными федеральным законодательством. Сформированный к 2003 году правовой статус республики, сохранивший элементы учёта историко-культурной специфики, заложил фундамент для дальнейшего развития Дагестана как неотъемлемой части Российской Федерации, обеспечив баланс между региональными особенностями и задачами сохранения национального единства.

Список цитируемой литературы

1. Тонков Е.Е., Абдуллаев М.Н. Преемственность государственности: сущность явления в историко-правовом ракурсе // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2024. № 1 (56). С. 77-84.
2. Абдуллаев М.Н. К проблеме понимания государственности республики – субъекта Федерации в российской юридической науке (на примере Республики Дагестан) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 2. С. 43-48.
3. Витрук Н.В. Верность Конституции. 2-е изд. М.: РГУП, 2016. 272 с.
4. Мархгейм М.В. Доктринальные и конституционные траектории государственного суверенитета // Публичные механизмы обеспечения государственного суверенитета: юридические императивы и практика: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной Дню России. Белгород, 2014. С. 41-47.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». URL: <https://constitution.garant.ru/act/federative/12119810/> (дата обращения: 10.11.2025).

6. Бабурин С.Н. Государственное устройство России: уметь на опыте прошлого моделировать будущее // История государства и права. 2024. № 10. С. 8-15.

7. ЦГА РД Ф. 352-р. Оп. 61. Д 1. Л. 4.

Цеплина Таисия Дмитриевна

аспирант кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

(Туапсе, Россия)

Научный руководитель

Мархгейм Марина Васильевна

заведующий кафедрой конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук, профессор

(Белгород, Россия)

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПУБЛИЧНЫХ ОРГАНОВ: ПОНЯТИЙНЫЕ ТРАКТОВКИ И СОПРЯЖЕНИЯ

Аннотация. На основе словарных и научных источников, конституционных и конституционно-судебных положений рассмотрены понятийные трактовки и сопряжения, характеризующие самостоятельность публичных органов. Сделан вывод, что качество/способность/атрибут самостоятельности принадлежит не только теми публичным органам, которые относятся к законодательной, исполнительной и судебной власти. Самостоятельность присуща иным органы публичной власти, что проиллюстрировано на примере конституционных норм.

Ключевые слова: самостоятельность, независимость, органы публичной власти, государство, суверенитет

Конституционными поправками 2020 г. текст основного закона России пополнился рядом новых положений, в ряду которых особое место, на наш взгляд, занимает термин «публичная власть». Он использовался и до конституирования, характеризуя совокупность органов разных уровней власти.

Предваряя исследование самостоятельности публичных органов, приведем общий тезис о том, что «предусмотренная Конституцией нашей страны функциональная и организационная определенность публичной

власти изначально установлена в диапазоне основ конституционного строя России. Это означает, что ни одна из трех функциональных ветвей государственной власти не может отсутствовать, что предусмотренные для реализации государственной власти органы должны быть учреждены, что федеральные органы государственной власти имеют конкретные конституционные наименования. Исключение составляют судебные органы: в основах конституционного строя они названы общо – суды» [1, с. 251].

Возвращаясь к термину «публичная власть», отметим, что в структуре Конституции России он в первый раз употреблен в дополненной редакции ч. 1 ст. 67 в связи с федеральными территориями, создаваемыми на основе федерального закона. Указанным актом на федеральных территориях устанавливается «организация публичной власти». Следующим шагом конституирования «организации публичной власти» стало определение этого в качестве предмета ведения Российской Федерации (п. «г» ст. 71).

Далее в конституционном тексте публичная власть представлена как «единая система», в которую входят органы. Обеспечение их согласованного функционирования и взаимодействия отнесено к полномочиям Президента России (ч. 2 ст. 80). Именно в этих целях глава Российского государства формирует Государственный Совет Российской Федерации (п. «е5» ст. 83).

Помимо указанного, как следует из ч. 3 конституционной ст. 131 федеральным законом могут устанавливаться «особенности осуществления» публичной власти на ряде территорий: «городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на других территориях».

Термином «единая система публичной власти» через взаимодействие в интересах населения конституционно объединены «органы местного самоуправления и органы государственной власти» (ч. 3 ст. 132).

Следовательно, публичная власть в самом общем виде конституционно представлена как единая система функционирующих и взаимодействующих органов.

Сами органы публичной власти также имеют собственные конституционные характеристики в связи с уровнем власти (например, органы государственной власти Российской Федерации и органы государственной власти субъектов Российской Федерации (ч. 3 ст. 5), федеральные органы государственной власти (ч. 4 ст. 5), органы государственной власти и органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 32)), отсутствием/наличием властных начал (например, государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 3), выполняемыми функциями (например, законодательный (представительный) орган субъекта Российской

Федерации (ч. 2 ст. 66), органы законодательной, исполнительной и судебной власти (п. «г» ст. 71), исполнительный орган государственной власти (п. «а» ч. 2 ст. 95)).

Применительно к ряду публичных органов конституционно использована такая характеристика, как самостоятельность. В частности, определены в качестве самостоятельных «органы законодательной, исполнительной и судебной власти» (ст. 10) и органы местного самоуправления (ст. 132).

Помимо публичных органов свойством самостоятельности конституционно наделено «местное самоуправление» (ст. 12), субъекты Российской Федерации (ч. 1 ст. 77), население (ч. 1 ст. 130, ч. 1 ст. 131).

Возвращаясь к такой конституционной черте органов власти, как самостоятельность, отметим явную неопределенность в ответе на вопрос, а все ли органы публичной власти являются самостоятельными или только органы трех функциональных ветвей?

Одним из верных подходов получить ответ на этот вопрос считаем анализ понятия «самостоятельность» с последующей оценкой его связанности с тем или иным органом публичной власти.

Прежде всего обратимся к словарным источникам. Толковый словарь дает пояснения двух однокоренных понятий – «самостоятельность» и «самостоятельный». Первое толкуется как «...2. Независимость, свобода от внешних влияний, принуждений, от посторонней поддержки, помощи. ...|| Способность к независимым действиям, суждениям, обладание инициативой, решительность...»; второе – как «... 1. Существующий отдельно от других, сам собою, независимый.... 2. Независимый от другого, главный (грам.) ... 3. Решительный, способный на независимые действия, обладающий инициативой... 4. Свободный от посторонних влияний, помощи, добытый личными творческими усилиями; оригинальный (книж.) ...» [2, с. 139].

Анализ приведенных словарных толкований применительно к органам публичной власти позволяет обозначить подходящие для них варианты. Так, самостоятельность таких органов можно понимать как «способность к независимым действиям» с уточнением, что в рамках соответствующих функций и установленных полномочий. Например, согласно ч. 2 ст. 75 Конституции России «Защита и обеспечение устойчивости рубля – основная функция Центрального банка Российской Федерации, которую он осуществляет независимо от других органов государственной власти». Следовательно, это можно считать одним из доказательств, что самостоятельностью обладают не только публичные

органы классической функциональной принадлежности к законодательной, исполнительной и судебной власти.

Вариант определения слов «самостоятельный» и «независимый» в качестве синонимов весьма распространен. Однако применительно к публичным органам это не вполне точно. Самостоятельными в конституционном тексте, как мы уже отмечали, определены «органы законодательной, исполнительной и судебной власти», а независимым «от других органов государственной власти» назван Центральный Банк в реализации своей исключительной функции «защиты и обеспечения устойчивости рубля». Независимыми конституированы судьи (ч. 1 ст. 120) и правосудие (ст. 124) в общем контексте организации и функционирования судебной власти России.

Отметим, что в Конституции России независимость как принципиальное состояние отнесено к Российскому государству. Так, Президент России «... принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности...» (ч. 2 ст. 80), в своей присяге клянется «защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства...» (ч. 1 ст. 82), формирует Совет Безопасности для содействия в охране суверенитета Российской Федерации, «ее независимости и государственной целостности» (п. «ж» ст. 83). Из приведенных конституционных положений закономерно вывод об общем сопряжении независимости и самостоятельности с суверенитетом. В этой связи представляется наиболее интересной трактовка суверенитета государства как, «его полновластие, независимость от какой-либо другой власти, самостоятельность в решении внутренних и внешних дел. Только государство издает предписания, обязательные для всего населения страны, только оно является официальным, юридически признанным представителем всего общества. Если государство суверенно, то уже никакие другие органы не осуществляют власть от имени всего населения страны как внутри, так и за ее пределами» [3, с. 268].

Способность принимать «ответственные самостоятельные решения», по мнению П.А. Оля, подтверждает существование суверенной власти [4, с. 150].

Результатом фактической реализации юридического суверенитета, по словам Н.В. Омелёхиной, являются «принимаемые правовые акты, регулирующие отношения в той или иной сфере, самостоятельное и независимое определение их содержания, их принятие» [5, с. 25].

Есть подходы, определяющие самостоятельность через независимость, и наоборот. Так, по мнению А.Я. Капустина, «Независимость

государственной власти вовне, ... означает самостоятельность государства, способность свободного и независимого существования и развития среди других народов и государств» [6, с. 101]. Обратим внимание, что автором независимость связывается с государственной властью, а самостоятельность с государством.

Другим проявлением самостоятельности названа способность к «суждениям». Полагаем, что это качество соотносимо с публичными органами. Например, по Конституции России Президент, не отнесенный непосредственно ни к одной функциональной ветви, согласно ч. 3 ст. 80 «... определяет основные направления внутренней и внешней политики государства».

Еще самостоятельность связывается с «обладанием инициативой». Это вполне приложимо к органам публичной власти. Так, в ч. 1 ст. 104 Конституции России установлено, что правом законодательной инициативы в полной мере обладают не только Совет Федерации и Правительство Российской Федерации, представляющие законодательную и исполнительную функциональные ветви федеральной государственной власти, но и федеральные парламентарии – сенаторы Российской Федерации и депутаты Государственной Думы.

К признакам самостоятельности отнесена и «решительность», которая, как представляется необходимо органам публичной власти. В качестве конституционного примера такого выражения самостоятельности может выступать положение ч. 2 ст. 80, согласно которой Президент России «...принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности...».

Следовательно, самостоятельность публичных органов может определяться через их функциональное поле, полномочия, способность наряду с императивными (предписанными) действиями осуществлять и диспозитивные (инициативные). Качество решимости в ряду синонимов имеет способность «принимать решения», «на независимые действия», что в полной мере соотносится с атрибутами органа публичной власти.

Разбор подходов к пониманию слова «самостоятельный» применительно к органам публичной власти дает основания следующих рассуждений. Версия понимания слова «самостоятельный» как «существующий отдельно от других» в полной мере относится к публичным органам. С одной стороны, организационная обособленность есть признак органа публичной власти, с другой – на это указывают и конституционные положения. В частности, это положение ст. 12, согласно которой «Органы

местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти».

Словарную версию слова «самостоятельный» как «сам собою», полагаем, нельзя применить к органам публичной власти, поскольку согласно ч. 2 ст. 80 Конституции они являются составной частью «единой системы публичной власти».

Вариант объяснения слова «самостоятельный» через «независимый», «независимый от другого» мы рассмотрели несколько ранее во взаимосвязи с суверенитетом. Здесь полагаем уместным и значимым привести позицию Конституционного Суда Российской Федерации, означенной им в Определении от 27 июня 2000 № 92-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан». В нем сказано, что «Суверенитет, предполагающий, по смыслу статей 3, 4, 5, 67 и 79 Конституции Российской Федерации, верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус». В данной позиции самостоятельность сопряжена только с государственной властью, а независимость и с государственной властью, и с государством.

В научном плане в контексте характеристики государственного суверенитета как такого «индивидуального в государстве», которое позволяет ему выступать «в качестве самостоятельного субъекта международных отношений» [7, с. 71], «самостоятельность» относится к государству. Суверенитет определяется и как «политико-правовая форма выражения обособленности и самостоятельности государства как субъекта национального и международного права [8, с. 24].

Качество «самостоятельный», интерпретируемое как «свободный от посторонних влияний», на наш взгляд, больше соответствует характеристике государства, нежели органа публичной власти. Органы публичной власти, во-первых, включены в единую систему, поэтому они не могут быть «посторонними» по отношению друг к другу; во-вторых, в силу своих функций и полномочий в императивном порядке взаимодействуют между собой, в том числе вырабатывая и оформляя решения.

Применительно к государству отметим, что в условиях глобализации оно также не может быть свободно от посторонних влияний. Согласно с выводом, что «следствием процессов глобализации является противоречие между нарастающей экономической и политической взаимозависимостью стран и народов с одной стороны и сохранением за государством права самостоятельно

и по своему усмотрению решать собственные проблемы с другой» [9, с. 53]. Исследуя новые угрозы и вызовы, которые несет государственному суверенитету глобализация, С.И. Носов отмечал, что в условиях иностранного влияния «оказывается прямое (явное или скрытое) воздействие на внешний и внутренний аспекты правового суверенитета. Ввиду того, что правовой суверенитет является неотъемлемой частью государственного суверенитета, негативное воздействие оказывается на государственный суверенитет – на возможность органов государственной власти страны осуществлять самостоятельное, без влияния извне, нормативно-правовое регулирование всех сторон жизни в государстве [10, с. 109].

Таким образом, по итогам проведенного исследования словарных и научных подходов, конституционных и конституционно-судебных положений, касающихся самостоятельности органов публичной власти в различных контекстах и сопряжениях, есть основания для общего вывода, что это качество/способность/атрибут связано не только с публичными органами, включенными в классическую функциональную триаду, как это прямо установлено конституционно. Самостоятельностью в ее различных проявлениях обладают и иные органы публичной власти, включая разные ее уровни.

Список цитируемой литературы

1. Мархгейм М.В., Бойченко Е.М. Конституционные критерии эффективности публичной власти в России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11 (239). С. 248-251.
2. Толковый словарь русского языка. В 3 т. Том 2. Н – П / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: Вече, Мир книги, 2001. 688 с.
3. Тен А.В. Юрисдикция государства и государственный суверенитет в условиях глобализации // Наука и новые технологии. 2008. № 7-8. С. 267-272.
4. Оль П.А. Суверенитет государства и суверенность правовой системы Российской Федерации: векторы неизбежных изменений // Теория государства и права. 2024. № 4 (41). С. 150-170.

5. Омелёхина Н.В. Финансовый суверенитет государства: проблемы актуального правового контента // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 8 (177). С. 19-32.
6. Капустин А.Я. Суверенитет государства в киберпространстве: международно-правовое измерение // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 6. С. 99-108.
7. Михайлик А.Г., Колокольников В.А. Экономический суверенитет государства как базисная основа международной правосубъектности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2003. № 4 (20). С. 69-75.
8. Бондарева Е.А. Глобализация и суверенитет государства в экономической сфере // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 23-27.
9. Комаров С.А., Царев П.А. Правовая инфильтрация норм европейской конвенции, актов ЕСПЧ и суверенитет национального государства // В сборнике: Право и политика: теоретические и практические проблемы. сборник материалов 4-й Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Рязань, 2015. С. 50-63.
10. Носов С.И. Суверенитет государства в условиях глобализации: новые угрозы и вызовы // Право и образование. 2015. № 3. С. 103-111.

Шаповалов Артем Андреевич

аспирант кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна

заведующий кафедрой конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук, профессор,

(Белгород, Россия)

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УБЕЖИЩЕ: ПРАВОЗАЩИТНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: В статье рассматриваются правозащитные аспекты политического убежища, рассматривается как комплексный инструмент в системе защиты прав человека. Также проанализирована роль неправительственных организаций в том числе правозащитных в предоставлении политического убежища, а также в защите прав лиц, ищущих убежище. Актуальность темы объясняется тем, что рост числа политических

беженцев в связи с нестабильной геополитической обстановкой в мире стремительно растет, поэтому актуальным вопросом является предоставление политического убежища, лицам, ищущим защиты от преследования на родине как защиты прав человека.

Ключевые слова: политическое убежище, права человека, правозащита, правозащитные организации.

Важным документом в области правозащиты является Всеобщая декларация прав человека 1948 года. Данный документ стал итогом совместной работы ведущих правоведов, целью которых являлась необходимость зафиксировать базовые права, подлежащие защите на государственном уровне [1, с. 14–20]. Декларация утвердила универсальный принцип, согласно которому защита прав человека является обязанностью всех государств и народов. Прежде всего это касается естественных прав человека, которые даны ему от рождения и не зависят от воли государства.

Ланг П.П. отмечает, что «если мы утверждаем, что данные права человека никак не зависят от государственного устройства и политической воли, то гарантии данных прав, их защита от каких-либо посягательств зависят именно и от того, и другого. Несправедливость принимаемых в государстве законов, действия правительств отдельно взятых государств могут идти в разрез с естественным правом человека. И не имеет значения, направлены ли действия, нарушающие права человека, на граждан внутри государства, или на граждан других государств, как не имеет значения и то, с какой целью нарушаются эти права» [1, с. 14–20].

Одним из способов защиты прав человека является предоставление политического убежища. Политическое убежище – предоставление возможности защиты на территории иностранного государства лицу, покинувшему по политическим мотивам родину.

Основополагающая цель предоставления политического убежища – защита лиц, покинувших свою страну из-за преследований со стороны своего государства. Основаниями преследования со стороны государства являются политические взгляды, также к ним можно отнести расу человека, национальность, его религию, принадлежность к определенной социальной группе, хотя эти основания чаще ассоциируются со статусом беженца, они также могут быть связаны с политическими мотивами, когда преследования ведутся именно из-за наличия у человека этих признаков в контексте политической ситуации в стране.

Политическое убежище является неотъемлемой частью и одним из ключевых инструментов международной системы защиты прав человека, а

деятельность по его обеспечению – одним из основных направлений правозащитной деятельности. Как инструмент правозащиты политическое убежище обеспечивает право на жизнь и личную неприкосновенность, является гарантией того, что лицо не будет возвращено в страну, где ему грозят пытки или бесчеловечное обращение (принцип *non-refoulement*), также обеспечивает право на справедливое судебное разбирательство и защиту, так как в некоторых странах часто отсутствует независимая судебная система, а убежище дает возможность обратиться за защитой в рамках правовой системы страны, предоставляющей убежище.

Согласно статье 3 Всеобщей декларации прав человека «каждый человек имеет право на жизнь и личную неприкосновенность», когда лицо подвергается преследованию по политическим мотивам в своей стране, оно может столкнуться с угрозой жизни, пытками, что нарушает положение данной статьи Всеобщей декларации прав человека [2]. В таких случаях право искать убежище становится инструментом защиты права на жизнь. Одной из форм защиты прав является самозащита. В широком смысле право искать убежище можно трактовать как форму самозащиты — когда человек, оказавшись под угрозой преследования за свои политические убеждения, принимает решение покинуть страну и искать защиту за рубежом.

Право искать убежище закреплено во Всеобщей декларации прав человека, в статье 14 говорится о том, что «каждый человек имеет право искать и пользоваться убежищем от преследования в других странах» [2]. Существуют разные правовые режимы и виды защиты, которые могут выполнять функции политического убежища в зависимости от обстоятельств. В современном международном праве различают три вида политических убежищ, территориальное, экстерриториальное (дипломатическое), нейтральное [3 с. 139–142.]. Под территориальным понимается убежище на территории иностранного государства, предоставляемое человеку по причине преследования со стороны его государства по политическим мотивам. В отличие от территориального убежища, дипломатическое убежище предоставляется на территории дипломатических представительств, консульствах, а также на военных кораблях. В независимости от вида убежища во всех случаях целью предоставления является обеспечение защиты лиц, подвергающихся преследованию.

Одним из наиболее важных правозащитных принципов, связанных с политическим убежищем, является принцип *non-refoulement* (принцип невыдворения). Согласно данному принципу, государство не может высылать или вернуть лицо в страну, где ему угрожают преследование, пытки, лишение свободы или угроза жизни по политическим мотивам. Это

один из наиболее важных правозащитных принципов, тесно связанный с правом беженцев, а также широко применяется к лицам, ищущим политическое убежище, даже если формально они не подпадают под определение беженца. Соблюдение принципа невыдворения отражает приверженность государств общечеловеческим ценностям.

Дрёге К. в своей статье пишет: «принцип невыдворения является также принципом международного права прав человека. В соответствии с этим сводом правовых норм права человека могут стать препятствием для любой передачи другому государству, независимо от того, как она представлена официально» [4, с. 259–303]. И в действительности данный принцип закреплён во многих международных декларациях и конвенциях, например, в Конвенции ООН о статусе беженцев, Конвенции против пыток, Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений и статье 19 Хартии основных прав Европейского союза. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) играет важную роль в укреплении этого принципа, а судебная практика Европейского суда по правам человека существенно влияет на его применение [5]. Данный принцип отражён и в статье 33 Конвенции о статусе беженцев, согласно которой «государства не будут никоим образом высылать или возвращать беженцев на границу страны, где их жизни или свободе угрожает опасность» [6].

Также принцип невыдворения применяется и в случае осуществления несправедливого судебного процесса. Так беженец или лицо ищущее убежище не может быть выслано из страны, в случае если на родине им грозит лишение жизни посредством применения смертной казни в результате несправедливого судебного процесса [4, с. 259–303]. Таким образом, целью принципа невыдворения является гарантия что никто не будет вынужден вернуться туда, где его свобода, безопасность и жизнь окажутся под угрозой.

Кроме того, стоит отметить, что политическое убежище обеспечивает право свободы мысли и слова. Во многих странах люди сталкиваются с преследованиями именно за выражение своих политических взглядов, критику власти или распространение информации. Эти действия напрямую затрагивают права на свободу мысли и слова. Предоставление политического убежища становится механизмом защиты данных прав и создаёт безопасное пространство для их реализации

Неправительственные организации играют большую роль в защите лиц, обращающихся за политическим убежищем, выступая в качестве посредников между просителями убежища и государственными структурами, а также как гарант соблюдения международных правовых норм. К таким

неправительственным организациям можно отнести Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, «Хьюман Райтс Вотч» (Надзор за правами человека), Комитет «Гражданское содействие» и др.

Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) ответственно за соблюдение прав беженцев и лиц, ищущих убежище, оказывает техническую и правовую помощь государствам, осуществляет контроль за исполнением обязательств по международному праву в отношении беженцев [7]. Это включает мониторинг процедур предоставления убежища и оценку их соответствия международным стандартам. УВКБ ООН предоставляет государствам актуальную, объективную информацию о ситуации с правами человека и политической обстановкой в странах происхождения просителей убежища.

Неправительственная организация «Хьюман Райтс Вотч» расследует случаи преследований, оказывает содействия по предоставлению убежища политическим заключённым и активистам. Наумов А.О. отмечает, что «В «Хьюман Райтс Вотч» разработана комплексная программа по защите прав беженцев. Организация реагирует на чрезвычайные ситуации, в ходе которых государства блокируют им доступ к убежищу, лишают права на справедливое рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища и принудительно возвращают людей в места, где их жизни или свободе угрожает опасность. В рамках направления «Мигранты» «Хьюман Райтс Вотч» расследует нарушения прав этой группы граждан, в том числе в случаях, когда страны пытаются задерживать мигрантов, беженцев и просителей убежища на своих границах, помещая их в центры содержания под стражей» [8, с. 47–57.].

В России данную деятельность осуществляет «Комитет «Гражданское содействие». Степанов А.В. говорит о том, что «проект «Помощь беженцам и людям без гражданства» включает в себя проведение консультаций по всем интересующим беженцев и мигрантов вопросам, сопровождение их в официальные и медицинские учреждения, оформление обращений в интересах мигрантов в различные инстанции, помощь в обжаловании отказов в предоставлении убежища или гражданства, обеспечение защиты от выдворения или депортации в страну, где человеку угрожает опасность» [9, с. 161–173.].

Таким образом можно сделать вывод о том, что политическое убежище является важным инструментом в механизме защиты прав и свобод человека, гарантируя защиту от преследования и обеспечивая защиту жизни, осуществления справедливого судебного разбирательства, а также и иных прав человека. Государство, предоставляющее убежище, демонстрирует

свою приверженность международным правозащитным стандартам. Неправительственные организации в свою очередь также имеют большое значение для защиты прав человека, в том числе для лиц, ищущих убежище, выступая гарантом в защите их прав.

Список цитируемой литературы

1. Ланг П.П. Правозащитная деятельность: правовые и морально-нравственные аспекты // Юридический вестник Самарского университета. 2021. № 2. С. 14–20.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
3. Ларина Л.А. Классификация видов убежища в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2021. № 5. С. 139–142.
4. Дрёге К. Передача задержанных лиц: юридические основания, принцип невыдворения (non-refoulement) и современные вызовы // Международный журнал Красного Креста. 2008. № 871. С. 259–303.
5. Принцип невысылки и Европейский суд по правам человека: как судебная практика влияет на защиту беженцев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://legin.info/activity/mgr/40>
6. Конвенция о статусе беженцев (принята 28 июля 1951 года Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml
7. Основные понятия права в области предоставления убежища / Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/rossia-mezdunarodnoe-gumanitarnoe-sotrudnicestvo/1687251/
8. Наумов А.О. Роль глобальных правозащитных НПО в мировой политике (на примере деятельности организации «Хьюман Райтс Вотч») // Международные отношения. 2021. № 1. С. 47–57.
9. Степанов А.В. роль и значение общественных организаций (иных институтов гражданского общества) в обеспечении миграционной безопасности российской федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 3. С. 161–173.

Бершадская Алина Алексеевна

студент Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Комнатная Юлия Александровна

доцент кафедры административного права и процесса

Юридического института НИУ «БелГУ»

кандидат юридических наук

(Белгород, Россия)

**ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ
КАК УГРОЗА ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ:
НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Аннотация. В статье рассматриваются информационно-психологические операции как фактор дестабилизации духовной безопасности Российской Федерации. На основе анализа нормативных положений, концептуальных подходов и эмпирических данных из современных исследований выявлены формы воздействия на индивидуальное и массовое сознание, а также обозначены пробелы в действующих механизмах административно-правового регулирования. Обосновывается необходимость расширения перечня обязанностей субъектов информационного пространства, совершенствования процедур ограничения деструктивного цифрового контента и повышения эффективности государственной политики в сфере защиты духовных ценностей. Делается вывод о том, что устойчивость российского общества во многом зависит от способности правовой системы своевременно реагировать на новые формы информационно-психологического воздействия.

Ключевые слова: информационно-психологические операции, духовная безопасность, деструктивное воздействие, административно-правовое регулирование, информационная сфера, цифровые угрозы.

Современное международное соперничество формирует условия, при которых информационно-психологические операции становятся одним из ключевых инструментов скрытого воздействия на общественное сознание. Информационные войны XXI века развиваются как войны смыслов, направленные на разрушение культурных кодов, трансформацию мировоззренческих установок и создание альтернативных, искусственно сконструированных ценностных моделей, ориентированных на подрыв

ментальной устойчивости российского общества [1]. Их объектом становится не инфраструктура, а психика человека, его способность к критическому восприятию мира и устойчивость к внешнему давлению. В условиях такой трансформации духовная безопасность выступает ключевым компонентом национальной безопасности, так как она обеспечивает сохранение культурно-цивилизационной идентичности, исторической памяти, традиционных духовно-нравственных ценностей и социальных норм [2]. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 года № 646 [3], фиксирует необходимость нейтрализации информационно-психологического воздействия, направленного на разрушение этих основ [4].

Угрозы духовной безопасности проявляются в первую очередь через внедрение и тиражирование ценностных установок, противоречащих культурно-историческим традициям российского общества. Наиболее распространённые формы деструктивного воздействия включают:

- продвижение установок, разрушающих традиционные культурные и моральные ориентиры [5];
- культивирование индивидуализма, вседозволенности и индивидуалистических моделей поведения, подрывающих социальную солидарность;
- распространение девиантных и аморальных моделей поведения в качестве социально приемлемых;
- отрицание патриотических ценностей и снижение уровня национальной идентичности;
- навязывание гедонистических и асоциальных эталонов, направленных на разрушение традиционных форм самореализации;
- идеологическое давление со стороны зарубежных культурно-политических центров, стремящихся изменить мировоззренческие основания российского общества [6].

Опасность перечисленных угроз усиливается тем, что они затрагивают ментальные и аксиологические структуры личности. Именно эти структуры формируют экзистенциальный фундамент общества – представления о добре и зле, справедливости, долге и ответственности, значимости традиций, ценности семьи и Родины. Воздействие, направленное на разрушение этих оснований, приводит к деформации духовно-нравственной картины мира и подрывает устойчивость общества. Особую уязвимость демонстрирует молодёжь, поскольку её ценностная система ещё не обладает устойчивостью. Через цифровые медиа распространяются субкультурные нормы, связанные с насилием, саморазрушением, криминальной романтикой, что усиливает риск формирования асоциальных моделей поведения и искажения представлений о социально приемлемых формах жизни.

Информационно-психологическое воздействие, по сути, направлено на разрушение когнитивных структур и искажение восприятия окружающей действительности. Психолог А.И. Юрьев подчёркивал: «в информационной войне задействуются разноплановые методики, в результате чего в свою противоположность начинают обращаться все создававшиеся прежде людьми микро- и макро-информационные конструкции... противопоставляют: объективности информации – фальсифицирующую, ясности – дезинформацию, конкретности – дезорганизирующую...» [1]. Эта мысль показывает, что деструктивное воздействие способно разрушать связи между смысловыми компонентами восприятия, создавая эффект когнитивного тумана, при котором человек теряет способность отличать истину от псевдоистины.

Понимание природы этих процессов требует обращения к социально-философским основаниям. Н.В. Витрук отмечал: «Общество представляет собой своего рода целостный социальный организм, отличающийся определённой степенью организованности, упорядоченности, урегулированности общественных отношений» [7]. Подрыв духовно-нравственных структур ведёт к нарушению этой упорядоченности, что создает условия для дезинтеграции общественных связей. Именно поэтому информационно-психологические операции, направленные на разрушение ценностных оснований, оказывают столь глубокое воздействие на социальную стабильность.

Важную роль играет и категория социальной ответственности, которую Витрук рассматривал как ключевой механизм регулирования поведения личности. Он писал: «Взаимоотношения между субъектами общественных отношений и обществом с точки зрения сознательного осуществления предъявляемых к ним взаимных требований через социальные нормы находят выражение в категории социальной ответственности. Социальная ответственность выполняет важную функцию регулятора общественных отношений, контроля поведения людей» [7]. Под влиянием информационно-психологических операций социальная ответственность ослабевает, что проявляется в росте правового нигилизма, распространении асоциальных моделей поведения и подрыве общих норм.

Рассмотренные угрозы актуализируют вопрос о нормативно-правовом обеспечении защиты духовной безопасности. Несмотря на наличие базовых документов, таких как Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [8] и Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,

законодательная база в части регулирования информационно-психологических воздействий остаётся фрагментарной [9]. Нормы не включают понятий «информационно-психологическая безопасность» и «информационно-психологическое воздействие», что затрудняет правоприменение. Единственная попытка нормативного закрепления предпринята в проекте федерального закона «Об информационно-психологической безопасности» (авторы – В.Н. Лопатин, А.И. Александров, П.Т. Бурдуков и др.), однако проект не был принят [10]. Причины заключались в слабой научной обоснованности документа, отсутствии ясных механизмов регулирования, необходимости создания дополнительного государственного органа, финансовых издержках и рисках чрезмерного ограничения свобод граждан, что вызвало отсутствие поддержки законодателей.

В этих условиях доминирующая «охранно-защитная модель» регулирования ориентирована на реактивное устранение последствий: блокировку информации, привлечение нарушителей к ответственности, защиту технических систем и инфраструктуры. Однако такой подход недостаточен, поскольку он не затрагивает ценностные основания и не формирует устойчивость общества к скрытым, латентным формам воздействия. Для эффективного противодействия требуется переход к «превентивно-культурной модели», основанной на формировании внутренней устойчивости личности и общества [1]. Она направлена не на борьбу с последствиями, а на укрепление культурных норм, развитие критического мышления, повышение информационной грамотности и формирование информационного иммунитета. Такой подход соответствует стратегии утверждения и укрепления духовно-нравственных основ, а не только защите от угроз.

Важным условием эффективности правового регулирования является, по Витруку, опора на демократические институты. Он подчёркивал: «Правовой характер юридической ответственности в демократическом обществе и государстве. Условиями формирования и функционирования современного правового государства служат гражданское общество с социально ориентированной рыночной экономикой и адекватная политическая форма – демократическая форма» [7]. Эта мысль подчеркивает, что развитие механизмов защиты духовной безопасности должно основываться на балансе прав, обязанностей и свобод, а правовые инструменты – на демократических принципах и устойчивой системе социальных норм.

Итоги проведённого анализа позволяют утверждать, что

информационно-психологические операции формируют многоуровневую и трудно-фиксируемую угрозу духовной безопасности России, поскольку воздействуют не только на когнитивную сферу личности, но и на ценностно-нормативные основания, определяющие устойчивость общественной системы. В этих условиях усиливается необходимость разработки целостной модели обеспечения духовной безопасности, учитывающей комплекс факторов – от индивидуально-психологических до социально-правовых.

Такой подход предполагает выделение нескольких взаимосвязанных уровней, каждый из которых играет самостоятельную, но комплементарную роль в предотвращении деструктивного воздействия.

Ключевыми элементами модели могут выступать:

- психологический уровень – формирование информационного иммунитета личности, развитие критического мышления, устойчивости к манипулятивным стратегиям и цифровым когнитивным искажениям;

- морально-ценностный уровень – укрепление традиционных духовно-нравственных норм, поддержка позитивных культурных образцов, реконструкция социальных идеалов, обеспечивающих идентичность и преемственность;

- социальный уровень – укрепление институтов социализации, формирование практик ответственного общественного поведения, повышение роли семьи, образования, культуры и социально значимых общностей;

- правовой уровень – создание нормативной базы, позволяющей идентифицировать и пресекать информационно-психологическое воздействие, совершенствование административно-правовых механизмов, обеспечение баланса между защитой и сохранением демократических принципов.

Такая многоуровневая конструкция позволяет объединить превентивно-культурный и административно-правовой подходы, обеспечивая противодействие как видимым, так и скрытым угрозам. Она ориентирована не только на устранение последствий информационно-психологических операций, но и на повышение жизнестойкости общества, укрепление его внутренних ценностных оснований и развитие стратегической коммуникации, способной нейтрализовать манипулятивные влияния.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и усложнения информационного воздействия предложенная модель демонстрирует необходимость перехода к системному, междисциплинарному и профилактическому пониманию духовной безопасности. Только интеграция психологических, моральных, социальных и правовых механизмов способна сформировать устойчивую основу,

обеспечивающую сохранение духовно-нравственных ориентиров российского общества и предотвращение дестабилизации ценностно-мировоззренческого пространства.

Список цитируемой литературы

1. Поздняков В.М. О разработке современной модели обеспечения информационно-психологической безопасности // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1, № 1. С. 44–58.
2. Гуманитарное знание и духовная безопасность : сборник материалов VIII Международной научно-исследовательской конференции (г. Грозный, 10–11 декабря 2021 г.). – Махачкала : ЧГПУ, АЛЕФ, 2021. – 358 с.
3. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ (дата обращения: 25.11.2025).
4. Митин А.Н., Паршуков М.И. Общечеловеческие, традиционные российские духовно-нравственные ценности в системе обеспечения информационной безопасности Российской Федерации // Право и управление. XXI век. – 2024. – Т. 20, № 1. – С. 24–43.
5. Чудинов С. И. Гуманитарные аспекты информационной безопасности : учеб. пособие / С. И. Чудинов. – Новосибирск : СГУГиТ, 2021. – 44 с.
6. Смирнов А. А. Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации : Монография. – СПб. : Издательство «Русь», 2022. – 272 с.
7. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности : монография. – М. : Изд-во РАП, 2008. – 304 с.
8. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ : [электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 25.11.2025).
9. Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения: 25.11.2025).
10. Проект Федерального закона № 99114515-2 «Об информационно-психологической безопасности» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=42883#W3kXa3VqEnuWOEDr> (дата обращения: 25.11.2025).

Борисова Валерия Евгеньевна,
студентка Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АРГУМЕНТЫ «ЗА» И «ПРОТИВ»

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме кодификации избирательного законодательства Российской Федерации. В работе приведены аргументы в пользу необходимости разработки Избирательного кодекса Российской Федерации как инструмента унификации и систематизации разрозненных норм, регулирующих избирательный процесс; осуществлён анализ проблемы современного состояния избирательного законодательства, включая наличие правовых коллизий, пробелов и сложностей правоприменения. Особое внимание уделено практическим рискам реализации проекта – неизбежным правовым коллизиям и пробелам, возникающим при консолидации разноуровневых нормативных актов, которые могут привести к правовой неопределённости в избирательном процессе. Сделан вывод о целесообразности сохранения действующей рамочной модели регулирования, позволяющей сочетать единые стандарты с учётом региональных особенностей.

Ключевые слова: Избирательный кодекс, кодификация, избирательное право, законодательство, электоральный процесс, правовые коллизии, Белгородская область, ответственность избирателей.

В настоящий момент избирательное законодательство Российской Федерации представляет собой сложную, многоуровневую систему нормативных правовых актов, что порождает правовые коллизии, пробелы и противоречия. Так, говоря о противоречии друг другу норм разных законов, были случаи, когда положения федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и специализированных законов о выборах расходятся, и это приводит к юридическим спорам. Например, в 2024 г. Конституционный Суд

Российской Федерации рассматривал дело о проверке конституционности отдельных положений закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и закона Республики Северная Осетия – Алания «О выборах депутатов Парламента Республики Северная Осетия – Алания» [1].

Основу всей системы составляет Федеральный закон от 12 июня 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [2], который выполняет роль рамочного акта. Положения упомянутого закона детализируются в других федеральных законах, к примеру, о выборах Президента [3], депутатов Государственной Думы [4], в огромном массиве законодательства субъектов Российской Федерации, а также в муниципальных правовых актах.

Такое количество нормативных актов приводит к отсутствию единообразия в регулировании, усложняет правоприменение, а также создаёт почву для злоупотребления и затрудняет восприятие законодательства как самими участниками избирательного процесса, так и обычными гражданами. По нашему мнению, сложность и противоречивость законодательства создают возможность для «выборочного правоприменения». Недобросовестные участники процесса или административный ресурс могут использовать конкретную, неясную норму для создания искусственных препятствий для нежелательных кандидатов, например, оспаривая подписи или трактуя мелкие формальные нарушения как основание для снятия с выборов, в то время как для лояльных участников эти же нормы могут игнорироваться.

Проанализировав позиции «за», касательно принятия Избирательного кодекса, основная миссия кодекса заключалась бы в консолидации всех нормативных положений, регулирующих подготовку и проведение выборов всех уровней в едином, внутренне согласованном документе. Кодекс стал бы так называемой «Электоральной Конституцией», обеспечивающей стабильность, предсказуемость и прозрачность правил для всех участников: избирателей, кандидатов, политических партий, избирательных комиссий и наблюдателей. Унификация процедур особенно актуальна в условиях развития цифровых технологий голосования, так как создала бы единые правовые стандарты для их применения на всей территории страны, гарантируя равный уровень защиты избирательных прав граждан вне зависимости от региона их проживания. Говоря об участниках избирательного процесса, Кодекс включал бы общие положения, определял бы основные термины и понятия, положения о принципах избирательного права, системы и т.п. [5].

Тем не менее, нельзя не отметить, что целесообразность создания Избирательного кодекса подтверждается региональным опытом субъектов России. На сегодняшний день существует около 15 Избирательных кодексов регионов. К примеру, в Белгородской области с 2005 г. действует Избирательный кодекс Белгородской области. Проект закона был разработан в 1997 г., а сама инициатива получила одобрение в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Белгородская область стала одним из первых субъектов России, принявших Избирательный кодекс.

Белгородский кодекс комплексно регулирует организацию и проведение выборов в органы государственной власти области и органы местного самоуправления на её территории [6]. Его принятие позволило упорядочить региональное избирательное законодательство, сделать его более структурированным, доступным для восприятия и свободным от противоречий. Безусловно, в России были не единичные попытки принятия Избирательного кодекса. Так в 2023 г. инициатива по кодификации была выдвинута депутатом Коммунистической партии – Геннадием Зюгановым. Несмотря на положительное заключение профильного комитета по государственному строительству, дальнейшее продвижение проекта приостановилось, в том числе одна из ведущих партий в государстве, «Единая Россия», посчитала, что время кодификации ещё не пришло [7]. Предложенный кодекс состоял из общей и особенной частей, систематизирующих общие принципы избирательного процесса и конкретные процедуры выборов различных уровней власти, и был направлен на объединение разрозненных норм федерального и регионального законодательства [7].

Идея кодификации электорального права поддерживается многими политиками и экспертами. Так, Владимир Жириновский неоднократно указывал на чрезмерную объёмность и сложность действующего законодательства, затрудняющую его изучение и применение [7]. Значительный вклад в разработку этой идеи внёс известный правовед С.А. Авакьян, входивший в рабочую группу по подготовке проекта кодекса в рамках соглашения между МГУ и Российским фондом свободных выборов в 2018 г. [5].

Противники кодекса утверждают, что объединить все нормативные акты в единый, логически выстроенный документ без возникновения противоречий и потерь смысловых нюансов – титаническая задача [7]. В процессе такой «сборки» неизбежно возникнут новые юридические коллизии и пробелы, которые потом годами придётся разъяснять и устранять, создавая правовую неопределённость на нескольких избирательных циклах. По

мнению авторов, критика противников представляет собой не полное отрицание принятия единого нормативного акта, а скорее взвешенную оценку рисков, он смещает фокус с вопроса «Нужен ли кодекс» на вопрос «Какова цена его создания и как сделать её приемлемой», подчёркивая, что успех кодификации зависит от готовности правовой системы к многолетнему переходному периоду, сопровождающемуся неизбежными издержками правоприменения.

В 2014 г. в Волго-Вятском филиале Университета имени О.Е. Кутафина проходила деловая игра по избирательному праву, в ходе которой непосредственно обсуждались аргументы «против» внедрения единого кодифицированного закона. Одним из фундаментальных возражений является то, что в федеративном государстве, каким является Россия, сфера избирательного законодательства относится к совместному ведению Федерации и её субъектов. Создание единого Избирательного кодекса неминуемо приведёт к централизации этого регулирования и существенному сужению законодательных полномочий регионов, которые лишатся возможности учитывать свою специфику в отдельных аспектах избирательного процесса. Далее, с юридико-технической точки зрения, сама идея кодекса вызывает вопросы. Кодексы традиционно формируют основу самостоятельных отраслей права, таких как уголовное или гражданское, тогда как избирательное право является не отдельной отраслью, а лишь подотраслью права конституционного. Это ставит под сомнение корректность применения к нему формы кодифицированного акта [9].

На основании анализа представленных аргументов, мы солидарны с позицией «против» принятия Избирательного кодекса Российской Федерации в ближайшей перспективе. Несмотря на декларируемые цели унификации и систематизации, данный проект сопряжён с рисками, которые в текущих условиях перевешивают потенциальные выгоды. Ключевым контраргументом является фундаментальное противоречие самой идеи единого кодекса федеративному устройству России. Избирательное законодательство отнесено к сфере совместного ведения Российской Федерации и её субъектов, что исторически позволяло регионам адаптировать избирательные процедуры к своей специфике в рамках, установленных федеральным «рамочным» законом. Создание исчерпывающего кодекса, полагаем, неминуемо приведёт к чрезмерной централизации и унификации, лишив регионы необходимой гибкости. Собственные избирательные кодексы регионов утратят силу, а все регулирование будет сосредоточено на федеральном уровне. Это лишит регионы необходимой гибкости и возможности адаптировать избирательный

процесс под свои уникальные условия. Вместо «рамочного» регулирования, оставляющего пространство для адаптации к конкретным условиям, будет введено прямое, детализированное предписание, единое для всех. Такой шаг будет означать серьёзное усиление централизации и унификации, что может рассматриваться как подрыв одного из ключевых принципов федерализма – возможности регионов самостоятельно решать вопросы, отнесённые к их ведению, в соответствии с собственными потребностями. Более того, с юридико-догматической точки зрения, избирательное право является подотраслью конституционного права, а не самостоятельной отраслью, для которой форма кодекса является традиционной и методологически оправданной.

Список цитируемой литературы

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 мая 2024 г. № 23-П По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 37 и 38 Федерального закона Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации и части 3 статьи 37.2 Закона Республики Северная Осетия – Алания О выборах депутатов Парламента Республики Северная Осетия - Алания в связи с жалобами Регионального отделения Всероссийской политической партии Партия дела в Республике Северная Осетия – Алания // URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17052024-n> (дата обращения: 26.10.2025).
2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
3. О выборах Президента Российской Федерации: Федеральный закон от 10 января 2003 г. №19-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 171.
4. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. №20-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740.
5. Гаджиев А.М. К вопросу о перспективах принятия избирательного кодекса РФ // Вестник науки. 2024. №4 (73) том 1. С. 161-165.
6. Закон Белгородской области от 01 апреля 2005 г. № 182 «Избирательный кодекс Белгородской области» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/450308041> (дата обращения: 15.10.2025).
7. Фракция КПРФ во главе с Г.А. Зюгановым внесла сегодня в Государственную Думу проект Избирательного кодекса // Коммунистическая

- партия Российской Федерации URL: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/216894.html> (дата обращения 15.10.2025).
8. Дубровина Ю.Я. К вопросу о кодификации норм избирательного права // Российский фонд свободных выборов – РФСВ URL: <https://rfsv.ru/law/pravovye-innovatsii/dubrovina-iu-ia-k-voprosu-o-kodifikatsii-norm-izbiratel'nogo-prava> (дата обращения: 20.10.2025).
9. Принятие Избирательного кодекса Российской Федерации: «за» и «против» // Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) URL: <https://msalkirov.ru/news/prinyatie-izbiratel'nogo-kodeksa-rossijskoj-federatsii-za-i-protiv> (дата обращения: 02.10.2025).

Волжина Елизавета Алексеевна,

Студент Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Новикова Алевтина Евгеньевна,

профессор кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ МАЛОМОБИЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

Аннотация. Статья направлена на исследование особенностей реализации избирательных прав маломобильных групп населения, как одного из наиболее актуальных вопросов избирательного права России, обостряющегося в условиях сохранения большого количества людей с ограниченными возможностями здоровья. Авторами определено понятие маломобильных групп населения; осуществлен анализ законодательных и подзаконных актов, регламентирующих меры по обеспечению их равного и доступного участия в выборах. В заключении сделан вывод о необходимости изменения законодательного подхода к регулированию указанных вопросов.

Ключевые слова: избирательное право, избирательное законодательство, маломобильные группы населения, ограниченные возможности здоровья, защита инвалидов.

Конституция Российской Федерации в ст. 7 определяет, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого

направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1]. В соответствии с оценками экспертов, на текущий момент времени в Российской Федерации проживает около 12 миллионов человек с ограниченными возможностями здоровья, что практически равняется 8 % от общего количества населения страны [8]. Подобные показатели, в совокупности с фактом признания России социальным государством на самом высоком юридическом уровне, свидетельствуют о необходимости разработки всесторонних мер, направленных на обеспечение условий, в которых люди с ограниченными возможностями здоровья могут выступать в качестве полноправных членов общества, в том числе, в ходе участия в выборах.

В контексте избирательного законодательства наибольший научный интерес представляют вопросы реализации прав маломобильными группами населения, как наиболее уязвимыми участниками общественных отношений. Следует оговориться, что на уровне федерального законодательства понятие «маломобильные группы населения» не получило своего легального закрепления, однако, в некоторых нормативно-правовых актах субъектов Российской Федерации можно обнаружить не только его упоминание, но и полноценное раскрытие содержания. Так, например, Закон Белгородской области от 2 апреля 2009 г. № 265 ФЗ «Об обеспечении беспрепятственного доступа инвалидов и других маломобильных групп населения к объектам социальной, инженерной и транспортной инфраструктур, а также пользования средствами связи и информации в Белгородской области» в ст. 2 указывает на то, что «под маломобильными группами населения... понимаются лица с ограниченными возможностями самостоятельного передвижения, ориентирования, общения, вынужденные в силу устойчивого или временного физического недостатка использовать для своего передвижения необходимые средства или приспособления, в том числе лица пожилого возраста, а также граждане с малолетними детьми, использующие детские коляски» [5].

Учитывая представленное выше определение, можно установить, что ключевой признак маломобильных групп населения – отсутствие возможности самостоятельного передвижения, ориентирования или общения. Данные особенности физического развития требуют использования специального оборудования или иных средств, компенсирующих недостатки здоровья и создающих возможности для осуществления тех или иных действий.

В ст. 3.1 Федерального закона от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» провозглашен

принцип, в соответствии с которым запрещается какая-либо дискриминация лиц по признаку их инвалидности [2]. Поскольку каждый гражданин Российской Федерации наделяется избирательным правом, важно, чтобы по отношению маломобильных групп населения на государственном уровне разрабатывались специальные меры, призванные обеспечить все условия, которые необходимы для предоставления им доступа к реализации таких прав в рамках выборов.

Федеральный закон от 1 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3] включает в себя сразу несколько положений, связанных с реализацией избирательных прав маломобильных групп населения. Во-первых, ст. 20 закрепляет требование, в соответствии с которым избирательные комиссии всех уровней должны в своих отчетностях о затратах бюджетных средств указывать количество лиц, входящих в такие группы. В этой же статье закрепляется обязанность исполнительных органов субъектов Российской Федерации в области социальной защиты и социальной поддержки инвалидов, в соответствии с которой они должны содействовать избирательным комиссиям в деле обеспечения надлежащих условий для реализации избирательных прав инвалидов. Во-вторых, ст.ст. 33 и 37 определяют право кандидатов и избирателей прибегать к помощи третьих лиц при подписании документов и избирательных бюллетеней. В-третьих, ст. 45 указывает на требование об использовании специальных способов информирования инвалидов о выборах и референдумах. В-четвертых, ст. 61 провозглашает обязанность избирательных комиссий по оборудованию помещений для голосования с учетом условий, необходимых к обеспечению для участия в выборах маломобильных групп населения. В-пятых, ст. 63 предписывает необходимость изготовления специальных бюллетеней с применением рельефно-точечного шрифта Брайля, которые должны выдаваться инвалидам по зрению. В-шестых, ст. 66 вводит обязанность по обеспечению возможности реализации избирательных прав вне помещения для голосования, в том числе для граждан, которые в силу особенностей здоровья не могут самостоятельно посетить избирательный участок.

Конкретизируются обозначенные выше меры на уровне подзаконных правовых актов. Примером подобного документа является Постановление ЦИК России от 29 июля 2020 г. № 262/1933-7 «О Рекомендациях по обеспечению избирательных прав граждан Российской Федерации, являющихся инвалидами, при проведении выборов в Российской Федерации» [5]. Так, п. 5.4. данного акта предписывает необходимость предоставления

возможности участия в избирательных процедурах сурдопереводчика в случае, если один из кандидатов является инвалидом по слуху. Пункт 10.9 содержит рекомендательное указание о привлечении на избирательный участок сурдопереводчиков, тифлосурдопереводчиков, социальных и медицинских работников в ситуации, если предполагается участие значительного числа избирателей, относимых к маломобильным группам населения.

Как нам кажется, рекомендательный характер данного указания, равно как и отсутствие его закрепления в актах федерального законодательства, создает пространство для формального подхода к обеспечению условий, необходимых для реализации инвалидами своих избирательных прав. Представляется, что такие важные положения должны закрепляться посредством включения в закон императивных норм, устанавливающих обязанности по осуществлению действий, необходимых для создания соответствующих условий.

На еще одну проблему в своей научной статье обращает внимание К.Б. Богдан. Так, автор утверждает, что Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» не определяет понятие «доброволец (волонтер)», а также надлежащим образом не регулирует правовой статус таких субъектов, что затрудняет его практическую реализацию несмотря на высокий уровень значимости их деятельности в области оказания помощи и поддержки маломобильным группам населения в ходе выборов [6, с. 132].

Кроме того, ряд исследователей отмечает иные проблемы, связанные уже с практической реализацией законодательных требований. Так, Э.Р. Хасанов выделяет две наиболее существенные проблемы:

- отсутствие необходимого числа пандусов и иного оборудования, не позволяющее гражданам с ограниченными возможностями осуществить свои конституционные права по участию в управлении государством;
- отсутствие специализированного общественного и иного транспорта, приводящее к аналогичным негативным результатам [7, с. 70].

Суммируя изложенное, можно заключить, что несмотря на сформированность избирательного законодательства, ряд вопросов, связанных с обеспечением условий, необходимых для реализации избирательных прав маломобильных групп населения, обладает проблемным характером. С целью решения выявленных проблем, как нам представляется, необходимо пересмотреть подход к закреплению обязанностей избирательных комиссий, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, конкретизировав их на уровне федерального

законодательства. Кроме того, отдельные положения, в частности, о привлечении сурдопереводчиков и иных субъектов, выполняющих аналогичные функции по отношению к инвалидам с различными особенностями здоровья, должны получить свое императивное нормативное оформление в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Список цитируемой литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СЗ РФ. 2020. № 1. Ст. 8.
2. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.
3. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 23.05.2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
4. О Рекомендациях по обеспечению избирательных прав граждан Российской Федерации, являющихся инвалидами, при проведении выборов в Российской Федерации: Постановление ЦИК России от 29 июля 2020 г. № 262/1933-7 (ред. от 16.07.2025 г.) // Вестник ЦИК России. 2020. № 6.
5. Закон Белгородской области от 2 апреля 2009 г. № 265 ФЗ «Об обеспечении беспрепятственного доступа инвалидов и других маломобильных групп населения к объектам социальной, инженерной и транспортной инфраструктур, а также пользования средствами связи и информации в Белгородской области» // Белгородские известия. 2009. № 66-70.
6. Богдан К.Б. Проблемы реализации активного избирательного права инвалидами в Российской Федерации // В сборнике: Права человека: история, теория, практика. Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2023. С. 132-138.
7. Хасанов Э.Р. Конституционно-правовые гарантии избирательных прав инвалидов и проблемы их реализации в Российской Федерации // Человек. Общество. Инклюзия. 2020. № 1 (41). С. 69-73.
8. Инклюзивность в России: около 8 % населения страны имеют ограниченные возможности // Ведомости. – URL: https://www.vedomosti.ru/esg/social_projects/articles/2023/02/16/963288-inklyuzivnost-rossii-okolo-8-naseleniya-strani-imeyut-ogranichennye-vozmozhnosti (дата обращения: 17.10.2025 г.).

Дороганова Анастасия Максимовна
студентка Юридического института НИУ «БелГУ»
(Белгород, Россия)

Научный руководитель:
Новикова Алевтина Евгеньевна,
профессор кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ГРАЖДАН В РОССИИ

Аннотация. В условиях трансформации медиапространства и усиления значения цифровых каналов коммуникации, влияние средств массовой информации на избирательное поведение граждан в России становится особенно актуальным. Целью исследования является анализ механизмов медийного воздействия на электоральные предпочтения российских граждан и выявление существенных проблем в условиях цифровизации. Результаты исследования демонстрируют необходимость комплексного подхода к решению выявленных проблем, что в перспективе будет способствовать укреплению демократических институтов и развитию политической культуры российского общества.

Ключевые слова: СМИ, избирательное поведение, электоральные предпочтения, политическая коммуникация, информационное воздействие, медиапотребление, электоральная активность, политическая культура, цифровизация.

Свободные выборы представляют собой один из фундаментальных избирательных стандартов демократических государств. Принцип свободы выборов подразумевает отсутствие любых форм принуждения, воздействия или влияния на волеизъявление избирателей. Данное положение закреплено в п. 3 ст. 3 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [1].

Средства массовой информации обладают значительным потенциалом воздействия на формирование общественного мнения граждан и результаты избирательных кампаний и референдумов. Российское законодательство рассматривает информирование как неотъемлемый компонент системы

гарантий избирательных прав и свобод граждан. Согласно ст. 2 Закона от 27 декабря 1991 г. №2124-1 «О средствах массовой информации», статус средств массовой информации присваивается различным формам периодического распространения информационного контента, ориентированного на неопределенный круг получателей [2]. СМИ, выступая в качестве профессиональных субъектов информационной деятельности, направленной на широкую аудиторию, занимают ключевые позиции в системе информационного обеспечения избирательных кампаний и референдумов, которые в последующем влияют на поведение избирателей.

Современные исследователи, анализирующие информационное сопровождение выборов и роль СМИ в электоральных процессах, характеризуют медиа как специфическую платформу для артикуляции разнонаправленных политических интересов, которую кандидаты активно используют для продвижения своих предвыборных программ [3, с. 203]. Некоторые научные работы возлагают на СМИ существенную ответственность, рассматривая их в качестве субъектов, формирующих векторы общественной дискуссии и стимулирующих политических акторов к публичному обсуждению наиболее актуальных для электората вопросов [4, с. 103].

Посредством СМИ избиратели получают доступ к сведениям о датах проведения выборов, предвыборных кампаниях кандидатов, расположении избирательных участков, итогах голосования и иной существенной информации. Распространение информации в СМИ осуществляется различными методами, включая обсуждение избирательных программ, выражение поддержки или критики в отношении отдельных предложений кандидатов. Тем самым, взаимосвязь между средствами массовой информации и избирательным поведением граждан представляет собой фундаментальный аспект функционирования современных демократических систем. Информационное пространство выступает ключевой средой формирования политических предпочтений, определяющих электоральный выбор населения.

Справедливое народовластие возможно исключительно при условии свободного волеизъявления граждан. Однако реализация принципа свободы выборов сталкивается с рядом существенных проблем, связанных с деятельностью СМИ в электоральном пространстве.

Первая проблема, по нашему мнению, заключается в информационном неравенстве участников избирательного процесса. Доступ к медиаресурсам распределяется неравномерно между различными политическими силами. Данная асимметрия проявляется как в количественных показателях (объем

эфирного времени, печатных площадей), так и в качественных характеристиках (тональность освещения, контекст упоминаний). Так, в период президентских выборов, которые проходили с 15 по 17 марта 2024 г., данные системы «Крибрум» свидетельствуют о значительном преобладании положительных упоминаний представителей действующей власти по сравнению с оппозиционными кандидатами [5].

Вторая проблема, на наш взгляд, связана с трансформацией медиапотребления различных социально-демографических групп российского общества. Цифровизация информационного пространства привела к формированию принципиально новых каналов политической коммуникации, которые зачастую оказываются вне сферы действия традиционного правового регулирования. А.Н. Гуреева, отмечает, что Интернет и социальные сети создали новые технологические возможности для участия граждан в политических процессах, а социальные сети, ранее выполнявшие в обществе исключительно коммуникативную функцию, все чаще становятся для пользователей источниками надежной новостной информации [6, с. 22]. Социологические исследования демонстрируют существенные различия в структуре медиапотребления между возрастными группами: если старшее поколение преимущественно ориентируется на телевидение как основной источник политической информации, то молодежь отдает предпочтение интернет-ресурсам и социальным сетям [7, с. 230]. Данная дифференциация создает предпосылки для формирования параллельных информационных пространств с различными политическими повестками.

Мы считаем, что третья проблема обусловлена размыванием границ между информированием и агитацией в деятельности СМИ. Несмотря на законодательное разграничение данных понятий, на практике наблюдается систематическое использование информационных материалов для скрытой агитации [8, с. 10]. Технологии фрейминга, прайминга и установления повестки дня позволяют формировать определенное восприятие политических акторов без формального нарушения требований избирательного законодательства. Данная ситуация усугубляется недостаточной медиаграмотностью значительной части российского электората, что повышает эффективность манипулятивных технологий.

Решение обозначенных проблем требует комплексного подхода, включающего как совершенствование нормативно-правовой базы, так и развитие институтов гражданского общества. Первым направлением является совершенствование механизмов обеспечения равного доступа кандидатов и политических партий к медиаресурсам. Необходимо разработать более

детальные критерии разграничения информирования и агитации, учитывающие современные технологии информационного воздействия. Целесообразно внедрение количественных показателей для оценки сбалансированности освещения избирательных кампаний в СМИ, включая анализ тональности публикаций и эфирного времени.

Вторым направлением выступает развитие системы общественного контроля за деятельностью СМИ в период избирательных кампаний. Перспективным представляется создание независимых медиа-мониторинговых центров с участием представителей академического сообщества, некоммерческих организаций и профессиональных журналистских объединений. Результаты мониторинга должны быть доступны широкой общественности и учитываться избирательными комиссиями при рассмотрении жалоб на нарушения избирательного законодательства.

Третьим направлением может стать повышение медиаграмотности населения. Необходимо разработать и внедрить образовательные программы, направленные на формирование критического восприятия медиаконтента, умения выявлять манипулятивные технологии и верифицировать информацию. Образовательные программы по медиаграмотности целесообразно интегрировать в учебные планы общеобразовательных школ, средних профессиональных учреждений и в высшие учебные заведения. Для работающего населения перспективным представляется создание корпоративных программ повышения квалификации с элементами медиаграмотности. Государственные и муниципальные служащие могут проходить обучение в рамках обязательного профессионального развития. При этом особое внимание необходимо уделить гражданам старшего возраста, демонстрирующим наиболее высокую степень доверия к традиционным медиа при недостаточной способности критически анализировать информационные потоки. Для пожилых людей эффективными площадками обучения могут стать центры социального обслуживания, библиотеки и дома культуры, где проводятся регулярные просветительские мероприятия. Дополнительно следует использовать возможности общественных организаций и волонтерских движений для проведения информационных кампаний и практических занятий в местах проживания пожилых граждан.

Четвертое направление – совершенствование правового регулирования деятельности новых медиа в избирательном процессе. Необходимо разработать нормативные акты, учитывающие специфику распространения политической информации в социальных сетях, мессенджерах и на интернет-

платформах. При этом важно соблюсти баланс между обеспечением равных условий для участников избирательного процесса и сохранением свободы информации в цифровом пространстве.

Анализ влияния средств массовой информации на избирательное поведение граждан в России свидетельствует о наличии системных проблем, требующих комплексного решения. Информационное неравенство, трансформация медиапотребления, размывание границ между информированием и агитацией, региональная дифференциация информационного пространства создают предпосылки для искажения принципа свободных выборов. Решение данных проблем требует совершенствования нормативно-правовой базы, развития системы общественного контроля, повышения медиаграмотности населения, создания альтернативных каналов политической коммуникации и адаптации правового регулирования к условиям цифровой среды.

Реализация предложенных мер позволит повысить качество информационного обеспечения выборов, снизить эффективность манипулятивных технологий и создать предпосылки для более осознанного избирательного выбора граждан. В конечном итоге это будет способствовать укреплению демократических институтов и развитию политической культуры российского общества. Однако следует понимать, что трансформация взаимодействия СМИ и избирательного поведения представляет собой длительный процесс, требующий согласованных усилий государства, гражданского общества.

Список цитируемой литературы

1. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
2. Закон от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» // СЗ РФ. 1991. № 7. Ст. 300.
3. Ярославцева Д.В. Роль СМИ при проведении выборов / Д.В. Ярославцева, Н.В. Григорьева // В сборнике: Актуальные проблемы государственно-правового развития России. Сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции. – 2022. – С. 201-208.
4. Мельников Е.Г., Роль СМИ как актора принятия политических решений / Е.Г. Мельников, Г.А. Меньшикова // В сборнике: Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения. Сборник материалов Международного научного форума. В 2-х томах. Ответственный редактор В.В. Васильева. – 2019. – С. 102-104.

5. Выборы Президента-2024. Обзор экспертных мнений и хода подготовки партий к кампании на 11 марта // Центр исследований политической культуры России. – URL: <https://cipkr.ru/2024/03/11/vybory-prezidenta-2024-obzor-ekspertnyh-mnenij-i-hoda-podgotovki-partij-k-kampanii/> (дата обращения: 30.10.2025).
6. Гуреева А.Н., К вопросу о вовлеченности молодежи в медиакоммуникацию с государством в цифровой среде / А.Н. Гуреева, П.А. Киреева // Журнал Медиаальмах. 2023. С. 20-28.
7. Мурзина Е.В. Медиапотребление в условиях трансформации современного общества // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. С. 228-235.
8. Думикян А.А. Информирование избирателей и предвыборная агитация в СМИ: проблема разграничения понятий // Журнал Избирательное право. 2019. С. 9-17.

Доронин Максим Александрович

студент Юридического института НИУ «БелГУ»

(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Пасенов Александр Николаевич

доцент кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

кандидат юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН, НАСИЛЬНО УДЕРЖИВАЕМЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о механизме защиты Уполномоченным по правам человека прав российских граждан, насильно удерживаемых на территории иностранных государств. Дается авторский подход к пониманию особенностей такой формы правозащитной деятельности. Выявляются проблемы, которые препятствуют работе отечественного омбудсмана в данной сфере. Оценивается эффективность работы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в части защиты прав российских граждан, которые незаконно удерживаются за рубежом.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, омбудсмен, правозащитная деятельность, интернирование, международная организация, права граждан.

Согласно ст. 2 Конституции России, «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [1]. Российское государство и его должностные лица не только в «доктрине», но и на практике показывают, что права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью. Одним из институтов, целью деятельности которого является непосредственное обеспечение защиты прав и свобод российских граждан, выступает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (омбудсмен).

Полномочия омбудсмента представлены целым комплексом правозащитных действий, что регламентировано главой III Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [2]. На практике в деятельности Уполномоченного по правам человека, зачастую, возникают и нестандартные ситуации, в отношении которых необходимо принять соответствующие меры реагирования. Одной из таких ситуаций служит незаконное насильственное удержание на территории иностранного государства российских граждан. В соответствии со ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, «никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом» [3]. Так, международное право устанавливает государствам запрет на осуществление незаконного удержания. Несмотря на это, случаются ситуации, когда ряд государств пренебрегает международно-правовыми нормами в пользу «политических амбиций». Мы солидарны с мнением К.Э. Фомкиной о том, что «омбудсмен адаптируется к различным правовым, политическим и культурным условиям во всем мире» [4]. В этом случае именно Уполномоченный по правам человека становится главным гарантом обеспечения прав и свобод граждан России. В последние годы такая форма защиты прав российских граждан стала встречаться в практике омбудсмента наиболее часто, а исследований по данному вопросу в научной литературе проведено не было, что говорит об актуальности выбранной темы.

Целью данной работы является исследование деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в части защиты прав граждан, незаконно удерживаемых на территории иностранных государств.

В рамках вооруженных конфликтов такое незаконное удержание можно квалифицировать как «захват заложников», поскольку, в соответствии со ст. 1 Международной конвенции о борьбе с захватом заложников, он связан с «угрозами убить, нанести повреждения или продолжать удерживать другое лицо с целью заставить государство совершить или воздержаться от определенных актов» [5]. На наш взгляд, применение таких методов (действий) для достижения иностранным государством конкретных результатов даже во время вооруженного конфликта может лишь показать международному сообществу террористический «облик» лиц, принявших такие решения. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова неоднократно предпринимала усилия по защите прав российских граждан, которые удерживались на территории иностранных государств. Так, например, в 2024 году вооруженные силы Украины (далее – ВСУ), признанные террористической и экстремистской организацией на территории России, зашли на территорию Курской области, где проводили боевые действия с Вооруженными силами России. После поражения ВСУ незаконно переместили с территории области сотни мирных жителей. Как отмечает российский омбудсмен, «продолжается борьба за возвращение курских жителей, которых переместили на территорию Украины» [6]. Причем, отметим, что Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации украинская сторона сообщает якобы «о добрых побуждениях» по поводу такого перемещения [6]. Как мы понимаем, иностранные власти пытаются выдать свои действия за интернирование. Однако данные действия нельзя соотнести с этим понятием по ряду причин.

Во-первых, до сих пор не были возвращены все мирные жители и, как отмечает российский омбудсмен, находящиеся у украинской стороны российские граждане «стали предметом торга и постоянных новых условий для возвращения» [6]: например, были зафиксированы высказывания «об обмене российских пленных на пленных бойцов» ряда вооруженных формирований (по официальным данным Службы внешней разведки Российской Федерации) [7]. По сути, на наш взгляд, это является показателем того, что иностранное государство изначально не было заинтересовано в обеспечении безопасности российских мирных жителей: преследовались не гуманные (а вместе с тем и правовые), а корыстные цели.

Во-вторых, в соответствии со ст. 81 Женевской конвенции от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны, «находящиеся в конфликте стороны, которыми будут интернированы покровительствуемые лица, обязаны будут обеспечить бесплатно их содержание, а также оказывать им медицинскую помощь» [8]. Как отметила

Т.Н. Москалькова, у удерживаемых курян «обострились хронические заболевания» [9]. В то же время, по словам одного из лиц, вернувшегося из плена, удерживаемых курян «кормили напоказ» [10], то есть хорошо относились только в присутствии иностранных журналистов. Так, исходя из представленной информации, можно сделать вывод о сравнительно низком качестве условий содержания незаконно удерживаемых российских граждан.

Схожей ситуацией в рамках рассматриваемого вопроса является удержание российских граждан на территории сектора Газа. Так, в рамках боевых действий между ХАМАС и Израилем нередко стали случаи, когда возникали сложности с возвращением россиян. По информации из ряда источников, число российских граждан, которые стали «заложниками» в секторе Газа на момент конца 2023 года – составляло 3 человека [11]. Отметим, что все они имели двойное гражданство (России и Израиля). В этой ситуации существует конфликт юрисдикций, заключающийся в необходимости определения государства, которое будет защищать интересы того или иного человека. В ст. 62 Конституции России говорится о том, что «наличие у гражданина России гражданства иностранного государства не умаляет его прав и свобод» [1]. Таким образом, у российского государства имеется прямая обязанность защищать права своих граждан, независимо от того, сколько иностранных гражданств они имеют.

Отметим, что, на наш взгляд, как и в предыдущем случае, политические интересы одного из государств ставятся выше, чем соблюдение международно-правовых норм о защите прав человека. Так, представитель палестинского движения «Исламский джихад», которое признано террористическим на территории России (но также движение сотрудничает с Палестинской национальной администрацией), заявило о том, что «освободит иностранных заложников при достижении временного перемирия» [12]. По сути, российские граждане стали «разменной монетой».

Отметим, что «типичный» порядок реагирования омбудсмена на нарушения прав человека основывается на рассмотрении обращений лиц, чьи права нарушены. Ввиду того, что, зачастую, незаконно вывезенные на территорию иностранного государства лица не имеют доступа к сети «Интернет» (как лица, которые были вывезены на территорию Украины, так и лица, которые были вывезены на территорию сектора Газа), прошением о защите их нарушенных прав занимаются родственники либо их знакомые или соседи. В исключительных случаях, как свидетельствует практика, российский омбудсмен запрашивает сведения о точном количестве вывезенных российских граждан у Уполномоченного по правам человека того иностранного государства, на территорию которого были незаконно

перемещены такие лица. Например, в октябре 2024 года Т.Н. Москалькова направила запрос омбудсмену Украины о необходимости предоставления данных, отражающих «число лиц, насильно вывезенных из их [жителей Курской области] домов» [13]. Так, мы говорим о нестандартном порядке обращения к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации. Заявления родственников или знакомых удерживаемого лица (то есть лица, чьи права нарушены) становятся главным инструментом защиты его прав омбудсменом.

Одной из характерных форм работы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации при незаконном удержании российских граждан на территории иностранных государств является организация и ведение переговорного процесса с представителями иностранных государств. Исходя из содержания главы 9 Доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год, такая деятельность является частью комплекса мер правового реагирования [14]. Качество подготовки к переговорному процессу обуславливает степень успешности защиты прав российских граждан: например, из более чем тысячи граждан России, незаконно удерживаемых на территории Украины в связи с «курскими событиями» 2024 года, большая их часть уже была возвращена на территорию России; все граждане, удерживаемые на территории сектора Газа, были возвращены на территорию России. Так, переговорный процесс обуславливает развитие правозащитной стратегии: опыт ведения переговоров способствует совершенствованию инструментов по защите прав российских граждан. Например, при возникновении аналогичной ситуации Аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации будет иметь четкое представление о характере действий, осуществляемых конкретным иностранным государством. Так, опыт 2022 года, когда на территории Украины были незаконно удержаны 168 гражданских лиц (дальнобойщиков, моряков, сотрудников предприятий) (по данным Доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год) [15], позволил развить методы ведения переговоров. Так, в 2025 году уже за полгода почти все граждане России, незаконно удерживаемые на Украине, были возвращены на территорию нашего государства.

«Типичным» инструментом защиты прав российских граждан остается обращение в различные международные организации и взаимодействие с правозащитными органами иностранных государств. В 2024 году Т.Н. Москалькова отправила более «400 сообщений в международные правовые организации» [16]. Чаще всего, обращения направляются к таким организациям и должностным лицам как Международный Комитет Красного

Креста (далее – МККК) и Верховный комиссар ООН по правам человека. Офис МККК не раз положительно реагировал на просьбы отечественного омбудсмана об оказании содействия в защите прав человека: «МККК готов оказать поддержку властям в качестве нейтрального посредника, если между сторонами будет достигнуто новое соглашение о репатриации» [17]. К тому же, сотрудники МККК не раз лично навещали удерживаемых российских граждан, организовывая мониторинг состояния их содержания. В свою очередь, Верховный комиссар ООН по правам человека Фолькер Тюрк не раз «призывал освободить всех заложников» [18]. Однако, как показала практика, эффективность деятельности международных организаций не всегда является высокой. Например, иностранные государства начинают совершать действия «напоказ»: то есть применять международные правовые нормы только в конкретном случае проверки ситуации организацией или конкретными полномочными должностными лицами. В той же мере, как отмечала российский омбудсмен, не всегда иностранные государства допускают к удерживаемым российским гражданам представителей правозащитных организаций. Так, не удастся получить целостную картину о реальном положении дел, что препятствует защите прав российских граждан.

Однако отметим немаловажную роль иностранных омбудсменов в вопросе содействия при разрешении ситуаций, связанных с защитой прав граждан. Такие Уполномоченные, как минимум, не отказывают в запрашиваемой помощи и предоставляют отчет о проделанной работе. Конечно, качество такой работы находится под большим вопросом, ввиду «специфики деятельности» (то есть возможной подверженности Уполномоченного влиянию иностранного государства в целом).

Важно, что на возвращении российских граждан с территории другого государства вопрос защиты прав не заканчивается. Отечественный омбудсмен занимается предоставлением на первое время «всего необходимого»: лекарств, пропитания, вещей [19]. Так, можно проследить завершенность процедуры защиты прав человека. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации занимается не только проверкой соблюдения нормальных условий содержания удерживаемых граждан, возвращением их в Россию, но и обеспечением ряда конституционных прав (например, на охрану здоровья и др.).

В заключение отметим, что Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации представляет собой особый институт защиты прав российских граждан. Так, в последнее время нередки ситуации в сфере незаконного удержания граждан на территории иностранного государства. Проведенное нами исследование показало, что защита прав российских

граждан, незаконно удерживаемых на территории иностранного государства, имеет ряд особенностей по сравнению с «типичным» порядком правозащитной деятельности отечественного омбудсмена.

Во-первых, порядок обращения к Уполномоченному в этом случае предполагает подачу заявления о нарушенных правах родственниками или знакомыми лица, которое удерживают на территории иностранного государства. В исключительном случае (то есть когда есть предположения о неточности представленных сведений) омбудсмен запрашивает полные сведения об удерживаемых лицах.

Во-вторых, ускорению процесса возвращения граждан предшествует переговорный процесс отечественного омбудсмена (и всей переговорной группы) с представителями иностранного государства. Опыт показал, что поводом к ведению переговоров является скрытое нежелание государства передавать удерживаемых лиц обратно на Родину. «Политические амбиции» отдельных представителей власти иностранного государства способствуют выдвижению определенных условий (прекращение военных действий, обмен военнопленных и др.) российской переговорной группе, что не соответствует нормам международного права и, по сути, соответствует уже понятию «захвата заложников».

В-третьих, наличествует факт предоставления помощи гражданам после возвращения в Россию в виде предметов или средств первой необходимости: медицинских препаратов (или медицинской помощи), продуктов питания и др.

Нельзя обойти вниманием взаимодействие омбудсмена с международными организациями. Несмотря на открытую озабоченность проблемой, они не всегда в силах как-либо воздействовать на принимаемые иностранным государством решения. Скорее, обеспечение прав граждан, улучшение условий их содержания совершается напоказ (то есть в присутствии международной делегации в местах содержания удерживаемых лиц).

Таким образом, можно отметить важную роль Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в сфере защиты прав российских граждан, незаконно удерживаемых на территории иностранного государства. Отечественный омбудсмен эффективно выполняет весь комплекс действий, направленных на защиту их прав. Об этом говорят, в первую очередь, представленные нами ранее статистические данные о возвращении граждан в Россию за сравнительно короткий промежуток времени. Российское государство в своей деятельности успешно реализует конституционный принцип о высшей ценности человека, его прав и свобод.

Список цитируемой литературы

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.11.2025).
2. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 29.05.2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13440/ (дата обращения: 19.11.2025).
3. Международный пакт о гражданских и политических правах [принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года] // Официальный сайт Организации Объединенных наций.
URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 19.11.2025).
4. Фомкина К.Э. Роль Уполномоченного по правам человека в защите прав человека // Вестник магистратуры. 2022. №. 7 (130). С. 61-62.
5. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников [принята резолюцией 34/146 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года] // Официальный сайт Организации Объединенных наций.
URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostages.shtml (дата обращения: 19.11.2025).
6. Москалькова запросила разговор с украинским омбудсменом о заложниках // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]
URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8062262> (дата обращения: 19.11.2025).
7. СВР: Киев хочет обменять вывезенных курских жителей на бойцов «Азова»* // РИА Новости, 13.05.2025. [Электронный ресурс].
URL: <https://ria.ru/20250513/ukraina-2016686592.html> (дата обращения: 19.11.2025).
8. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны [принята 12 августа 1949 года Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 года] // Официальный сайт Организации Объединенных наций.
URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_34.shtml (дата обращения: 19.11.2025).

9. Москалькова: у удерживаемых в Сумах курян обострились хронические заболевания // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25653005> (дата обращения: 20.11.2025).
10. Житель Суджи рассказал, как в плену кормили людей напоказ западной прессе // РИА Новости, 26.08.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20250826/kurjanin-2037656104.html> (дата обращения: 20.11.2025).
11. Посол назвал количество российских граждан в заложниках в секторе Газа // РБК. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/653a0fb09a79471222a47e98> (дата обращения: 21.11.2025).
12. В ХАМАС объяснили, почему россияне остаются в заложниках. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ru/near-east/v-hamas-obyasnili-pochemu-rossiyane-ostayutsya-v-zalozhnikah?ysclid=miaktx7g2u173668594> (дата обращения: 21.11.2025).
13. Россия попросила Украину установить местонахождение пропавших жителей Курской области // Газета.Ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/10/15/24151795.shtml> (дата обращения: 21.11.2025).
14. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека за 2024 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2024.pdf> (дата обращения: 22.11.2025).
15. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека за 2022 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в России. [Электронный ресурс]. URL: [https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/files/Текст_Доклада%20\(1\).docx](https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/files/Текст_Доклада%20(1).docx) (дата обращения: 22.11.2025).
16. Москалькова отправила 400 обращений в международные правовые организации // Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2025/02/26/moskalkova-otpravila-400-obrashchenij-v-mezhdunarodnye-pravovye-organizacii.html> (дата обращения: 22.11.2025).
17. МККК участвует в третьей репатриации российских граждан с территории Украины обратно в Россию // Официальный сайт Международного Комитета Красного Креста. URL: <https://www.icrc.org/ru/article/mkkk-uchastvuet-v-tretej-repatriacii-rossiyskikh-grazhdan-s-territorii-ukrainy-obratno-v> (дата обращения: 22.11.2025).

18. ООН: освободить израильских заложников, прекратить коллективное наказание палестинцев // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/10/1446262> (дата обращения: 22.11.2025).

19. Возвращенных из украинского плена россиян пообещали обеспечить лекарствами. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ru/vlast/vozvrashennyh-iz-ukrainskogo-plena-rossiyan-poobeshali-obespechit-lekarstvami> (дата обращения: 22.11.2025).

Заика Виктория Юрьевна

студентка Юридического института НИУ «БелГУ»

(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Пасенов Александр Николаевич

доцент кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

кандидат юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

ЗАЩИТА УПОЛНОМОЧЕННЫМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРАВ ЛИЦ БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТА ЖИТЕЛЬСТВА

Аннотация. В данной статье проводится анализ деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации по защите прав лиц без определенного места жительства. Данная категория граждан рассматривается как одна из наиболее уязвимых и социально незащищенных групп в современном российском обществе. В работе исследуются механизмы, используемые федеральным омбудсменом для восстановления нарушенных прав бездомных, включая рассмотрение индивидуальных и коллективных жалоб, проведение проверок, направление обращений в государственные органы. Особое внимание уделяется нарушениям прав данных лиц, таким как право на жилище, медицинскую помощь, социальное обеспечение, трудовые права и доступ к правосудию. На основе анализа ежегодных докладов Уполномоченного и конкретных примеров из его практики выявляются проблемы и пробелы в российском законодательстве, препятствующие реализации прав человека. В заключении формулируются предложения по совершенствованию правозащитной и социальной политики в отношении лиц без определенного места жительства.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, права человека, лица без определенного места жительства, бездомность, социально уязвимые группы, защита прав, правозащитные механизмы, право на жилище, доступ к медицине, социальное обеспечение.

По официальным данным, численность лиц без определённого места жительства в Российской Федерации на текущий момент составляет порядка трёх миллионов человек [11]. В общественном восприятии устоялся стереотип бездомного как человека, лишённого крова и вынужденного обитать на улице, в подвалах, на чердаках или в близости от коммунальной инфраструктуры.

Граждане Российской Федерации, не имеющие постоянного места жительства, сохраняют весь объём конституционных прав и свобод. Однако их реализация часто сопряжена с рядом ограничений, связанных с отсутствием регистрации по месту жительства и документов, удостоверяющих личность.

В декабре 2024 года на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека глава государства В.В. Путин подчеркнул обязанность органов власти оказывать помощь гражданам, находящимся в тяжёлом положении, и поручил разработать порядок оказания им медицинской помощи [10].

Цель данного исследования установить проблемы в правовой сфере, с которыми сталкиваются лица без определенного места жительства, и определить роль Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в их решении.

«Гражданин без определенного места жительства – лицо, не имеющее регистрации по месту жительства в качестве собственника, по договору найма или поднайма, договору аренды или на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, или не имеющий возможности проживать по месту регистрации по независящим от него причинам» [6].

Несмотря на признание и гарантированность прав человека, лица без определенного места жительства сталкиваются с определёнными проблемами в их реализации или систематическими нарушениями своих прав.

В статье 32 Конституции Российской Федерации закрепляется право избирать и быть избранным [1]. Решение данной проблемы было достигнуто с дополнением в июне 2017 г. ст. 64 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в

референдуме граждан Российской Федерации». Норма даёт возможность гражданину, временно пребывающему не по месту регистрации, лично обратиться в избирательную комиссию с заявлением о включении в список избирателей на день голосования; обязательно предъявление документа, удостоверяющего личность. Эта норма распространяется и на лиц без определённого места жительства, тем самым обеспечивая возможность реализовать активное избирательное право.

При реализации пассивного избирательного права ситуация осложняется: отсутствие паспорта препятствует подтверждению личности, возраста и гражданства – ключевых критериев, необходимых для выдвижения кандидатом. Кроме того, отсутствие регистрации по месту жительства лишает претендента возможности подтвердить требование ценза оседлости, обязательного при выдвижении на пост Президента Российской Федерации или на высшее должностное лицо в субъекте Федерации.

Независимо от гражданства или места проживания, государством гарантируется реализация личных свобод и прав каждого человека.

Одним из таких прав является свобода передвижения. Федеральный закон от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» предусматривает регистрацию граждан по месту жительства и временного пребывания на территории России, однако в этой же норме закон устанавливает, что наличие или отсутствие регистрации не препятствует осуществлению прав и свобод граждан и не может служить основанием для их ограничения [4].

В системе социальных прав особое значение имеет право на труд. Трудовой кодекс Российской Федерации запрещает «необоснованный отказ в заключении трудового договора. Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ при заключении трудового договора в зависимости от <...>, места жительства (в том числе наличия или отсутствия регистрации по месту жительства или пребывания), <...>, не допускается» [3].

Возможность получения пенсионных выплат лицами без определённого места жительства связана с территориальным принципом назначения пенсий. Согласно статье 24 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», вопросы назначения государственных пенсий ведутся органами, расположенными по месту жительства гражданина [5]. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 04.08.2021 № 538Н подчеркивает необходимость документального

подтверждения факта проживания на территории России, а также содержит перечень необходимых документов для оформления страховой пенсии [7].

Статья 41 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право на охрану здоровья и получение медицинской помощи, которая предоставляется бесплатно в государственных и муниципальных учреждениях за счет бюджета, страховых взносов и иных поступлений [1]. Законодательство в сфере здравоохранения позволяет гражданам самостоятельно выбирать медицинское учреждение и лечащего врача (Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). В письме Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 28.03.2012 № 1135/30-1 отмечается, что учреждения социальной помощи имеют право обращаться в территориальные фонды обязательного медицинского страхования для получения страхового полиса, если у лица без определённого места жительства отсутствуют документы, удостоверяющие личность [8].

Результаты проведённого исследования показывают: лица без определённого места жительства не имеют законодательно закреплённой возможности получать бесплатную медицинскую помощь в полном объёме. Фактически их права в сфере здравоохранения сопоставимы с положением иностранных граждан, для которых законодательно предусмотрена возможность оказания только скорой медицинской помощи при наличии непосредственной угрозы жизни.

Доступ лиц без определенного места жительства к правосудию также имеет проблемы в реализации. Одним из наиболее существенных препятствий является требование п. 2 ч. 2 ст. 131 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации об указании в исковом заявлении места жительства истца [2]. Невозможность выполнения данного требования влечет за собой оставление искового заявления без движения.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации играет ключевую роль в защите прав лиц без определённого места жительства. Основные направления деятельности: приём и рассмотрение обращений; консультации и разъяснения; содействие в реабилитации и ресоциализации бездомных; посещение мест оказания помощи бездомным; мониторинг публикаций в СМИ; взаимодействие с общественными и благотворительными организациями.

Согласно докладу Татьяны Николаевны Москальковой, за период 2022-2024 гг. к Уполномоченному поступило 214 обращений от лиц без определённого места жительства или в их интересах (2022 – 31, 2023 – 88, 2024 – 95) [9].

Почти половина жалоб (48,4 %) касается защиты жилищных прав, при этом наблюдается рост таких обращений. Среди заявителей – люди, лишившиеся жилья после переезда в поисках работы; лица, отбывавшие наказания в местах лишения свободы и утратившие регистрацию; а также пострадавшие от пожаров или чрезвычайных природных явлений, лишившиеся жилья [9].

Около 20 % обращений связаны с применением миграционного законодательства. Наблюдаемая тенденция к сокращению числа подобных обращений по сравнению с 2023 годом объясняется тем, что были урегулированы вопросы получения льгот лицами, получившими российское гражданство, но не имеющими регистрацию по месту жительства [9].

10,5 % всех обращений приходятся на проблемы социального обеспечения: вопросы пенсионного обеспечения для лиц без определённого места жительства, размещения в социальных учреждениях (дома-интернаты для пожилых и инвалидов, психоневрологические интернаты), а также получение социальных выплат на несовершеннолетних детей при отсутствии регистрации [9].

Поступали обращения о несогласии с принятыми в отношении граждан решениями по делам об административных правонарушениях о снятии их с регистрационного учета. Отмечается снижение числа обращений, связанных с защитой прав граждан в рамках уголовного судопроизводства: все поступившие обращения касались вопросов отказа в возбуждении уголовных дел; жалобы на стадиях дознания или предварительного следствия отсутствовали [9].

При рассмотрении обращений гражданам предоставлялись правовые консультации и разъяснения, направлялись официальные запросы в органы местного самоуправления и учреждения социальной защиты, осуществлялось взаимодействие с благотворительными организациями для оказания дополнительной помощи.

В течение года Уполномоченный и сотрудники его Аппарата осуществили посещения нескольких мест питания и пребывания лиц без определенного места жительства.

В 2024 году расширились границы взаимодействия с некоммерческим сектором в сфере защиты прав лиц без определенного места жительства. Ключевым событием стало заключение в декабре Соглашения о сотрудничестве с Международной благотворительной общественной организацией «Справедливая помощь Доктора Лизы», направленного на повышение эффективности правозащитной деятельности в отношении бездомных граждан.

В процессе взаимодействия с благотворительными организациями выявлен комплекс системных проблем, препятствующих осуществлению их функций. Особую озадаченность вызывает практика установления избыточных требований контрольно-надзорными органами к помещениям, используемым для временного размещения бездомных граждан, что существенно ограничивает возможности оказания им помощи [9].

Подводя итог, можно отметить, что в правовом положении лиц без определенного места жительства имеет место быть ряд проблемных вопросов и важную роль в их решении играет Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации.

Список цитируемой литературы

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.11.2025).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 26.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Справочная правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/69470b15e4eb033f5bfa691094e1d083f32238e9/ (дата обращения: 19.11.2025).
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // Справочная правовая система «Консультант плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 21.11.2025).
4. Федеральный закон от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2255/ (дата обращения: 28.11.2025).
5. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34419/ (дата обращения: 30.11.2025).
6. «ГОСТ Р 52495-2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Термины и определения» (утв.

Приказом Ростехрегулирования от 30.12.2005 № 532-ст). [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/gost-r-52495-2005-natsionalnyi-standart-rossiiskoi-federatsii/> (дата обращения: 22.11.2025).

7. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 04.08.2021 № 538Н «Об утверждении перечня документов, необходимых для установления страховой пенсии, установления и перерасчета размера фиксированной выплаты к страховой пенсии с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии, назначения накопительной пенсии, установления пенсии по государственному пенсионному обеспечению». [Электронный ресурс].

URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=480585&yclid=mis1rc08b9294513495> (дата обращения: 22.11.2025)

8. Письмо Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 28 марта 2012 г. № 1135/30-1 «О регистрации лиц без определенного места жительства в качестве застрахованных лиц в системе обязательного медицинского страхования»

URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70084374/> (дата обращения: 30.11.2025).

9. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2024.pdf> (дата обращения: 22.11.2025).

10. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Президент Российской Федерации: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75816> (дата обращения: 29.11.2025).

11. Росстат: Население по типам занимаемых жилых помещений. 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom11_ZHilishchnye_usloviya_naselenia (дата обращения: 28.11.2025).

Коваль Александра Эдуардовна

студент Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна

заведующий кафедрой конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ И ДОСТОВЕРНУЮ ИНФОРМАЦИЮ О ЕЕ СОСТОЯНИИ

Аннотация. Научная работа включает в себя комплексный анализ статьи сорок второй Конституции Российской Федерации. Актуальность статьи имеет теоретический, практический и социальный аспект ввиду развития осознанности человека и гражданина в сфере окружающей среды. Цель статьи представляет собой исследование существующей коллизии, образовавшейся ввиду рассмотрения дела № А40-256084/2022 несколькими судебными инстанциями. В заключении проведенной аналитической работы автором предложены варианты по преодолению, возникшему в последствии пробела права.

Ключевые слова: конституционное право, благоприятная окружающая среда, достоверная информация об окружающей среде, ущерб здоровью, ущерб имуществу, экологическое правонарушение

Актуальность данной темы обусловлена фундаментальной социальной и экологической гарантией государства по отношению к человеку и гражданину. Практическая значимость связана с изучением разрешенного дела между государственными органами, которые действием и бездействием причинили вред окружающей среде и не уведомляли население о возникших обстоятельствах. Ситуация, в которой вред не возмещается конкретным лицом так или иначе приведет к прецеденту, негативно сказывающемуся на репутации государственных органов и государству в целом. Социальная актуальность детерминирована развитием экологической сознательности человека и гражданина. Научная работа предполагает дальнейшее предложение по ликвидации пробела в праве, относительно механизма защиты права на благоприятную среду.

По теме, связанной с конституционным правом человека и гражданина на благоприятную среду и информацию о ней, опубликованы весьма

интересные в познавательном, регулятивном и проблемно-практическом планах научные статьи таких авторов, как И.О. Краснова [1], М.С. Савченко и Д.В. Грицай [2], К.С. Сусликова [3].

Конституция Российской Федерации [4] закрепляет в ст. 42 «экологические права человека и гражданина», включающие в себя право на благоприятную окружающую среду, право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды и право на возмещение ущерба, причиненного вследствие экологического правонарушения. Специфика данной конституционной нормы заключается в ее неделимости ее компонентов.

Право на благоприятную окружающую среду является материальным, естественным и неотчуждаемым ввиду содержания конституционной нормы и Федерального закона от 10 января 2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», закрепляющей термин «благоприятная окружающая среда» – это окружающая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов [5]. Содержание конституционных норм дает основания для обобщения, что государство обязуется воздерживаться от негативного вмешательства в экосферу, а также активно участвовать в реализации экологических прав граждан. Это закономерно предполагает установление необходимых единых государственных стандартов, проведения экологических экспертиз, создание охраняемого законом и государственными органами природного пространства и реализацию программ по улучшению или сдерживанию негативных деяний правонарушителей в данной сфере, что может привести к окружающей среде к состоянию неблагоприятной.

В качестве неблагоприятных факторов, детерминированных деятельностью человека, автор выделяет: шумовое загрязнение (непосредственная близость природных территорий и промышленных предприятий, скопления транспорта) и расточительство природных ресурсов.

Право на достоверную информацию об окружающей среде является процедурным информационным правом, предполагающим возможность человека индивидуально или коллективно (например, через общественную организацию) обратиться к компетентным публичным органам для дальнейшего запроса и получения информации о реальном состоянии экологии субъекта (например: обращение с отходами производства и потребления, радиация, качество воды), фактах правонарушения по отношению к природной территории или уточнения планируемой или уже осуществляемой деятельности, влияющей разрушительно на экологию. Достоверность информации предполагает дополнительные качества информирования населения, например, своевременность, полнота,

объективность и доступность. Реализация данного права позволяет гражданам проводить субъективную оценку состояния окружающей среды, защищать его и требовать от государства восстановления баланса при условии нарушений.

Право на возмещение ущерба является гарантией государства, предоставляемой человеку и гражданину, подкрепляется юридической силой, и обеспечивает защиту при его нарушении, а также его восстановление. При возникновении реальной ситуации, связанной с загрязнением, экологической аварии и иных факторов, повлекших за собой общественно опасные последствия в виде причинения вреда здоровью и/или имуществу человека и гражданина, он имеет право подать иск в суд о возмещении вреда к виновному лицу за моральный (физические и/или нравственные страдания) или имущественный вред.

Таким образом, конституционная норма ст. 42 имеет важнейшую цель – защита права на благоприятную среду; инструмент – право на информацию, позволяющую субъективно оценить ситуацию; и гарантию восстановления нарушенных прав – право на возмещение ущерба.

В судебной практике Российской Федерации рассматривалось дело между Центрально-Черноземным межрегиональным управлением Федеральной службой по надзору в сфере природопользования (далее — Росприроднадзор) и «Центральное жилищно-коммунальное управление» Министерства обороны Российской Федерации (далее – ФГБУ «ЦЖКУ» Минобороны России), номер дела № А40-256084/2022. Юридическим фактом нарушения установлены принадлежащие ФГБУ «ЦЖКУ» Минобороны России в поселке Первомайское Тамбовской области, канализационные очистные сооружения, сбрасывавшие сточные воды в ручей с систематическим превышением в них вредных веществ. Соответственно, в рамках своей компетенции Росприроднадзор подал иск в арбитражный суд и указал в документах расчет денежных средств пропорционально причиненному ущербу (489 591 рубль 66 копеек). Дело № А40-256084/2022 рассматривалось судами разных инстанций ввиду не согласия Росприроднадзора с судебными актами, разрешающих данный судебный спор.

В конечном итоге, Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 22.08.2023 № Ф05-20100/2023 [6] установлено, что вина эксплуатанта, в лице ФГБУ «ЦЖКУ» Минобороны России, отсутствует, ввиду разрушенного состояния и стопроцентном износом очистных станций. Вследствие чего ФГБУ «ЦЖКУ» Минобороны России проводило некорректно очищение стоков. Суд, ознакомившись с обстоятельствами спора

пришел к заключению, что ущерб окружающей среде возник на основании бездействия государственных органов, в лице Росприроднадзора, выражающихся в неисполнении обязанностей законного собственника по строительству и непосредственному финансированию очистных сооружений.

В соответствии с вышеизложенным, есть основания для вывода, что данная ситуация представляется классической юридической коллизией, суть которой заключается в противостоянии двух основных правовых принципов: ответственности за причиненный вред и разграничения полномочий органов публичной власти. Сложность разрешения коллизии обусловливается в разности подходов:

- позиция Росприроднадзора является формальной (нарушителем представляется ФГБУ «ЦЖКУ» Минобороны России, так как их деятельность повлекла экологический вред; доказательством является акты проверки и экспертиза проб; причинно-следственная связь обнаружена, проблема некачественного оборудования – внутренняя, т. е. они обязаны были заменить оборудование для дальнейшего осуществления деятельности не нарушая законодательство России);

- позиция суда остается материальной (нарушителем является бездействовавшее лицо, создающее благоприятные условия для возможности нарушения законодательства Российской Федерации; ФГБУ «ЦЖКУ» Минобороны России вынужденно причинило вред, ввиду разрушенной структуры очистителя, переданного в эксплуатацию от собственника; нужно ликвидировать первоисточник, не ограничиваясь только установлением факта нарушения).

Ввиду данной коллизии возникает и пробел в праве относительно ответственности между уровнями и непосредственно органами государственной власти. Принцип возмещения вреда нарушителем существует и реализуется, однако не регламентировано кто является нарушителем, собственник или эксплуатант, одновременно являющиеся государственными органами. Постановление арбитражного суда № Ф05-20100/2023 не указывает вину конкретизированного лица, обобщая ее в «государственную». Помимо данного возникает вопрос о дальнейшей эксплуатации предоставленного собственником имущества, находящегося в неудовлетворительном техническом состоянии.

Как предложение, направленное на разрешения данного пробела и соответствующей коллизии, считаем целесообразным разработку механизма возмещения ущерба, взыскание которого осуществлять с соответствующих публичных органов, а нормативных правовых актах закрепить в субсидиарную ответственность за государственными органами.

Список цитируемой литературы

1. Краснова И.О. Право на благоприятную окружающую среду как конституционное и Экологическое право // Актуальные проблемы российского права. 2019. №8 (105). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-blagopriyatnuyu-okruzhayuschuyu-sredu-kak-konstitutsionnoe-i-ekologicheskoe-pravo> (дата обращения: 24.09.2025).
2. Савченко М. С., Грицай Д. В. Эволюция понятия конституционного права граждан Российской Федерации на достоверную информацию о состоянии окружающей среды // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ponyatiya-konstitutsionnogo-prava-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-na-dostovernuyu-informatsiyu-o-sostoyanii> (дата обращения: 24.09.2025).
3. Сусликова К. С. О конституционном праве на достоверную информацию об окружающей среде и некоторых проблемах его реализации // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2023. №1 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-konstitutsionnom-prave-na-dostovernuyu-informatsiyu-ob-okruzhayuschey-srede-i-nekotoryh-problemah-ego-realizatsii> (дата обращения: 24.09.2025).
4. Конституция Российской Федерации (с гимном России). – Москва : Проспект, 2024. – 64 с. (дата обращения: 23.09.2025).
5. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 26.12.2024). — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 23.09.2025).
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.08.2023 № Ф05-20100/2023 по делу № А40-256084/2022. — Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 23.09.2025).

Козлова Юлия Сергеевна

студентка Института правоведения РГГУ

(Москва, Россия)

Научный руководитель:

Безуглый Сергей Николаевич

доцент кафедры публичной власти и правового положения личности

Института правоведения РГГУ

кандидат юридических наук, доцент

(Москва, Россия)

БИОМЕТРИЧЕСКИЕ БАЗЫ И СИСТЕМЫ РАСПОЗНАВАНИЯ ЛИЦ В РОССИИ: ПРИВАТНОСТЬ И ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Аннотация. Статья посвящена анализу нормативных и правозащитных аспектов использования биометрических данных и систем распознавания лиц в Российской Федерации. Автором рассмотрены тенденции развития и перспективы использования биометрии, подчеркнута важность разграничения единой биометрической системы и системы распознавания лиц в целях гармонизации технологического прогресса с конституционными гарантиями прав личности.

Ключевые слова: единая биометрическая система, биометрические персональные данные, система распознавания лиц, цифровизация.

Различные технологии, прямо связанные с биометрическими данными человека, все прочнее входят в повседневность российского гражданина – как за счет инициатив коммерческих компаний, так и благодаря цифровизации государства, наглядным примером которой является Единая биометрическая система (далее – ЕБС), непосредственно затрагивающая закреплённые в ст. 23 Конституции России права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Определение ЕБС, установленное в ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», прямо говорит о том, что – это государственная информационная система, которая содержит биометрические персональные данные физических лиц, векторы единой

биометрической системы и иную информацию, определяемую в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2023 г. № 883 «Об утверждении Положения о единой биометрической системе...». Целью внедрения данной системы, исходя из официального сайта ЕБС, является «повышение доступности услуг, требующих юридически значимого подтверждения личности» [1]. Фактически система выступает альтернативой личного присутствия или традиционных методов идентификации.

ЕБС, являясь государственной программой, прямо используется такими значимыми ведомствами как ФНС России, Минцифры России и многих ее субъектов, Минтранс России, а также она может взаимодействовать с многими федеральными информационными системами для входа в них. При этом ЕБС по своей природе, является довольно уязвимой системой, несмотря на предпринятые меры по защите столь важных персональных данных человека и гражданина. На пробелы прямо указывает А.В. Минбалеев: «... нет четкого понимания того, как планируется защищать биометрические персональные данные в рамках профилей ЕБС, в том числе от своих сотрудников. Нет 100 %-й возможности защищать и верифицировать такие данные. Граждане могут сдать отпечатки пальцев и свои фотографии, в то же время людей снимают без их ведома в общественных местах, записывают голос, обзванивая по телефону, а затем эту информацию могут использовать, например, при крупных сделках с недвижимостью, управлении счетом в банке и т.д. Все эти угрозы требуют повышенного внимания к вопросам информационной безопасности при функционировании Единой биометрической системы» [2, с. 199].

ЕБС безусловно требуют более строгой правовой защиты со стороны органов публичной власти в сравнении с иными категориями персональных данных. Имело бы смысл детализировать законодательство о биометрических персональных данных (далее – БПД), дополнив его нормами о правовом регулировании новейших техник обработки БПД, таких как категоризация и распознавание, что прямо связано с системой распознавания лиц. Цели и применение ЕБС и системы распознавания лиц (далее – СРЛ) довольно разнятся. Если ЕБС – это своеобразный «ключ» для входа, то СРЛ – это технология «компьютерного зрения» и искусственного интеллекта. СРЛ не может пользоваться ЕБС, исходя из Федерального закона 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» и вышеупомянутого Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ. Использование биометрических данных, уже внесенных ранее в единую систему, возможно только с согласия гражданина, при этом применение данных в иных целях, кроме указанных в

форме согласия, запрещено. И это правильно, по нашему мнению, ведь сбор и обработка биометрических данных без согласия (особенно в публичных местах) вполне может рассматриваться как произвольное вмешательство в частную жизнь. Хотя Второй кассационный суд признал законным использование системы распознавания лиц в метро конкретно для защиты правопорядка и государственной безопасности [3]. Кроме того, в Совете Федерации обсуждалась инициатива автоматического назначения штрафов за административные нарушения с использованием СРЛ и ЕБС. Поддержку высказало Минцифры, но Минюст, МВД и ФСБ выступили против, указав на добровольность сдачи биометрии и угрозу оттока данных [4]. Глава комитета Госдумы по труду предложил использовать СРЛ для выявления нелегальных мигрантов и иностранцев, совершивших правонарушения. В систему предлагается загружать все регистрационные данные из МФЦ вместе с базами правоохранительных органов [5].

Не стоит забывать об определенных рисках, которые несет в себе СРЛ, так как она не является совершенным механизмом. В случае ее применения возможны ошибки распознавания личности, что уже неоднократно случалось в зарубежной и отечественной практике [6]. Причины неверной идентификации разнятся, но в целом сводятся к ошибкам в исходных данных, ошибкам в архитектуре и логике, а также нехватке контроля на этапе обучения модели. Немаловажным является факт, что большинство СРЛ разрабатываются частными компаниями, а это ведет к отсутствию прозрачности технологии. Биометрические данные из ЕБС представляют огромный интерес для злоумышленников, ведь благодаря ним будет доступен вход в защищенные государственные системы (Госуслуги, Мосру, ЛКН) для мошеннических целей.

Если говорить о механизмах правовой защиты при использовании ЕБС и работы с биометрическими данными, в том числе СРЛ, то в первую очередь безусловно стоит вновь сказать о невозможности и противоправности использования биометрии, ее обработки без согласия граждан. Безусловно существуют исключения, но они действуют для узкого круга государственных органов и для перечня конкретных ситуаций. В то же время, гражданин в любой момент волен удалить свои биометрические данные, как с сайта Госуслуг, так и банка, в котором их оформляли. Подать заявление на отказ от использования биометрии можно в МФЦ. Существует возможность отозвать согласие на обработку своих данных. За нарушения порядка сбора, обработки, хранения и использования биометрических данных предусмотрены различные виды ответственности – от административной до уголовной. Существует механизм подачи жалобы в

Роскомнадзор (который является основным надзорным органом по подобным вопросам), а также универсальный механизм – обращение в суд.

В связи с этим существует необходимость развития нормативного правового регулирования дальнейшего взаимодействия ЕБС с другими системами – как государственными, так и частными. Важно разработать и по мере развития технологий дорабатывать единые протоколы передачи, шифрования и защиты данных, а также установить ответственность за их утечку. Исходя из последних новостей, прослеживается тенденция сближения ЕБС и СРЛ, в частности, данные о биометрии хотят применять для поимки преступников, что в принципе не может быть реализовано на базе ЕБС «как технически, так и нормативно» [7]. Важно понимать, что этот механизм и его независимость – не просто технологическое ограничение, а правовая гарантия. Она позволяет сохранить человека в центре цифровой трансформации, а не превращать его в объект бесконечного мониторинга. В том числе по этой причине существует нужда в комплексных нормативных актах, по примеру не только западных (AI Act, DPIA), но и восточных (в Китае существует «Закон об искусственном интеллекте» и активно развивается виртуальная идентификация Cyberspace ID), однако, невероятно важны именно отечественные инициативы и осмысления [8; 9], которые будут отвечать именно нашим потребностям.

В конечном счете хотелось бы сказать, что унификация и детализация подхода к ЕБС и четкое законодательное регулирование СРЛ, их нормативное разделение в России, сможет не только обеспечить безопасность и прозрачность процессов, но и позволит сохранить баланс между интересами безопасности и неотъемлемыми правами личности. Именно этот баланс позволит биометрическим технологиям стать ничем иным как «доверенным элементом» цифрового правового государства, а не системой тотального контроля «под видом» технологического прогресса.

Список цитируемой литературы

1. Едина биометрическая система // URL: <https://ebs.ru/about/> (дата обращения: 20.11.2025).
2. Минбалеев А.В. Проблемы цифрового права / А.В. Минбалеев. Саратов: Амрит, 2022. 233 с.
3. Кассация признала законным использование системы распознавания лиц в метро // URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20250731/311058788.html (дата обращения: 27.11.2025).
4. Граждан разворачивают лицом к штрафам // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8140374> (дата обращения: 27.11.2025).

5. В Госдуме предлагают усилить контроль за иностранцами при помощи цифрового сервиса // URL: <https://iz.ru/1683210/natalia-bashlykova/glaza-posmotreli-migrantov-narushitelei-vyiaviat-cherez-sistemu-raspoznavaniia-litc> (дата обращения: 27.11.2025).
6. Несовершенство технологий грозит ложными обвинениями в адрес невиновных людей // URL: <https://iz.ru/1641514/dmitrii-bulgakov/vse-kak-odin-k-chemu-privodiat-oshibki-sistem-raspoznavaniia-litc> (дата обращения: 27.11.2025).
7. Минтранс предлагает впервые использовать распознавание лиц для административных наказаний // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8230528?ysclid=mihifp56y4855374090> (дата обращения: 27.11.2025).
8. Митянов З.О. Ограничения публично-правовой защиты биометрии в рамках единой биометрической системы // Сибирский юридический вестник. 2025. № 3 (110). С. 34-39.
9. Киселева Л.А., Шайдуров А.С. Правовое регулирование технологий распознавания лиц: проблемы и перспективы // Эффективный ответ на современные вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий: Материалы XVI Международной научно-технической конференции. Екатеринбург: УГЛТУ, 2025. С. 640–646.

Коломиец Виктория Александровна

студентка Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Пасенов Александрос Николаевич

доцент кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

кандидат юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

ПРИОРИТЕТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. В статье анализируются приоритеты деятельности Уполномоченного по правам человека в Белгородской области в современных условиях, характеризующихся усилением геополитической напряженности и социально-экономическими изменениями. Автор

рассматривает ключевые направления работы омбудсмана, акцентирует внимание на наиболее актуальных проблемах защиты прав граждан в регионе и оценивает эффективность принимаемых мер.

Ключевые слова: права человека, Уполномоченный по правам человека, Белгородская область, социальная поддержка, пункты временного размещения (ПВР).

Постоянные обстрелы Белгородской области, террористические атаки с попыткой пересечь границу и разрушить инфраструктуру жизнеобеспечения требуют оперативных мер по защите мирных жителей региона. Институт Уполномоченного по правам человека в Белгородской области оказался чрезвычайно востребованным в этой ситуации, о чем свидетельствуют тысячи обращений, поступающих в его адрес.

Проведение специальной военной операции (СВО) по демилитаризации и денацификации Украины повлияло практически на все гражданские, политические и социально-экономические процессы, которые происходят на территории Белгородской области.

Исходя из отчёта Уполномоченного по правам человека в Белгородской области за 2024 год, наибольшее количество обращений связано с социальными правами. В тройку «лидеров» вошли вопросы, касающиеся прав на жилище, прав человека в условиях особых административно-правовых режимов и вопросы предоставления мер социальной поддержки [1, с. 4].

В аппарат Уполномоченного поступило 1631 обращение, что примерно в шесть раз превышает количество обращений в 2023 году (273 обращения). Такое увеличение связано с фактами обращений граждан, пострадавших в результате украинской агрессии.

Одной из самых многочисленных групп населения области, нуждающихся в социальной защите и предоставлении жилья, являются граждане, пострадавшие в результате обстрелов со стороны вооружённых формирований Украины и террористических актов в приграничных районах области и городе Белгороде. Это свыше 5 262 семей (более 14 000 человек), оставшихся без жилья, и вынужденных проживать в пунктах временного размещения, на съёмном жилье и у родственников.

Данную категорию лиц Жанна Николаевна Киреева в своем докладе делит на два крупных проблемных блока:

«первый – восстановления повреждённого жилья, которое подлежит ремонту после обстрелов вооружённых формирований Украины;

второй – строительство или приобретение нового жилья, взамен полностью утраченного в результате обстрелов вооруженных формирований Украины, а также в связи с отселением людей из населенных пунктов в связи с ЧС, ограничением въезда и угрозой постоянных обстрелов» [1, с. 59].

Для устранения данной проблемы предпринято огромное количество мер: за счет средств федерального бюджета предоставлены единовременные выплаты, выплаты за утраченное имущество, восстановление домовладений, открытие 30 пунктов временного размещения (далее ПВР).

Все предпринятые меры не обходились без участия Уполномоченного. На вопросы пострадавших граждан давались подробные ответы, обращения принимались в работу и решались в кратчайшие сроки. С учетом поступления в регион федеральных средств для жителей приграничья разъяснялись условия открытия специальных счетов.

Важным направлением работы также является мониторинг качества восстановительных работ. Для обеспечения эффективной защиты прав граждан каждое обращение находится под личным контролем Уполномоченного вплоть до получения положительного отзыва от собственника о решении проблемы.

На базах ПВР практически ежедневно Уполномоченный и сотрудники аппарата проводили приёмы граждан, нуждающихся в помощи различного характера, старались оказать её незамедлительно. По инициативе государственного правозащитника Белгородской области для граждан, проживающих в ПВР, неоднократно проведены встречи с министром строительства области О.П. Козлотиной и представителями администраций районов и округов, а также различных ведомств.

С теоретической осведомленностью вопросов не возникает, но на практике появляются проблемы. Согласно Постановлению Правительства Белгородской области от 25 ноября 2024 года № 555-пп «Об утверждении порядка предоставления мер социальной поддержки граждан, жилые помещения которых утрачены в результате обстрелов со стороны вооруженных формирований Украины, и граждан, проживающих в населенных пунктах, которые подверглись или подвергаются таким обстрелам» выплата гражданам осуществляется из областного бюджета на специальный счет.

Специальным счетом является счет, открытый в кредитной организации, осуществляющей деятельность на территории Белгородской области, с которой министерством строительства Белгородской области заключено соответствующее соглашение. Условием списания денежных средств со специального счета является письменное уведомление кредитной

организации о согласовании списания денежных средств, направляемое министерством [2, с. 3]. То есть самостоятельно распоряжаться выплатой на приобретение жилья собственник не может.

Средства выплаты, находящиеся на специальном счете гражданина, подлежат возврату в областной бюджет: в размере разницы между размером выплаты и фактически израсходованных денежных средств в случае, если стоимость приобретенного или построенного жилого помещения оказалась меньше размера выплаты, перечисленной на специальный счет гражданина.

По нашему мнению, это является ярко выраженной проблемой, поскольку остаток средств, уплаченных за утраченное жилое помещение, должен принадлежать собственнику, а не областному бюджету. Для решения этой проблемы мы предлагаем внести изменения в региональное законодательство о принадлежности остатка средств владельцу, а также разработать механизм компенсации разницы между выплатой и стоимостью жилья. Такие альтернативные варианты использования остатка могут включать: предоставление права использования остатка на улучшение жилищных условий, возможность перенаправления остатка на другие социальные нужды или возможность получения остатка в денежной форме при определенных условиях. Для эффективности данной деятельности можно создать комиссию по рассмотрению вопросов использования остатка с участием представителей аппарата Уполномоченного.

Отметим, что основным направлением деятельности Уполномоченного является рассмотрение обращений. В данном процессе задействуется комплекс правозащитных инструментов, включающий организацию проверочных мероприятий с возможностью инициирования прокурорских проверок по ходатайству, отправку официальных запросов для сбора необходимой информации по каждому делу, подачу ходатайств в судебные инстанции, а также подготовку рекомендаций и заключений [3, с. 7].

Параллельно с решением вопросов, связанных с восстановлением жилья, осуществляется помощь в восстановлении утраченных документов, оказывается содействие в трудоустройстве для лиц, вынужденно покинувших свои дома, а также в изменении формата получения пенсионных выплат. Особое внимание уделяется обеспечению нуждающихся медикаментами. Кроме того, реализуется программа гуманитарной поддержки, включающая предоставление одежды и продуктов питания. Данная работа проводится в тесном взаимодействии с региональным отделением Российского Красного Креста и общественной организацией «Народный фронт».

В целях совершенствования механизмов правовой защиты населения по предложению Жанны Николаевны Киреевой запущен социально

значимый проект «Правовая забота». Инициатива направлена на обеспечение квалифицированной юридической помощи жителям региона, проживающим в отдалённых сельских районах, пунктах временного размещения и приграничных территориях [4].

Проект призван расширить доступ граждан к правовой помощи и обеспечить их защиту в соответствии с законодательством.

Большая часть вопросов касается проведения СВО, поддержки и защиты прав военнослужащих и их семей, а также лиц, пострадавших в результате обстрелов со стороны вооружённых формирований Украины. Среди приоритетных вопросов – защита социальных, жилищных и трудовых прав, а также права на образование, доступности и качества услуг в сферах здравоохранения, транспорта, ЖКХ и многих других. Кроме того, увеличилось количество обращений в сфере миграции и приобретения российского гражданства.

На наш взгляд, процесс инициации и последующей реализации этого проекта имеет важное значение, поскольку выделенная в нем категория граждан особенно нуждается в квалифицированной юридической помощи, но часто сталкивается с проблемами её доступности из-за удалённости проживания, сложной социально-экономической ситуации и специфических правовых проблем, связанных с приграничным положением региона.

Для совершенствования проекта представляется возможным, проанализировав наиболее частые обращения (например, получение гражданства, социальные выплаты, жилищные вопросы) разработать правовые путеводители. Их можно распространять в пунктах временного размещения, сельских администрациях и других местах.

Также при совместном участии Уполномоченного по правам человека в Белгородской области и регионального отделения Ассоциации юристов России в области реализуется проект «Правовая поддержка СВО», направленный на оказание бесплатной юридической помощи военнослужащим, членам их семей [5].

Таким образом, в условиях военной агрессии и угроз на границе, жители Белгородской области испытывают серьезное давление в области соблюдения социальных прав, прежде всего, прав на жилье и социальную поддержку. Это подтверждают данные отчета Уполномоченного по правам человека за 2024 год.

Применяемые государственные меры в значительной степени опираются на федеральные средства и региональные программы, включая выплаты и создание пунктов временного размещения (ПВР). В то же время механизм использования средств на специальных счетах по выплатам на жилье вызывает определенные вопросы: средства перечисляются на

специальный счет в кредитной организации и могут использоваться только по письменному уведомлению министерства; остаток при разнице стоимости жилья возвращается в областной бюджет. Оказание помощи собственнику здесь оказывается ограниченным и остаток средств на счете не может быть использован по усмотрению владельца. На наш взгляд, необходимо рассмотреть возможность закрепления за владельцем права на использование остатка средств после покупки/строительства жилья (или иного направления, согласованного с владельцем), а не принудительное возвращение в бюджет;

Проведенный анализ демонстрирует высокую эффективность Уполномоченного по правам человека в Белгородской области как важного института защиты прав граждан в условиях агрессии со стороны вооруженных формирований Украины, особенно в части социальных и жилищных прав.

Список цитируемой литературы

1. Ежегодный доклад Уполномоченного по правам человека в Белгородской области за 2024 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Белгородской области. URL: <https://ombudsmanbel.ru/dokumenty/vse-dokumenty/ezhegodnyj-doklad-upolnomochennogo-po-pravam-c2024/> (дата обращения: 23.11.2025).
2. Постановление Правительства Белгородской области от 25 ноября 2024 г. № 555-пп «Об утверждении порядка предоставления мер социальной поддержки граждан, жилые помещения которых утрачены в результате обстрелов со стороны вооруженных формирований Украины, и граждан, проживающих в населенных пунктах, которые подверглись или подвергаются таким обстрелам» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/407521432?ysclid=mibjex21zo642479967> (дата обращения: 23.11.2025).
3. Закон Белгородской области № 262 от 10 марта 2009 года «Об Уполномоченном по правам человека в Белгородской области» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/469024633> (дата обращения: 23.11.2025).
4. Belregion.ru: официальный сайт Правительства Белгородской области [Электронный ресурс]. URL: <https://belregion.ru/press/news/index.php?ID=140967> (дата обращения: 24.11.2025).
5. Ассоциация юристов России [Электронный ресурс]. URL: <https://alrf.ru/activities/podderzhka-svo/> (дата обращения: 24.11.2025).

Кондратюк Станислав Валерьевич

студент Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Мархгейм Марина Васильевна

заведующий кафедрой конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

(Белгород, Россия)

ЗАКОН-ИСКЛЮЧЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОПРАВOK К КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена «закона-исключения» в контексте регулирования поправок к Конституции Российской Федерации. Рассматриваются особенности правовой природы и процедурного оформления Законов о поправке, которые занимают особое место в системе источников российского права. В отличие от общих правил законотворчества, данные акты обладают уникальными чертами: они имеют более высокую юридическую силу по сравнению с федеральными конституционными законами, но не тождественны самой Конституции; процедура их принятия и вступления в силу усложнена и включает участие субъектов Федерации. Отмечается дуализм их статуса – одновременно «закона» и «исключения» из общепризнанной иерархии нормативных правовых актов. Анализируется практика применения такого механизма в России, в том числе в свете конституционной реформы 2020 года, что позволяет выявить специфику института поправок и его значение для развития конституционного строя.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, поправки к Конституции, иерархия нормативных правовых актов, правовая природа, процедура внесения поправок, источники конституционного права.

Конституция Российской Федерации [1] занимает высшее место в системе источников права и законодательства, служит основой всего правового регулирования. Вместе с тем современная практика показывает, что конституционные нормы не являются статичными и иногда требуют внесения изменений, чтобы адекватно отражать социально-политическую и правовую реальность. В российской правовой системе механизм таких изменений реализуется через Законы о поправке к Конституции Российской Федерации. Эти акты обладают уникальными особенностями, которые выделяют их среди других нормативных правовых источников, поскольку

они сочетают в себе конституционные признаки закона и одновременно выступают особым инструментом, позволяющим изменять текст основного закона. В связи с особым правовым статусом, усложненной процедурой принятия и участием субъектов Федерации такие Законы справедливо можно назвать исключительными по форме и предназначению.

Прежде всего отметим, что в соответствии со ст. 15 Конституция Российской Федерации обладает высшей юридической силой, имеет прямое действие и применяется на всей территории государства. В теоретико-правовой модели иерархии нормативных правовых актов конституционной науки именно Конституция занимает первое место как основополагающий источник права [2]. Следом располагаются федеральные конституционные законы, поскольку они конкретизируют ключевые положения основного закона и регулируют наиболее значимые сферы общественных отношений [2].

Однако при таком подходе нередко упускается особая категория нормативных актов – Законы Российской Федерации о поправке к Конституции. Юридически они носят статус федеральных конституционных законов, что следует из номерного обозначения (например, Закон Российской Федерации о поправке к Конституции «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» от 14 марта 2020 года носит номер 1-ФКЗ, хотя так не обозначен в тексте документа) [3]. Но можно выделить существенные отличия Закона о поправке к Конституции Российской Федерации относительно федеральных конституционных законов. Если федеральные конституционные законы призваны развивать и детализировать конституционные нормы, не затрагивая их буквального содержания, то Законы о поправке непосредственно изменяют текст Конституции, «растворяясь» в нем. Это обстоятельство указывает на их более высокое юридическое значение: гипотетически их можно расположить над Конституцией, поскольку они вносят изменение в то, что уже обозначено как основной источник правового регулирования, но тогда бы это противоречило ч. 2 ст. 4, которая закрепляет верховенство Конституции и не допускает наличия чего-либо превосходящего по юридической силе, поэтому фактически они находятся в промежуточном положении между самой Конституцией и федеральными конституционными законами.

Иными словами, несмотря на то, что в общепризнанной и отраженной в п. «а» ч. 2 ст. 125 Конституции иерархии источников права федеральные конституционные законы размещаются сразу после Конституции, по своей сути выше них должны стоять именно Законы о поправке к Конституции.

Они обладают исключительным характером, изменяя саму «конституционную материю», и тем самым предопределяют содержание не только федеральных конституционных, но и всех иных законов и подзаконных актов. Так, корректнее рассматривать Законы о поправке к Конституции Российской Федерации как особый уровень в системе законодательства, который занимает место непосредственно под Конституцией и предшествует федеральным конституционным законам.

Но, важно отметить, что данная специфика не является единственной в правовой природе Законов о поправке к Конституции Российской Федерации. Иной интересной особенностью можно обозначить сам процесс его принятия, который также отличается от стандартных федеральных конституционных и федеральных законов. Если для федерального закона достаточно простого большинства голосов в Государственной Думе и Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, как указано в ст. 105 Конституции, а для федерального конституционного закона требуется квалифицированное большинство – две трети в Государственной Думе и три четверти в Совете Федерации, о чем гласит ст. 108, то поправка к Конституции требует дополнительных усложнений, выражающихся в следующем: помимо квалифицированного большинства в обеих палатах Федерального Собрания России, ее обязательным условием является одобрение не менее 2/3 законодательных органов субъектов Российской Федерации, как прописано в ст. 136. Тем самым обеспечивается согласие на уровне Федерации и ее субъектов на внесение изменений в Конституцию, что подчеркивает федеративный характер Российского государства и необходимость учитывать интересы субъектов Федерации при корректировке базового закона.

Особого внимания заслуживают юридические последствия. Любое изменение, внесенное Законом о поправке, становится частью Конституции и приобретает ту же юридическую силу, что и изначальные положения базового закона. В отличие от федеральных конституционных законов, которые конкретизируют уже существующие конституционные нормы, поправка меняет и дополняет их содержание. Так, она не только влияет на дальнейшее законодательное регулирование, но и требует адаптации всей правовой системы к обновленной редакции Конституции.

Наконец, специфика этого института проявляется и в его исторической практике. Поправки 2008 года носили точечный характер, изменяя сроки полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы [5]. Поправки 2014 года были связаны с вопросами судебной системы России и органов законодательной власти Федерации [6, 7]. Опыт 2020 года показал,

что данный институт может быть использован для комплексного обновления основного закона: поправки коснулись широкого круга вопросов – от перераспределения полномочий между органами власти и конституционного закрепления социальных гарантий до введения принципиально новых положений, касающихся суверенитета и политической системы государства. Такое расширительное применение механизма поправок вызвало активную научную дискуссию [8, 9, 10]. Одни исследователи указывают на то, что поправки 2020 года по своему объему и содержанию фактически приблизились к пересмотру Конституции [8], что ставит под сомнение корректность применения процедуры именно Закона о поправке. Другие, напротив, отмечают, что наличие гибкого механизма обновления Конституции позволяет адаптировать ее к изменяющимся условиям, сохраняя при этом преемственность [9].

Подводя итоги отметим, что практика последних десятилетий подтверждает, что Законы о поправке к Конституции стали важнейшим инструментом внесения изменений в текст базового закона нашей страны, а потому его специфика требует внимательного анализа не только в юридическом, но и в политико-правовом аспекте.

Список цитируемой литературы

1. Конституция Российской Федерации (с гимном России). С учетом образования в составе Российской Федерации новых субъектов. - М.: Проспект, 2025. 64 с.
2. Смоленский М. Б., Мархгейм М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 445 с.
3. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020 г. № 11. Ст. 1416.
4. Федеральный закон Российской Федерации «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» от 04.03.1998 № 33-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998 г. № 10. Ст. 1146 с изм. и допол. в ред. от 13.06.2023;
5. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» от 30.12.2008 № 6-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст. 1.
6. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре

Российской Федерации» от 05.02.2014 № 2-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 6. Ст. 548.

7. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30. Ст. 4202.

8. Игнатенко В. А. Конституционная реформа 2020 года и ее влияние на правовую жизнь российского общества // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. №4(94). С. 88-92.

9. Бочаров И. Е. Поправки в Конституцию Российской Федерации 2020 г.: плюсы и минусы // Бизнес. Образование. Право. 2025. №1(70). С. 224-230.;

10. Морковкина В. М. Влияние конституционной реформы 2020 года на федеральную исполнительную власть // Молодой ученый. 2022. №10(405). С. 158-160.

Конев Кирилл Владимирович,

студент Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Новикова Алевтина Евгеньевна,

профессор кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

РОССИЙСКОЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации российского избирательного права под влиянием процессов цифровизации с фокусом на внедрение дистанционного электронного голосования (ДЭГ). Особое внимание уделено двойственному характеру цифровизации, которая, с одной стороны, повышает доступность, скорость и точность избирательного процесса, а с другой – порождает серьезные риски, связанные с кибербезопасностью, обеспечением тайны голосования, предотвращением принуждения и сохранением общественного доверия. На примере практики применения ДЭГ, в том числе в Белгородской области, выявлены актуальные проблемы и противоречия, а также дана оценка перспектив дальнейшего развития цифровых инструментов в электоральной системе России.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование, избирательное право, избиратель, ГАС «Выборы», цифровизация, Конституция, избирательная комиссия, тайна голосования.

Конституция Российской Федерации, являясь основным (базовым) нормативным актом, имеющим высшую юридическую силу в Российском государстве, закладывает фундаментальные основы избирательного права, устанавливая его в качестве неотъемлемого элемента конституционного строя и высшего непосредственного выражения власти народа. Конституционная ст. 3 провозглашает носителем суверенитета и единственным источником власти в стране многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Высшими непосредственными формами выражения этой власти являются референдум и свободные выборы, что подчёркивает их первостепенное значение для функционирования российской государственности. Важнейшим правом, закреплённым в ст. 32 Конституции, является право граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме [1].

Российское избирательное право, как и многие другие сферы общественной жизни, находится в процессе активной трансформации под влиянием цифровых технологий. Этот процесс носит двойственный характер, создавая как беспрецедентные перспективы для повышения эффективности и доступности выборов, так и серьёзные вызовы, связанные с обеспечением безопасности, конфиденциальности и общественного доверия. Одной из наиболее значимых новаций последних лет стало внедрение технологии дистанционного электронного голосования (далее – ДЭГ), которая на практике реализуется на федеральной платформе и в некоторых субъектах Федерации.

Одним из первых шагов к использованию цифровых технологий в электоральной системе стал Указ Президента «О разработке и создании государственной автоматизированной системе Российской Федерации "Выборы"» [2]. Дальнейшая эволюция избирательных процедур привела к появлению электронного стационарного голосования. Важной вехой на пути цифровизации стало принятие Федерального закона от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ (по состоянию на 2025 г. утратил силу), который разрешил применять технические средства подсчёта голосов, включая сканеры избирательных бюллетеней, в соответствии с установленным законодательством порядком. При этом особо оговаривалось, что результаты,

полученные с использованием такой техники, носили предварительный характер и не имели юридической силы [3].

Введённая в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ст. 64.1 регламентирует проведение ДЭГ на выборах и референдумах [4]. Решение о его проведении принимается соответствующей избирательной комиссией, которая определяет сроки, используемые государственные информационные системы и условия участия избирателей. Центральная избирательная комиссия России уполномочена принимать такое решение на выборах в федеральные органы власти и на федеральном референдуме, а при совмещении дней голосования – с учётом предложений избиркомов субъектов России. Решение о ДЭГ на выборах в органы государственной власти субъекта Российской Федерации или местного самоуправления принимается избирательной комиссией субъекта по согласованию с Центральной избирательной комиссией России, за исключением случаев использования уже апробированной на федеральных выборах региональной системы, когда требуется лишь уведомление.

Голосование проводится с использованием ГАС «Выборы» или иных сертифицированных государственных информационных систем, соответствующих требованиям, установленным Центральной избирательной комиссией России [3].

Ключевой перспективой ДЭГ является повышение доступности электоральных процессов для избирателей, которые в силу различных обстоятельств не могут посетить избирательный участок в день голосования. Это потенциально может увеличить явку и вовлечённость граждан, особенно молодого, технологически ориентированного поколения.

Говоря о перспективах, положительных аспектах электронного голосования, цифровизация существенно ускоряет и упрощает процессы подсчёта голосов и подведения итогов. В результате минимизируются технические ошибки, которые непосредственно связаны с человеческим фактором при ручном подсчёте бюллетеней, а также повышает прозрачность на этапах, предшествующих непосредственному голосованию. Также не менее важным, по мнению автора данной научной статьи, является тот факт, что при использовании электронной системы голосования существенно уменьшается риск умышленной порчи бюллетеней. Тем не менее, цифровизация это всегда наличие рисков и проблемных зон.

Внедрение цифровых технологий в избирательный процесс порождает, прежде всего, противоречия с базовыми, фундаментальными правами человека. Граждане всё чаще воспринимают цифровые нововведения как

угрозу личным свободам. К примеру, во время выборов Президента Российской Федерации в 2012 г., видеотрансляция с участков вызвала требования обеспечить анонимность голосования избирателей, ограничить съёмку исключительно членами избирательной комиссии, урнами для бюллетеней. Безусловно, мнение и восприятие цифровых нововведений на выборах за прошедшие годы изменилось. Если в 2012 г. дискуссия велась вокруг видеотрансляции и её потенциальной угрозы тайне голосования, что было относительно локальной проблемой, то сегодня, с масштабным внедрением дистанционного электронного голосования (ДЭГ), речь идёт о фундаментальных принципах. Опасения переросли из страха за анонимность в недоверие к самой основе процесса – верификации и подсчёту голосов, в том числе и возможной фальсификации. Ключевой аргумент критиков заключается в том, что ДЭГ, в отличие от традиционного голосования, проходящего публично и под наблюдением, является «чёрным ящиком» [5]. Кроме того, дистанционное голосование не позволяет полностью обеспечить гарантии отсутствия принуждения. Если при очном голосовании присутствуют члены избирательной комиссии, наблюдатели, которые следят за гарантией защиты от принудительного голосования за определённую кандидатуру. При ДЭГ существует риск того, что вместо самого избирателя может проголосовать другой человек, имеющий доступ к идентификационным данным избирателя [9]. Отсюда вытекает следующая серьёзная проблема – обеспечение общественного контроля за процессом дистанционного голосования. По мнению авторов данной научной статьи, непрозрачность системы может способствовать фальсификациям, таким как принудительное голосование, накрутка голосов или взлом системы. В отличие от закрытых систем, подобных ГАС «Выборы», интернет-голосование уязвимо для хакерских атак, учитывая нынешнюю геополитическую ситуацию в мире, что ставит под вопрос его надёжность и безопасность.

Ключевым вызовом современности для ДЭГ как сложной информационной системы остаётся уязвимость к кибератакам, включая целенаправленные кампании иностранных государств по вмешательству в избирательный процесс. Российская практика внедрения ДЭГ действительно сталкивалась с подобными рисками – во время экспериментальных выборов в Московскую городскую думу французский криптограф П. Годри выявил отдельные уязвимости, которые впоследствии были устранены. В 2023 г. инфраструктура ДЭГ подверглась масштабному давлению: было зафиксировано свыше 36 тысяч целенаправленных кибератак и более 175 тысяч потенциально опасных воздействий на интернет-портал ЦИК России,

включая инциденты из-за рубежа. Также атакам подвергся портал «Госуслуги», интегрированный в систему ДЭГ. Однако, несмотря на интенсивное воздействие, ни в одном регионе не произошло критических сбоев в работе системы [6].

Тем не менее, несмотря на существующие риски и критику, нельзя отрицать, что дистанционное электронное голосование демонстрирует устойчивую популярность и рост доверия среди определённой и все более широкой части избирателей. Статистика электорального цикла, который прошёл в 2025 г. в 81 регионе России, свидетельствует о том, что итоговая явка на платформе ДЭГ составила 90,5 % [7]. Анализ упомянутой электоральной кампании, и в частности успешного применения ДЭГ в Белгородской области в Единый день голосования, когда порядка 55 тыс. жителей Белогорья отдали предпочтение дистанционному голосованию, убедительно демонстрирует, что многие критические тезисы 2022-2023 гг. устарели и не отражают текущие технологические и организационные реалии. Положительный опыт, полученный в ходе этого избирательного цикла, позволяет сделать вывод, что ДЭГ доказал свою состоятельность не как экспериментальный инструмент, а как надёжный, востребованный и перспективный механизм волеизъявления [8].

Приведенные статистические данные – прямое свидетельство того, что для значительного числа людей удобство и доступность ДЭГ перевешивают озвучиваемые критиками риски. По мнению авторов данной научной статьи, рост доверия напрямую связан с развитием цифровых технологий и их глубокой интеграцией в повседневную жизнь. Современное поколение, привыкшее к цифровым сервисам, – естественным образом распространяет свои привычки на электоральный процесс. Для избирателей голосование через Интернет является таким же нормальным и логичным действием, как и оплата покупки смартфоном. Государство, со своей стороны, активно работает над совершенствованием системы, делая акцент на её безопасности и прозрачности. Разработчики ДЭГ постоянно говорят о многоуровневом шифровании, защите от кибератак и возможностях проверки голоса со стороны избирателя, что, безусловно, влияет на общественное восприятие и укрепляет уверенность в надёжности инструмента.

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать вывод о том, что развитие цифровых технологий в избирательном процессе Российской Федерации представляет собой сложный и противоречивый процесс. Несмотря на очевидные преимущества, такие как повышение доступности, скорости подсчёта голосов и снижение влияния человеческого фактора – всё же сохраняются риски. Для дальнейшего развития ДЭГ необходимо

совершенствовать нормативную базу, внедрять передовые технологии, обеспечить прозрачность и контроль с учётом нынешних всевозможных киберугроз.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что развитие цифровых технологий в избирательном процессе Российской Федерации представляет собой сложный и многогранный процесс, неразрывно связанный с необходимостью поиска баланса между инновациями и традиционными гарантиями избирательных прав. Несмотря на очевидные преимущества ДЭГ, такие как повышение доступности для избирателей, ускорение подсчёта голосов, минимизация технических ошибок и снижение риска умышленной порчи бюллетеней, сохраняется комплекс серьёзных вызовов. К ним относятся уязвимость к кибератакам, трудности обеспечения абсолютной тайны голосования и гарантий отсутствия принуждения, а также проблемы общественного контроля, порождаемые «эффектом чёрного ящика». Однако статистика, в частности рекордная явка на платформе ДЭГ в 90.5% в 2025 г. и положительный опыт Белгородской области, где десятки тысяч избирателей добровольно выбрали этот способ, свидетельствуют о растущем практическом доверии граждан к цифровым форматам. Таким образом, дальнейшее развитие ДЭГ и цифровизации избирательного права в целом видится не в отказе от инноваций, а в целенаправленном совершенствовании нормативной базы, внедрении передовых технологий шифрования и верификации, обеспечении максимальной прозрачности процедур и построении надёжной системы защиты от постоянно эволюционирующих киберугроз.

Список цитируемой литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.
2. О разработке и создании государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы»: Указ Президента РФ от 23.08.1994 г. № 1723 // СЗ.1994. №18. Ст. 2067.
3. Гасанов Н.К. Цифровизация избирательного процесса // Молодой ученый. 2024. № 4 (503). С. 274-276.

4. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
5. Рыбин А.В. Преимущества и недостатки дистанционного электронного голосования: перспектива или тупик? // Электоральная политика. 2022. № 1 (7). С. 1.
6. Виноградова И.М. Технология дистанционного электронного голосования в России: Опыт реализации и дальнейшие перспективы // PolitBook. 2024. №2. С. 59-61.
7. Минцифры. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/news/na-federalnoj-platforme-deg-progolosovali-90-izbiratelej> (дата обращения: 16.10.2025).
8. Губернатор и Правительство Белгородской области. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://belregion.ru/press/news/index.php?ID=140965> (дата обращения: 16.10.2025).
9. Берлявский Л.Г., Махова А.В. Избирательные права в цифровую эпоху // Юридическая техника. Отраслевые проблемы юридических инноваций. 2021. № 15. С. 480-482.

Коньшина Наталия Сергеевна

студент Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Гетьман Ксения Алексеевна

ассистент кафедры теории и истории государства и права

Юридического института НИУ «БелГУ»

(Белгород, Россия)

РАЗВИТИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ ДЛЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ РЫНКОВ И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: Статья посвящена правовым пробелам в регулировании виртуальных рынков (NFT, метавселенные). Из-за несоответствия старого законодательства новым технологиям возникают риски для авторских и имущественных прав. Для решения проблемы предлагается сочетать специальные законы, технологические инструменты (смарт-контракты, блокчейн) и международные договоры.

Ключевые слова: правовое регулирование, цифровые технологии, виртуальные рынки, цифровые активы (NFT), метавселенные, смарт-контракты, блокчейн, конституционные принципы.

«Действие Конституции РФ, реализация ее установлений показали, что Конституция стала фундаментом и инструментом мирного развития гражданского общества и политической системы, перехода к устойчивому развитию общественных отношений в достижении целей, провозглашенных Конституцией. Укреплению легитимности Конституции служат и такие новые цели и идеи, как национальное возрождение, патриотизм, единое и сильное суверенное государство, режим правопорядка, конституционности и законности в обществе» (Н.В. Витрук) [1, с.232]. Однако сегодня прочность этого фундамента проверяется вызовами новой, цифровой эпохи, требующей адаптации базовых принципов права к принципиально новым общественным отношениям.

Стремительная цифровая трансформация экономики, характеризующаяся появлением глобальных виртуальных рынков, децентрализованных финансовых систем и платформ, основанных на сборе и анализе больших данных, кардинально меняет теорию взаимодействия между личностью, бизнесом и государством. Законодательство, сформированное в аналоговую эпоху, зачастую не успевает за скоростью технологических изменений, что создает правовые пробелы и системные риски. На фоне этих вызовов особую актуальность приобретает проблема защиты персональных данных в условиях, когда поведенческие паттерны пользователей становятся товаром.

Стремительное развитие рынка цифровых активов, таких как NFT и виртуальная недвижимость, порождает комплекс сложных правовых проблем, для которых текущее законодательство не всегда предлагает готовые решения. Центральным вопросом остается установление и верификация авторства цифровых объектов. В децентрализованной среде, где анонимность является обычной практикой, доказывание прав создателя на исходный цифровой объект (изображение, 3D-модель, музыкальный трек), лежащий в основе актива, становится серьезной проблемой. Это создает почву для споров и мошенничества, когда токены выпускаются лицами, не имеющими никаких прав на привязанный контент.

Производной от этой неопределенности является следующая фундаментальная проблема – определение правового режима NFT. На сегодняшний день отсутствует единообразный подход к квалификации NFT в правовом поле: является ли он ценной бумагой, иным цифровым финансовым активом, или же его суть сводится к удостоверению некоего права (например, на членство в сообществе или на ссылку на метаданные). Эта юридическая неопределенность напрямую влияет на вопросы

налогообложения, наследования и обращения взыскания на такие активы, оставляя их владельцев в зоне правового риска.

Наконец, ключевым вызовом остается эффективная защита исключительных прав в условиях тотальной и мгновенной легкости копирования цифровой информации. Покупка NFT, как правило, не наделяет владельца авторскими правами на связанный с ним цифровой объект. Таким образом, любой пользователь может беспрепятственно скопировать и использовать исходное изображение, что обесценивает уникальность, за которую, по идее, платит коллекционер. Это ставит под вопрос саму экономическую и правовую ценность NFT, требуя разработки новых технологических и правовых механизмов, которые бы обеспечивали реальную, а не декларативную защиту прав и инвестиций в цифровую среду.

Как отмечает Е. А. Оркина, «устаревшие правовые формы не соответствуют им (признакам цифрового пространства), правовые пробелы в цифровом мире сегодня содержат белые/серые/темные зоны, не закрываемые даже аналогией права и закона» [2, с.46]. Это указывает на то, что традиционные правовые инструменты оказываются недостаточно адаптированными и эффективными для регулирования в цифровой и, по сути, метавселенской среде, где появляются новые объекты и формы взаимодействия, обходя существующее право.

Отсутствие легального признания и четкого правового определения виртуальных активов формирует обширную зону правового вакуума, которая затрагивает ключевые аспекты цифровой экономики. Наиболее остро это проявляется в сфере оборота виртуальной недвижимости, где сделки купли-продажи, аренды и залога земельных участков в метавселенных по сути являются правовым «диким западом». Поскольку виртуальный ландшафт не признается объектом права собственности в традиционном понимании, у пользователей отсутствуют гарантии прав титульного владения, а споры о принадлежности активов разрешаются исключительно внутренними правилами платформ, которые могут быть изменены в одностороннем порядке.

Аналогичные риски распространяются и на защиту прав на внутриигровые активы – уникальные предметы, игровую валюту и аккаунты, на приобретение и развитие которых пользователи тратят значительные ресурсы. В отсутствие правового режима, регулирующего статус таких объектов, компании-разработчики сохраняют абсолютный контроль над ними, что закрепляется в пользовательских соглашениях. Это лишает игроков реальных механизмов судебной защиты в случае произвольного

блокирования аккаунта или изъятия виртуального имущества, фактически ставя под сомнение саму идею права собственности пользователя на результаты его игровой деятельности.

Кумулятивный эффект этих проблем порождает системный вызов в области регулирования виртуальных экономик, которые уже сегодня представляют собой многомиллиардные рынки с реальным финансовым оборотом. Правовая неопределенность препятствует притоку институциональных инвестиций, затрудняет налогообложение операций с виртуальными активами и создает благоприятную среду для мошеннических схем. В результате формируются целые параллельные экономические системы, существующие вне правового поля, что несет в себе значительные риски как для отдельных пользователей, так и для финансовой стабильности в целом [3, с.137].

Разработка специализированных законов о цифровых активах и виртуальных пространствах имеет особое значение для создания правовой определенности, однако адекватное регулирование невозможно без активного использования технологических решений, позволяющих автоматизировать правоприменение в цифровой среде. Среди наиболее перспективных направлений такой интеграции права и технологий можно выделить внедрение смарт-контрактов для автоматизации сделок, что позволяет гарантировать исполнение обязательств по договорам купли-продажи виртуальных активов или предоставления услуг в метавселенных без посредников. Для обеспечения доверия и доказательственной силы таких операций ключевую роль играет использование блокчейна, который обеспечивает неизменность и прозрачность записи всех транзакций и фактов владения. Наконец, учитывая глобальный характер цифровых сред, критически важной становится разработка единых стандартов совместимости правовых систем, которые позволили бы технологическим решениям и юридическим нормам разных юрисдикций взаимодействовать друг с другом, создавая основу для целостного и эффективного правового поля [4, с. 34-35].

Глобальный и трансграничный характер метавселенных, стирающий географические границы, остро ставит вопрос о недостаточности национальных правовых систем и требует активного развития международно-правовых механизмов. Ключевым направлением является создание специализированных международных конвенций, которые закрепили бы унифицированные подходы к правовому статусу виртуальных активов, цифровой идентичности и основам гражданского оборота в метавселенных. В тесной связи с этим должна вестись разработка детальных

трансграничных технико-правовых стандартов, обеспечивающих взаимное признание и совместимость цифровых реестров, систем идентификации и смарт-контрактов между разными юрисдикциями. Наконец, фундаментальное значение имеет установление четких и предсказуемых юрисдикционных правил, которые позволили бы определять, законодательство какой страны подлежит применению к конкретным правоотношениям в метавселенной, и какие суды компетентны рассматривать возникающие споры, что является основой для обеспечения правовой определенности и защиты прав всех участников.

Таким образом, формирование сбалансированного и эффективного правового регулирования метавселенных является не просто ответом на текущие вызовы, но и важнейшим фактором, который будет способствовать не только надежной защите прав пользователей, но и устойчивому развитию самих виртуальных пространств как полноценной, безопасной и доверительной среды для новых форм социально-экономических взаимодействий.

Список цитируемой литературы:

1. Витрук Н.В. Верность Конституции : Монография. – Москва : Российский государственный университет правосудия, 2016. – 272 с. – EDN ZUYAJV.
2. Оркина Е.А. Интеллектуальная собственность в цифровой среде: проблемы и решения // Философия права. 2020. № 2(93). С. 44-50.
3. Голенок С.Г. Цифровая экономика и право в Российской Федерации / С.Г. Голенок, А.В. Митин // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 8-2(98). С. 137-141. – DOI 10.23670/IRJ.2020.98.8.058. – EDN АНОВJJ.
4. Беликова К. М. Цифровой кодекс России: современное состояние и перспективы // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20, № 1. С. 34-39. – DOI 10.33693/2541-8025-2024-20-1-34-39. – EDN PXXKGW.

Коськова Анастасия Ивановна

студентка Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Сафронова Елена Викторовна

профессор кафедры конституционного и международного права

Юридического института «НИУ БелГУ»

доктор юридических наук, профессор

(Белгород, Россия)

**ПРИЗНАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ:
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАДНАЦИОНАЛЬНОГО
ИНВЕСТИЦИОННОГО АРБИТРАЖА БРИКС В УСЛОВИЯХ
РАЗЛИЧНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматривается влияние цифровизации на процесс формирования и функционирования наднационального инвестиционного арбитража в рамках объединения БРИКС. Особое внимание уделяется анализу правовых систем государств-участников в контексте цифровой трансформации и гармонизации норм международного инвестиционного права. В работе исследуются тенденции внедрения цифровых технологий в арбитражную практику, включая использование блокчейна, электронных доказательств и смарт-контрактов. Особое внимание уделено разработке концепции цифровой платформы расчетов и инвестиций БРИКС (DFIP BRICS) как основы для будущего наднационального цифрового арбитража.

Ключевые слова: БРИКС, инвестиционный арбитраж, цифровизация, правовые системы, признание и исполнение решений, цифровая платформа.

Формирование наднациональных институтов разрешения инвестиционных споров требует адаптации традиционных правовых механизмов к цифровой среде. В этой связи особую актуальность приобретает создание единого инвестиционного арбитража БРИКС, функционирующего в цифровом пространстве и обеспечивающего прозрачность, быстроту и признание решений на территориях всех государств-участников. Основная проблематика заключается в необходимости согласования разнородных правовых систем, различающихся по своей правовой природе: романо-германской (Россия, Бразилия), англосаксонской (ЮАР, Индия) и смешанной (Китай).

Во-первых, отсутствие единого договорно-правового механизма, вызывает существенные затруднения в экономическом и политическом сотрудничестве между странами участницами соглашения. В отличие от Вашингтонской конвенции 1965 года, создавшей ICSID, в рамках БРИКС пока отсутствует многосторонний договор, регулирующий инвестиционный арбитраж и в целом комплексного законодательства регулирующие права и обязанности участников БРИКС. В результате страны опираются на Нью-Йоркскую конвенцию 1958 года и двусторонние соглашения о защите инвестиций, что приводит к правовой фрагментарности. Такая ситуация порождает неодинаковую защиту инвесторов и затрудняет формирование единой арбитражной практики.

Как пишет исследователь Лаптева А.М.: «В настоящее время в Российской Федерации накоплен опыт по внедрению и использованию различных платформенных сервисов (систем, платформ), которые можно учитывать при создании инвестиционной платформы БРИКС. В частности, в России был принят Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы», закрепивший понятие и требования к финансовой платформе, правовой статус профессиональных участников (к оператору финансовой платформы, регистратору финансовых транзакций), систему договоров и особенности совершения сделок на таких платформах. Появление такой инфраструктуры связывается идеей создания единого места, где потенциальные потребители могут подобрать необходимый им финансовый продукт или услугу, выбрав его из предложений нескольких организаций, в условиях обеспечения безопасности таких сделок, их надежности и бесперебойности функционирования программного обеспечения и технологического оборудования. При помощи таких платформ потребитель получает доступ к широкому кругу финансовых продуктов и услуг вне зависимости от его местонахождения и от местонахождения финансовой организации. Другими словами, эти платформы позволяют клиенту выбрать необходимую финансовую организацию (банк, эмитента, управляющую компанию, страховую организацию) и нужный ему финансовый продукт в одном месте» [4, с. 107].

Особое значение для развития инвестиционного арбитража БРИКС имеет Йоханнесбургская декларация-II «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности», принятая 23 августа 2023 года в Сэндтоне (Гаутенг, ЮАР). Документ зафиксировал стремление БРИКС к углублению экономического и правового сотрудничества, подчеркнув необходимость

формирования новой архитектуры глобального управления. Так, например, в статье 27 данной Декларации указано: «27. Мы призываем многосторонние финансовые институты и международные организации играть конструктивную роль в формировании глобального консенсуса по вопросам экономической политики и предотвращении системных рисков экономического спада и финансовой фрагментации. Мы призываем многосторонние банки развития (МБР) продолжить выполнение рекомендаций, которые должны быть добровольными в рамках систем управления МБР, содержащихся в отчете «Группы двадцати» о Независимом обзоре подходов, применяемых к оценке достаточности капиталов МБР, с целью повышения их кредитного потенциала при сохранении долгосрочной финансовой стабильности, надежного рейтинга кредиторов и статуса привилегированного кредитора МБР»[1]. Положения данной Декларации легли в основу дальнейших дискуссий о создании многостороннего инвестиционного договора БРИКС и специализированного Арбитражного центра. Таким образом, декларация 2023 года рассматривается как политико-правовой фундамент, определяющий перспективные направления развития института инвестиционного арбитража в объединении.

Юристы-ученые Санкт-Петербургского государственного университета отмечают, что: «Юристы уверены: существующая сегодня модель инвестиционного арбитража находится в глубоком кризисе. Главный ее недостаток — очевидная проинвесторская позиция. Сегодня именно инвесторы, будучи инициаторами разрешения спора, рассматриваются в качестве «работодателей» международных арбитражей, а государства оказываются в заведомо проигрышной позиции. Сергей Белов заметил также, что сегодня на исполнение решений арбитража могут влиять национальные арбитражные суды по месту рассмотрения споров. Другая проблема — инвестиционные арбитражи сегодня очень дороги. Их средняя стоимость для одной стороны — от 7,5 до 85 млн долларов. Сроки рассмотрения, объяснили эксперты, тоже чрезвычайно затяжные. В среднем дело может рассматриваться около 4,5 года, но известны случаи, когда арбитраж длился более 12 лет» [10].

Исследователи Глушаков А.Ю. и Соболевская А.И. отмечают: «ввиду того, что государства БРИКС относятся к разным правовым семьям, возникают определенные сложности нормативного регулирования деятельности БРИКС. Гармонизация национальных законодательств в настоящем представляет собой интереснейшую и актуальнейшую задачу в области права как для теоретиков права, так и для практиков. В данном контексте также имеют значение и сложившиеся традиции юридической

техники формирования нормативного материала и конструирования механизма правового регулирования. Во вторую очередь сюда следует отнести вопросы, связанные с кодификацией законодательства, признанием судебного прецедента в качестве нормы права, применение обычая в праве» [2, с.102].

Отсюда следует, что важной преградой в создании независимого цифрового арбитража БРИКС является различия в национальных правовых системах. Суды государств БРИКС по-разному трактуют оговорку о публичном порядке и пределы вмешательства в исполнение арбитражных решений. Например, В деле № А32-47144/2022 рассматривалось требование швейцарской компании к российской о признании и приведении в исполнение решения Лондонского международного третейского суда (LCIA) от 8 февраля 2022 года. В постановлении от 16 октября 2023 года Арбитражный суд Северо-Кавказского округа пришел к выводу, что исполнение арбитражного решения в России противоречило бы публичному порядку Российской Федерации, установленному указами президента от 01.03.2022 № 81, от 05.03.2022 № 95, от 03.05.2022 № 252, от 04.05.2022 № 254, распоряжением правительства от 05.03.2022 № 430-р [8].

При разработке концепции наднационального инвестиционного арбитража БРИКС особое значение имеет вопрос о стандартизации критериев признания и исполнения решений. Дело *ONGC v. Saw Pipes* выявляет фундаментальный разрыв между подходом Индии и общемировыми тенденциями. Если в Европейской конвенции о международном коммерческом арбитраже и практике Нью-Йоркской конвенции 1958 г. «публичный порядок» трактуется узко и применяется лишь в исключительных случаях, то индийский подход демонстрирует чрезмерное расширение этого основания.

Чумаченко И.Н. отмечает, что: «Исходя из характеристики возмещения убытков в праве Индии, приведённой Верховным судом Индии в решении по делу «*Oil & Natural Gas Corporation Ltd vs Saw Pipes Ltd on 17 April, 2003*», «убытки - это денежные средства, которые должны быть выплачены во всех случаях нарушения обязательств по кредитному договору, названных в качестве таковых». При этом следует отметить, что требование о возмещение убытков (*damages*) не может рассматриваться в качестве штрафа (*penalty*), – в противном случае существует риск отказа суда в присуждении такой неустойки. Подобное мнение было высказано Верховным судом Индии в решении по делу «*Maula Bux v. Union of India*». В Индии неустойка рассматривается исключительно как возмещение убытков стороной,

виновной в причинении другой стороне данных убытков, которое не может рассматриваться в виде штрафа» [6, с.120].

Дело *ONGC v. Saw Pipes* демонстрирует напряжение между национальным суверенитетом и международными стандартами арбитража. Расширительное толкование категории «публичный порядок» Верховным судом Индии стало иллюстрацией того, как судебная практика может повлиять на предсказуемость и эффективность арбитражного механизма. С одной стороны, подобная позиция укрепляет защиту государственных и общественных интересов, с другой — снижает доверие к арбитражу как независимому инструменту разрешения споров. Реакция парламента, ограничившего применение расширенного подхода, отражает стремление государства к интеграции в глобальную арбитражную систему и гармонизации национальной юриспруденции с международными стандартами. Таким образом, дело *ONGC v. Saw Pipes* имеет двойное значение: оно выявило слабые места в национальной арбитражной системе и одновременно стимулировало её реформирование в сторону большей соответствия мировым правовым практикам. Это обстоятельство препятствует формированию единообразного правоприменения внутри блока БРИКС. Потенциальное создание цифрового наднационального арбитража сталкивается с риском, что решения не будут признаваться и исполняться в Индии и других стран участниц, либо будут подвергаться систематическому судебному контролю. Переход к цифровым механизмам разрешения споров оказывает комплексное воздействие на договорные отношения внутри БРИКС. Формирование цифрового арбитража БРИКС предполагает создание единой платформы на основе блокчейн-технологий, обеспечивающей аутентификацию сторон, фиксацию доказательств и автоматизированное исполнение решений.

Мы считаем, что развитие указанной доктрины неизбежно связано и с цифровой трансформацией международного арбитража БРИКС. В условиях перехода мировой правовой системы к электронным форматам взаимодействия и доказательств национальный арбитражный суверенитет должен включать в себя не только юрисдикционный, но и технологический компонент. Именно поэтому в рамках глобальной цифровизации международного правосудия особую актуальность приобретает проблема адаптации арбитражных процедур к цифровой среде. В рамках объединения БРИКС формируется концепция *BRICS Digital Arbitration Network (BDAN)* — цифровой платформы, направленной на обеспечение оперативного взаимодействия арбитражных органов стран-участниц, защиту данных и интеграцию с национальными правовыми системами.

Как отмечает Международный центр конкурентного права и политики БРИКС: «С тем, что цифровизация усиливает глобальную власть крупных корпораций и, как следствие, несет угрозу монополизации рынков, согласился Алексей Иванов, директор Центра конкурентного права и политики БРИКС. Он призвал антимонопольных регуляторов стран БРИКС обратить пристальное внимание на подобный пример увеличения рыночной власти за счет цифровизации — блокчейн-платформу Covantis. Цель платформы — оцифровать весь процесс торговли агропромышленными товарами, от управления контрактами до окончательного оформления перевозки. Основанная крупнейшими аготрейдерами группы «ABCD» (ADM, Bunge, Cargill и Louis Dreyfus), Covantis избегает антимонопольного контроля благодаря особенностям своей структуры. При этом платформа собирает важную коммерческую информацию о производстве от фермеров и торговцев сельскохозяйственными товарами» [7].

Основными задачами цифровизации арбитража БРИКС являются: обеспечение дистанционного проведения слушаний, цифровая идентификация участников процесса, а также юридическая защита электронных арбитражных актов с использованием технологий искусственного интеллекта, блокчейна и криптографической сертификации. Однако формирование единой цифровой арбитражной инфраструктуры сталкивается с рядом цифровых и правовых барьеров, обусловленных различием национальных стандартов и законодательства стран БРИКС. Так, например, Бразилия акцентирует внимание на необходимости пересмотра традиционных антимонопольных теорий в контексте так называемых «экосистемных теорий вреда». Деятельность национального антимонопольного органа CADE направлена на исследование взаимосвязанных цифровых платформ, включая агропромышленные и финтех-сектора. В законодательном плане предполагается модернизация национального антимонопольного законодательства путем введения категорий «цифровой экосистемы» и «системно значимой цифровой платформы». Так же, Бразилия рассматривает цифровизацию продовольственных цепочек не только как технологическое благо, но и как источник угроз концентрации данных в руках крупных транснациональных корпораций.

Как отмечает Попова И.М.: «В ноябре 2022 года представителем Рабочей партии Бразилии был внесен законопроект № 2.768, который предусматривает регулирование, надзор и санкции в отношении цифровых платформ, которые предлагают услуги бразильской общественности. В части обоснования необходимости принятия закона авторы ссылаются на опыт ЕС,

делая при этом оговорку о том, что предлагаемый проект закона гораздо более мягкий, чем Закон о цифровых рынках (DSA) ЕС: «Мы считаем целесообразным введение регулирования по примеру Европейской комиссии, но в гораздо менее детализированной форме. Это связано с тем, что мы имеем дело с чрезвычайно актуальными вопросами, которые требуют регуляторного реагирования гораздо быстрее, чем это возможно только при реализации политики защиты конкуренции, но достаточно новыми, чтобы показать, что не следует накладывать на экономических агентов смирительную рубашку ex-ante с рядом абсолютных запретов» [Camara do Deputados to Brasil, 2022]. Основная цель законопроекта – представить регулирование, направленное на смягчение последствий существенного контроля доступа на цифровые рынки некоторыми особенно крупными платформами. Законопроект включает, среди прочего, дисциплинирование и надзор за цифровыми платформами, обладающими существенными полномочиями по контролю доступа.» [5, с. 5-6.]

Научный анализ заявления Президента Российской Федерации Владимира Путина о создании цифровой платформы расчетов и инвестиций БРИКС (18 июня 2025 года) позволяет рассматривать данный шаг как стратегическое направление трансформации финансово-правового взаимодействия стран Глобального Юга: «Есть и вопросы, которые требуют особого внимания. Имею в виду и расширение возможности расчетов в национальных валютах, и дальнейшие совместные усилия по созданию цифровой платформы расчетов и инвестиций. На последнем саммите лидеров БРИКС мы тоже об этом подробно говорили. Знаю, что вы [Руссефф] тоже поддерживаете все эти начинания, и очень рассчитываю на то, что мы будем совместно работать по этим направлениям», – сказал Владимир Владимирович Путин [9].

Создание цифровой платформы расчетов и инвестиций (далее – Digital Financial and Investment Platform, DFIP BRICS) представляет собой развитие правового механизма, сопоставимого с концепцией «цифрового валютного пространства» (digital monetary space), в котором расчеты, инвестиции и эмиссия токенизированных активов происходят в национальных валютах с применением технологий распределенного реестра (DLT) и смарт-контрактов.

По нашему мнению, проект можно рассматривать в рамках концепции «цифрового суверенитета БРИКС», который представляет собой совокупность правовых, экономических и технологических механизмов, направленных на формирование самостоятельного центра глобальной финансовой силы. Предложение России о создании платформы отражает стремление к институциональной интеграции: формированию единого

нормативного пространства, в котором цифровые расчеты и инвестиции осуществляются под контролем наднациональных органов, таких как Новый банк развития и будущий Наднациональный арбитраж БРИКС. На момент 2025 года главная сложность заключается в несоответствии национальных подходов к признанию электронных доказательств и цифровых решений. Например, в Китае и Индии признание электронных доказательств закреплено в законе, тогда как в России данный вопрос носит ограничительный характер и зависит от судебного усмотрения. В Бразилии и ЮАР отсутствует единая практика признания цифровых арбитражных решений.

По нашему мнению, создание цифрового арбитража БРИКС имеет не только юридическое, но и стратегическое значение. Оно формирует предпосылки для становления нового центра глобального правового и экономического влияния. Реализация данного проекта позволит странам БРИКС не только укрепить собственную инвестиционную безопасность, но и предложить миру альтернативную модель справедливого, транспарентного и технологически совершенного арбитража, отражающего ценности Глобального Юга. Мы считаем, что для обеспечения эффективности наднационального арбитража БРИКС необходимы следующие реформы института: унифицировать правовое понятие «цифрового арбитражного решения»; создать наднациональный реестр арбитражных решений БРИКС; разработать модельный закон «О цифровом арбитраже БРИКС» по аналогии с Типовым законом ЮНСИТРАЛ; закрепить обязательность исполнения цифровых арбитражных решений в национальных законодательствах стран-участниц.

Мы полагаем, что основополагающими перспективами развития института инвестиционного арбитража БРИКС заключается в следующих направлениях:

- Создание многостороннего договора БРИКС по инвестициям. Предполагается разработка документа, закрепляющего обязательный порядок рассмотрения инвестиционных споров, аналогичного Вашингтонской конвенции. Такой договор может стать основой для интеграции национальных систем и обеспечить предсказуемость для инвесторов.

- Формирование Арбитражного центра БРИКС. Учреждение специализированного органа создаст альтернативу западным центрам (ICC, ICSID), что повысит суверенность стран Глобального Юга в вопросах арбитража. Такой центр сможет учитывать специфику региональных рынков и обеспечивать баланс интересов между государствами и инвесторами.

- Развитие цифрового арбитража. Использование онлайн-платформ, систем искусственного интеллекта и технологий блокчейн в арбитражных процедурах позволит ускорить рассмотрение споров, снизить транзакционные издержки и повысить прозрачность процессов.

Согласование различных правовых систем стран-участниц, представляющих романо-германскую, англосаксонскую и смешанную правовые семьи, является ключевым вызовом для институционализации цифрового арбитража. Использование технологий блокчейна, искусственного интеллекта и электронных идентификаторов открывает возможности для построения устойчивой цифровой арбитражной инфраструктуры.

Мы полагаем, что анализ инициатив БРИКС в области цифровизации, включая создание цифровой платформы расчетов и инвестиций (DFIP BRICS), позволяет утверждать, что формируется комплексная правовая экосистема, обеспечивающая трансграничную инвестиционную деятельность. Эта платформа способна не только повысить уровень доверия между участниками, но и стать нормативным фундаментом для будущего наднационального арбитража. В перспективе, цифровая среда БРИКС позволит осуществлять автоматизированное признание и исполнение решений на основе смарт-контрактов и цифровых идентификаторов сторон, что значительно сократит временные и финансовые затраты при разрешении споров.

Таким образом, наднациональный инвестиционный арбитраж БРИКС в эпоху цифровизации должен рассматриваться как ключевой элемент новой архитектуры международного экономического порядка. Его эффективность будет определяться не только юридическими механизмами признания и исполнения решений, но и степенью цифровой интеграции государств-участников, их готовностью к выработке общих стандартов и совместному управлению трансграничными цифровыми процессами.

Список цитируемой литературы

1. Министерство иностранных дел Российской Федерации / Йоханнесбургская декларация-II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности, Сэндтон, Гаутенг, ЮАР// официальный сайт. Москва. 2023.

Обновляется в течении суток. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 08.10.2025).

2. Глушаков А.Ю., Соболевская А.И. Источники нормативного регулирования деятельности БРИКС // Ленинградский юридический журнал. 2024. №4.

- C.102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-normativnogo-regulirovaniya-deyatelnosti-briks> (дата обращения: 07.10.2025).
3. Лаптева Анна Михайловна Российский опыт правового регулирования инвестиционных платформ БРИКС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. №3. С.107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-opyt-pravovogo-regulirovaniya-investitsionnyh-platform-briks> (дата обращения: 07.10.2025).
4. Попова Ирина Максимовна Регулирование цифровых платформ в Бразилии: политический контекст согласования новых законов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. №2. С. 5-6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-tsifrovyyh-platform-v-brazilii-politicheskiiy-kontekst-soglasovaniya-novykh-zakonov> (дата обращения: 08.10.2025).
5. Чумаченко И.Н. Современные подходы к определению неустойки в праве Индии и Англии // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2018. №3 (56). с.120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-podhody-k-opredeleniyu-neustoyki-v-prave-indii-i-anglii> (дата обращения: 30.09.2025).
6. Международный центр конкурентного права и политики БРИКС. Официальный сайт. Санкт-Петербург. 2024. Обновляется в течении суток. URL: <https://bricscompetition.org/ru/ournews/brazil-hosted-the-3rd-brics-digital-competition-forum> (дата обращения: 07.10.2025)
7. Отказы в признании решений иностранных судов из-за нарушения публичного порядка Российской Федерации: новые тренды / Борис Романов // Правовые новости: официальный сайт. Москва. 2025. URL: <https://pravo.ru/opinion/252189/?ysclid=mg6brqn66brq943672543> (дата обращения: 04.10.2025)
8. Парламентская газета Российской Федерации: официальный сайт. Москва. Обновляется в течении суток. URL: <https://www.pnp.ru/economics/putin-obsudil-s-rousseff-usiliya-po-sozdaniyu-cifrovoy-platformy-raschetov-briks.html> (дата обращения: 05.10.2025)
9. Санкт-Петербургский государственный университет: официальный сайт. Москва. 2025. Обновляется в течении суток. URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/uchenye-spbgu-predlozhili-sdelat-sankt-peterburg-stolicey-mezhdunarodnogo> (дата обращения: 06.08.2025)

Коськова Анастасия Ивановна

студентка Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Нифанов Алексей Николаевич

профессор кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук, профессор

(Белгород, Россия)

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ 2025 ГОДА: ВЛИЯНИЕ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы и перспективы цифровой трансформации системы местного самоуправления Российской Федерации в контексте реформы 2025 года, закреплённой Федеральным законом № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Особое внимание уделено отсутствию прямого нормативного регулирования цифровизации муниципального уровня, что формирует правовые пробелы и препятствует эффективной интеграции цифровых инструментов в деятельность органов МСУ. В работе предложена концепция создания единой цифровой экосистемы местного самоуправления с внедрением платформы «Муниципальный Навигатор» как механизма повышения прозрачности, эффективности и гражданской вовлечённости в управленческие процессы.

Ключевые слова: цифровизация, местное самоуправление, электронные платформы, административные процедуры, гражданское участие, правовое регулирование, цифровая грамотность, муниципальные услуги.

В условиях трансформации государственного управления одной из ключевых задач становится обеспечение эффективного функционирования системы местного самоуправления (МСУ). Реформа законодательства о местном самоуправлении 2025 года, направлена на повышение прозрачности, результативности и доступности управленческих процессов. Центральным элементом в реализации данной реформы выступает переход к одноуровневой системе организации МСУ, и цифровизация может стать активным помощником в осуществлении данной реформы, охватывающей все основные сферы деятельности органов МСУ.

При этом важно подчеркнуть, что цифровая трансформация не ограничивается лишь внедрением отдельных технических решений, а представляет собой системный процесс, затрагивающий организационные, правовые и социальные аспекты. Она предполагает пересмотр подходов к администрированию, внедрение новых стандартов электронного документооборота, цифровых платформ для взаимодействия с гражданами, а также создание инструментов мониторинга эффективности деятельности муниципальных органов. Кроме того, цифровизация способствует развитию института гражданского участия: население получает возможность более активно участвовать в принятии решений, используя электронные голосования, онлайн-обсуждения и цифровые инициативы. Таким образом, роль цифровизации в реформе МСУ заключается не только в технической модернизации, но и в формировании новой модели взаимодействия общества и власти, основанной на принципах открытости, доступности и оперативности.

Несмотря на отсутствие в Федеральном законе № 33 от 20 марта 2025 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» специальной статьи, посвященной цифровым технологиям и их применению органами местного самоуправления (что, по нашему мнению, является существенным упущением), законодатель все же косвенно, точно, подчеркивает необходимость их использования в деятельности органов МСУ, вводя соответствующие положения. Например, в п. 4 ст. 4 Федерального закона № 33 указано, что Уставами муниципальных образований и иными муниципальными правовыми актами в соответствии с законами субъекта Российской Федерации могут предусматриваться порядок дистанционного взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, порядок дистанционного участия в заседаниях представительного органа муниципального образования»[2].

Законодатель «перекладывает» ответственность за использование цифровых технологий в форме дистанционного участия в заседаниях на законодательство субъектов Федерации, однако конкретно не указывает какие именно платформы можно использовать органам МСУ (возможный перечень платформ), что подразумевается под понятием дистанционное взаимодействие и другое, что вызывает правовой пробел в нормативно-правовом акте, тем самым создает некоторую неопределенность для органов МСУ.

В подтверждение нашей точки зрения Э. Алимов отметил: «...в новом законе практически не уделяется внимания использованию современных

информационно-коммуникационных технологий, а также в целом развитию цифровизации органов местного самоуправления, в частности для расширения участия и вовлечения граждан в дела местного самоуправления» [4].

В ст. 33 Конституции Российской Федерации подчеркивается, что «граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления» [1]. Граждане ожидают простых и доступных механизмов взаимодействия с органами власти, а цифровизация может значительно упростить этот процесс.

Так, например, в п. 8 ст. 1 Федерального закона № 33 от 20 марта 2025 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» отмечается, что «В деятельности органов местного самоуправления гарантируется обеспечение гласности, в том числе посредством предоставления доступа к информации о деятельности органов местного самоуправления» [2], тем самым за органами МСУ нормативно закрепляется обязанность действовать открыто, исключить «закрытый» характер управления. Его цель – обеспечить прозрачность и подотчётность муниципальной власти, повысить доверие населения и расширить возможности участия граждан в управлении территорией.

В пп. 6 п. 7 и п. 9. статьи 46 Федерального закона № 33 от 20 марта 2025 года закреплена возможность проведения опросов через официальный сайт муниципалитета и устанавливается требование порядка идентификации участников при использовании таких цифровых каналов. Значение нормы двусоставно и расширяется в цифровом контексте:

С одной стороны, норма придаёт официальный статус электронным опросам как инструменту волеизъявления и социологического сбора мнений, усиливая демократическое значение цифровых форм взаимодействия граждан и органов местного самоуправления;

С другой, – не все граждане обладают необходимыми цифровыми навыками или техническим доступом к интернету, что может привести к ограничению участия отдельных групп (пожилых людей, жителей сельских территорий).

Дополнительно данная норма формирует связь с институтом цифровой аутентификации, включая использование ЕСИА, усиленной электронной подписи и иных технологий, что делает возможным унификацию муниципальных практик с федеральными стандартами цифрового взаимодействия. Тем самым обеспечивается единый правовой подход к подтверждению личности участников и к допустимым способам электронного волеизъявления, что также составляет дискуссионный аспект о

надежности сохранности данных и противостоянию нигилизма со стороны граждан.

Норма п. 6–7 статьи 47 закрепляет срок публикации проектов актов на официальном сайте не менее чем за 10 дней до проведения публичных слушаний и допускает использование Единого портала для размещения материалов и участия жителей. Она сочетает элементы процедурного требования (срок публикации), технологической опции (федеральная система как канал размещения и участия) и принципа цифровой открытости, усиливая роль информационной инфраструктуры в процессе публичных слушаний. Расширенное значение данной нормы заключается в том, что цифровое размещение материалов не только обеспечивает информационную доступность, но и создаёт предпосылки для формирования цифрового архива общественных обсуждений, что способствует развитию института прозрачности и подотчётности власти.

Положительные аспекты, закреплённые в п. 6–7 ст. 47, проявляются в ряде существенных направлений:

Во-первых, предоставление возможности использования Единого портала как инструмента размещения материалов и взаимодействия с населением свидетельствует о расширении технологических механизмов вовлечения граждан. Применение цифровой платформы способствует стандартизации соответствующих процедур, повышает их доступность и обеспечивает равные условия участия для более широкого круга субъектов.

Во-вторых, рассматриваемая норма усиливает режим цифровой открытости публичной власти. Институционализация цифровых форм проведения публичных слушаний способствует росту транспарентности правотворческого процесса, снижает организационные барьеры и укрепляет доверие общества к деятельности органов государственной власти.

В-третьих, установление минимального срока предварительного опубликования проектов нормативных актов не менее чем за 10 дней обеспечивает необходимую процедурную определённость и правовую предсказуемость. Данный временной регламент формирует устойчивый процессуальный стандарт, позволяющий заинтересованным лицам заблаговременно ознакомиться с материалами и подготовить обоснованные позиции для участия в публичных слушаниях.

Вместе с положительными сторонами реформы отметим отрицательные, такие как: многие муниципальные образования не имеют современных информационных систем, квалифицированных специалистов и устойчивых каналов связи, что ограничивает возможность полноценного внедрения цифровых процедур.

Пункт 4 ст. 53 того же закона закрепляет, что: «В случае, если официальное опубликование муниципального правового акта, в том числе соглашения, заключенного между органами местного самоуправления, осуществляется в сетевом издании, в муниципальном образовании в соответствии с Федеральным законом от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» обеспечивается создание одного или нескольких пунктов подключения к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в местах, доступных для их использования неограниченным кругом лиц (в помещениях государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных библиотек, других доступных для посещения местах), без использования ими дополнительных технических средств»[2]. Это означает, что если муниципальный правовой акт (например, решение местного совета, постановление администрации или соглашение между органами МСУ) публикуется не в печатной газете, а в электронном формате – в официальном сетевом издании, то муниципалитет обязан обеспечить техническую возможность для всех жителей ознакомиться с этим документом.

Речь идёт о том, чтобы в муниципальном образовании были оборудованы специальные точки доступа к сети Интернет, которые можно использовать свободно и без дополнительных устройств. Это могут быть:

- помещения органов местного самоуправления;
- здания государственных и муниципальных библиотек;
- иные общественные места, куда граждане имеют доступ.

Таким образом, позиция Алимова представляется научно, концептуально и практико-ориентированно обоснованной. Она охватывает ключевые направления цифровой модернизации муниципального управления, в которых образовательные, технологические, правовые и этические аспекты взаимосвязаны и взаимозависимы. Согласие с данной позицией продиктовано тем, что предложенные меры создают базу для формирования устойчивой цифровой среды, способной обеспечить не только повышение эффективности публичного управления, но и укрепление доверия граждан к органам власти. Кроме того, идеи Алимова можно рассматривать как методологическую основу для дальнейших исследований в области цифрового муниципального права, направленных на разработку механизмов защиты данных, стандартизации идентификационных процессов и повышения цифровой инклюзии населения. Таким образом, его подход способствует не просто цифровизации, а осмысленному переходу к новой

модели управления, основанной на взаимодействии, прозрачности и устойчивом развитии муниципальных структур.

Основная задача такого требования – исключить ситуации, когда жители не могут ознакомиться с официально опубликованными правовыми актами из-за отсутствия у них дома компьютера, интернета или смартфона. Таким образом, обеспечивается принцип открытости и доступности информации о деятельности органов власти, а также повышения цифровой грамотности населения, технического оснащения муниципалитетов, стандартизации процедур идентификации и обеспечения высокого уровня информационной безопасности. Баланс между открытостью и безопасностью является ключевым фактором устойчивости цифровых форм муниципального управления.

После проведения углубленного анализа текста Федерального закона от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» выявлено, что данный нормативный акт не содержит прямых положений, касающихся цифровизации, внедрения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), использования цифровых платформ или электронных форм управления на уровне муниципалитетов. Тем не менее, в ряде статей обнаруживаются предпосылки, создающие правовые и организационные условия для интеграции цифровых инструментов в деятельность органов местного самоуправления. Ниже представлен подробный обзор таких статей с расширенными комментариями и анализом их потенциального цифрового потенциала.

Статья	Тема	Потенциальная связь с цифровизацией и технологиями
Ст. 4	Принципы правового регулирования местного самоуправления	В формулировке принципов эффективности, прозрачности и доступности решений можно усмотреть предпосылку для внедрения цифровых сервисов, повышающих открытость органов власти. Реализация принципа гласности через электронные порталы и онлайн-платформы соответствует современным стандартам электронного управления.
Ст. 6	Полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в	Субъекты Российской Федерации могут формировать нормативную и техническую базу для развития муниципальных цифровых сервисов, внедрения систем электронного документооборота и интеграции данных в единое цифровое пространство. Хотя закон

	области МСУ	прямо этого не указывает, данный потенциал следует из необходимости повышения эффективности межуровневого взаимодействия.
Ст. 10	Принципы территориальной организации местного самоуправления	Географическая и организационная структура муниципальных образований может быть оптимизирована с помощью геоинформационных технологий (ГИС), цифровых кадастровых систем и инструментов пространственного анализа. Это создаёт условия для внедрения умных территориальных решений («умных городов» и «умных поселений»).
Ст. 32	Полномочия органов МСУ по обеспечению жизнедеятельности населения	Данная статья предполагает реализацию функций, напрямую связанных с предоставлением муниципальных услуг. Применение электронных систем обслуживания, мобильных приложений и цифровых платформ повышает качество и оперативность оказания таких услуг населению. Внедрение технологий «умного ЖКХ» или цифрового мониторинга инфраструктуры можно считать логическим развитием этой нормы.
Статья 40	Оценка эффективности деятельности органов МСУ	Возможность внедрения цифровых систем мониторинга, аналитических панелей и показателей эффективности делает эту статью ключевой для цифровой трансформации управления. Цифровые системы позволяют собирать статистику, анализировать качество предоставляемых услуг и оценивать уровень удовлетворенности граждан. В настоящий момент ряд регионов Российской Федерации уже создали специализированные интернет-сайты для активного взаимодействия с органами местного самоуправления, предложения инициатив по усовершенствованию их деятельности и оценки регулирующего воздействия.
Статья 53	Обнародование муниципальных правовых актов	В условиях цифровой трансформации этот процесс осуществляется преимущественно через официальные интернет-порталы, единые платформы и базы данных. Например, на официальных порталах нормативно-правовых актов субъекта и сайты

		муниципалитетов. Это не только упрощает доступ граждан к нормативным актам, но и повышает прозрачность деятельности местной власти, создавая юридическую основу для электронного взаимодействия между обществом и муниципалитетом.
Статья 67	Закупки для обеспечения муниципальных нужд	Закон не раскрывает механизмов проведения электронных закупок, но современные реалии предполагают использование цифровых платформ для конкурентных процедур, публикации документации и контроля за расходованием бюджетных средств. Электронные закупки повышают прозрачность и минимизируют коррупционные риски.

Таким образом, Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» можно рассматривать как нормативную основу, открывающую путь к цифровизации муниципального управления, но пока не включающую детализированные нормы о цифровых инструментах, электронных реестрах и автоматизации процессов. Закон создаёт институциональные рамки, внутри которых возможно развитие цифровой среды на муниципальном уровне, однако реализация этой потенции требует принятия подзаконных актов и региональных программ.

Отсутствие прямых норм о цифровизации можно интерпретировать двояко. С одной стороны, это отражает осторожный подход законодателя, стремящегося сохранить универсальность норм. С другой – демонстрирует необходимость разработки новых нормативных актов, регулирующих цифровую инфраструктуру муниципалитетов, принципы защиты персональных данных и стандарты взаимодействия в рамках единой цифровой платформы государства.

Для научных исследований данное наблюдение имеет особое значение: оно подтверждает, что современный этап реформы МСУ требует не только организационного, но и технологического осмысления. Цифровизация в муниципальном управлении становится не факультативным, а обязательным условием эффективности публичной власти в XXI веке.

Как отмечает В. К. Павлюченко: «Применение современных управленческих методов, повышение открытости и ответственности перед населением могут улучшить эффективность и результативность работы органов местного самоуправления и, как следствие, качество жизни

населения. Однако реформирование местного самоуправления – долгосрочный процесс, который требует гибкого и ответственного подхода. Важно учесть мнение и интересы различных социальных групп» [3, с. 49].

Для успешной реализации реформы МСУ 2025 года в рамках Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в условиях цифровизации мы предлагаем следующие направления:

- Создание единой цифровой системы местного самоуправления. Включение муниципальных платформ в общегосударственные системы «Госуслуг» и «ГосТех». Так, например в Москве уже начался процесс цифровизации и технического оснащения некоторых предприятий органов МСУ. На Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) – 2025 года отмечалось: «Правительство Московской области подписало соглашение о развитии инфраструктурных проектов на территории региона. Оно подразумевает цифровизацию жилищно-коммунальных служб, внедрение систем экологического мониторинга области и других инициатив, направленных на повышения качества жизни жителей Подмоскovie. Соответствующее соглашение подписано между генеральным директором МегаФона Хачатуром Помбухчаном и губернатором Московской области Андреем Воробьёвым. Речь идет о цифровой трансформации и переходе на отечественное программное обеспечение ключевых предприятий в сфере ЖКХ. Кроме того, стороны договорились о реализации проектов в сфере экологического мониторинга. Еще одной сферой совместной деятельности станет внедрение M2M-решений для управления и контроля за инфраструктурными объектами региона» [5].

- Повышение кадрового потенциала. Введение программ целевой подготовки специалистов для муниципальных органов, развитие системы повышения квалификации. Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» должен быть дополнен положениями, регулирующими порядок проведения электронных слушаний, голосований и общественных обсуждений по вопросам местного значения. Необходимо установить требования к электронным платформам, используемым для проведения таких мероприятий, включая обеспечение безопасности, прозрачности и достоверности результатов.

- Стимулирование цифровой грамотности населения. Вовлечение граждан в использование цифровых сервисов, организация образовательных мероприятий. Представляется целесообразным предложить концепцию создания цифрового помощника «Муниципальный Навигатор»,

интегрированного в единую экосистему местного самоуправления Российской Федерации. Данная платформа должна стать ключевым элементом цифровой трансформации муниципального управления и взаимодействия с гражданами.

«Муниципальный Навигатор» предполагает формирование единой цифровой среды, в которую будут интегрированы все муниципальные цифровые платформы и базы данных, при помощи которой возможна унификация и стандартизация процессов оказания муниципальных услуг на всей территории муниципалитета, округа или даже субъекта, обеспечение сквозного документооборота, автоматизация управленческих процедур и создание цифровых профилей территорий.

Дополнительным преимуществом станет возможность внедрения элементов искусственного интеллекта и машинного обучения для прогнозирования социально-экономических тенденций на уровне муниципалитетов. На основе обработки больших данных система сможет выявлять проблемные зоны, предлагать оптимальные управленческие решения и формировать отчётность в автоматическом режиме.

Таким образом, цифровизация становится ключевым инструментом реализации реформы местного самоуправления 2025 года. Она призвана повысить эффективность административных процедур и обеспечить более тесное взаимодействие власти и общества. Однако для достижения этих целей необходимо системное решение проблем правового, организационного и технического характера. Закон № 33 от 20 марта 2025 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» Российской Федерации должен стать не только базой для цифровой модернизации, но и инструментом выравнивания уровня развития муниципалитетов, формируя единое цифровое пространство местного самоуправления.

В настоящее время Федеральный закон от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» закрепляет лишь общие положения, но не описывает конкретные механизмы внедрения электронных платформ и четко не устанавливает процедур (например, предоставление государственных услуг органами МСУ, консультация заявителя и др.) регулирующих порядок взаимодействия граждан с органами местного самоуправления посредством таких цифровых инструментов, что делает данный нормативный правовой акт более уязвимым в практическом применении, вызывает трудности в правоприменительной практике, создает правовые пробелы и риски

неоднозначного толкования, а также замедляет процесс полноценной цифровизации системы местного самоуправления.

Список цитируемой литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (ред. от 4 октября 2022 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 710. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 12. Ст. 1200.
3. Павлюченко, В. К. Реформа местного самоуправления: некоторые возможности и ограничения // Общество: политика, экономика, право. 2025. №1. С. 49.
4. Информационно-правовой портал «Гарант.ру»: официальный сайт. – Москва, 2025. URL: https://www.garant.ru/ia/opinion/author/alimov_emil/1804356/ (дата обращения: 11.09.2025)
5. Комсомольская правда: официальный сайт / издатель АО ИД «Комсомольская правда». Москва, 2021. – URL: <https://www.rostov.kp.ru/online/news/6431208/?ysclid=mfgf0v0he4891912813> (дата обращения 12.09.2025)

Мунши Элеонора Аурангзёбовна

студентка Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Лукьянчикова Елена Федоровна

доцент кафедры уголовного права и процесса

Юридического института НИУ «БелГУ»

кандидат юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: Опираясь на конституционно-правовые основания и функциональное предназначение института судебного контроля, в статье рассмотрена его роль в обеспечении законности оперативно-розыскной деятельности. Сделан вывод о том, что судебный контроль выполняет

двойную функцию: превентивно-ограничительную, создавая правовой барьер для произвола, и последующую проверочную, гарантируя оценку обоснованности применённых мер. Тем самым данный институт реализует свою обеспечительно-восстановительную роль, укрепляя баланс между публичными интересами борьбы с преступностью и конституционной защитой прав личности.

Ключевые слова: судебный контроль, оперативно-розыскная деятельность, конституционное право, законность, права и свободы человека, судебная защита, конституционные гарантии.

Принцип, закреплённый в Конституции, гласящий, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [1, ст. 2], является безусловной основой для любого вида государственной деятельности, в том числе оперативно-розыскной.

Эта сфера, исторически сформировавшаяся в отечественной правовой системе во второй половине XX века и получившая теоретическое обоснование в трудах А.Г. Лекаря, Д.В. Гребельского, В.А. Лукашова, объективно сопряжена с ограничением целого ряда фундаментальных прав личности в целях защиты общества и государства от преступных посягательств. Актуальность данного противоречия подтверждается и на стратегическом уровне, где совершенствование оперативно-розыскной деятельности, обозначено как приоритет (Указ Президента РФ № 683 от 31.12.2015).

В контексте поиска баланса между мерами государственного принуждения и правовыми идеалами принципиальное значение приобретает различие ответственности как категории должного и сущего. Так, Н.В. Витрук, обосновывая концепцию правовой ответственности, указывает, что: «Правовая ответственность – это ответственность, устанавливаемая в соответствии с требованиями идеального (естественного) права, его идеалов и ценностей. Она наиболее тесно связана с принципами свободы, справедливости и равенства. Правовая ответственность лежит в основе юридической ответственности. Различие правовой и юридической ответственности имеет практическое значение прежде всего и главным образом для законодателя... Правовая ответственность находит своё исходное, первоначальное выражение в нормах конституции, которые закрепляют правовые основы юридической ответственности» [7]. Таким образом, конституционные предписания, конкретизированные в отраслевом законодательстве об ОРД, задают правовые рамки для любых ограничительных мер.

Институт судебного контроля служит тем ключевым механизмом, который устанавливает баланс между действенностью уголовного преследования и гарантией базовых прав граждан в рамках оперативно-розыскной работы (далее – ОРД). Его центральная роль в обеспечении законности ОРД, которая рассматривается в правовой доктрине как особая разновидность правоохранительной деятельности, реализуется через конституционные полномочия судебной власти. Сформированный в 1990-е годы как независимый элемент системы сдержек и противовесов, судебный контроль создает необходимые правовые барьеры против произвола, санкционируя ограничения прав и одновременно обеспечивая гарантированную судебную защиту в случае их нарушения. Таким образом, данный институт трансформируется из формальной процедуры в действенный инструмент непосредственного обеспечения конституционных предписаний и законности в специфической сфере государственного принуждения.

По ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: «Оперативно-розыскная деятельность – вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.» [3]

По А.Г. Лекарю, деятельность несёт определение – «оперативно-розыскная деятельность есть основанное на законах и подзаконных актах система разведывательных (поисковых) мероприятий, осуществляемых преимущественно негласными средствами и методами в целях предотвращения и раскрытия преступлений и розыска скрывшихся преступников». [2]

Термин «судебный контроль» встречается как в уголовно-исполнительном законодательстве, где суд осуществляет контроль за исполнением наказаний (ст. 20 УИК РФ), так и в уголовно-процессуальном праве (ст. 397–398 УПК РФ), предусматривающего полномочия суда по рассмотрению вопросов исполнения приговора. В научной литературе отсутствует единое определение судебного контроля. Так, В.М. Лебедев рассматривает его как «особую форму судебной деятельности, направленную на защиту личной свободы обвиняемого» [11], Н.Н. Ковтун подчёркивает, что это «самостоятельная деятельность суда, обеспечивающая соблюдение прав личности на досудебных стадиях» [10], а В.П. Кашепов трактует судебный

контроль как «средство реализации судебной защиты прав и свобод граждан» [9]. Особое внимание уделяет этому вопросу К.А. Рыгалова, отмечая, что на досудебных стадиях судебный контроль направлен не на разрешение спора о праве, а на «предотвращение незаконного вмешательства в частную жизнь и защиту конституционных прав личности» [15].

Дискуссия о сущности судебного контроля, который одни исследователи трактуют как вспомогательную функцию, а другие – как форму правосудия, сохраняет свою актуальность в научной доктрине. Применительно к оперативно-розыскной деятельности сущность судебного контроля заключается в процессуальной деятельности судебных органов, которая нацелена на правовую экспертизу (оценку законности) и анализ фактической обоснованности действий оперативных подразделений в соответствии с Федеральным законом № 144-ФЗ и на гарантированную защиту прав граждан. Этот институт является ключевым элементом в системе гарантий, которая включает нормативные пределы ОРД и контрольные механизмы, призванные ограничить вмешательство государства в частную сферу и обеспечить баланс между публичными и частными интересами.

Практика Конституционного Суда РФ формирует понимание природы данного института. Как отмечено в Постановлении от 20.01.2023 № 3-П, суд указал, что обжалованию подлежат действия, которые «существенно ограничивают конституционные права и свободы личности, а отложение проверки законности таких действий до стадии судебного разбирательства может причинить ущерб, восполнение которого окажется неосуществимым» [4, п. 3]. Судебный контроль ограничивает вмешательство государства в частную сферу граждан, обеспечивая баланс между интересами общества и индивидуальными правами, а также создаёт условия для полноценной судебной защиты, направленной на оценку правомерности процессуальных действий и предупреждение ущемления прав участников уголовного процесса. Как отметил Конституционный Суд РФ: «Государство обязано обеспечить реальный доступ к правосудию, полное осуществление права на судебную защиту, которая должна быть справедливой, компетентной и эффективной, тем более если она обеспечивает охраняемые государством достоинство личности, свободу и личную неприкосновенность, право на квалифицированную юридическую помощь и другие права и свободы» [4, п. 2]. Таким образом, судебный контроль создаёт условия для полноценной и своевременной защиты, оценивая правомерность процессуальных действий и предупреждая ущемление прав.

Система гарантий, призванных защитить конституционные права лиц, вовлечённых в сферу ОРД, строится на двух фундаментальных началах. С

одной стороны, законодатель устанавливает чёткие нормативные границы, регламентирующие правовые основания, условия и процедуру ограничения прав при проведении оперативно-розыскных мероприятий. С другой стороны, действует набор контрольных инструментов — прокурорский надзор, ведомственный и судебный контроль, которые призваны гарантировать, что любое такое ограничение является и законным, и обоснованным. В рамках данной системы ключевым элементом, направленным на защиту прав и интересов вовлеченных лиц, выступает именно институт судебного контроля.

В сфере ОРД судебный контроль призван защищать, в первую очередь, комплекс конституционных прав: «право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну» [1, ст. 23, п. 1], «право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений» [1, ст. 23, п. 2], «неприкосновенность жилища» [1, ст. 25]/

Ключевая роль института судебного контроля в сфере оперативно-розыскной деятельности заключается её преимущественно негласным характером, который объективно лишает субъектов, в отношении которых проводятся мероприятия, возможности оперативной самозащиты. Судебный контроль, выполняя обеспечительно-восстановительную функцию, выступает в качестве ключевого механизма, обеспечивающего баланс между публичными интересами борьбы с преступностью и гарантиями неприкосновенности частной жизни.

В научной доктрине выделяются два вида судебного контроля в конституционной сфере. Первый осуществляется судами общей юрисдикции (децентрализованно или централизованно через верховные суды), второй — специализированными конституционными судами, действующими в рамках самостоятельного судопроизводства.

В уголовном судопроизводстве судебный контроль представляет собой деятельность суда по ходатайству должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, о санкционировании мер, предполагающих ограничение конституционных прав участников процесса. В отличие от правосудия, разрешающего дело по существу, данный контроль носит предупредительный и правовосстановительный характер, направленный на выявление и устранение нарушений закона в досудебном производстве.

Таким образом, право на судебную защиту является основой всех процессуальных гарантий в ОРД. Современная модель, пришедшая на смену прокурорскому санкционированию, основана на независимом рассмотрении судом ходатайств и вынесении обязательных решений. Судебный контроль следует рассматривать как самостоятельный процессуальный институт,

направленный на оценку законности действий оперативных подразделений, предупреждение произвольного вмешательства в частную жизнь, а также на охрану и восстановление нарушенных прав граждан.

Действующее законодательство устанавливает, что судебное решение является обязательным и единственным правовым основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий, которые влекут за собой ограничение конституционных прав. Однако преобладание негласных методов в ОРД порождает ряд дискуссионных проблем, таких как недостаточная теоретическая разработка оснований судебного контроля, отсутствие единых подходов к его сущности, формам и пределам судебной компетенции в обеспечении законности данной деятельности. Как отмечается в ч. 2 ст. 15 УПК РФ, суд обязан сохранять объективность и независимость, не вправе предрешать исход дела, что является правовым обоснованием принципа, согласно которому функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела должны быть разграничены и осуществляться различными субъектами. Исходя из указанных положений, проверка со стороны суда является необходимым условием для признания законности ограничительных мер, применяемых органами предварительного расследования. Так, в соответствии с Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 28.03.2017 № 504-О, «отложение проверки чревато невозможными последствиями, которые могут причинить вред правам человека» [5]. Таким образом, А.А. Устинов приходит к выводу о том, что в ходе судебноконтрольной деятельности суд осуществляет доказывание, под которым понимается «процесс собирания, исследования, проверки и оценки доказательств судом», для принятия промежуточных судебных решений, «не касающихся предмета судебного разбирательства уголовного дела по существу» [10]. Обоснованной представляется позиция автора, подчеркивающего сложный и многокомпонентный характер предмета доказывания при реализации судебно-контрольных полномочий. Данный тезис конкретизируется тем, что «его индивидуальная определённость зависит от вида и предмета судебного контроля» [10]. Сторонники критического подхода подчеркивают, что судебный контроль на досудебной стадии не тождественен классическому уголовно-процессуальному доказыванию ввиду различий в целях, содержании и предмете. Однако для принятия законного и обоснованного решения (например, об обыске или задержании) суд обязан устанавливать и исследовать фактические обстоятельства, а стороны вправе представлять дополнительные материалы, что формирует элементы доказывания.

Данная позиция подтверждается законодательно. Так, в рамках специального контрольного производства по ст. 125.1 УПК РФ судья проверяет законность и обоснованность решений о прекращении дела, исследуя доказательства в порядке, установленном для судопроизводства. Анализ глав 36–38 УПК РФ показывает, что общие процессуальные принципы (непосредственность, устность, регламент судебного заседания, прения сторон) фактически применяются и в судебно-контрольных производствах (ст. 108, 125, 165 УПК РФ), несмотря на отсутствие прямых указаний в законе.

Таким образом, формальное разграничение деятельности суда в судебном и досудебном производстве становится затруднительным, поскольку законодатель последовательно сближает эти процедуры, что свидетельствует об их процессуальном единстве в рамках уголовного процесса.

В сфере оперативно-розыскной деятельности как деятельности, предполагающей, как правило, негласный, непроцессуальный характер, эта сфера деятельности находится в той части, которая затрагивает права и интересы отдельных лиц, является вспомогательной, подчиненной задачам пресечения преступности и рассмотрения уголовных дел, процедурные гарантии судебной защиты здесь не могут быть меньшими, чем в уголовном процессе [12].

Статья 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» является центральной процессуальной гарантией законности в оперативно-розыскной деятельности, устанавливая обязательный предварительный судебный контроль за ограничением ключевых конституционных прав граждан (тайны связи, неприкосновенности жилища). Закон определяет четкие параметры этого контроля: рассмотрение материалов судьей единолично и незамедлительно, основанием для которого служит постановление руководителя оперативного органа; вынесение судьей мотивированного решения; ограниченный срок действия разрешения (до 6 месяцев). Однако практическая реализация этой гарантии осложнена из-за отсутствия в законе детальной регламентации самой процедуры судебного рассмотрения, что приводит к разрешению многих процессуальных вопросов, оставляемых на усмотрение судейской коллегии и органов, инициирующих оперативно-розыскные мероприятия.

По мнению И.Л. Петрухина, «отсутствие процедуры судебной деятельности приводит к беззаконию, которое лишает юридической силы принятое таким образом решение суда, а в дальнейшем влечет недопустимость использования в качестве доказательств оперативных данных, полученных при отсутствии процедуры» [14, с. 69].

В результате описанной коллизии процедура судебного контроля приобретает во многом формальный характер. Вместо всесторонней проверки суд часто выполняет лишь функцию легитимации решений оперативных органов, санкционируя мероприятия без глубокого анализа их фактической и правовой обоснованности. Правовой пробел усугубляет эту ситуацию: законодательная формулировка о праве судьи запрашивать информацию носит декларативный характер, поскольку не конкретизирует ни перечня запрашиваемых документов, ни процессуальных последствий их непредставления. Судьи должны глубоко понимать специфику оперативно-розыскной деятельности, включая её процедуры, методы получения информации и степень воздействия на права граждан, а также быть осведомлёнными о ведомственных нормативных актах правоохранительных органов.

Одним из способов решения данной проблемы могло бы стать законодательное закрепление исчерпывающего списка оперативно-служебных материалов, которые в обязательном порядке должны прилагаться к ходатайству о проведении ОРМ для судебного рассмотрения.

Также можно добавить мнение Е. Л. Никитина и И.В. Литвиновой, которые указывают на «необходимость указания критериев, которыми будут обязаны руководствоваться судьи при оценке законности, обоснованности и достаточности предоставляемых оперативных материалов» [13, с. 241]

Процедура судебной проверки применяется к ходатайствам о вмешательстве в охраняемые законом сферы частной жизни - тайну сообщений, неприкосновенность жилища и доступ к цифровой информации, что является частью оперативно-розыскной деятельности - входит в исключительную компетенцию суда и проводится единолично судьёй. Закон об ОРД указывает, что такие материалы передаются уполномоченному судье, однако разъяснения Конституционного Суда РФ подтверждают возможность их рассмотрения любым судьёй, имеющим допуск к государственной тайне.

В общем порядке ходатайства судья проводит анализ как ходатайства, так и сопутствующих материалов оперативно-розыскного происхождения в отсутствие публичного слушания и без вызова лиц, права которых могут быть затронуты. Конституционный Суд РФ признавал такой закрытый порядок соответствующим Конституции, поскольку конспиративный характер ОРД объективно исключает публичность. Тем не менее в научной литературе сохраняется позиция, что отсутствие открытости потенциально создаёт условия для злоупотреблений судебной властью.

Судья обязан незамедлительно рассмотреть представленные документы и не вправе отказать в этом. Обычно материалы рассматриваются по месту

проведения ОРМ или по местонахождению иницилирующего органа, хотя этот критерий не является приоритетным.

Особого внимания заслуживает вопрос указания конкретных телефонных номеров при санкционировании прослушивания. На практике это не является обязательным: лица, предполагающие контроль, нередко меняют средства связи. Законодатель же отдельно регулирует случаи, когда прослушивание допускается с письменного согласия гражданина [3, ст. 7].

Исследование материалов может ограничиваться письменными документами; представители органа ОРД участвуют лишь по усмотрению судьи. Кассационный суд РФ подчёркивает, что данная процедура не является судебным разбирательством в процессуальном смысле: здесь нет сторон, принципов публичности и состязательности, а проверяемое лицо не уведомляется о происходящем.

Осуществление судебного контроля в рассматриваемой сфере жестко обусловлено принципом диспозитивности. Он инициируется исключительно по воле заинтересованных сторон: по ходатайству субъектов ОРД, требующих санкционировать ограничение прав, или по жалобе лиц, чьи права были затронуты. Суд не обладает полномочиями по самостоятельному возбуждению проверочных процедур, что исключает превентивное реагирование на потенциальные правонарушения.

Оценка достаточности фактических данных возлагается на судью, который может затребовать дополнительные сведения. Непредставление убедительного обоснования приводит к отказу в разрешении. На практике же значительная проблема заключается в невозможности лица обжаловать решение о прослушивании, так как оно не уведомляется о его принятии. В случае недостаточно обоснованных действий органов ОРД или суда гражданин фактически лишается механизма защиты от необоснованного вторжения в частную жизнь.

Процессуальные нормы, регулирующие ОРД, содержат значительные пробелы, требующие законодательного устранения, прежде всего в части механизмов обжалования. К ключевым недостаткам действующего правового режима можно отнести: 1) непредоставление прокурору права опротестовать судебное решение о проведении правоограничивающих ОРМ; 2) не урегулированный законом порядок обжалования действий оперативных работников в органы прокуратуры; 3) отсутствие чёткой процессуальной формы для судебного рассмотрения ходатайств в случаях, сопряжённых с необходимостью исследования дополнительных доказательств виновности.

Например, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами

жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [10] указывалось, какие жалобы должны были рассматриваться в порядке ст. 125 УПК РФ, а какие – в порядке гл. 25 ГПК РФ.

В разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ наблюдалась непоследовательность в регулировании вопросов обжалования. С одной стороны, им предписывался универсальный процессуальный порядок по статье 125 УПК РФ, не зависящий от того, возбуждено ли уголовное дело. С другой стороны, вводился особый механизм для оспаривания действий, выполненных по поручению следователя или дознавателя, где решающим условием становилось именно наличие возбуждённого производства.

Гусев В.А., исходя из позиции Пленума ВС РФ, предлагал «в качестве критерия процедур обжалования взять основания проведения ОРМ. Жалобы на осуществление ОРМ, проведенных по основаниям, указанных в ч. 1. ст. 7 Федерального закона об оперативно-розыскной деятельности, рассматривать в порядке ст. 125 УПК РФ, т.к. в таком случае ОРД направлена на обеспечение уголовно-правовых и уголовно-процессуальных задач. В порядке гл. 25 ГК РФ ученый предлагал рассматривать жалобы на осуществление ОРМ, проведенных по основаниям, указанным в ч. 2. ст. 7 Федерального закона об оперативно-розыскной деятельности, т.к. эти основания не связаны с выявлением и раскрытием преступлений» [8, с. 61].

Институт судебного и административного обжалования распоряжений и мероприятий, проводимых должностными лицами органов публичной власти, включая субъектов ОРД, нуждается в законодательной конкретизации, исключающей альтернативность процедур. Применение ст. 125 УПК РФ для оспаривания актов оперативных органов представляется некорректным, поскольку данная норма регулирует обжалование в рамках функции уголовного преследования, которая, согласно ч. 1 ст. 21 УПК РФ, не входит в компетенцию органов ОРД. Важно отметить, что ни следователь, ни дознаватель не имеют прямого права отдавать распоряжения о выполнении определённых оперативно-розыскных мероприятий. Согласно статье 125 УПК РФ, обжалованию подлежит лишь само поручение, направленное оперативным подразделениям в случае, если его реализация нарушила права граждан. Однако эффективность такого обжалования крайне низка: суды редко удовлетворяют подобные жалобы, поскольку фактическое нарушение прав происходит в результате конкретных действий оперативных сотрудников, а не в момент выдачи поручения, что создаёт значительные сложности в защите.

Для обеспечения правовой определённости и доступности судебной защиты рассмотрение жалоб на действия оперативных органов должно

осуществляться в рамках единой процедуры, независимо от оснований проведения ОРМ. Учитывая, что установление этих оснований зачастую невозможно даже при осведомлённости лица о проводившихся мероприятиях, право на обжалование должно быть не просто формально закреплено, а обеспечено действенными процедурами, гарантирующими его практическую реализацию. Для усиления гарантий соблюдения конституционных прав лиц, затрагиваемых оперативно-розыскной деятельностью, в Федеральный закон «Об ОРД» требуется внести нормы, детально регулирующие порядок обжалования действий её субъектов.

Действующий порядок санкционирования оперативно-розыскных мероприятий, которые связаны с вторжением в охраняемые Конституцией права личности, в своей основе опирается на чётко установленную законодательную процедуру. Однако её практическое применение демонстрирует существенные изъяны, которые подрывают эффективность судебного контроля и фактически ослабляют гарантии защиты частной сферы личности.

Наиболее значимая проблема состоит в невозможности обжалования решения о санкционировании ОРМ. Лицо, в отношении которого проводится, например, прослушивание телефонных переговоров, объективно не осведомлено о таком факте до момента возможного использования полученной информации в уголовном процессе. Это порождает ситуацию, при которой вмешательство в сферу частной жизни остаётся вне последующей проверки на соответствие закону. Если сведения подтверждают версию обвинения, их использование выглядит формально правомерным; если же они не содержат компрометирующей информации, ошибки или недобросовестные действия органов ОРД и суда остаются скрытыми. Соответственно, гражданин лишён возможности инициировать обжалование как самого факта вмешательства, так и законности выдачи судебного разрешения, поскольку формально не знает о проведённом мероприятии. В результате контроль над правомерностью ОРМ нередко оказывается фрагментарным или вовсе отсутствует.

В совокупности эти обстоятельства свидетельствуют о том, что действующий порядок судебного контроля в оперативно-розыскной сфере не обеспечивает реального механизма защиты от потенциальных злоупотреблений и посягательство на гарантированные законом права и свободы.

Исходя из сказанного, совершенствование судебного контроля в ОРД — это ключевой вектор развития оперативно-розыскного законодательства. Работающий механизм обжалования решений государственных органов —

краеугольный камень правопорядка, построенного на гарантиях свободы личности. При всей специфике ОРД, требующей неразглашения некоторых аспектов и наличия ведомственных инструкций, регулирование вопросов, связанных с ограничением основных прав, должно оставаться исключительной прерогативой законодателя. Именно такая законодательная основа способна обеспечить баланс между интересами государства и необходимостью надлежащей правовой защиты личности в условиях скрытого характера оперативно-розыскной деятельности.

Список цитируемой литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 23. – Ст. 3584.
2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
3. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 (ред. от 28.06.2022) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 4.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2023 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Саркисяна» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 5. Ст. 914.
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2017 г. № 504-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барченкова Дмитрия Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2017. № 5.
6. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононова по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2000. № 1. С. 45–52.
7. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности : монография. – Москва : Издательство РАП, 2008. – 304 с.

8. Гусев В. А. Соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории и практики. – Хабаровск, 2011. – 206 с.
9. Кашепов В. П. Институт судебной защиты прав и свобод граждан и средства ее реализации // Государство и право. 1998. № 2. С. 70-77.
10. Ковтун, Н. Н. Судебный контроль в уголовном процессе: понятие, виды, сущность и содержание / Н. Н. Ковтун // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2001. № 2. С. 117-123.
11. Лебедев, В. М. Судебная защита свободы и личной неприкосновенности граждан на предварительном следствии. – М., 2001. – 359 с.
12. Маркушин А. Г. Оперативно-розыскная деятельность : учебник и практикум для среднего профессионального образования. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 376 с.
13. Никитин, Е. Л. Судебный контроль в сфере оперативно-розыскной деятельности: за и против / Е. Л. Никитин, И. В. Литвинова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3 (104). С. 240-244.
14. Петрухин И. Л. Частная жизнь (правовые аспекты) // Государство и право. 1999. № 1. С. 64-73.
15. Рыгалова К. А. Судебный контроль как самостоятельная уголовно-процессуальная функция // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 98-101.

Севостьянова Арина Олеговна

студентка Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Лукьянчикова Елена Федоровна

доцент кафедры уголовного права и процесса

Юридического института НИУ «БелГУ»

кандидат юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАЗВИТИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье на основе анализа правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации выявлена его ключевая роль в развитии уголовно-процессуальных гарантий прав личности. Делается

вывод о том, что Суд, выполняя функции «негативного законодателя» и восполняя пробелы в праве, формирует конституционные стандарты для уголовного судопроизводства, конкретизирует принципы состязательности, судебного контроля и разумного срока, обеспечивая реальное действие права на справедливую судебную защиту.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, конституционное судопроизводство, права личности, уголовно-процессуальные гарантии, судебная защита, правовая позиция.

Конституция Российской Федерации 1993 года, провозгласила «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства» [1, ст. 2], что стало фундаментом для обновления всей правовой системы, включая отрасль уголовного права, где вопросы обеспечения прав личности стояли наиболее остро. Реализация этих конституционных предписаний на практике обеспечивается деятельностью Конституционного Суда Российской Федерации, который посредством конституционного судопроизводства формирует обязательные правовые позиции и восстанавливает нарушенные конституционные права граждан. Его роль в развитии уголовно-процессуальных гарантий прав личности является ключевой, поскольку Суд выступает главным создателем конституционных норм уголовного судопроизводства, корректируя законодательство и правоприменительную практику в соответствии с принципами правового государства.

Деятельность Конституционного Суда направлена на конкретизацию и обеспечение реализации в уголовном процессе конституционных основ, которые служат принципами всего уголовного судопроизводства: законность; равенство всех перед законом и судом; право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещёнными законом; право на получение квалифицированной юридической помощи; независимость судей; состязательность и равноправие сторон. Как верно отмечает Л.Н. Дегтярева, «Конституцию России можно считать юридической базой всего правосудия и уголовного судопроизводства» [9, с. 152].

Конституционный Суд указывает на необходимость обеспечения баланса между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами, публичными интересами и правами и законными интересами участников уголовного судопроизводства. «Публично-правовые цели уголовного судопроизводства включают в себя частный интерес в виде защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а равно

защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод». При этом «недопустимо рассматривать интересы публичной власти отстранённо от интересов личности, прав и свобод конкретного человека» [12, с. 71, 72]).

Наиболее чётко роль Конституционного Суда проявляется в развитии через его решения конкретных уголовно-процессуальных институтов, непосредственно затрагивающих права личности.

Конституционный Суд подчёркивает неразрывную связь конституционного права на судебную защиту (ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации) с принципом разумного срока судопроизводства. Затяжные процессы сами по себе могут нарушать это право, ставя под сомнение справедливость правосудия. «Категория разумного срока уголовного судопроизводства непосредственно связана с общей продолжительностью разбирательства в рамках уголовного дела – причём она обеспечивает и контролирует пределы допустимой продолжительности с учётом индивидуальных особенностей дела, служит гарантией соблюдения прав заявителя на своевременное рассмотрение дела» [9, с. 152]. Конституционный Суд способствовал закреплению этого принципа в национальное законодательство (ст. 6.1 УПК РФ), а также формированию практики присуждения компенсации за его нарушение.

В своих ранних постановлениях Конституционный Суд сыграл революционную роль в преобразовании уголовного процесса, решительно встав на защиту принципа состязательности (ч. 3 ст. 123 Конституции России). «Признание Конституционным Судом неконституционными норм, возлагающих на суд функцию обвинения, а также позволяющих суду по собственной инициативе возвращать дело для дополнительного расследования, заложило основу для закрепления в УПК РФ 2001 г. модели, где функции обвинения, защиты и разрешения дела строго разделены (ст. 15 УПК РФ)» [11]. Конституционный Суд разъяснил, что «функция обвинения (уголовного преследования) заключается в возбуждении уголовного преследования, формулировании обвинения и отстаивании его в суде» [13, с. 23].

Конституционный Суд последовательно расширял перечень действий и решений органов предварительного расследования и прокурора, которые могут быть обжалованы в суд (ст. 125 УПК РФ), справедливо рассматривая судебный контроль как важнейшую гарантию прав личности на ранних этапах процесса. Он указал, что «возложение на суд задачи осуществления правосудия не исключает наделение его полномочиями по осуществлению контроля за законностью и обоснованностью действий (бездействия) и

решений органов и должностных лиц, уполномоченных на осуществление уголовного преследования», а невозможность обжалования «исказила бы саму суть правосудия» [13, с. 23].

Решения Конституционного Суда, признающие те или иные нормы не соответствующими Конституции, выполняют функцию «негативного законодателя». Эти решения становятся основанием для пересмотра конкретных уголовных дел (п. 1 ч. 4 ст. 413 УПК РФ). Правовые позиции Суда оказывают влияние на развитие науки уголовного процесса. Как отмечает Л.А. Воскобитова, современное уголовно-процессуальное право требует «объёмного правопонимания», которое включает не только текст закона, но и правовые позиции Конституционного Суда, что «формирует единую правовую конструкцию для решения конкретных казусов» [8, с. 18, 20].

Основой для всех процессуальных гарантий является право на судебную защиту, которое, по мнению Конституционного Суда в его Постановлении от 20.01.2023 N 3-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Саркисян: «право на судебную защиту, будучи универсальным правовым средством государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, выполняет обеспечительно-восстановительную функцию, государство обязано обеспечить реальный доступ к правосудию, полное осуществление права на судебную защиту, которая должна быть справедливой, компетентной и эффективной, тем более если она обеспечивает охраняемые государством достоинство личности, свободу и личную неприкосновенность, право на квалифицированную юридическую помощь и другие права и свободы» [5, п. 2].

На примере Постановления от 20 января 2023 г. № 3-П видно, как Конституционный Суд развивает гарантии прав личности на досудебных стадиях, формулируя критерии для судебного обжалования. Так, обжалованию подлежат действия, которые «существенно ограничивая конституционные права и свободы личности, а отложение проверки законности и обоснованности таких действий и решений до стадии судебного разбирательства может причинить ущерб, возмещение которого в дальнейшем окажется неосуществимым» [5, п. 3]. При этом Конституционный Суд подчёркивает, что судебный контроль не должен быть формальным: «суд не должен ограничиваться лишь исполнением формальных требований уголовно-процессуального закона и отказываться от оценки фактической обоснованности оспариваемых действий (бездействия) и решений» [5, п. 3.1]. В частности, перевод в другое СИЗО, как было установлено, напрямую затрагивает комплекс прав, а потому «предполагает

их защиту в безотлагательном порядке» [5, п. 4.1]. Любое исключение подобных решений из предмета судебного контроля «умалило бы достоинство личности, так как ограничение доступа к правосудию является одновременно и ограничением фундаментального права на защиту достоинства личности». Способ такой проверки Суд основывает на принципе баланса, требуя оценивать «обусловленность и оправданность такого перевода соразмерности ограничения прав лица преследуемой законной цели». Данная позиция, закреплённая в резолютивной части носит нормативный характер, так как «Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл части первой статьи 125 УПК Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное её истолкование в правоприменительной практике» [5, п. 2 резолютивной части].

Ярким примером нормотворческой роли Конституционного Суда в уголовном процессе является и создание им новой процессуальной гарантии, описываемой в статье Н.А. Колоколова. Столкнувшись с пробелом в законе и первоначальным отказом в защите со стороны судов общей юрисдикции, Конституционный Суд «пришёл к совершенно иному выводу: его правовая позиция – никаких препятствий к допросу (опросу) «вчерашних судей» – присяжных заседателей нет и в помине» [10]. Эта правовая позиция, сформулированная Конституционным Судом, получает нормативное закрепление и показала свою эффективность на практике. Впоследствии она получила своё закрепление в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 22, что является наглядным примером «формирования Конституционным Судом Российской Федерации конкретной правовой позиции, как вполне работоспособный процессуальный механизм».

В сфере защиты прав потерпевших Суд также активно развивает гарантии, как показывает Постановление Конституционного суда от 30 января 2020 г. № 6-П. Суд указал, что гарантия разумного срока должна обеспечивать «эффективность восстановления нарушенных прав» [4], а потому её исчисление для потерпевшего должно начинаться с момента подачи заявления о преступлении, а не с формального признания его потерпевшим. Это решение восполнило пробел в регулировании, поскольку «впредь до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений» правоприменитель обязан руководствоваться указанной позицией.

Важнейшей функцией Конституционного Суда Российской Федерации является обеспечение верховенства своих решений, в Постановлении от 17 декабря 2024 г. № 58-П «когда исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты, ещё одним – экстраординарным и субсидиарным

– способом обеспечения судебной защиты нарушенных прав и исправления судебной ошибки выступает конституционное судопроизводство, достижение же целей конституционного судопроизводства возможно лишь при неукоснительном исполнении актов конституционного правосудия как императиве правового государства» [7, п. 2]. Суд подчеркнул, что нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «не могут ни толковаться, ни применяться судами в отступление» от его актов, а «отказ в пересмотре судебного решения по конкретному делу, невзирая на прямое о том указание в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации, означал бы грубое нарушение конституционных установлений и фактически исходил бы не из потребности в исправлении выявленной судебной ошибки, а, наоборот, из признания её приоритета над справедливостью» [7, п. 5]. Конституционный Суд выстраивает систему гарантий по защите прав личности через процедуру, предполагающую «независимо от возможного ухудшения положения осуждённого или оправданного – обязательность возобновления производства по уголовному делу в целях пересмотра вступившего в законную силу решения суда если в постановлении содержится прямое указание на пересмотр этого дела» [7, п. 1 резолютивной части].

Роль Суда в развитии достоверности доказательств и обеспечения состязательности, отражена в Постановлении от 19 июня 2023 г. № 33-П. Конституционный Суд указал, что право на «всестороннее разрешение дела независимым и беспристрастным судом в процедурах, обеспечивающих непосредственность исследования доказательств, и на основе общеправовых принципов справедливости, равенства, презумпции невиновности входит в основное содержание (ядро) конституционного права на судебную защиту, выступает одной из его процессуальных гарантий, в уголовном судопроизводстве к судебной защите предъявляются особые, повышенные требования, касающиеся в том числе исследования доказательств» [6, п. 2] является частью конституционного права на защиту. Уничтожение вещественных доказательств до окончания производства по всем связанным делам «создавало бы непреодолимые препятствия для непосредственного исследования сторонами и судом доказательств», что нарушает принцип равенства сторон, поскольку обвиняемый должен обладать «равными с другими подозреваемыми и обвиняемыми правами по участию в исследовании вещественных доказательств».

Даже в случаях, когда он не находит нарушений, как в Постановлении от 20 мая 2014 г. № 16-П, выполняет системную роль, оценивая всю совокупность гарантий. Суд указал, что власть законодателя «не является

абсолютной» и должна «обеспечивать эффективность способов правовой защиты при соблюдении баланса конституционных ценностей, принципа правовой определённости и при безусловном гарантировании равенства перед законом и судом» [3], что демонстрирует комплексный подход к защите прав личности.

Несмотря на огромную роль Конституционного Суда, существует проблема внедрения его решений в повседневную практику. «Значительный процент обращений в Конституционный Суд по вопросам уголовной юстиции отражают неучет или даже игнорирование правовых позиций Суда судами общей юрисдикции, органами прокуратуры и предварительного расследования в уголовных делах обращающихся лиц» [14, с. 2-3].

Для повышения эффективности исследуемой роли Конституционного Суда необходимо: совершенствование законодательства, регулирующего уголовное судопроизводство; повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов; оптимизация нагрузки на суды и следственные органы; внедрение современных технологий, позволяющих ускорить рассмотрение уголовных дел.

Конституционный Суд Российской Федерации играет центральную роль в развитии уголовно-процессуальных гарантий прав личности. Выступая в качестве высшего органа в вопросах соответствия уголовно-процессуальных норм Конституции, он не только устраняет неконституционные положения, но и заполняет пробелы в действующем законодательстве содержанием, что конкретизирует и развивает конституционные принципы применительно к уголовному судопроизводству. Дальнейшее укрепление авторитета и повышение исполнимости решений Конституционного Суда является императивным условием для построения эффективной системы уголовного судопроизводства, пользующейся доверием общества.

Список цитируемой литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.

2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 25.07.1994. № 13. Ст. 1447.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.05.2014 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 02.06.2014. № 22. Ст. 2920.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 6-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э.Р. Юровских» // Собрание законодательства Российской Федерации. 10.02.2020. № 6. Ст. 743.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2023 № 3-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Саркисяна» // Собрание законодательства Российской Федерации. 30.01.2023. № 5. Ст. 914.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.06.2023 № 33-П «По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В.Г. Скотникова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 26.06.2023. № 26. Ст. 4846.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2024 № 58-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части четвертой статьи 413 и части третьей статьи 414 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Золотаревой» // Собрание законодательства Российской Федерации. 30.12.2024. № 53 (часть III). Ст. 8891.
9. Воскобитова Л. А. Уголовно-процессуальное право: проблемы понимания и применения // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводств : Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 марта 2013 года / Сост. К.Б.Калиновский, Т.В.Соколов. – Санкт-Петербург: СоветникЪ, 2013. С. 54-67. EDN WDSANX.
10. Дегтярева, Л. Н. Конституционное право на судебную защиту и принцип разумного срока в уголовном судопроизводстве: к вопросу о взаимосвязи / Л.

Н. Дегтярева, А. А. Дядченко, И. Н. Тюрина // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2025. № 1. С. 151-156.

11. Колоколов Н.А. Роль и место судебных правовых позиций (прецедентов) в организации уголовного судопроизводства России: практика опять впереди теории? Статья 2. "А Ларчик просто открывался": присяжных по "совету" Конституционного Суда РФ просто допросили, чем доказали эффективность судебного правотворчества // Уголовное судопроизводство. 2022. № 3. С. 2-5.

12. Соколов Т. В. Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводств: современные формы и перспективы развития // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводств : Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 марта 2013 года / Сост. К.Б. Калиновский, Т.В. Соколов. – Санкт-Петербург: СоветникЪ, 2013. – 235 с.

13. Смирнова, И. Г. Гармонизация публичных и частных начал уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда РФ / И.Г. Смирнова, Н.Г. Стойко, И.А. Васильев // Всероссийский криминологический журнал. 2025. Т. 19, № 1. С. 66-74. – DOI 10.17150/2500-4255.2025.19(1).66-74. – EDN SVMVIP.

14. Рябина, Т.К. влияние правовых позиций конституционного суда российской федерации на развитие категориального аппарата науки уголовного процесса / Т.К. Рябина, А.А. Козявин // Взаимосвязь конституционного и уголовного судопроизводств : Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 марта 2013 года / Сост. К.Б. Калиновский, Т.В. Соколов. – Санкт-Петербург: СоветникЪ, 2013. – 235 с.

15. Шадрин Виктор Сергеевич Конституционализация российского уголовного судопроизводства: понятие, формы, проблемы и значение // Правовое государство: теория и практика. 2023. №2 (72). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionalizatsiya-rossiyskogo-ugolovnogo-sudoproizvodstva-ponyatie-formy-problemy-i-znachenie> (дата обращения: 01.12.2025).

Севостьянова Арина Олеговна
студентка Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель:
Мархгейм Марина Васильевна
заведующий кафедрой конституционного и международного права
юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор
(Белгород, Россия)

НАРОДОВЛАСТНЫЙ МЕХАНИЗМ ВНЕСЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВOK: ОПЫТ РОССИИ

Аннотация. В статье проводится анализ общероссийского голосования 2020 года как уникального конституционно-правового феномена. На основе сравнительного подхода выявляется его правовая природа, рассматривается соотношение с институтом референдума, терминологические и процедурные особенности. Сделан вывод о дуалистическом характере голосования, сочетающем народовластные признаки с элементами управляемого политико-правового эксперимента.

Ключевые слова: конституционное право, общероссийское голосование, референдум, народовластие, поправки к Конституции, конституционная реформа.

«Самостоятельными направлениями конституционно-правовой политики являются формирование правовых основ складывания и функционирования институтов гражданского общества, системы народовластия (референдум, выборы и др.), политической системы общества (политические партии, общественные объединения)»¹.

Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации, состоявшееся 1 июля 2020 года, стало событием, которое, по оценке Марины Васильевны Мархгейм «ворвалось в конституционно-правовую науку и практику» и «изменяет ракурс её исследования» и [1, с. 146]. Данный институт не был предусмотрен действующей Конституцией Российской Федерации для процедуры внесения поправок в главы 3-8. Это создало правовой вакуум, который был заполнен созданием специальной процедуры, с одной стороны, необходимой для

¹ Витрук Н.В. Верность Конституции – основа прогрессивного развития современной России // Научные ведомости БелГУ. 2008. №8 (48) С. 23-29.

легитимации политически значимых изменений, с другой – не противоречащей установленному порядку пересмотра Конституции.

Первоначально возникает необходимость анализа создания механизма внесения поправок в главы 3-8 Конституции от его терминологических особенностей до оценки будущих перспектив. Общероссийское голосование становится платформой для подтверждения «народовластные признаков» и создаёт элементы «призрачности», что формирует сравнительный анализ научных оценок его правовой природы и перспектив на основе исследований других авторов, таких как М.М. Курячая, С.Н. Слободчикова, И.В. Игнатушко, Д.Д. Коновалов.

Статья 3 Конституции Российской Федерации, напоминает нам о том, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ» [2]. Однако, до 1 июля 2020 года, механизм непосредственного волеизъявления народа при одобрении конституционных поправок Основным законом не был предусмотрен. Перед законодателем появляется потребность в разработке специальной процедуры, которая, с одной стороны, узаконила бы политически значимые изменения, а с другой – не противоречила бы установленному порядку пересмотра Конституции. На этом этапе и возникает первый «призрачный» вопрос дальнейшего использования разработанного формата института для внесения поправок в Конституцию Российской Федерации «Повторится ли такой формат или останется уникальным случаем – сказать однозначно нельзя» [1, с. 146].

Объектом выступают не только общественные отношения, но и «научные обобщения и выводы представителей конституционно-правовой науки», то есть предметом изучения становится не только феномен голосования, но и его научное осмысление.

Термин «Общероссийское голосование» не является синонимом «всенародного голосования», которым, согласно статье 1 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации», является референдум: «Референдум Российской Федерации - всенародное голосование граждан Российской Федерации, обладающих правом на участие в референдуме, по вопросам государственного значения» [3], и не тождествен «всероссийскому». Необходимо подчеркнуть, что к выбору термина «подступиться было не так просто уже потому, что никакого плебисцитарного механизма в этой связи не предусмотрено».

Лингво-юридический анализ, устанавливается некорректность подмены «общероссийского» на «всероссийское», приводя примеры: «всероссийская перепись населения, всероссийская конференция – в таких мероприятиях, как

правило, каждый за себя. При голосовании же выясняется общая воля». Появляется чёткая граница: «всенародное голосование с процессом внесения поправок в главы 3-8 Конституции России практически не связывалось». Новый термин, таким образом, отражает особую форму общественного признания процедуры, не предусмотренной для поправок. Если «всенародное» связано с народом как источником власти, то «общероссийское» акцентирует внимание на объединение народа страны, смещая фокус с суверенитета на коллективное участие.

Работу по подготовке к Общероссийскому голосованию началась с Распоряжения Президента Российской Федерации от 14 февраля 2020 г. № 32-рп «в связи с необходимостью обеспечения участия граждан Российской Федерации в решении вопросов о внесении изменений в Конституцию Российской Федерации» [4] и его дальнейшее закрепление в Законе о поправке к Конституции от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ [5]. При этом подчёркивается, что сама форма закона была predetermined ещё Постановлением Конституционного Суда РФ 1995 года, что придаёт процедуре дополнительную легитимность.

Изначальный народовластный замысел был формализован в уникальный правовой институт. Указ Президента Российской Федерации от 17.03.2020 № 188 «О назначении общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации», ссылаясь на части 2 и 3 статьи 2 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» постановил:

- Установить, что дата проведения общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации, предусмотренных статьёй 1 Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации, определяется отдельным указом Президента Российской Федерации.

- Вынести на общероссийское голосование следующий вопрос: «Вы одобряете изменения в Конституцию Российской Федерации?» [6].

Общероссийское голосование было создано как инструмент легитимации изменений, уже одобренных на политическом уровне. Создание особой гибкой формы позволило минимизировать риски и придать решениям видимость народной поддержки.

На основе анализа четырёх научных статей о конституционной реформе 2020 года (С.Н. Слободчикова, И.В. Игнатушко, Д.Д. Коновалов, М.В. Мархгейм) формируется представление об институте общероссийского голосования как сложном конституционно-правовом феномене. Если

М.В. Мархгейм рассматривает голосование как уникальный юридический феномен – гибрид прямой демократии и политического управления, то другие авторы обращают внимание на его функционально-политическое измерение, его практические, процедурные и политические аспекты.

Коновалов Д.Д. занимает критическую позицию, считая голосование политическим инструментом легитимации решений, принятых сверху «Консервативно настроенная правящая элита чувствует народную поддержку и стремится использовать её для упрочения своего присутствия у власти, в том числе посредством снятия конституционных ограничений количества сроков полномочий действующего Президента с целью обеспечения стабильности и предотвращения релятивизации прав человека. Для этого, в частности, используются институты народного одобрения, приобретающие различные формы (например, современного общероссийского голосования...)» [7].

Позитивный подход С.Н. Слободчикова, напротив, рассматривает его как положительную «национальную новеллу», способствующую обновлению избирательного законодательства «Обозначенные изменения правовой действительности свидетельствуют, что общероссийское голосование – это новелла 2020 г., которая расширила границы принципа народовластия и механизма принятия конституционных изменений, объединила конституционную инициативу и непосредственное народовластие, оказала положительное влияние на законодательные преобразования в области выборов и референдумов на различных уровнях власти» [8].

Аналитический подход И.В. Игнатушко занимает промежуточную позицию, анализируя голосование как проявление тенденции к гибкому, факультативному правотворчеству «Следует отметить факультативность принятого в связи с общероссийским голосованием законодательства. В рамках действующих законов также можно было провести голосование в формате референдума. В этой ситуации можно говорить о голосовании народа как об альтернативной форме представительной демократии» [9].

Объединяя эти подходы, можно заключить, что общероссийское голосование не является отклонением от конституционной традиции, но и не формирует устойчивый демократический институт. Это переходная форма между правовой инновацией и политическим инструментом, отражающая стремление государства адаптировать механизмы народного участия под текущие политические задачи.

С одной стороны, голосование обладает всеми признаками народовластия, присущими референдуму, а с другой – его перспективы «призрачны». Это неустойчивый, уникальный и ситуативный институт,

созданный для конкретной политической цели. Референдум остаётся «спящим институтом», тогда как общероссийское голосование стало «бодрым экспериментом», ворвавшимся в правовую практику.

Таким образом, общероссийское голосование 2020 года, несмотря на критику его «призрачности» и «управляемости», стало значимым этапом в развитии российской модели конституционного правотворчества. Этот институт можно определить как юридически допустимый, но политически обусловленный эксперимент прямой демократии, сыгравший ключевую роль в трансформации конституционного процесса. С юридической точки зрения, голосование обладает признаками института прямой демократии, но с точки зрения содержания – остаётся управляемым сверху процессом. Его значение выходит за рамки конкретной реформы, демонстрируя возможность гибридных форм участия народа в государственном управлении. Общероссийское голосование 2020 года стало важным прецедентом в российской конституционной практике, демонстрирующим поиск баланса между представительными и непосредственными формами демократии, а также развитие более гибкого подхода к конституционному регулированию.

Список цитируемой литературы

1. Мархгейм Марина Васильевна Общероссийское голосование: народовластные признаки и призраки // *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право.* 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obscherossiyskoe-golosovanie-narodovlastnye-priznaki-i-prizraki> (дата обращения: 24.11.2025).
2. Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года №7-ФКЗ, 05 февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ, 14 марта 2020 года №1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №6-ФКЗ, от 4 октября 2022 №7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года №8-ФКЗ) // *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2022. № 710. Ст. 4398.
3. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) «О референдуме Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации.* 05.07.2004. № 27. Ст. 2710.
4. Распоряжение Президента Российской Федерации от 14.02.2020 № 32-рп «Об обеспечении участия граждан Российской Федерации в решении вопросов о внесении изменений в Конституцию Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации.* 17.02.2020. № 7. Ст. 822.
5. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и

функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. 16.03.2020. № 11. Ст. 1416.

6. Указ Президента Российской Федерации от 17 марта 2020 г. № 188 (ред. от 25.03.2020) «О назначении общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 23.03.2020. № 12. Ст. 1743.

7. Коновалов Д.Д. Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию России: зачем и почему? // Конституционное и муниципальное право. 2020. N 11. С. 60 - 63. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-11-60-63 (www.doi.org).

8. Слободчикова С.Н. Конституционная проблематика общероссийского голосования // Legal Concept. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-problematika-obscherossiyskogo-golosovaniya> (дата обращения: 24.11.2025).

9. Игнатушко И.В. К вопросу о формах и тенденциях правового регулирования прямой демократии в контексте общероссийского голосования // Администратор суда. 2022. № 1. С. 35-38. DOI: 10.18572/2072-3636-2022-1-35-38 (www.doi.org).

Сойников Дмитрий Олегович,

студент Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Новикова Алевтина Евгеньевна,

профессор кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»,

доктор юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТАЙНОГО ГОЛОСОВАНИЯ КАК КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу проблем обеспечения тайного голосования как конституционного принципа в условиях цифровой трансформации избирательного процесса. Исследуются правовые, организационно-технические и социально-психологические аспекты реализации данного принципа, включая вызовы, связанные с внедрением дистанционного электронного голосования (ДЭГ). Особое внимание уделяется противоречиям между традиционными гарантиями тайны волеизъявления и технологическими рисками цифровой эпохи. На

основе анализа международно-правовых стандартов и национального законодательства предлагаются пути модернизации организационно-правовых механизмов для укрепления конституционных гарантий избирательных прав граждан.

Ключевые слова: тайное голосование, конституционный принцип, дистанционное электронное голосование, кибербезопасность, цифровизация, избирательные права, международные стандарты.

Обеспечение тайного голосования как конституционного принципа представляет собой фундаментальную гарантию свободного волеизъявления граждан России, что в базовом варианте закреплено Конституцией Российской Федерации (в частности, в ст. 81 применительно к выборам Президента Российской Федерации [1]). Более широкое применение этого фундаментального положения в избирательной системе устанавливается ст. 7 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», которая определяет тайное голосование как право граждан на участие в электоральных процессах без какого-либо контроля за их волеизъявлением [2].

Обеспечение тайного голосования как конституционного принципа занимает центральное место в системе демократических ценностей современного правового государства, находясь в тесной взаимосвязи с нормами международного права. В числе таких, Всеобщая декларация прав человека 1948 г., в которой провозглашается, что воля народа должна находить выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, проводимых при тайном голосовании (ст. 21) [3]. Более детально данный принцип легализован в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., обязывающем государства обеспечить свободное волеизъявление на выборах без недопустимых ограничений (ст. 25) [4].

Принцип тайного голосования является центральным в демократическом процессе, так как обеспечивает независимость выбора избирателя, исключая возможность внешнего давления, контроля, манипуляций. Тайна голосования призвана защитить гражданина от возможных преследований, шантажа или иных форм воздействия на основании его политических предпочтений, что тем самым создает условия для подлинно свободных и справедливых выборов.

Подавляющее большинство ученых и правоведов последовательно отстаивают принцип тайного голосования как неотъемлемое условие подлинной свободы и независимости избирателя, исключая возможность

какого-либо внешнего давления на его решение. Классик российской государственно-правовой мысли В.М. Гессен, например, прямо указывал, что свободные выборы невозможны без закрытой процедуры голосования, которую он рассматривал в качестве одного из фундаментальных начал демократического избирательного права [5].

Современные исследователи, такие как М.В. Баглай, также подчеркивают, что тайное голосование является атрибутом демократической системы и абсолютной привилегией избирателей [6]. Вместе с тем в научной традиции присутствует и альтернативный, критический взгляд на этот институт, он нашел отражение в трудах либерального мыслителя Дж. Ст. Милля. В своем произведении «Размышления о представительном правлении» он выступал против тайного голосования, аргументируя это тем, что если рассматривать голос избирателя как его общественную обязанность, то общество вправе знать, как именно эта обязанность исполняется [7].

Так как личность, ее права и свободы выступают высшей ценностью государства [1], автор данной научной статьи придерживается мнения, что тайна голосования – электоральная привилегия, гарантирующая реализацию права человека на обеспечение свободы как в индивидуальном, так и в общественном выражении. Ее смысл заключается в создании максимально защищенных условий для свободного формирования и выражения воли избирателя, без какого-либо внешнего давления, контроля или возможных санкций. Эта привилегия обеспечивает свободу личности в её индивидуальном проявлении, гарантируя право на частный, никому не ведомый выбор, который делается в соответствии с внутренними убеждениями. Одновременно она служит и общественному интересу, так как является краеугольным камнем легитимности всей избирательной системы.

Исторически становление принципа тайного голосования связано с борьбой против практики открытого голосования, которое позволяло влиятельным группам или государственным структурам контролировать политический выбор граждан. Введение тайного голосования стало важным шагом в деле защиты прав личности и обеспечения равенства всех участников электорального процесса. В современном контексте этот принцип не только сохраняет свою актуальность, но и сталкивается с новыми вызовами, связанными с технологическим прогрессом в обществе. Содержание принципа тайного голосования включает несколько ключевых аспектов. Во-первых, это абсолютная невозможность установления связи между конкретным избирателем и его волеизъявлением. Это означает, что ни во время голосования, ни после него не должно существовать технических, организационных или юридических механизмов, позволяющих определить,

как проголосовал тот или иной гражданин. Во-вторых, тайна голосования предполагает создание условий, исключающих любое внешнее наблюдение за процессом заполнения бюллетеня. Это достигается за счет использования специальных кабин для голосования, которые обеспечивают физическую изоляцию избирателя в момент принятия решения. В-третьих, принцип тайного голосования требует от государства принятия мер, направленных на защиту граждан от попыток принуждения или давления со стороны третьих лиц, включая работодателей, членов семьи или политических активистов.

По мнению А.Е. Новиковой и В. В. Вторниковой, проблема реализации принципа тайного голосования подразделяется на 3 группы: правовая, организационно-техническая и психологическая [8].

Так правовая коллизия выражается в отсутствии отдельного законодательного акта, который регулировал бы процесс электронного голосования, как, к примеру, Избирательный кодекс Белгородской области. Тем не менее, данная задача возлагается на Центральную избирательную комиссию Российской Федерации. Постановления ЦИК РФ являются ведомственными актами, фактически устанавливающими основные правила, такие как порядок шифрования, средства защиты информации, методику подсчёта голосов, установление итогов выборов и т.д. Несмотря на то, что Федеральный закон № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» все же содержит нормы, касательно регулирования ДЭГ, по мнению авторов, было бы целесообразно выносить подобные положения в отдельный федеральный закон с детальным уточнением требований к организационно-техническому соблюдению принципов тайного голосования.

Говоря о проблематике в контексте организационно-технической группы, особую сложность в современном мире представляет внедрение дистанционного электронного голосования (далее – ДЭГ). Авторы данной научной статьи солидарны с позицией А.Е. Новиковой и В.В. Вторниковой, что особую актуальность приобретает необходимость адаптации традиционных принципов избирательного права к цифровой среде, в частности уточнение содержания принципа тайного голосования в условиях, когда возникают реальные риски идентификации личности избирателя. Хотя ст. 64.1 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» устанавливает общий порядок организации дистанционного электронного голосования, проблема разработки чётких организационно-технических требований для обеспечения тайны голосования остаётся нерешенной. С технической точки зрения ДЭГ основано на технологии блокчейн, которая

зарекомендовала себя как надежный инструмент, однако в контексте конституционного принципа тайного голосования остается открытым вопрос безопасности процедуры аутентификации избирателя. Запрашиваемые персональные данные, равно как и информация о волеизъявлении, потенциально могут стать объектом кибератак [8]. На основании изложенного в упомянутом источнике, автор данной научной статьи приходит к выводу, что использование технологии блокчейн в ДЭГ, безусловно, выступает передовым подходом, тем не менее порождаются коллизии с конституционным принципом тайны голосования. Основная озабоченность заключается в процедуре аутентификации, которая, являясь критически важным звеном системы, создает уязвимость, поскольку сосредотачивает в одном месте массив персональных данных и информацию о волеизъявлении, что потенциально привлекательно для кибератак, особенно в современных реалиях. Автор солидарен с позицией, упомянутой в работе [8], касательно того, что декларируемая разработчиками надежность системы не может быть принята на веру, так как реальная степень защищенности алгоритмов кодирования остается скрытой от независимых экспертов и широкой общественности, что подрывает саму основу публичного доверия к процедуре. Существующая модель создает серьезный правовой и технологический вызов, для преодоления которого недостаточно одних лишь технических решений, так как требуется прямое законодательное закрепление комплексных гарантий конфиденциальности и безопасности, обеспечивающих как технологическую прозрачность, так и неотвратимость внешнего аудита.

Продолжая анализ работы А.Е. Новиковой и В.В. Вторниковой [8], автор более склонен к убеждению, что ключевым барьером на пути широкого принятия ДЭГ является не столько технологический, сколько глубокий социально-психологический фактор. То есть, корень проблемы лежит в фундаментальном недоверии, которое порождают когнитивные искажения, в частности, инстинктивное неприятие новизны. Для многих граждан сама концепция «цифрового следа» создает непреодолимый психологический барьер, формируя иррациональную, но устойчивую уверенность в том, что электронные системы по своей природе не могут быть столь же анонимными, как и привычная, осязаемая процедура с бумажными бюллетенями, физическое уничтожение которых символизирует окончательность и конфиденциальность. Тем не менее, мнение схожи в том, что даже высокие официальные показатели явки на ДЭГ, которые часто приводятся в качестве доказательства успеха, на самом деле могут маскировать реальную картину. Эти цифры скорее отражают административные усилия и вынужденный

выбор в условиях отсутствия альтернатив, а не искреннее доверие граждан к системе. Подтверждением этому служат данные о «постголосовательной тревожности» – распространенном чувстве сомнения и беспокойства у избирателей, которые даже после участия в ДЭГ не уверены, что их голос был учтен анонимно и без изменений. Без преодоления этого глубинного психологического барьера, без работы по формированию подлинного, а не административно обеспеченного доверия, любое дальнейшее технологическое совершенствование системы будет встречать сопротивление и подрывать субъективное ощущение людей от реализации их избирательных прав.

Говоря о модернизации организационно-правового механизма реализации принципа тайного голосования, необходим комплексный подход, который сочетал бы технологические инновации, правовые реформы, а также психолого-социальные факторы. Ключевой проблемой остается сохранение конституционных гарантий тайны волеизъявления в условиях цифровой трансформации, где традиционные методы защиты анонимности сталкиваются с новыми вызовами: рисками кибератак, технологической непрозрачностью и психологическим недоверием граждан.

В субъектах Российской Федерации 14 сентября 2025 г. прошел единый день голосования. По данным Минцифры РФ, в этот день своими электоральными правами на федеральной платформе ДЭГ воспользовалось более 1,5 млн граждан России [9].

По мнению автора, данный избирательный цикл стал важным и наглядным примером того, что электоральная система относительно ДЭГ все же подвергается совершенствованию с технической точки зрения, а также со стороны психологического воздействия на граждан. Особенно важно, что, сохраняя регуляторную стабильность и преемственность в лице ЦИК России как координирующего органа, гражданам удалось избежать правовой неопределенности и обеспечить единые стандарты защиты избирательных прав всех регионов.

Психологический барьер, связанный с восприятием «цифрового следа», постепенно преодолевается за счет активной разъяснительной работы и демонстрации технических возможностей системы по обеспечению полной анонимности. Об этом также могут свидетельствовать упомянутые данные Минцифры России, так как в 2025 г. явка составила 90,5% [9].

Электоральный цикл 2025 г. наглядно продемонстрировал, что современные технологии при грамотном правовом сопровождении могут не только сохранить, но и усилить конституционные гарантии тайны

голосования, создавая при этом новые удобства для граждан и укрепляя общую доверительную среду вокруг избирательного процесса.

На основании проведенного исследования автор приходит к выводу, что развитие механизмов обеспечения тайного голосования в Российской Федерации представляет собой сложный, но последовательный процесс адаптации конституционного принципа к вызовам цифровой эпохи. Масштабное внедрение дистанционного электронного голосования, прошедшее апробацию в ходе избирательных циклов, свидетельствует о формировании сбалансированного подхода, сочетающего технологические инновации с сохранением основных гарантий. Значительным достижением можно считать создание единой правовой и технической платформы, обеспечивающей стандартизацию процедур ДЭГ, что минимизирует риски правовой фрагментации и создает равные условия для реализации избирательных прав. Особую ценность, на взгляд автора, представляет поступательная работа по преодолению психологического барьера доверия - через совершенствование криптографической защиты, расширение возможностей наблюдения и системную разъяснительную работу. Хотя вопросы технологической прозрачности и необходимости дальнейшего совершенствования законодательной базы остаются актуальными, текущая модель доказала свою жизнеспособность и способность эволюционировать. Таким образом, конституционная гарантия тайны голосования не только сохраняет свою непреходящую ценность, но и обретает новые формы реализации, соответствующие требованиям современного цифрового общества, где защита персональной анонимности органично сочетается с технологическими возможностями обеспечения подлинной свободы волеизъявления.

Список цитируемой литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.
2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.) // Организация

- Объединенных Наций. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 07.10.2025).
4. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. // Организация Объединенных Наций. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 08.10.2025).
5. Гессен В. М. Основы конституционного права. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/5148630/chapter/bab98b384321e6e745a56f88cbb0486> (дата обращения: 08.10.2025).
6. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Норма, 2007. 409 с.
7. Милль Дж. Ст. Размышления о представительном правлении. – СПб.: Типография Ю.А. Бакрама, по Большой Московской, 1864. № 4. – С. 191-192.
8. Новикова А.Е., Вторникова В.В. Конституционный принцип тайного голосования и некоторые проблемы его реализации в Российской Федерации // International Journal of Humanities Sciences. 2024. №9-1 (96). С. 177-181.
9. Минцифры. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://digital.gov.ru/news/na-federalnoj-platforme-deg-progolosovali-90-izbiratelej> (дата обращения: 08.10.2025).

Ткаченко Егор Владимирович,

студент Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Новикова Алевтина Евгеньевна,

профессор кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»,

доктор юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ В БЕЛГОРОДСКУЮ ДУМУ VIII СОЗЫВА

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию электоральной активности студенческой молодежи в Российской Федерации на примере выборов в Белгородскую областную Думу VIII созыва. С формально-юридической точки зрения проанализирован полный объем

избирательных прав, предоставляемых студентам Конституцией и федеральным законодательством, а также выявлены практические проблемы их реализации, связанные со спецификой правового статуса данной социальной группы. Особое внимание уделено участию студентов-юристов в работе избирательных комиссий и молодежных электоральных клубов как эффективной форме приобретения практических профессиональных компетенций и повышения правовой культуры. На основе регионального опыта Белгородской области доказывается, что непосредственное вовлечение студентов в организацию избирательного процесса способствует преодолению политического скепсиса и формированию осознанной гражданской позиции.

Ключевые слова: электоральная активность, студенты, избирательные права, правовая культура, участковая избирательная комиссия (УИК), молодежная избирательная комиссия, Белгородская область, выборы, юридическое образование, гражданская позиция.

Электоральная активность студентов в Российской Федерации представляет собой значимый аспект избирательного процесса, требующий комплексного анализа с точки зрения реализации конституционных прав и выполнения гражданских обязанностей.

С формально-юридической позиции студенческая молодежь, достигшая 18-летнего возраста, обладает полным объемом активного избирательного права в соответствии со ст. 32 Конституции Российской Федерации [1] и Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [2], однако практическая реализация этих прав осложняется спецификой правового статуса данной социальной группы.

Основная проблема заключается в раздробленности мест регистрации студентов – значительная часть из них имеет постоянную регистрацию в одном субъекте Федерации, а фактически проживает в другом, где расположено высшее учебное заведение, что создает объективные сложности для участия в выборах регионального и муниципального уровней.

Тем не менее, как показывает практика, студенты впервые сталкиваются с системой выборов именно в высших учебных заведениях, к примеру, выборы в органы студенческого самоуправления. В большинстве случаев, процедура едина: существует отдельное положение внутриуниверситетское, внутриинститутское, в соответствии с которым соблюдается конституционное право избирать и быть избранным [1] в

контексте студенческого самоуправления, а также содержится сам порядок выборов.

Говоря об электоральной активности студентов на государственном и муниципальном уровнях, совершеннолетние студенты в Российской Федерации обладают полным комплексом избирательных прав, гарантированных федеральным законодательством. В соответствии с актуальной редакцией Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», достижение 18-летнего возраста предоставляет возможность не только участвовать в выборах различного уровня, но и выдвигать свою кандидатуру в представительные органы муниципальных образований (ст. 4) [2]. Электоральное поведение данной социальной группы представляет собой многогранный феномен, включающий не только решение об участии или бойкоте голосования, но и сложный процесс формирования политических предпочтений, определения стратегии голосования и осознанного выбора между кандидатами и партийными программами [3].

Современная российская молодежная среда демонстрирует противоречивую картину политической вовлеченности. Степень участия молодых людей в политических процессах, уровень их гражданской самоидентификации и готовность участвовать в управлении государственными делами приобретают стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития страны. По мнению авторов, гражданская активность студенчества выступает важным индикатором зрелости гражданского общества и необходимым условием для построения прогрессивного государства. Как справедливо отмечал С.И. Беленцов, именно активная гражданская позиция, патриотизм и социальная ответственность молодого поколения являются залогом успешного преодоления современных вызовов и реализации национальных интересов России [4].

Особую значимость в формировании конструктивной гражданской позиции студентов приобретает практика непосредственного диалога с представителями власти и политическими деятелями. Неформальное общение с опытными политиками, готовыми делиться практическим опытом и отвечать на острые вопросы, способно стать эффективным инструментом преодоления политического скепсиса в студенческой среде. Подобные встречи создают условия для трансляции ценностей гражданской ответственности и могут существенно повлиять на изменение отношения молодого поколения к политическому участию, стимулируя переход от

пассивного наблюдения к активному и осознанному участию в политической жизни страны.

Так на примере Белгородской области, студенты, обучающиеся в юридических институтах, университетах, проявляют заинтересованность в электоральном праве и процессе, в частности обучающиеся НИУ «БелГУ» являются членами Молодежной избирательной комиссии Белгородской области, постоянно действующего совещательного и консультативного органа при Избирательной комиссии Белгородской области [5]. Работа комиссии направлена на привлечение молодежи Белгородской области к активному участию в избирательных кампаниях различного уровня и формирование у нее активной гражданской позиции, ответственного отношения к выборам, повышение правовой культуры молодых и будущих избирателей, а также подготовку и обучение представителей социально активной молодежи Белгородской области для дальнейшего включения их в составы избирательных комиссий Белгородской области всех уровней.

В преддверии выборов в Белгородскую областную Думу VIII созыва, которые проходили 14 сентября 2025 г., заместитель председателя Избирательной комиссии Белгородской области Владимир Троян, отметил, что наименьшую активность в выборах проявляет именно молодежь [6]. Тем не менее, на базе НИУ «БелГУ» действует Клуб молодого избирателя, участники которого выступили в роли наблюдателей на избирательных участках 14 сентября во время избирательного цикла.

Авторы данной научной статьи солидарны с мнением Г.Б. Ващенко, что преодоление проблемы низкого уровня правовой и политической культуры молодых избирателей возможно через их вовлечение в избирательные процессы. Это способствует росту интереса к общественно-политической жизни и в более широком смысле может рассматриваться как шаг на пути формирования в России гражданского общества. Наиболее эффективной формой такого участия видится включение студентов в состав участковых избирательных комиссий с правом решающего голоса. Такой статус позволяет молодым избирателям непосредственно участвовать в организации выборов и референдумов, что способствует развитию у них чувства ответственности и понимания механизмов политических процессов на всех уровнях – от муниципального до общегосударственного [7]. Работа в участковой избирательной комиссии предоставляет в первую очередь студентам юридического направления обучения уникальную возможность получить первоначальный практический опыт и глубже понять принципы демократических процессов.

С юридической точки зрения участие студентов в электоральных процессах представляет собой практическую реализацию их конституционного права избирать и быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления, закрепленного в Конституции России. Для студентов-юристов это приобретает особое значение, поскольку позволяет непосредственно применять знания избирательного законодательства на практике, формируя профессиональные компетенции в сфере организации выборов и защиты избирательных прав. Участие в работе избирательных комиссий дает им уникальную возможность ознакомиться с юридическими процедурами подготовки и проведения голосования, составления протоколов, разрешения спорных ситуаций, что является важным элементом их будущей профессиональной деятельности. На примере выборов в Белгородскую областную Думу VIII созыва 14 сентября 2025 г. можно наблюдать активное вовлечение студентов юридических специальностей в качестве наблюдателей. Многие из них прошли программу повышения квалификации «Организатор выборов», реализованную Избирательной комиссией Белгородской области совместно с Юридическим институтом НИУ «БелГУ», что позволило им не только теоретически, но и практически освоить процедурные аспекты электорального процесса.

По мнению авторов, целесообразность популяризации молодежных избирательных клубов, таких как действующий в Белгородском государственном национальном исследовательском университете, поможет в формировании у студентов системного понимания подотрасли избирательного права. Эти клубы служат платформой для приобретения практических навыков работы с нормативно-правовой базой, разрешения юридических казусов, возникающих в ходе избирательного процесса, и развития профессиональных компетенций, востребованных на государственной службе и в юридической профессии.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что популяризация участия студентов юридического направления обучения в электоральных процессах является не просто желательной, а объективной необходимостью. С юридической точки зрения, такая практика представляет собой наиболее эффективный механизм трансляции теоретических знаний избирательного права в профессиональные навыки. Непосредственная работа в качестве членов участковых и молодежных избирательных комиссий, участие в качестве наблюдателей на выборах, как это было продемонстрировано в ходе кампании в Белгородскую областную Думу, обеспечивает бесценный опыт применения норм Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской

Федерации» на практике. Прохождение студентами-юристами программ повышения квалификации, подобных «Организатор выборов», и деятельность в рамках молодежных избирательных клубов создают кадровый резерв для избирательной системы, формируя поколение юристов, непосредственно обладающими процедурными и правовыми навыками организации голосования. Таким образом, системное вовлечение студентов юридического профиля в электоральные процессы – это стратегическая инвестиция в будущее правового государства, обеспечивающая как личностное профессиональное становление молодых специалистов, так и повышение общей правовой культуры избирательного процесса в стране.

Список цитируемой литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.
2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
3. Мурашова С.А. Электоральная активность студентов // Молодой ученый. 2025. № 1 (552). С. 160-164.
4. Беленцов С.И. Социально-гражданское воспитание в России в конце XIX – начале XX веков. Курск: [ЮМЭКС], 2002. 64 с.
5. Студенты НИУ «БелГУ» в числе членов молодежных избиркомов Белгорода и Белгородской области. // НИУ «БелГУ» URL: https://bsuedu.ru/bsu/news/news.php?ID=860801&IBLOCK_ID=123 (дата обращения: 15.10.2025).
- Выборы и роль молодежи в избирательной системе обсудили в НИУ «БелГУ». // НИУ «БелГУ» URL: https://bsuedu.ru/bsu/news/news.php?ID=860801&IBLOCK_ID=123 (дата обращения: 11.10.2025).
6. Ващенко Г.Б. Участие студентов в работе участковых избирательных комиссий как способ повышения правовой культуры молодых избирателей // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 3(13).
1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993, 25 декабря.

2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 23.05.2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
3. О выборах Президента Российской Федерации: Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 171.
4. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ (ред. от 23.05.2025 г.) // СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740.
5. Захаров И.В. Избирательное право Российской Федерации: учебник и практикум для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 324 с.
6. Сергеичева Д.Р., Жигарев, Ю.С. ДЭГ: риски фальсификации и перспективы применения в России // В сборнике: Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты. – Курск, 2023. – С. 378-383.

Чеченева Виктория Витальевна,

студент Юридического института НИУ «БелГУ»

(Белгород, Россия)

Научный руководитель:

Новикова Алевтина Евгеньевна,

профессор кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»,

доктор юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

ПОДСЧЕТ ГОЛОСОВ И СОСТАВЛЕНИЕ ПРОТОКОЛОВ НА ВЫБОРАХ: ПРОБЛЕМЫ СТАДИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. Развитие современных технологий влечет за собой не только позитивные последствия, но и создает новые вызовы, которые требуют совершенствования правовой системы. В частности, интеграция автоматизированных систем в избирательный процесс приводит к целому комплексу проблем, сказывающихся на возможности соблюдения фундаментальных требований и принципов проведения выборов на территории Российской Федерации. Представленное исследование направлено на анализ таких проблем, которые возникают в стадии подсчета голосов и составления протоколов об итогах голосования. По результатам такого анализа формулируются предложения о внесении изменений в отдельные законодательные акты.

Ключевые слова: избирательное право, избирательный процесс, выборы, подсчет голосов, составление протоколов.

Стадия подсчета голосов избирателей и составления протоколов является ключевым этапом выборов в Российской Федерации, на котором определяются не только результаты голосования, но и их легитимность, что оказывает непосредственное влияние на реализацию принципа народовластия, закрепленного в тексте ст. 3 Конституции Российской Федерации [1]. Именно по этой причине важно, чтобы проблемы, которыми характеризуется данная стадия, были максимально оперативно устранены.

Подсчет голосов и составление протоколов регламентируется комплексом нормативных правовых актов. Так, Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ № 67) в ст. 68 устанавливает, что подсчет осуществляется в соответствии с принципами гласности и открытости, предполагающими необходимость оглашения каждого бюллетеня и внесение данных в протоколы [2]. Подобный порядок гарантирует осуществление надлежащего контроля за стадией со стороны не только членов избирательной комиссии, но и независимых наблюдателей, что особенно важно для обеспечения легитимности выборов (ч. 8 ст. 68 ФЗ № 67).

Федеральные законы от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в ст. 85 [4] и от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» в ст. 73 [3] конкретизируют порядок осуществления данной процедуры, указывая на возможность использования современных технологических средств, автоматизирующих процесс подсчета голосов. Помимо этого, определяется право на составление протоколов в электронной форме, однако, с обязательным копированием их содержания на материальном (бумажном) носителе и заверением уполномоченным субъектом.

Механизм подсчета голосов и составления протоколов предполагает несколько последовательных обязательных этапов. Так, по истечении времени голосования уполномоченный представитель избирательной комиссии делает объявление о прекращении выдачи бюллетеней избирателям, после чего осуществляется подсчет. Первоочередно определяется количество бюллетеней, выданных гражданам, после чего осуществляется сортировка тех из них, что не могут быть признаны действительными. По ходу совершения данных действий оглашается каждый

бюллетень, что обеспечивает прозрачность процесса и соблюдение принципов общественного контроля (ч. 6-8 ст. 68 ФЗ № 67). Протоколы составляются в соответствии с требованием отражения точных данных, включающих в себя: число избирателей в списке, количество выданных бюллетеней, число признанных действительными бюллетеней, а также сведения о распределении голосов между кандидатами или списками кандидатов (ч. 1-3 ст. 69 ФЗ № 67). Протокол подлежит обязательному заверению уполномоченным лицом участковой избирательной комиссии и последующей передаче в территориальную избирательную комиссию (ч. 1-4 ст. 70 ФЗ № 67). Таким образом, создается многоуровневая система контроля, призванная не допустить фальсификации итогов голосования.

Переходя к проблемным аспектам, сразу следует оговориться о том, что некоторые из них напрямую связаны с новизной современных технологий, интегрированных в избирательный процесс. Как отмечалось ранее, подсчет голосов может осуществляться при помощи автоматизированных систем, использование которых может привести к расхождению итоговых результатов. И.В. Захаров отмечает, что автоматизированные системы подсчета голосов применяются исключительно в качестве вспомогательного инструмента, обеспечивающего должный уровень достоверности и оперативности. Именно по этой причине, на практике не отдается предпочтение данному способу, а в ситуации расхождения «автоматизированных» и «ручных» результатов проводится дополнительная проверка на предмет выявления причин данного происшествия [5, с. 89].

С представленным выше мнением следует согласиться. Действительно, подобные технологии, при их должном функционировании, могут позволить повысить не только оперативность, но и точность процесса подсчета голосов, так как исключается человеческий (субъективный) фактор. В то же время, законодательно не устанавливается приоритет методов подсчета, а также отсутствуют указания на то, какое отклонение при сравнении результатов является допустимым и не требует проведения дополнительной сверки.

Д.Р. Сергеичева и Ю.С. Жигарева выделяют проблему подсчета голосов в рамках дистанционного электронного голосования. По мнению авторов, действующий в Российской Федерации порядок подсчета голосов создает риски для нарушения принципа тайны голосования, так как формирование «электронной урны» осуществляется последовательно, учитывая время поступления каждого бюллетеня, что создает риски отслеживания волеизъявления избирателя [6, с. 382].

На наш взгляд, еще одна проблема связана с правилами реагирования на ошибки в протоколах. Если обратиться к п. 9 ст. 69 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», то можно заметить, что законодатель предусматривает в качестве средства реагирования только аннулирование протокола вышестоящей комиссией без возможности внесения в него изменений при незначительности допущенной ошибки. Представляется, что подобный подход вступает в противоречие с принципом эффективности избирательного процесса, так как требует не только совершения дополнительных действий для повторного подсчета голосов, но и для составления нового протокола в ситуациях, в которых можно было бы внести корректировки в ранее составленный протокол с обязательным заверением достоверности отраженных в нем результатов.

Таким образом, с целью устранения выявленных проблем и повышения справедливости избирательного процесса, предлагаем следующие меры.

1. Дополнить ст. 68 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» положением, указывающим на приоритет ручного подсчета голосов в ситуации, если имеет место расхождение с автоматизированным, превышающее 0,1 % от общего количества бюллетеней. В случае, если подсчет осуществляется на участках с низкой явкой, недопустимым отклонением должно признаваться значение в 5 бюллетеней. В условиях подобных расхождений должен производиться повторный ручной подсчет с обязательной видеофиксацией и при участии независимых наблюдателей.

2. Разработать технологию перемешивания «электронной урны», которая предполагает, что подсчет голосов, отданных в рамках дистанционного электронного голосования, может осуществляться только после того, как они будут отсортированы автоматически не с учетом принципа даты поступления в систему, а случайным образом. Подобные изменения позволят снизить угрозу тайности голосования.

3. Дополнить ст. 69 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» положением, указывающим на возможность внесения корректировок в протоколы по решению председателя избирательной комиссии с обязательным составлением акта сверки, подписываемым всеми членами такой комиссии, а также заверенным надлежащим образом. Допустимой такая корректировка является только в случае, если обнаружено

арифметическое расхождение, не превышающее значение в 0,05 %, а равно опечатки в формах.

4. Привести Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» в соответствие с изменениями Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Список цитируемой литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993, 25 декабря.
2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 23.05.2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.
3. О выборах Президента Российской Федерации: Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 171.
4. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ (ред. от 23.05.2025 г.) // СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740.
5. Захаров И.В. Избирательное право Российской Федерации: учебник и практикум для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 324 с.
6. Сергеичева Д.Р., Жигарев, Ю.С. ДЭГ: риски фальсификации и перспективы применения в России // В сборнике: Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты. – Курск, 2023. – С. 378-383.

Швайгер Арина Николаевна

студентка Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель

Мамин Андрей Сергеевич

доцент кафедры административного права и процесса

Юридического института НИУ «БелГУ»

кандидат юридических наук, доцент

(Белгород, Россия)

**РОЛЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В
ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ НОРМЫ ОБ
ОТВЕТСТВЕННОМ ОТНОШЕНИИ К ЖИВОТНЫМ,
НАХОДЯЩИМСЯ В ЗОНЕ ПРОВЕДЕНИЯ СВО, ИЛИ ПРИ ИХ
ЭВАКУАЦИИ**

Аннотация. Данная работа посвящена правовой стороне проблемы необходимости создания механизма нормативно-правового регулирования для эвакуации животных из зоны боевых действий в период СВО, созданию регламента действий для родственников умерших солдат, желающих забрать животное, ранее принадлежавшее погибшим и о роли Уполномоченного по правам человека в этом механизме.

Ключевые слова: СВО; животное; эвакуация; боевые действия; солдаты; законодательный уровень; закон; родственники; Уполномоченный по правам человека.

Актуальность работы обусловлена необходимостью создания механизма нормативно-правового регулирования эвакуации животных из зоны специальной военной операции (далее – СВО), а также определить роль Уполномоченного по правам человека в решении этого вопроса.

Данная тема стала актуальной поскольку участились случаи, когда военнослужащие РФ, подобравшие животных, погибали, а сами питомцы остались практически единственным олицетворением памяти о герое, а его близкие стремящиеся каким-либо доступным образом сохранить крупицу его наследия, сталкиваются с правовой пропастью вопроса.

Корень проблемы находится еще на законодательном уровне, поэтому необходимо определить, насколько на данный момент времени вывоз животных регламентируется юридически.

Эвакуация – это комплекс мероприятий по организованному вывозу населения из зон ЧС различного характера.

Если мы обратимся к Постановлению Правительства РФ от 19 сентября 2022 г. №1654 «Об утверждении Правил проведения эвакуационных мероприятий при угрозе возникновения или возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» то во втором пункте увидим, что «под эвакуационными мероприятиями понимаются действия по перемещению граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации, материальных и культурных ценностей» [1].

Обратим внимание на вторую часть пункта «материальные и культурный ценности».

Если насчет культурных ценностей все более-менее понятно, что туда относят достояния мирового, российского и местного значения, то на материальных нужно немного остановиться.

К материальным ценностям относят: государственные ценности; производственные и научные ценности; запасы продовольствия, медицинское оборудование и т.д.; сельскохозяйственных животных; некоторые запасы материальных средств [2].

Из этого выявляем, что эвакуация животных, не считая сельскохозяйственных, на законодательном уровне не закрепляется и никак не определяется.

В дальнейшей работе основным нормативным актом, на который необходимо опираться при разработке механизма нормативно-правового регулирования является Конституция Российской Федерации, конкретно ст. 144 пункт 1, «е5 осуществляет меры, направленные на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения, снижение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, сохранение уникального природного и биологического многообразия страны, формирование в обществе ответственного отношения к животным» [3].

Ситуация, когда военнослужащие Вооруженных сил Российской Федерации (далее – ВС РФ) подбирали брошенных животных нередко. Бойцы опекают, кормят и лечат животных, попавших к ним. Во время отпуска многие военнослужащие при возможности вывозят с собой животных небольших размеров, сами пристраивают их в добрые руки или оставляют со своей семьей.

Однако такая возможность имеется далеко не у всех и не всегда.

За время СВО бойцами ВС РФ были спасены не только кошки и собаки, но и хорьки, утята, еноты, козы, черепахи и даже такой гигант как львица, выходец из Мариупольского зоопарка также находится под

присмотром военнослужащих. Поэтому, в эвакуации нуждаются не только в классическом понимании «домашние питомцы», но и достаточно экзотические и габаритные животные.

Таким образом, мы говорим не только о решении конкретной ситуации, где погиб солдат, и родственники желают забрать себе его животное, а о целом пласте проблем, где решение – это создание механизма, контролирующего и осуществляющего эвакуацию животных подкрепленным соответствующими правовыми актами и используя все возможности Уполномоченного по правам человека для защиты прав не только самих военнослужащих, но и их родственников. И только в рамках этого «пласта проблем», требующего решения на законодательном уровне уже можно составить отдельную систему действия для родственников, желающих забрать животное, которое принадлежало бойцу ранее, определив роль Уполномоченного по правам человека в этой системе.

Для осуществления работы того или иного регламента действий нужно определить через какие органы или организации осуществление данной деятельности в настоящее время будет наиболее эффективно.

В рамках настоящей работы предлагается использовать уже действующие и существующие некоммерческие организации.

Исходя из практики реального времени можно преобразовать опыт работы волонтерских и некоммерческих организаций (далее – НКО), которые практически с самого начала СВО занимаются организованным вывозом животных на самостоятельной и благотворительной основе.

В данной нестабильной ситуации эти организации выработали, каждый для себя, отработанный порядок действий, доведенный до автоматизма.

Уже прямо сейчас огромное количество организаций помогают в спасении животных, активисты самостоятельно организуют работу по отлову, транспортировке и размещению животных, с дальнейшей ветеринарной помощью.

Использование уже имеющихся структур будет наиболее эффективным и оперативным решением, чем создание и организация новых.

Проведя анализ работы существующих организаций и их работу по эвакуации животных, были определены: порядок передачи животного, основные проблемы с которыми сталкиваются НКО.

Процесс передачи животного происходит примерно в таком порядке:

- Военные обращаются к волонтерам с просьбой вывести животное.
- Волонтер обращается в организацию, которая занимается вывозом животных.

- Составляется точный план транспортировки. Есть ли принимающая семья, в каком состоянии животное, есть ли техническая возможность связи и проезда все эти вопросы в точности до мелочей прорабатываются.

- Волонтер пишет от руки письмо с изложением того, что нужно сделать (пример: «Прошу забрать раненую кошку у военных в городе Артемовск. Принимающая сторона есть в Тюмени. Прошу пролечить и согласовать передачу животного этому человеку» [4]).

Проезд на территорию боевых действий во многом происходит беспрепятственно, но с каждым годом все больше администраций городов ограничивают въезды на территорию. Из интервью с руководителем донецкой НКО «Кошкин дом» Евгенией Михайловой: «...мы только от корреспондентов, которые приехали снимать наш приют, узнали, как работает новый порядок выдачи разрешений на въезд. С большим трудом получили согласие, ведь далеко не все понимали важность работы с животными. Нам надо было ехать в Луганск, договариваться, брать сопровождающего военного. Такая же ситуация была и в Авдеевке – у нас уже есть регистрация, мы НКО, у которого в перечне функций указан «вывоз животных из зоны боевых действий», но четкого механизма согласования работы на освобожденных территориях нет» [5].

Таким образом, из данного отрывка интервью мы оговорим о такой проблеме, как запрет на въезд в зону боевых действий или отказ от выдачи заявлений, беря во внимание тот факт, что организация уже имеет официальную регистрацию и с указанием функцией «вывоз животных из зоны боевых действий».

Всё указанное подводит к ясной необходимости создания особого статуса для социальных НКО, занимающихся вывозом животных, который позволит получать разрешения на въезд в наиболее оперативном порядке. В ситуациях при дальнейшем запрете на въезд, предлагается дача жалоб к вышестоящему органу, при равносильном отказе о рассмотрении жалобы, следует обращение к Уполномоченному по правам человека от лица родственников погибшего или самой организации, так как в данный момент работы организация является представителем их интересов в отношении собственности, то есть животного.

В вышеописанных случаях говорить о животном, как о собственности в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 №51-ФЗ, ст. 137 «К животным применяются общие правила об имуществе постольку, поскольку законом или иными правовыми актами не установлено иное».

В статьях 230-231 Гражданского кодекса Российской Федерации сказано, что при нахождении безнадзорного животного, человек должен обратиться в полицию в течении 3 дней, если изначальный владелец не будет найден в течении 6 месяцев, то лицо у которого содержится животное получает право собственности на него (если лицо не отказывается от приобретения собственности сам) [6].

В ситуации ведения СВО мы говорим о прямой невозможности осуществления такого порядка действия, из чего предлагается возможный иной механизм приобретения безнадзорного животного в условиях боевых действий – «Регламент приобретения животного в зоне боевых действий»:

- В случае обнаружения животного военнослужащим об этом докладывается вышестоящему руководству (командиру отряда).

- При условии, когда животное остается подле военнослужащих, то нашедший животное, заботится о нем или полностью делегирует эти обязательства любому иному сослуживцу, данный факт также докладывается вышестоящему.

- В случае, если никто из не эвакуированных граждан не опознал животное и не заявил на него свои права (предлагается месяц на выявление этого), оно также остается подле военнослужащего.

- Около 3 месяцев предлагается давать уже эвакуированным гражданам находящихся в дали на подачу заявления в ближайшие волонтерские НКО о потере животного, в случае истечения полных трех месяцев животное полностью переходит в собственность ответственного военнослужащего, если боец отказывается, то собственность переходит любому сослуживцу изъявившего желание (при отсутствии жестокого обращения с животным).

- Факт об окончательном определении собственности докладывается вышестоящему руководству – руководителю подразделения.

Исходя из всего выше сказанного, мы определяем основные задачи требующие модификации и закрепления уже существующих, или создания новых механизмов действия:

- составление точных форм заявлений для эвакуации животных из зоны СВО. Как основными предлагаются следующие заявления: «О вывозе животного», «План транспортировки и вывоза животных», «О передаче животного в принимающую семью»;

- создание и закрепление особого статуса для некоммерческих организаций, чья деятельность направлена на вывоз животных из зоны боевых действий. Данный статус должен действовать для упрощения пропуска через блокпосты, после проведения классической проверки документов;

- составление требований к социальной некоммерческой организации, занимающееся охраной и защитой животных в области эвакуации животных и внесение их в ст. 31.1 ФЗ от 12.01.1996 №7-ФЗ «О некоммерческих организациях» в пункт 4.

- создания регламента приобретения безнадзорного животного в условиях боевых действий и закрепление данного положения в официальном правовом акте путем введения поправки в Гражданский кодекс РФ в ст. 231.

Деятельность всех некоммерческих организаций, занимающихся эвакуацией животных из зоны боевых действий в период проведения СВО, необходимо финансировать за счет осуществления грантов и в соответствии требованиям Федерального закона от 12 января 1996 №7-ФЗ «О некоммерческих организациях» ст. 31.1 [7].

Таким образом будет осуществляться регулярная поддержка работы организаций и их оснащение основным техническим оборудованием для содержания животных и создания мобильных ветеринарных пунктов. При стабилизации работы некоммерческих организаций возможно осуществление стабильной деятельности по передачи животного из места боевых действий в руки принимающей семьи (в случае гибели бойца, который приютил животное) с использованием вышеупомянутой формы «О передаче животного в принимающую семью».

Для осуществления возможности эвакуации животного в принимающую семью, предлагается следующий порядок действия:

1. Семья/знакомые/близкие (далее – родственники) узнав о гибели солдата и желая забрать к себе животное, за которым при жизни ухаживал погибший обращаются к командиру его подразделения, запросив разрешение на вывоз животного.

2. Получив утвердительный ответ, родственники обращаются в ближайшую НКО занимающуюся эвакуацией животных или связываются с ней дистанционно. Обращающиеся должны предоставить перечень следующих данных:

- ФИО погибшего;
- подробное описание животного: кличка, порода, окрас и другие опознавательные признаки;
- состояние животного: свободное и краткое пояснение или неизвестно;
- место прохождения службы: город/населенный пункт, в котором находился погибший или где находился в крайний раз;
- дополнительная информация: контактные данные сослуживцев и другая дополнительная информация.

3. Получив информацию, формируется группа по выезду в указанный район, предлагается следующий состав группы: один член организации, ветеринарный специалист, водитель. Состав группы может изменяться в зависимости от цели поездки (массовая эвакуация, экстренный вывоз животного, формирование мобильного ветеринарного пункта и т.д.). Определяется руководитель группы.

4. Руководитель группы связывается со сослуживцами (при наличии данной возможности) погибшего и подтверждает местонахождение животного, его состояние, возможность передержки животного у «себя» или передачи местным жителям.

5. Составляется точный план эвакуации и определяются приблизительные сроки с указанием дат.

6. Информация о сроках направляется родственникам погибшего.

7. Родственники заполняют заявления «О вывозе животного» и «О передаче животного в принимающую семью» и направляют документы в организацию в электронном виде с электронной подписью.

8. При наличии связи со сослуживцами или подтвержденного местонахождения животного группа выезжает либо в экстренном порядке (тяжелое состояние животного, необходимость специализированной ветеринарной помощи) или в порядке очереди (при условии, что животное сможет находиться в данном районе на протяжении предполагаемого периода). При отсутствии подтвержденного местонахождения животного и связи с сослуживцами, информация направляется в группу, которая осуществляет выезд в ближайший район и используя ориентировку на животное опрашивает военных, жителей о возможном местонахождении. Необходимая поправка, что в случае отсутствия информации о нахождении животного – этот запрос не будет первым приоритетом при угрозе жизни и здоровья группы вывоза или эвакуированным животным.

Далее организация работает по своей внутренней отработанной системе по транспортировке, лечению и передачи животного в принимающую семью.

Вышеуказанный процесс будет иметь положительный исход и при отсутствии каких-либо противоречий и конфликтов в процессе эвакуации животного. Для предупреждения конфликтов с военнослужащими (рассматривая ситуацию, в которой острой проблемой встает вопрос собственности животного), предлагается следующий регламент:

- при возникновении конфликта, где отказываются передавать животного (далее – конфликт), на стадии составления плана, руководителю запрещается вступать в прямую полемику, провести обсуждение объясняя

важность вывоза животного и его нахождения в безопасности. В случае полного отказа о передачи животного родственники составляют жалобу в военную прокуратуру;

- при возникновении конфликта во время факта личной встречи руководитель не вступает в открытую полемику, объясняет объективные причины необходимости эвакуации животного, в случае угроза жизни и здоровья прекращает диалог. О факте отказа передачи животного родственники формируют жалобу в военную прокуратуру;

- при проявлении признаков жестокого обращения с животным или насильного удерживания его в крайне тяжких санитарных условиях руководитель составляет соответствующий протокол со списком понятых, свидетелей (для дальнейшего привлечения к ответственности). При отказе руководителя подразделения как-либо повлиять на условия содержания животного и препятствию эвакуации, формируется протокол о нарушении, который далее направляется в военную прокуратуру.

Ситуации насильного удержания животного, которое по вышеуказанному «Регламенту приобретения животного в зоне боевых действий» является собственностью – прямое нарушение Конституции Российской Федерации «формирование в обществе ответственного отношения к животным» [3]. Дальнейшая дача заявления от родственников должна идти в военную прокуратуру, тут же определяется роль и значимость наличия Омбудсмана в этом механизме.

После гибели военнослужащего возникает правовой вакуум и ряд нестыковок животное не зарегистрировано, владельца по документам нет, воинская часть не обязана заниматься эвакуацией животных, а родственники погибшего не могут самостоятельно попасть в зону боев.

В данной ситуации Уполномоченный будет выступать гарантом, обеспечения защиты интересов семьи погибшего и прямое осуществление Конституционного права. Необходимость Омбудсмана возрастает в ситуациях, когда военная прокуратура может отказать в рассмотрении жалобы, аргументируя свое решение ранее перечисленными нестыковками, отсутствием состава преступления или же при вынесении решения военного суда не в пользу родственников погибшего.

Все данные об отказе военных прокуратур, решений военных судов или жалобы о многочисленных препятствиях в вывозе животного со стороны командира подразделения рассматриваются Омбудсменом, получив их в заявлении от семей погибших. Далее Уполномоченный фиксирует заявление, как нарушение ст. 144 пункта 1, подпункта е5 Конституции Российской Федерации «о формировании в обществе ответственного отношения к

животным» и нарушение прав граждан на получение помощи в реализации процедур, связанных с эвакуацией животного.

Уполномоченный направляет официальный запрос в воинскую часть, в штаб группировки войск или в пограничную службу для получения доступной информации в соответствии с Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 №1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» ст. 21 «...с необходимостью защиты интересов лиц, не способных самостоятельно использовать правовые средства защиты, Уполномоченный вправе принять по собственной инициативе соответствующие меры в пределах своей компетенции» [8].

Таким образом, Омбудсмен выступает в роле защиты прав семьи погибшего солдата на передачу его собственности, в конкретном случае животного, согласовывая передачу животного волонтерам.

Эвакуация животного – это способ защиты прав семьи погибшего на сохранение имущества, памяти и ценностей солдата.

Все вышеуказанные пункты о механизме действия НКО предлагается закрепить в едином систематизированном виде в Положении «О закреплении особого статуса социальных некоммерческих организаций, занимающихся деятельностью по вывозу животных из зон боевых действий в период специальной военной операции на Украине».

Важным фактором в работе организаций является их популяризация, это необходимо чтобы родственники находящихся в приводимой ранее ситуации понимали куда конкретно стоит обращаться. Для выполнения этой цели и дополнительной поддержки деятельности организаций предлагается проводить информационные семинары для студентов старших курсов кинологических и ветеринарных образовательных учреждений с возможностью добровольного участия в деятельности организаций (необязательно в составе групп выезда), с теми или иными мерами поощрения. Организация и участие в конференциях, проводимых с участием Омбудсмана по тематике «Защита прав граждан в реализации гуманитарных процедур, связанных с эвакуацией животного» и в похожей тематике для студентов юридических специальностей и других.

Подводя итог, отметим острую необходимость в создании механизма нормативно-правового регулирования для эвакуации животных из зоны СВО, используя существующие НКО, была определена роль и необходимость Уполномоченного по правам человека в осуществлении работы данного механизма. В рамках этого обширного вопроса был представлен регламент действия для родственников умершего солдата, желающих забрать себе ранее подобранное погибшим животное, регламент по приобретению

безнадзорного животного в зоне боевых действий и порядок участия Омбудсмана в данном вопросе.

Список цитируемой литературы

1. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил проведения эвакуационных мероприятий при угрозе возникновения или возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 19.09.2022 г. №1654 (ред. от 19.09.2022). – Режим доступа: <https://base.garant.ru/405334477/>. (Дата обращения 18.11.2025).
2. Постановление Правительства РФ «О порядке эвакуации населения, материальных и культурных ценностей в безопасные районы» от 22.06.2004 г. №303 (ред. от 01.01.2006). – Режим доступа: <https://ximza.ru/upload/iblock/3e9/odio5g69exv2u7rbw7m2sw6vjsesraqc.pdf>. (Дата обращения 18.11.2025).
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2024). - Режим доступа: <https://golnk.ru/ezLNQ>. - (Дата обращения 21.11.2005).
4. Через Воронеж к новым семьям: как под обстрелами волонтеры вывозят из зоны СВО домашних животных. // РИА Воронеж. – 2025. - URL : <https://golnk.ru/RA35d>. (Дата обращения: 20.11.2025).
5. Спасение животных из зоны СВО: интервью главы НКО «Кошкин дом». // Коммерсантъ. – 2024. - URL : <https://golnk.ru/Awr85>. (Дата обращения: 21.11.2025).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.94 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 - действует с 01.08.2025). – Режим доступа: <https://golnk.ru/gaEO5>. (Дата обращения 23.11.2025).
7. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 №7-ФЗ (ред. от 31.07.2025). – Режим доступа: <https://golnk.ru/lg3dO>. (Дата обращения: 24.11.2025).
8. Федеральный конституционный закон «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» от 26.02.1997 №1-ФКЗ (ред. от 29.05.2023). – Режим доступа: <https://golnk.ru/DVQLl>. (Дата обращения: 27.11.2025).

Яровая Карина Ростиславовна

студент Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель:

Гетьман Ксения Алексеевна

ассистент кафедры теории и истории государства и права

Юридического института НИУ «БелГУ»

(Белгород, Россия)

МЕТАВСЕЛЕННЫЕ В ФОКУСЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Аннотация: Статья посвящена исследованию трансформации юридической техники и конституционно-правового регулирования в условиях развития метавселенных. Обосновывается тезис о необходимости конституционализации виртуальных пространств, в которых формируются новые общественные отношения. В работе анализируются ключевые вызовы для права, порожденные спецификой метавселенных: перманентный правовой лаг, автоматизация отношений через смарт-контракты, коллизии юрисдикций и анонимность участников. Предлагается комплекс новых инструментов юридической техники, включая алгоритмическое регулирование (RegTech), легитимацию технологических стандартов, проактивное нормотворчество и международную гармонизацию, как необходимое условие для построения правового порядка в цифровой среде.

Ключевые слова: юридическая техника, метавселенные, конституционализация, цифровые права, смарт-контракты, алгоритмическое регулирование (RegTech), правовой лаг.

Витрук Н.В. писал, «конституционализация есть нарастающий процесс реализации конституционных установлений (принципов, норм и др.) в экономике, в политической и культурной, духовной жизни страны, во внутренней и внешней политике государства, направленной на обеспечение (гарантирование), охрану и защиту прав, свобод, законных интересов и обязанностей человека и гражданина» [1, с. 233]. В современных условиях этот процесс закономерно распространяется на цифровую сферу, сталкиваясь с принципиально новым вызовом – необходимостью конституционализации виртуальных пространств и метавселенных, где формируются новые формы общественных отношений, требующие адекватного правового опосредования.

В эпоху стремительного развития метавселенных и цифровых пространств возникает принципиально новая задача для юридической

техники и конституционного регулирования – обеспечение правового порядка в виртуальных мирах и закрепление цифровых прав пользователей. Конституция Российской Федерации [2] как основной правовой документ государства должна адаптироваться к реалиям метaprостранств, формируя понятия цифровой правосубъектности, определяя границы и объемы цифровых прав и свобод, а также обеспечивая баланс между инновационным развитием и защитой личности в виртуальной среде. Внедрение специализированных конституционных норм, регулирующих деятельность в метавселенных, позволит создать устойчивую правовую основу для цифровых сообществ, где права субъектов взаимодействия будут защищены наравне с традиционными гражданскими правами.

Цифровая трансформация современного общества достигла этапа, когда виртуальные пространства перестают быть просто инструментом коммуникации, превращаясь в полноценную среду для социально-экономических взаимодействий. Метавселенная – пространство в виртуальном мире, где активно взаимодействует огромное сообщество людей. Наиболее популярными метавселенными на сегодня считаются Horizon Worlds, CeeK city, Baidu Xi Rang, Facebook, Decentraland, Arconia, Roblox. В целом импонирует подход, согласно которому метавселенную следует понимать как цифровое пространство, основанное на принципах технологий NFT (невзаимозаменяемый токен) и блокчейн и иных прорывных технологиях, включающее в себя цифровую диффузию, позволяющую совместить все элементы глобальной цифровой среды и возможность бесшовного взаимодействия пользователя на различных участках всемирного веб-пространства, базирующееся на экономически обоснованных способах построения бизнес-моделей и инструментов для производства и взаимообмена благами. Развитие метавселенных – устойчивых виртуальных пространств, где пользователи взаимодействуют через цифровые аватары – требует фундаментального переосмысления традиционных подходов к юридической технике [3, с.12].

Эффективное функционирование юридической техники в условиях метавселенных требует кардинальной адаптации к ряду фундаментальных особенностей этой новой цифровой среды. В первую очередь, правовые механизмы должны учитывать высокую динамику изменений, при которой технологические платформы и модели взаимодействия эволюционируют быстрее, чем традиционные законодательные процессы. Это создает ситуацию перманентного правового лага, когда нормативное регулирование постоянно отстает от возникающих реалий.

Ключевым следствием этой динамики является повсеместная автоматизация правовых отношений через смарт-контракты. Данная технология трансформирует классические договорные конструкции в самоисполняемый код, что, с одной стороны, повышает эффективность, а с другой – ставит сложные вопросы перед юриспруденцией: как квалифицировать ошибку в коде, обеспечивать защиту слабой стороны и толковать условия договора, лишенные гибкости традиционных правовых норм.

Указанные проблемы усугубляются глобальным характером взаимодействий в метавселенных. Стирание географических границ порождает коллизии юрисдикций, когда участники из разных стран, подчиненные разным правовым системам, вступают в правовые отношения на единой виртуальной площадке. Это делает критически важным развитие международных правовых стандартов и механизмов трансграничного признания и принудительного исполнения решений.

Наконец, повсеместная анонимность участников бросает вызов базовым принципам правосудия, таким как идентификация сторон и установление их правосубъектности. Обеспечение доказательственности действий, установление вины и, как следствие, реальная защита прав пользователей становятся крайне сложными задачами, требующими разработки новых цифровых инструментов верификации и идентификации, которые бы балансировали между необходимостью обеспечения доверия и сохранением приватности [4, с.210].

Таким образом, вызовы, стоящие перед юридической техникой в эпоху метавселенных, носят системный и фундаментальный характер. Они требуют не просто точечных изменений, а формирования новой парадигмы правового регулирования, гибко интегрирующей традиционные юридические конструкции с технологическими инновациями.

Развитие новых инструментов юридической техники в эпоху метавселенных становится не опцией, а насущной необходимостью. В их числе ключевое значение приобретает алгоритмическое регулирование (RegTech), подразумевающее создание правовых норм, изначально предназначенных для исполнения с помощью алгоритмов и смарт-контрактов, что потребует разработки специального языка, понятного как юристам, так и машинам.

Параллельно требуется легитимация технологических стандартов как источника права, когда государство, выполняя роль арбитра, признает и инкорпорирует в правовое поле наиболее справедливые и безопасные технические стандарты, разрабатываемые сообществами и корпорациями.

Одновременно необходим переход к проактивному нормотворчеству, основанному на прогнозировании технологических трендов и правовых рисков, включая создание «регулятивных песочниц» для тестирования новых правовых моделей.

Наконец, успех этих усилий невозможен без активной международной гармонизации, то есть разработки международных конвенций и трансграничных технико-правовых стандартов, которые позволят преодолеть коллизию юрисдикций и обеспечить единообразную защиту прав пользователей по всему миру.

Список цитируемой литературы:

1. Витрук, Н. В. Верность Конституции : Монография / Н. В. Витрук. – Москва : Российский государственный университет правосудия, 2016. – 272 с. – ISBN 978-5-93916-528-0. – EDN ZUYAJV.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 05.11.2025)
3. Талапина, Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Э. В. Талапина // Журнал российского права. 2018. № 2(254). С. 5-17. – DOI 10.12737/art_2018_2_1. – EDN YNJEIF.
4. Кондаков, А. М. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы / А. М. Кондаков, А. А. Костылева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2019. Т. 16, № 3. С. 207-218. – DOI 10.22363/2312-8631-2019-16-3-207-218. – EDN JFIWJJ.

Равбышко Руслан Викторович,

следователь по особо важным делам

Следственного управления УМВД России по Белгородской области

(Белгород, Россия)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена вопросу конституционно-правового регулирования волонтерской деятельности в Российской Федерации, получившему новый импульс развития после конституционных поправок

2020 г. Цель работы – анализ формирующейся системы правовых основ добровольчества, включая конституционные нормы, отраслевое законодательство и подзаконные акты, с акцентом на выявление их взаимосвязи и тенденций развития. В результате исследования автор приходит к выводу о формировании многоуровневой системы регулирования, где общие нормы Федерального закона «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» детализируются подзаконными нормативными правовыми актами (в частности, для территорий с особыми условиями). Статья содержит ряд авторских предложений по дальнейшему совершенствованию правового регулирования в исследованной сфере.

Ключевые слова: волонтерская деятельность, добровольчество, источник права, федеральный закон, указ, правовой статус, гражданское общество.

В настоящее время волонтерская деятельность в России в юридическом аспекте проходит институциональное становление и востребованное включение различными видами общественных отношений. Мы солидарны с высказанным мнением о то, что эти процессы способствуют развитию гражданского общества [1, с. 45-49].

Практическим подтверждением высказанного тезиса являются актуальные статистические материалы. Так, по открытым данным единой информационной системы «Добро.рф», по состоянию на конец 2025 г. в стране число зарегистрированных добровольцев (волонтеров) превысило 9,3 млн. человек, а количество организаторов такой деятельности приблизилось к отметке 188 тыс.

Кроме того, увеличивается количество добровольцев (волонтеров), участвующих в деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (далее – СОНКО). В 2024 г., по данным Росстата, их численность составила 4,8 млн. человек, что почти на миллион человек больше показателя 2023 г. Ведомство также обращает внимание, что на начало 2025 г. в стране действовало более 135 тыс. СОНКО, годом ранее это значение составляло 130,5 тыс. организаций [2].

Интерес ученых-правоведов к исследованию волонтерской деятельности связан с легализацией в 2020 г. в Конституции России полномочия Правительства Российской Федерации по осуществлению мер по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности (п. «е.2» ст. 114) [3]. Данная поправка стала новым импульсом в развитии законодательства. В частности, заложены «основы правового регулирования

благотворительной и добровольческой (волонтерской) деятельности, определяет возможные формы ее поддержки органами государственной власти и органами местного самоуправления, особенности создания и деятельности благотворительных организаций в целях широкого распространения и развития благотворительной и добровольческой (волонтерской) деятельности в Российской Федерации» [4].

На уровне Федерального закона дано определение добровольческой (волонтерской) деятельности как «добровольной деятельности в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг» [4] в формализованных целях (ст. 1).

Позднее в 2022 г. после присоединения к Российской Федерации четырех новых субъектов был принят Указ Президента Российской Федерации «О поддержке волонтерской деятельности на территориях отдельных субъектов Российской Федерации» [5]. На наш взгляд, сам факт принятия главой государства нормативного правового акта, посвященного данной деятельности, говорит о ее важности. Указ Президента Российской Федерации от 30.04.2022 г. № 247 содержательно дополнил Федеральный закон от 11.08.1995 г. № 135-ФЗ в следующих ключевых моментах.

1) Субъектно-территориальная конкретизация и институционально-организационное изменение. Так, в Федеральном законе от 11.08.1995 № 135-ФЗ установлены общие правовые основы. В Указе от 30.04.2022 г. № 247 выделена особая категория территорий (ДНР, ЛНР, Крым, приграничные регионы Российской Федерации), где волонтерская деятельность связана с повышенными рисками (военные действия, последствия боевых действий, гуманитарные кризисы). Также Указ вводит централизованную систему управления через Росмолодежь и Ассоциацию «Добро.рф», что выходит за рамки общего регулирования специальным федеральным законом и предполагает особый государственный контроль и координацию. Таким образом, легализован специальный режим для зон «особой социальной значимости и риска», дополняющий Главу 2 Федерального закона от 11.08.1995 г. № 135-ФЗ.

2) Правовое закрепление расширенных мер социальной защиты волонтеров, считаем ключевым дополнением Федерального закона от 11.08.1995 г. № 135-ФЗ, поскольку его ст. 17.1 лишь в общем виде обязывает организаторов волонтерской деятельности осуществлять страхование жизни и здоровья волонтеров от несчастных случаев. Указ от 30.04.2022 г. № 247 вводит конкретные финансовые гарантии. Это качественно новый уровень защиты, приближающий статус волонтеров на этих территориях к статусу лиц, выполняющих задачи в условиях чрезвычайной ситуации или

вооруженного конфликта. Указ фактически создает специальный публично-правовой статус для данной категории волонтеров с уникальным пакетом гарантий.

3) Формализация процедур отбора и подготовки. В Федеральном законе от 11.08.1995 г. № 135-ФЗ говорится об общем порядке подготовки волонтеров. В Указе от 30.04.2022 г. № 247 содержится императив для Росмолодежи и «Добро.рф» определить специальный порядок отбора и подготовки, исходя из приоритета безопасности волонтеров и эффективности их работы.

С точки зрения правовой природы и места в системе источников права, представляется важным уточнить, что заявленный Указ является подзаконным нормативным правовым актом, изданным главой государства в рамках его полномочий по определению основных направлений внутренней политики (ст. 80 Конституции Российской Федерации). Он действует в единстве с Федеральным законом от 11.08.1995 г. Но, вместе с тем, как видим, детализирует общие нормы закона применительно к специальным ситуациям; вводит дополнительные меры поддержки, усиливающие закон; поручает Правительству Российской Федерации (п. 6) разработать необходимые административные регламенты, создавая трехуровневую систему регулирования (Федеральный закон – Указ Президента Российской Федерации – Постановление Правительства Российской Федерации).

Представленные конституционные нормы, положения приведенных законодательного и подзаконного акта не исчерпывают систему источников, регулирующих волонтерскую деятельность. Однако составляют ее основу.

В заключении проведенного исследования, полагаем целесообразны два ключевых тезиса. Первый – необходимость разработки юридической наукой базового понятийно-категориально ряда волонтерской деятельности; статуса субъектов, многообразия объектов и содержания соответствующих правоотношений, их классификации и надлежащего правового регулирования.

Второй тезис раскрывает авторские прикладные предложения:

- внести дополнения в Федеральный закон № 135-ФЗ, закрепив в отдельной статье возможность установления особых правовых режимов поддержки и социальной защиты волонтеров, осуществляющих деятельность в условиях повышенного риска (зоны вооруженных конфликтов, чрезвычайных ситуаций, гуманитарных катастроф);

- разработка модельного регламента межведомственного взаимодействия (Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий

стихийных бедствий, Министерство обороны Российской Федерации (в части безопасности), Министерство здравоохранения Российской Федерации, Федеральное агентство по делам молодежи Российской Федерации) при организации волонтерской деятельности в особых условиях.

Список цитируемой литературы

1. Улюмджиева Л.В. О развитии добровольчества в современной России // Вестник ИКИАТ. 2020. № 2 (41). С. 45-49.
2. Число добровольцев в России в 2025 году превысило 9 млн человек // https://www.economy.gov.ru/material/news/chislo_dobrovolcev_v_rossii_v_2025_godu_prevysilo_9 mln_chelovek.html (дата обращения 16.01.2026 г.).
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.
4. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (ред. от 28.12.2025 г.) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.
5. Указ Президента РФ от 30.04.2022 г. № 247 «О поддержке волонтерской деятельности на территориях отдельных субъектов Российской Федерации» (ред. от 05.08.2025 г.) // СЗ РФ. 2022. № 18. Ст. 3056.

**КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ:
СИМБИОЗ НАУКИ И ПРАКТИКИ**

Ответственный редактор – профессор М.В. Мархгейм

Подписано в печать 22.12.2025
Бумага офсетная. Усл. печ. листов 25,18
Тираж 100 экз. Заказ № 1140-21.

Отпечатано в типографии ООО «ГиК»,
г. Белгород, ул. Калинина, 38-а,
Тел. (4722) 58-71-25 www.gikprint.ru girichev69@mail.ru
Св-во 001071155 от 13.04.2005 г.